

современная криминалистика

А.Ю. Головин

**КРИМИНАЛИСТИЧЕСКАЯ
СИСТЕМАТИКА**

А. Ю. Головин

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКАЯ СИСТЕМАТИКА

Москва
«ЛексЭст»
2002

УДК 343.98

ББК 67.629.4

Г 611

Г 611 Головин А.Ю. Криминалистическая систематика

Монография. Под общей редакцией заслуженного деятеля науки Российской Федерации, доктора юридических наук, профессора Н. П. Яблокова.

ISBN 5-901638-16-6

В предлагаемой монографии рассматриваются научные основы криминалистической систематики как элемента общей теории криминалистики, анализируются проблемы системного устройства современной криминалистики и ее понятийно-терминологического аппарата, рассматриваются актуальные проблемы систематизации научного знания об объектах познания криминалистики (преступной деятельности и деятельности по раскрытию, расследованию и предупреждению преступлений).

Монография рекомендуется научным работникам, преподавателям, аспирантам (адъюнктам) и студентам (курсантам, слушателям) высших юридических учебных заведений, а также работникам правоохранительных органов.

УДК 343.98
ББК 67.629.4

ISBN 5-901638-16-6

© Головин А.Ю., 2002

О Яблоков Н.П. (предисловие), 2002

© ЗАО «ЛексДест», 2002

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	5
Введение	8
Глава 1. Научные основы криминалистической систематики	11
§1. Общеметодологические основы системных исследований в современной криминалистической науке.	11
§2. Теоретические основы криминалистической систематики и ее место в системе криминалистики.	20
§3. Сущность и особенности криминалистической классификации как разновидности систематизации научного знания.	33
§4. Понятие, построение, представление и виды классификационных систем в криминалистике.	52
Глава 2. История развития и современные проблемы системного и понятийно-терминологического устройства криминалистической науки	66
§1. Исторические аспекты развития системы криминалистики.	66
§2. Современная система криминалистической науки, ее критика и тенденции развития.	72
§3. Понятийно-терминологическая система (язык) криминалистики как объект криминалистической систематики _____	95
Глава 3. Актуальные направления криминалистических системных исследований преступной деятельности	108
§1. Структура, механизм и криминалистическая характеристика преступления как объекты криминалистической систематики _____	108

V. Некоторые аспекты криминалистической классификации преступлений	133
§3. Противодействие расследованию преступлений как объект криминалистических системных исследований	144
Глава 4. Деятельность по раскрытию и расследованию преступлений как объект криминалистической систематики	175
§1. Общая структура деятельности по раскрытию и расследованию преступлений	175
§2. Действия лица, производящего расследование, как объекты криминалистической систематики	187
§ 3. Систематика следственных ситуаций	225
§4. Системы тактических задач и тактических решений как аналитико-мыслительных элементов деятельности по раскрытию и расследованию преступлений	252
§5. Систематика криминалистических версий	269
§6. Системный подход к изучению тактических ошибок в расследовании преступлений и формированию методики их выявления и устранения	287
Приложения	306

ПРЕДИСЛОВИЕ

В последние десятилетия в криминалистическом научном знании все большее значение стали приобретать системные исследования. Развитие современной криминалистики напрямую связано с развитием системных средств и методов познания внутри науки, активным заимствованием и приспособлением для решения стоящих перед криминалистикой задач системных технологий из других областей научного знания. Отсутствие единых научных основ системного подхода в криминалистической науке порождает высокий субъективизм результатов системных исследований, разногласия в определении криминалистических категорий и понятий, дискуссии о системе современной криминалистики и ее отдельных частей. В этой связи в числе основных задач современной криминалистической теории остается уточнение целей и принципов применения системного подхода в криминалистике, формирование научных основ системных исследований, унификация существующих и разработка новых криминалистических категорий, понятий и терминов, сохранение структуры и системности криминалистической науки. На решение именно этих задач и направлена настоящая монография. Ее автор уже продолжительное время занимается проблемами системных исследований в криминалистике. В работе подводится определенный итог исследований в указанной области.

В первой части данной работы достаточно детально рассматриваются общеметодологические основы системных исследований, раскрываются сущность и содержание криминалистической систематики как формирующегося структурного элемента общей теории криминалистики, определяются принципы и задачи системных исследований в современной криминалистике. Особое внимание отводится такому направлению систематизации криминалистического научного знания, как классификация, уточняются понятие и процедура построения криминалистических классификационных систем, определяются их виды.

Должное внимание в монографии отводится рассмотрению исторических аспектов развития системы криминалистики. При этом обозначаются современные проблемы системного устройства криминалистической науки, анализируются представленные в юридической

литературе критические взгляды на четырехэлементную систему криминалистики, а также новые концепции структуры криминалистической науки. Соответственно дается их оценка, намечаются тенденции и принципы развития современной системы криминалистики. Существенный интерес представляет проведенный в работе системный анализ понятийно-терминологического устройства криминалистики, показана взаимосвязь системных средств и методов и языка криминалистической науки.

Интересен раздел работы, посвященный криминалистическим системным исследованиям преступной деятельности. Особого внимания при этом заслуживают результаты проведенного автором системного исследования и обобщения представлений о преступной деятельности, ее механизме и криминалистической характеристике. Научно и практически значимыми являются выводы и предложения по уточнению и решению ряда дискуссионных проблем, сопутствующих изучению и классификации преступной деятельности. Должного внимания заслуживают результаты системных исследований противодействия раскрытию и расследованию преступлений, результаты которых подтверждаются данными специально проведенного автором эмпирического исследования.

Применительно к деятельности по раскрытию и расследованию преступлений в монографии с учетом нового уголовно-процессуального законодательства раскрывается ее структура, рассматриваются основные элементы. При этом анализируются и уточняются системные представления о различных действиях следователя, предлагаются новые системные и классификационные конструкции, определяются пути систематизации следственных действий и тактических приемов, уточняются понятия тактических комбинаций и операций, показывается их соотношение и обозначаются виды.

Научное и практическое значение имеют и проведенные автором системные исследования следственных ситуаций и их отдельных видов, и особенно предлагаемые пути совершенствования классификационного аппарата следственных ситуаций, возможности его использования в практической деятельности. Это особенно важно в свете того большого внимания, которое уделяется в криминалистике анализу ситуационного подхода к решению многих криминалистических задач, формированию теории криминалистической ситуологии.

Достоинством работы является и то, что в ней акцентируется внимание на рассмотрение аналитико-мыслительных элементов деятель-

ности по раскрытию и расследованию преступлений. В частности, по результатам проведенного автором исследования уточнены понятия тактических задач и решений, раскрыты их виды, проведен анализ классификационного аппарата криминалистических версий. При этом выражен довольно интересный авторский взгляд на систему частных криминалистических версий, классификацию версий по субъекту их выдвижения с учетом изменения уголовно-процессуального законодательства, а также на значение аналитико-мыслительных систем в практической правоохранительной деятельности. Определенного внимания заслуживают и результаты системных исследований такого недостаточно пока изученного криминалистикой явления, как тактическая ошибка, раскрыты системные основы методики выявления и устранения тактических ошибок в расследовании преступлений.

Содержание работы свидетельствует о том, что базируется на изучении и анализе обширной литературы по рассматриваемым проблемам, собранном автором интересном эмпирическом материале. Конечно, эта интересная работа не лишена ряда дискуссионных моментов по целому ряду выдвинутых в ней вопросов. Но это свойство любой научной работы, особенно посвященной исследованию еще недостаточно разработанных в криминалистике проблем, имеющих не только теоретическое, но и должное практическое значение.

Думается, что в монографии читатель найдет весьма обширную информацию для размышлений по всем затронутым в ней проблемам, и в частности, по поводу уяснения сущности и назначения криминалистической систематики, основных направлений, принципов и задач криминалистических системных исследований, системы криминалистики и отдельных ее разделов, структурного устройства понятийно-терминологического аппарата (языка) криминалистической науки, ключевых криминалистических категорий и понятий, а также их классификации на отдельные виды.

Работа будет полезна широкому кругу читателей, включая научных работников, преподавателей, студентов и слушателей юридических вузов, проявляющих интерес к криминалистике, а также следователей, прокуроров, оперативных работников, судей и адвокатов.

Н. П. Яблоков
заведующий кафедрой криминалистики
МГУ им. М. В. Ломоносова
заслуженный деятель науки России,
доктор юридических наук, профессор

ВВЕДЕНИЕ

Последнее десятилетие явилось этапом коренных изменений в социально-экономической и политической жизни нашего общества. Процесс возрождения России как сильного и независимого государства связан с преодолением немалых трудностей. В частности, существенные помехи деятельности государства и нормальной общественной жизни создает преступность, многократно возросшая за последние годы. Именно на этот фактор указал в своем выступлении на коллегии Генеральной прокуратуры Российской Федерации Президент Российской Федерации В. В. Путин, отметив, «что ситуация с преступностью в стране остается тяжелой. В 2001 году зарегистрировано около трех миллионов преступлений, причем увеличивается доля тяжких и особо тяжких. Убийства, похищения людей, разбойные нападения, грабежи становятся чуть ли не рядовым фактом нашей жизни. Организованная преступность по-прежнему контролирует значительную часть экономики страны. Это чувствуют на себе практически все категории граждан во всех регионах России»¹. При этом в качестве одной из приоритетных задач борьбы с преступностью Президентом РФ было названо повышение качества работы правоохранительных органов.

Действительно, в последние годы правоохранительные органы сталкиваются не только с ростом преступности, но и появлением новых ее форм, способов совершения преступлений, проявлениями коррупции, активным противодействием расследованию преступлений. К сожалению, к новым условиям борьбы с преступностью российские правоохранительные органы адаптируются крайне медленно. В этом отношении пока в долгу перед практиками криминалистическая наука, призванная разработать научно обоснованные рекомендации, соответствующие особенностям раскрытия и расследования преступлений в современных условиях.

Отметим, что криминалистическая наука довольно оперативно реагирует на потребности практики борьбы с преступностью. В по-

---

¹ Выступление Президента Российской Федерации В. В. Путина на коллегии Генеральной прокуратуры Российской Федерации 11 февраля 2002 года// Официальный сайт Президента Российской Федерации (www.kremlin.ru).

следние годы осуществлено немало научно и практически значимых исследований различных криминалистических проблем. Однако проведенный анализ позволяет говорить о том, что далеко не все из них имеют под собой единую теоретико-методологическую основу, что в ряде случаев затрудняет дальнейшее применение выработанных рекомендаций и предложений. В частности, речь идет об использовании системных методов и средств в криминалистических научных исследованиях и представлении их результатов.

В последние десятилетия системные исследования в криминалистике стали приобретать все большее значение. Нетрудно установить основные причины этого. Во-первых, как и у большинства иных областей научного знания, объектом познания современной криминалистики выступают множества взаимосвязанных элементов, подсистем, систем, составляющих преступную деятельность и деятельность по ее раскрытию, расследованию и предупреждению. Во-вторых, рассмотрение криминалистики как системы научного знания возможно лишь при условии ее системности и организованности. В-третьих, развитие современной криминалистики напрямую связано с развитием системных средств и методов познания внутри науки, активным заимствованием и приспособлением для решения стоящих перед криминалистикой задач системных технологий из других областей научного знания. В-четвертых, отсутствие системной основы в формировании и представлении криминалистических знаний и рекомендаций существенно затрудняет их применение на практике.

В то же время, широкое внедрение в криминалистику науки системных средств и методов обуславливает появление ряда методологических трудностей, связанных с отсутствием обобщающей концепции системных исследований в данной области научного знания. Это тем более важно, что и в общенаучной литературе до сих пор отсутствует единое понимание как принципов системного подхода, статуса общей теории систем, так и таких исходных понятий, как «система», «структура», «системные связи», «классификация» и пр. Отсутствие единых научных основ системного подхода в криминалистической науке порождает, в свою очередь, высокий субъективизм результатов системных исследований, разногласия в определении криминалистических категорий и понятий, дискуссии о системе современной криминалистики и ее отдельных частей. В этой связи в числе основных задач современной криминалистической систематики следует назвать:

- формирование научных основ применения системного подхода в криминалистике;

- унификацию существующих и разработку новых криминалистических категорий, понятий и терминов, раскрытие системного характера языка современной криминалистики;

- сохранение структуры и системности криминалистической науки;

- определение актуальных направлений и особенностей системных исследований объекта криминалистической науки;

- разработку новых и уточнение имеющихся криминалистических систем;

- внесение предложений по использованию криминалистических систем в практической деятельности правоохранительных органов.

На решение именно этих задач было направлено проведенное научное исследование, результаты которого получили отражение в настоящей работе. Надеемся, что данная монография сыграет положительную роль в дальнейшем развитии криминалистической науки, будет способствовать повышению эффективности научной деятельности и правоохранительной практики.

ГЛАВА 1. НАУЧНЫЕ ОСНОВЫ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ СИСТЕМАТИКИ

§1. Общеметодологические основы системных исследований в современной криминалистической науке

Системные исследования уходят своими корнями в историю развития научного знания. Философские взгляды таких мыслителей Древней Греции, как Фалес, Анаксимандр, Гераклит, Пифагор, Демокрит, уже были одними из первых учений о структуре, организации как мира в целом, так и отдельных его явлений. Как отметил Л. А. Петрушенко, древняя атомистика - это первая серьезная предпосылка современной теории систем¹.

Философский анализ систем и системности присутствует в произведениях Ф. Бекона, П. Гассенди, Э. Кондильяка, Д. Милля, Гегеля, К. Маркса и других философов и ученых. Формирование современной теории систем пришлось на 50-е - конец 70-х годов XX столетия. Значительный вклад в ее развитие внесли Р. Акофф, Л. Бергаланфи, К. Боулдинг, В. Г. Афанасьев, И. В. Блауберг, Б. М. Кедров, С. С Розова, А. И. Уемов, Ю. А. Урманцев, В. Н. Садовский, В. С. Тютин, Э. Г. Юдин и другие ученые.

Интерес, проявляемый к проблемам применения системного анализа в процессе научного познания, неувидителен. Любая отрасль знаний может рассматриваться как наука только в том случае, если она имеет ряд специальных признаков, в частности:

1. Наука является систематизированным, организованным знанием.
2. Для научного знания необходимо, чтобы научные утверждения находились не в любой последовательности, а в логически необходимой связи, чтобы они представляли собой логически организованную систему.
3. Средством выражения логически организованной системы научно выступает специальная форма искусственного языка.
4. Наука как знание представляет собой систему или системы теорий, определяющихся и проверяющихся критерием практики.

¹ См.: Петрушенко Л. А. Единство системности, организованности и самодвижения. - М, 1975.

71 - 65

133 - 143

5. Будучи системой теорий, наука способна объяснять многочисленные явления и связи в настоящем и предсказывать ход развития в будущем¹.

Как видим, системность науки и средств ее фиксации, формирования и выражения выступают в роли ключевых признаков любой отрасли научного знания. Не исключением является и криминалистика.

Научные основы системных исследований в криминалистике начали закладываться в 60-х годах XX столетия. Это было вызвано активным развитием в этот период общей теории систем и формированием на ее основе системных представлений о правовой науке в целом и ее отдельных областях.

Пионером в области обоснования целесообразности применения системного подхода в криминалистике справедливо считается А. И. Винберг, опубликовавший в 1969 году статью «К вопросу о методе системного (структурного) анализа при определении предмета криминалистики и соотношении ее разделов»². Вопросы использования системного подхода в научной разработке рекомендаций по борьбе с преступностью впоследствии затрагивались и другими учеными. Проведенные ими исследования убедительно показали перспективность системного подхода в изучении преступной и правоохранительной деятельности как в целом, так и на уровне ее подсистем и структурных элементов⁴. Более того, во всех исследованиях отмечается важное методологическое значение системного подхода, состоящее в значительном расширении возможностей криминалистического научного познания.

¹ См.: Штофф В. А. Проблемы методологии научного познания. - М., 1978. - С. 20.

² См.: Вопросы криминалистики и судебной экспертизы. Вып. 11. - М., 1969

³ См.: Белкин Р. С., Винберг А. И. Криминалистика. Общетеоретические проблемы. - М., 1973; Белкин Р. С. Курс криминалистики. В 3 т. Т. 1. - М., 1997; Вишин С. Е. Системный подход и преступность. - М., 1980; Явич П. С. Научно-техническая революция, право и юридическая наука // Правоведение. 1973, № 5. - С. 41.

⁴ См.: Жбанков В. А. Принципы системного подхода в криминалистике и в практической деятельности органов внутренних дел при собирании, исследовании, оценке и использовании доказательств. - М., 1977; Колдин В. Я., Полевой Н. С. Информационные процессы и структуры в криминалистике. - М., 1985; Полевой Н. С. Криминалистическая кибернетика. - М., 1989; Шепитько В. Ю. Теоретические проблемы систематизации тактических приемов в криминалистике. - Харьков, 1995; Комарков В. С. Вопросы систематизации тактических приемов в расследовании // Вопросы криминалистической методологии, тактики и методики расследования. - М., 1973. С. 72-73; Коновалов С. И. Теоретико-методологические проблемы криминалистики. - Ростов-на-Дону, 2001. - С. 23-38; Эйсмэн А. А. Заключение эксперта, структура и научное обоснование. - М., 1967 и др.

Системный подход в любом исследовании многоаспектен. Как отметил В. Г. Афанасьев, он содержит следующие аспекты или направления анализа: системно-структурный, системно-функциональный, системно-интегративный, системно-исторический¹. Разнообразен и научно-понятийный аппарат указанного подхода исследований.

Системный подход имеет особое значение для исследования социальных явлений и процессов, рассмотрения их как саморазвивающихся систем².

В связи с изложенным, представляется необходимым раскрыть основные общенаучные понятия, которые могут использоваться в ходе проведения криминалистических системных исследований. Это требуется потому, что, во-первых, на современном уровне развития системных исследований каждая частная наука применяет системный подход в соответствии со спецификой изучаемых ею явлений, конкретных объектов и возможностями своего категориального аппарата, и, во-вторых, для каждой области научного знания характерен и необходим единый унифицированный набор понятий и терминов (язык), описывающий системные процессы в науке.

В науковедческой литературе в качестве основных категорий системных исследований называются системная парадигма, системный идеал, системный метод (подход) и, собственно, система.

Системная парадигма, как правило, отождествляется с общей теорией систем (ОТС), включающей в себя предпосылки системного устройства природы и общества, основные понятия, общесистемные законы и категории.

В научной литературе выделяются четыре такие наиболее разработанные теории, названные соответственно ОТС М. Месаревича³, ОТС А. И. Умова⁴, ОТС Ю. А. Урманцева⁵ и ОТС В. Н. Садовского⁶. Из

¹ Афанасьев В. Г. Общество: системность, познание и управление. — М., 1981. — С. 21—31.

² См.: Андреев И. Д. Методологические основы познания социальных явлений. — М., 1977. — С. 203.

³ См.: Месаревич М. Основания общей теории систем // Общая теория систем. — М., 1966.

⁴ См.: Умов А. И. Методы построения и развития общей теории систем // Системные исследования. — М., 1973; Он же. Системный подход и общая теория систем. — М., 1978 и другие работы.

⁵ См.: Урманцев Ю. А. Опыт аксиоматического построения общей теории систем // Системные исследования. — М., 1972. — С. 128—152; Он же. Начала общей теории систем // Системный анализ и научное знание. — М., 1978; Он же. Общая теория систем: состояние, приложения и перспективы развития // Система. Симметрия. Гармония, — М., 1988 и другие работы.

⁶ См.: Садовский Б. Н. Основания общей теории систем. — М., 1973.

них только три последние построены на диалектико-материалистических основаниях.

В науковедческой литературе справедливо отмечается, что системные представления - это не только продуктивный и перспективный исследовательский метод, доказавший свои эвристические возможности, но и необходимое (а подчас и единственно возможное) методологическое средство научного анализа. Системные представления основываются на диалектико-материалистическом признании единства и многообразия мира, его неисчерпаемости. При этом смысл системного анализа окружающего нас мира состоит в выделении определенных систем, т.е. качественно обособленных фрагментов действительности¹. Однако важно подчеркнуть, что исследователь не навязывает системность явлению, а лишь познает, фиксирует его системные связи и отношения.

Учитывая, что именно диалектический метод лежит в основе всех криминалистических научных исследований, являясь всеобщим методом этой науки, позиции А. И. Умова, Ю. А. Урманцева и В. Н. Садовского, на наш взгляд, следует проанализировать.

А. И. Умов строит ОТС, исходя из принципа диалектической взаимосвязи, т.е. с позиций всеобщих связей и отношений. Центральное понятие ОТС - понятие системы - формулируется им, основываясь на трех философских категориях: вещь, свойство, отношение. Теория систем А. И. Умова раскрывается и конкретизируется с помощью таких всеобщих понятий, как «системные параметры» и «системные закономерности», представляющие устойчивые сочетания системных параметров по два, три и более. При этом системные закономерности выявляются преимущественно в ходе эмпирических исследований, чем значительно ограничиваются теоретические возможности системных исследований.

Ю. А. Урманцев в качестве исходного методологического принципа своей ОТС использует ядро диалектики - закон единства и борьбы противоположностей и диалектику в целом как учение о развитии. В его варианте ОТС системными средствами исследуются способы существования, изменения, преобразования систем природы, общества и мышления; формулируются законы системосинтеза - преобразования и развития систем. Идеи Ю. А. Урманцева были поддержаны в работах В. С. Тюхтина².

¹ См.: Самбулов Э. А. Диалектика основных категорий системного анализа // Методологические проблемы конкретных наук. - Новосибирск, 1984. - С. 69.

² См.: Тюхтин В. С. О подходах к построению общей теории систем // Системный анализ и научное знание. - М., 1978. - С. 42-60.

ОТС В. Н. Садовского по своему содержанию во многом близка к ОТС А. И. Умова, однако он сделал акцент на том, что основная функция ОТС состоит в разработке общих принципов знания о системных объектах. По его мнению, предметные (используемые лишь в определенных областях научного знания) теории систем являются ограниченными по предмету и используемым средствам. В. Н. Садовский выдвинул следующее требование: общая теория систем должна содержать информацию не только о материальных, но и «об идеальных, концептуальных системах, в том числе и о методологии системного исследования»¹. Это был важный шаг в разработке общей теории систем, явившийся базисом для разработки системного подхода. Он отразился и на системных исследованиях в криминалистической науке. Так, например, если в 1973 году Р. С. Белкин и А. И. Винберг писали, что «понятие системы частные науки при решении возникающих перед ними проблем используют по-разному, в соответствии со своими специфическими методами и задачами»², то в более поздних работах Р. С. Белкин отмечал, что криминалистическая систематика основывается на общих положениях системно-структурного подхода к изучению явлений действительности³.

В настоящее время достаточно обосновано положение, что системный подход к изучению объективной действительности является общенаучным междисциплинарным методологическим знанием. Он тесным образом связан и во многом произведен от общей теории систем. Он как бы реализует ее практическую функцию.

В качестве базовых науковедческих работ, содержащих теоретические положения и понятийный аппарат ОТС, следует назвать труды В. Г. Афанасьева, В. Н. Садовского, И. В. Блауберга, В. С. Тюхтина и Б. Г. Юдина⁴. Отметим, что работы именно этих ученых-научковедов положены в основу подавляющего большинства системных исследований в современной криминалистике.

¹ См.: Общая теория систем как метатеория // Вопросы философии. 1972, № 4. - С. 43.

² Белкин Р. С., Винберг А. И. Указ. соч. - С. 160.

³ См.: Белкин Р. С. Курс советской криминалистики. В 3 т. Т. 1. - М., 1977. - С. 267.

⁴ В основе этих трудов лежат ОТС В. Н. Садовского и У. А. Урманцева. См.: Афанасьев В. Г. О системном подходе в социальном познании // Вопросы философии. 1973, № 6; Он же Общество: системность, познание и управление. - М., 1981; Блауберг И. В., Садовский В. Н., Юдин Э. Г. Системный подход предпосылки, проблемы, трудности. - М., 1969; Блауберг И. В., Юдин Э. Г. Становление и сущность системного подхода. - М., 1973; Садовский В. Н. Системный подход и общая теория систем: статус, основные проблемы и перспективы развития // Системные исследования. - М., 1980.

Системный идеал является предельно концентрированным выражением системной парадигмы. Он требует представления любого объекта в виде объекта-системы в системе объектов одного и того же рода, выявления в последней специальных признаков: вещей, свойств, отношений, процессов, явлений, законов; поли- и изоморфизма, симметрии и дисимметрии, отношений противоречия и непротиворечия, всех или части форм изменения, развития, сохранения, действия, отношения материи¹. Высшим системным идеалом науки выступает ее система.

Системный метод (подход) предоставляет исследователю средства для удовлетворения требований системного идеала. Этот метод включает в себя в качестве своих подметодов также хорошо известные в науке традиционные способы изучения - экспериментальный, теоретический, индуктивный, дедуктивный и др.

Ключевым общенаучным понятием выступает понятие «система». В общенаучной и правовой литературе приводится немало формулировок этого понятия². Их анализ позволяет сделать вывод, что любое системное образование характеризуется следующим образом:

- представляет собой внутренне организованную совокупность элементов;
- выступает как единое целое по отношению к окружающей обстановке и другим системам;
- обладает качествами, не свойственными отдельным элементам системы;
- имеет определенную структуру;
- иерархично.

По мнению В. С. Молодцова, все системные образования можно подразделить на два вида: материальные и идеальные. К первому виду системных образований относят элементарные частицы, атом и его

¹ Система. Симметрия. Гармония. / Под ред. В. С. Тютютина, Ю. А. Урманцева. - М., 1988. - С. 5.

² См.: Афанасьев В. Г. О системном подходе в социальном познании // Вопросы философии. 1973, № 6. - С. 99; Белкин Р. С, Винберг А. И. Криминалистика. Общетеоретические проблемы. М., 1973 - С. 161; Вишин С. Е. Системный подход и преступность. М., 1980. - С. 14; Лузгин И. М. Реконструкция в расследовании преступлений. Волгоград, 1981. - С. 6; Малый энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона. Т. 4. М., 1994. - С. 1469; Спиркин А. Г. Вопросы философии. М., 1988. - С. 179; Уемов А. И. Система и системные параметры // Проблемы формального анализа систем. М., 1968. - С. 17; Философский словарь. / Под ред. Фролова И. Т. - С. 427; Холл А. Д, Фейджин Р. Е. Определение понятия системы // Исследования по общей теории систем. М., 1969. - С. 29 и др.

ядро, живую материю, общественные отношения; ко второму - различные логические системы, а также области научного знания¹.

Очевидно, что система криминалистики и отдельных ее разделов и подразделов, понятий науки - системы второго вида. Системы, относящиеся к первому виду, среди которых особо следует отметить социальные системы, выступают объектами криминалистических научных исследований.

В философской литературе предлагаются и иные классификации систем², причем особое значение, на наш взгляд, приобретает их деление на открытые (обменивающиеся веществом, энергией, информацией с окружающей средой) и закрытые (не испытывающие воздействия окружающей среды) структурные образования³. Криминалистическая наука - открытая, постоянно развивающаяся система, имеющая, широкие информационные связи как с множеством иных областей научного знания (правовых и неправовых), так и практикой борьбы с преступностью.

На теоретическом уровне использование системного подхода проводится в целях исследования интересующего криминалистов объекта (предмета или явления) как определенного понятия. При этом объект исследования представляется как система, состоящая из определенным образом связанных элементов. В ходе исследований с указанным подходом обычно удается получить новое знание о структуре, элементах, системных связях и иных системных показателях каждого из множества изучаемых объектов, охватываемых криминалистическим понятием. Для подтверждения истинности нового знания целесообразна дополнительная проверка полученных данных теоретическим и эмпирическим путем. Проверенные данные ложатся в основу криминалистического понятия.

Структурный, системно-компонентный анализ является основным аспектом системных исследований в криминалистике. Однако характеристика системного подхода к изучению криминалистических объектов будет неполной без раскрытия особенностей функционального, интегративного и исторического аспектов исследования систем.

¹ См.: Молодцов В. С. Системность объекта // Методологические вопросы системно-структурного исследования. Тезисы докладов на теоретической конференции (25-26 декабря 1966 г.). - М., 1967.

² См.: Афанасьев В. Г. О принципах классификации целостных систем // Вопросы философии. 1963, № 5; Кравец А. С. Вероятность и системы. - Воронеж, 1970. - С 95 и др.

³ См.: Садовский В. Н. Основания общей теории систем. - М., 1974. - С. 216-220.

Функциональный подход в исследовании систем тесно связан со структурным¹. Функциональный аспект имеет дело с анализом работы системы как взаимосвязанного целого, а также с изучением ее взаимодействия с внешней средой. Осуществление данного аспекта исследования позволит установить особенности взаимодействия отдельных элементов, компонентов, свойств системы и, как следствие, функций целого. Функциональный подход, как и другие подходы системного исследования, реализуется как на теоретическом, так и практическом уровнях. Так, например, одним из тактических приемов производства обыска выступают наблюдения следователя за обыскиваемым лицом. Это разновидность реализации системного подхода в следственной деятельности на практическом уровне. Поведение потерпевшего в данном случае рассматривается как определенная система действий, психологических реакций в окружающей среде - обстановке обыска. Наблюдая за проявлениями в поведении обыскиваемого в виде различных действий и реакций в ходе производства данного следственного действия, следователь может определить примерное местонахождение тайника.

В отличие от практического уровня в ходе теоретических системных исследований системные объекты изучаются в различных, в том числе и специально заданных (например, при моделировании) условиях.

Интегративный аспект системных исследований - существенная сторона системного подхода. Каждый объект может быть изучен с различных сторон. Совокупность результатов исследования объекта в различных «срезах» служит основанием для возникновения целостно-интегрального образа объектов. В криминалистической науке реализация интегративного аспекта системных исследований происходит в двух ипостасях:

- построении интегрального образа объекта, которое, в свою очередь, влечет за собой целый комплекс научных подходов к его изучению;

- комплексном подходе к рассмотрению криминалистических объектов.

Отметим, что и ранее ученые-криминалисты говорили о необходимости изучения системных объектов с различных сторон. В частности, В. Ю. Шепитько, характеризуя систему тактических приемов, от-

¹ Подробнее см.: Марков Ю. Г. Функциональный подход в современном научном познании. - Новосибирск, 1980. - С. 19.

метил такой ее признак, как «множественность описания». По его мнению, система (подсистема) тактических приемов может совпадать по форме приемов, но отличаться по их конкретному содержанию и особенностям использования (например, в зависимости от вида и характера преступления)¹. Представляется, что раскрытый В. Ю. Шепитько признак характерен не только для системы тактических приемов, но и для других криминалистических системных образований. Конечно, критерии множественности описания будут зависеть от характера и вида изучаемой системы.

Исторический аспект их изучения является важным и сложным направлением системных исследований. В науковедческой литературе он также получил название теории развития систем². Данная теория раскрывает возможность рассмотрения различного рода систем не только с позиции их предметной структуры, но и как комплекс свойств и отношений, фаз, этапов, циклов и уровней развития, что, несомненно, имеет и криминалистическое значение. Наиболее ярко это значение проявляется в процессе рассмотрения исторических аспектов развития глобальных криминалистических систем, например, системы криминалистической науки³.

Указанные аспекты (направления) системных исследований представляют собой методологическую основу системного подхода и общей теории систем и, как следствие, криминалистической систематики.

Важной методологической особенностью применения системного подхода к анализу правовых систем является необходимость его осуществления с помощью специальной методологии, которая обязательно должна опираться на логические понятия, принципы. Как справедливо отметили И. В. Блауберг и Э. Г. Юдин, «попытки "прямой" реализации системного подхода, минуя разработку специальной методологии, учитывающей специфику социального объекта... мало перспективны»⁴.

В то же время, анализ криминалистической литературы показывает, что проводимые в криминалистической литературе системные исследования не всегда имеют под собой единую научную основу.

¹ См.: Шепитько В. Ю. Указ. соч. - С. 63.

² См.: Урманцев Ю. А. Общие теории систем: состояние, приложения и перспективы развития // Система. Симметрия. Гармония. - М., 1988. - С. 40.

³ Исторические аспекты развития системы криминалистики см. в §1 главы 3.

⁴ Блауберг И. В., Юдин Э. Г. Системный подход в социальном познании // Исторический материализм как теория социального познания и деятельности. - М., 1972. - С. 162.

В этом нет ничего удивительного, поскольку, как уже было отмечено, в науковедческой литературе представлено несколько подходов к общей теории систем (ОТС), которая, несомненно, является базисом любых системных исследований в различных областях научного знания. Вместе с тем, это обязывает уделить необходимое внимание раскрытию теоретических основ системных исследований в криминалистике, объединенных в специальный раздел - криминалистическую систематику.

§2. Теоретические основы криминалистической систематики и ее место в системе криминалистики

Необходимость определения основных теоретических концепций применения системных средств и методов в криминалистической науке обусловила формирование специального раздела в общей теории криминалистики, получившего название «криминалистическая систематика».

Этот термин был введен в понятийный аппарат криминалистики Р. С. Белкиным и определен им как раздел общей теории криминалистики, в котором рассматриваются принципы систематизации и основные элементы криминалистических систем и классификаций, основывающийся на положениях системно-структурного подхода к изучению явлений действительности¹. Следует отметить, что этот термин вполне удачен. В «Толковом словаре русского языка» С. И. Ожегова слово «систематика» толкуется как «приведение в систему чего-нибудь, а также система, классификация чего-нибудь»². Как видим, при использовании этого термина не создается противоречия между его лексическим толкованием и содержательной стороной. Подобный термин используется для обозначения аналогичного раздела и в других науках, в частности, геологии³.

Взгляд на криминалистическую систематику как теоретическую основу систематизации накопленных криминалистикой знаний и классификационных построений в криминалистике приобретает все большее распространение⁴. Этот взгляд в целом разделяется и нами,

¹ См.: Белкин Р. С. Курс советской криминалистики. В 3 т. Т. 1. - М., 1977. - С. 267.

² См.: Ожегов С. И. Словарь русского языка. - М., 1986. - С. 640.

³ См.: Систематика и классификация осадочных пород и их аналогов./ Отв. ред. В. Н. Шванов. - Санкт-Петербург, 1998.

⁴ См.: Аверьянова Т. В., Белкин Р. С., Корухов Ю. Г., Россинская Е. Р. Криминалистика. - М., 1999. - С. 43; Баев О. Я. Введение в курс криминалистики // Воронежские криминалистические чтения. Вып. 1. - Воронеж, 2000; Белкин А. Р. Криминалистические классификации. - М., 2000. - С. 3; Россинская Е. Р. Криминалистика. - М., 1999. - С. 11.

хотя, как представляется, признаки, принципы и задачи криминалистической систематики должны быть определены более конкретно.

Специфика систематизации криминалистических знаний, на наш взгляд, обуславливается прежде всего объектом криминалистического изучения. Как справедливо отмечается в науковедческой литературе, каждая частная наука, как естественная или техническая, так и гуманитарная, применяет системный подход в соответствии со спецификой изучаемых ею объектов¹. В этой связи систематизацию знаний, полученных в результате познания криминалистикой своего объекта, в форме, наиболее доступной для их использования, следует рассматривать как основное предназначение криминалистической систематики.

Объект криминалистического изучения определяется как двуединый, включающий в себя преступную деятельность, а также деятельность по ее раскрытию, расследованию и предупреждению².

Такой подход к определению объекта познания в криминалистике в целом разделяется большинством ученых-криминалистов, хотя встречаются и его противники. Наиболее существенная критика звучит из уст В. А. Образцова, который отметил, что «преступная деятельность может стать объектом не криминалистики, а какой-то другой науки, если таковая состоится, - науки о совершении преступлений, способствующей повышению эффективности преступной деятельности»³. Далее автор отмечает, что о преступлениях как объекте криминалистики легко рассуждать «чисто абстрактно-умозрительно». На эмпирическом уровне все обстоит иначе. «Можно перелистать тысячи диссертаций, авторефератов диссертаций, монографий, - пишет В. А. Образцов, - но нигде не удастся найти упоминания о том, что авторы исследований изучали такие-то или такие-то преступления. Везде в один голос утверждается, что изучено то или иное количество уголовных дел о преступлениях тех или иных категорий»⁴. Но, позвольте, с каких это пор материалы уголовных дел перестали рассматриваться как источники информации о преступлениях и лицах, их совершивших?

Неудивительно, что эта весьма спорная позиция подверглась обоснованной, на наш взгляд, критике со стороны О. Я. Баева. Им было отмечено, что «нельзя отрывать исследование преступлений от того, что исследуется, от механизма совершения преступлений, от того,

¹ См.: Самбуров Э. А. Диалектика основных категорий системного анализа // Методологические проблемы конкретных наук. - Новосибирск, 1984. - С. 71.

² См.: Криминалистика / Под ред. Н. П. Яблокова. - М., 1999. - С. 15-16.

³ Образцов В. А. Криминалистика. Курс лекций. - М., 1996. - С. 12.

⁴ Там же. - С. 12

каким закономерностям, естественно, не всем, а лишь значимым для их исследования, они (преступления) подчиняются. Разрабатывать средства судебного исследования преступлений в отрыве от закономерностей преступной деятельности - все равно, что пытаться начертить прямоугольник одной линией - либо без длины, либо без высоты»¹.

Своеобразную концепцию объекта криминалистики высказал С. В. Лаврухин, предложив ограничить его двумя основными компонентами - поведением преступника и криминалистической деятельностью. По мнению автора, в структуре расследуемого события поведение преступника - единственный обязательный компонент. Процесс и закономерности поведения жертвы во время и после совершения преступления исследуются только потому, что жертва выступает объектом поведения преступника. В структурном отношении в модель поведения преступника вписываются закономерности, относящиеся к слеодообразованию. При анализе последствий поведения должны вскрываться закономерности изменения следов события. Изучение внешних связей системы «поведение преступника» позволяет, по мнению С. В. Лаврухина, выйти на механизм расследуемого события и окружающую среду².

Позиция С. В. Лаврухина представляется нам спорной. Как справедливо отмечается в криминалистической литературе, преступная деятельность как система складывается из следующих элементов: субъекты (основные и второстепенные участники деяния), предмет (жертва) посягательства, его цель (вся субъективная сторона состава преступления, преступное поведение (способы и средства, уловки и ухищрения, используемые преступниками), обстановка совершения (окружающие субъекта условия, в которых совершается преступная деятельность) и результат (физический, имущественный и моральный ущерб, причиненный охраняемым законом субъектам)³. Как видим, преступное поведение выступает лишь одним из элементов преступной деятельности и вряд ли в отрыве от ее других элементов может претендовать на роль одного из двух основных объектов криминалистического познания.

Думается, что основными объектами систематизации в криминалистике должны выступать знания, полученные в результате изучения преступной деятельности как в целом (на базовом уровне), так и

¹ Баев О. Я. Введение в курс криминалистики // Воронежские криминалистические чтения. Вып. 1. - Воронеж, 2000. - С. 17.

² См.: Лаврухин С. В. Понятие криминалистики // Государство и право. 1998, № 4. - С. 74-75.

³ См.: Криминалистика / Под ред. Н. П. Яблокова. - М., 1999. - С. 16.

ее отдельных видов, механизма образования криминалистически значимой информации, а также совокупность разработанных на основе полученных знаний средств, приемов и рекомендаций по выявлению, раскрытию, расследованию и предупреждению преступлений.

Криминалистическая систематика в настоящее время в криминалистической литературе стала рассматриваться как самостоятельная структурная часть общей теории криминалистики¹. Такой подход к определению места криминалистической систематики в структуре криминалистики справедлив, поскольку теоретические основы криминалистических системных исследований выступают важным элементом криминалистической методологии. Значение криминалистической систематики для криминалистики убедительно показал Р. С. Белкин, отметив, что она выражается: во-первых, в общей систематизации криминалистических научных знаний, т.е. в системе науки; во-вторых, в совокупности частных систем, каждая из которых объединяет только одну группу явлений, процессов, сторон объективной действительности (например, системы тактических приемов проведения тех или иных процессуальных действий, системы рекомендаций по расследованию отдельных видов преступлений, структуры таких объективных процессов, как планирование расследования и т.п.); в-третьих, в различных криминалистических классификациях объектов, их свойств и признаков, связей и отношений, категорий и понятий, с которыми приходится иметь дело криминалистике².

В то же время криминалистическая систематика не является обособленным элементом общей теории криминалистики. Очевидна ее тесная взаимосвязь методологического характера с учениями о методах криминалистики и языке криминалистики.

В совместном труде Т. В. Аверьяновой, Р. С. Белкина, Ю. Г. Корухова и Е. Р. Россинской «Криминалистика» отмечается, что учение о методах криминалистики следует рассматривать как методологию в узком смысле этого понятия - систему конкретных методов научного познания (всеобщий метод, общенаучные методы, специальные методы криминалистики)³. Этот вывод справедлив, поскольку к методологии науки следует относить и системный подход, как это происходит в некоторых областях научного знания, в частности, истории⁴.

¹ См.: Аверьянова Т. В., Белкин Р. С., Корухов Ю. Г., Россинская Е. Р. Указ.соч. - С. 42-43.

² См.: Белкин Р. С. Курс криминалистики. В 3 т. Т.1. - М., 1997. - С. 60.

³ См.: Аверьянова Т. В., Белкин Р. С., Корухов Ю. Г., Россинская Е. Р. Указ. соч. - С.42, 62-68.

⁴ См.: Горбачева О. В. и др. Методология истории. - Минск, 1996. - С.160.

В науковедческой литературе также неоднократно отмечалось, что системный подход следует рассматривать как общенаучную методологию¹. В то же время, специфика системных исследований, комплексный характер применения в их процессе различных методов логического мышления (анализ, синтез, дедукция, индукция, аналогия и пр.), чувственно-рациональных методов (наблюдение, сравнение, описание, эксперимент, моделирование, измерение и др.), кибернетических методов не позволяют отнести системный метод не в одну из указанных групп. В этой связи необходимо говорить об особом статусе системного подхода в научном познании. Это подтверждается выводом о том, что системный подход «находит свое выражение в самых различных областях знания (кибернетике, биологии, социологии, психологии и многих других), на разных уровнях познания (философском и специально-научном), в различных типах исследования (качественном и количественном, аналитическом и синтетическом, индуктивном и дедуктивном)»².

Особый статус системного подхода отмечался и в юридической литературе. В частности, С. Е. Вицин писал: «Место системного подхода следует расценивать как промежуточное между философией и специальным научным познанием»³. Схожую позицию высказал В. А. Жбанков, отметив, что системный подход следует рассматривать как одну из фундаментальных стратегий научного исследования, которая включает в себя сложный комплекс приемов и методов⁴. По мнению Л. Д. Самыгина, системный подход к изучению и конструированию социальных, информационных и технических сложных систем становится основным методологическим средством общественных, естественных и технических наук⁵.

Сказанное подтверждает вывод о необходимости разработки научных основ применения системных средств и методов в криминалистике и, как следствие, специального раздела общей теории криминалистики - криминалистической систематики.

Интересны вопросы взаимосвязи криминалистической систематики и учения о языке криминалистики. Эта взаимосвязь также носит методологический характер. Как отметил В. А. Штофф, «в отличие от

¹ См.: Садовский В. Н. Основания общей теории систем. - М., 1974. - С. 10-И; Юдин Э. Г. Методологическая природа системного подхода // Системные исследования. - м., 1973. - С. 39.

² Маркарян Э. С. Вопросы системного исследования общества. - М., 1972. - С. 5.

³ Вицин С. Е. Системный подход и преступность. - М., 1980. - С. 10.

⁴ См.: Жбанков В. А. Указ. соч. - С. 7.

⁵ См.: Самыгин Л. Д. Расследование преступлений как система деятельности. - М., 1989. - С. 10.

языкознания (лингвистики), исследующего все аспекты естественных (исторически сложившихся национальных) языков, в отличие от психологии, рассматривающей речевую деятельность, как одну из функций мозга и поведения человека, методология науки... рассматривает язык постольку, поскольку он является средством построения и развития науки как системы знаний»¹. Иными словами, конечный результат применения системного подхода - представление системной природы объектов через систему понятий. Наиболее ярко это проявляется в криминалистических классификациях, а также в системе криминалистической науки. В этой связи можно говорить о системном характере языка криминалистики, его производности от системных исследований и, в то же время, существующий понятийно-терминологический аппарат науки следует рассматривать как необходимое средство системного подхода.

Итак, криминалистическую систематику как раздел общей теории криминалистики можно определить как комплекс научных положений, раскрывающих основные направления систематизации научных знаний в криминалистике, ее принципы, процедуры построения систем, формы их представления и функционирования, понятийный и терминологический аппарат, основы использования разработанных криминалистической наукой систем в практической деятельности правоохранительных органов (см. схему 1 в приложении 1).

В качестве основополагающих принципов криминалистической систематики выступают общие принципы науки, а также специальные принципы системного подхода (см. схему 2 в приложении 1). Под принципом (от латинского *principium* - начало, основа) следует понимать те основные условия, которые определяют гносеологическую направленность научных исследований, рассматривая их при этом в качестве одной из разновидностей единого по своей гносеологической сущности процесса научного познания объективного мира².

Общими принципами науки являются принцип историзма, принцип системности науки и принцип объективности науки.

Принцип историзма является общеметодологическим и применяется во всех науках. Он отражает диалектическое требование рассмотрения предмета познания под углом зрения его возникновения, развития, исчезновения. Историзм - это прежде всего требование изучения явле-

¹Штофф В. А. Проблемы методологии научного познания. - М., 1978. - С. 38.

²См.: Белкин Р. С. Криминалистика: проблемы, тенденции, перспективы. Общие и частные теории. - С. 27.

ния с учетом его происхождения и исторического развития. Этот принцип не следует смешивать с историческим методом познания. Данный принцип - более широкое понятие, в котором отражены и определенный взгляд на мир, на явления и определенный метод познания явлений.

Принцип системности науки означает такой подход к предмету познания, при котором криминалистика в целом, отдельные ее разделы и направления, изучаемые ею объекты и явления рассматриваются как элементы, т.е. как взаимосвязанные части целого. Данный принцип позволяет рассматривать в единой системе научные знания, отражает действие такого всеобщего закона развития науки, как закон непрерывности накопления научного знания. Реализация этого принципа обеспечивает и поступательное развитие науки, так как позволяет увязывать имеющиеся знания с новыми и ожидаемыми, способствует действию законов развития науки¹. Данный принцип тесно взаимосвязан и в определенной степени обусловлен специальными принципами системного подхода, однако не подменяет их.

Изменения в обществе, произошедшие за последнее десятилетие, обусловили появление нового общенаучного принципа - *принципа объективности*, сущность которого состоит в деполитизации, десубъективизации науки. Применительно к криминалистической классификации принцип объективности означает, что перед ней должны стоять обуславливаемые реальной действительностью цели, в построенной системе должны отразиться фактически существующие признаки криминалистических объектов и различия между ними.

Помимо общенаучных любое системное исследование базируется на ряде *специальных* принципов. Необходимо отметить, что эти принципы, раскрытые в общенаучной литературе², признаются учеными-криминалистами основополагающими, при проведении системных исследований в криминалистике³. Среди них особо выделяют принципы целостности и связи.

Принцип целостности обязывает рассматривать любой изучаемый объект как нечто целое, состоящее из частей, но не сводимое к сумме этих частей⁴. Система может быть понята как нечто целостное

¹ См.: Белкин Р. С. Курс криминалистики. Т. 1. - С. 238-240; Горбачева А. В. и др. Методология истории. - Минск, 1996. - С. 143.

² См.: Блауберг И. В., Садовский В. Н., Юдин Э. Г. Указ. соч. - С. 25.

³ См.: Белкин Р. С. Курс криминалистики. Т. 1. - С. 379-380. Жбанков В. А. Указ. соч. - С. 13-18; Самыгин Л. Д. Расследование преступлений как система деятельности. - М., 1989 - С.10.

⁴ См.: Длутач Т. Б. Проблема целого и части // Вопросы философии. 1965, № 7. - С. 173; Юдин Б. Г. Понятие целостности в структуре научного знания. // Вопросы философии. 1970, № 12. - С. 81.

лишь тогда, когда она как таковая противостоит своему окружению - среде, в которую могут входить и другие системы. Расчленение системы приводит к понятию элемента - далее неделимой единицы, свойство и функции которой зависят от ее места в рамках целого¹. Справедливо утверждение Н. Ф. Овчинникова, который считает, что не всякая произвольно выбранная часть системы является ее элементом, хотя всякий элемент есть часть системы².

Системные исследования основываются также на принципе связи. Элементы системы непосредственно или опосредованно взаимосвязаны между собой. Среди них особое место занимают системообразующие связи и отношения.

Совокупность существенных (системообразующих) связей в научной литературе часто отождествляется с понятием «структура системы». В науковедческой и криминалистической литературе можно встретить следующие определения структуры системы:

1. Строение объекта, определенное сочетание составных частей целого, устройство чего-либо⁴.

2. Закономерная связь между элементами⁵.

3. Композиция или вид упорядоченности элементов, который устойчив относительно вполне определенных его изменений, преобразований⁶.

4. Сеть отношений между ее элементами, выражающая сущность того или иного порядка и раскрывающаяся через совокупность законов данной области⁷.

5. Существенные связи между элементами системы⁸.

Анализ вышеприведенных определений позволяет заметить, что структура системы определяется в основном как связи (отношения) между элементами, что позволяет рассматривать понятия «структура системы» и «совокупность существенных системных связей» как синонимы.

¹ См.: Белкин Р. С. Курс криминалистики. Т. 1. - С. 379.

² См.: Овчинников Н. Ф. Указ. соч. - С. 21-22.

³ См.: Блауберг И. В., Садовский В. Н., Юдин Э. Г. Указ. соч. - С. 22.

⁴ См.: Большой энциклопедический словарь. Т. 2. - М., 1991. - С. 112.

⁵ См.: Свидерский В. И., Зобов Р. А. Новые философские аспекты элементарно-структурных отношений. - Л., 1970. - С. 6.

⁶ См.: Тютин В. С. Отражение, системы, кибернетика. - М., 1972. - С. 21.

⁷ См.: Жбанков В. А. Указ. соч. - С. 15.

⁸ См.: Белкин Р. С. Указ. соч. - С. 130.

Связь в криминалистических системах активно исследовалась учеными-криминалистами. Так, А. А. Эйсман высказан мнение о том, что связь в криминалистических системах выступает в виде:

- генетической связи (связи между причиной и следствием);
- функциональной связи (связь между взаимозависимыми процессами);
- объемной связи (связь между объектами, составляющими одну группу);
- субстанциональной связи (связь между свойствами вещи и самой вещью);
- связи преобразования (связь оригинала и копии)¹.

А. А. Хмыров, согласившись с мнением А. А. Эйсмана, указал на существование в криминалистических системах также пространственных и временных связей². Временные связи и их роль в расследовании преступлений детально рассмотрены В. П. Лавровым и В. М. Мешковым³. В. А. Жбанков в качестве одного из основополагающих признаков системного подхода справедливо указывает наличие в системах связей управления⁴.

Широкий спектр системных связей указывает на существование множества различных по своей структуре и виду криминалистических систем.

Структура системы может быть организована как по «горизонтали» (связь между однопорядковыми элементами системы), так и по «вертикали» (связь между разнопорядковыми элементами системы). «Вертикальная» структура позволяет говорить о понятии уровней системы и их иерархии⁵.

В этой связи, анализируя криминалистическую науку с различных сторон (в различных «срезах»), можно представить ее следующим образом:

- как структурную совокупность разделов, подразделов, подподразделов и т.д.;

¹ См.: Эйсман Л. А. Заключение эксперта, структура и научное обоснование - М, 1967. - С. 5-8.

² См.: Хмыров А. А. Косвенные доказательства. - М, 1979. - С. 28.

³ См.: Лавров В. П. Криминалистическая теория временных отношений. // Криминалистика. Т. 1. История, общая и частные теории. / Под ред. Р. С. Белкина, В. Г. Коломацкого, И. М. Лузгина. - М, 1995; Мешков В. М. Криминалистическое учение о временных связях и отношениях при расследовании преступлений. Дисс... докт. юрид. наук. - М, 1995.

⁴ См.: Жбанков В. А. Указ. соч. - С. 8.

⁵ См.: Белкин Р. С. Курс криминалистики. Т. 1. - С. 380.

- как систему понятий и категорий;
- как систему рекомендаций.

Иными словами, можно говорить о трех основных направлениях систематизации криминалистических научных знаний:

- систематизация в рамках материально-логической структуры науки (формирование научного «каркаса» криминалистики или, иными словами, ее системы);
- систематизация в рамках языка науки (формирование понятийно-терминологического аппарата криминалистики);
- СИСТЕМАТИЗАЦИЯ в рамках решения стоящих перед криминалистикой практических задач по борьбе преступностью и осуществлению правосудия¹ (формирование системы криминалистических рекомендаций по выявлению, раскрытию, расследованию и предупреждению преступлений, судебному разбирательству уголовных и гражданских дел).

Эти направления криминалистической систематизации самостоятельны и не должны подменять собой друг друга, как это иногда имеет место в криминалистической литературе. Например, важным элементом криминалистической систематизации в рамках языковой структуры науки выступает классификация ПОНЯТИЙ². Являясь во много формально логической категорией, она не может быть положена в основу современной четырехэлементной системы криминалистики (общая теория криминалистики, криминалистическая техника, тактика и методика), поскольку эта система построена по совершенно иным критериям.

Помимо изложенного важное место в теории криминалистической систематики занимают задачи, решить которые и призвана научная систематизация знаний. Представляется, что эти задачи должны быть определены не только применительно к научно-исследовательской, но и практической, а также учебно-педагогической деятельности.

В *научно-исследовательской деятельности* с систематизацией связывается решение самых разнообразных задач. При этом и роль систематизации и ее место в научном исследовании определяются по-

¹ Несмотря на то, что сфера применения криминалистических рекомендаций - это преимущественно сфера борьбы с преступностью, некоторые из них могут использоваться также в гражданском и арбитражном процессе (см., например: Тихиня В. Г. Теоретические проблемы применения данных криминалистики в гражданском судопроизводстве. - Минск, 1983).

² Подробнее о сущности и особенностях криминалистической классификации см. в §3 настоящей главы.

разному, прежде всего в зависимости от того, как трактуется систематизация: как определенный этап научного исследования либо как результирующий продукт. Наиболее широко основные научно-исследовательские возможности систематизации выражаются в содействии движению науки или отрасли техники со ступени эмпирического накопления знаний на уровень теоретического синтеза, системного подхода. Такой подход возможен лишь при условии теоретического осмысления многообразия фактов.

Таким образом, основное значение криминалистической систематики выражается в создании системы научных знаний о тех или иных закономерностях, составляющих предмет криминалистической науки, обобщающей результаты всех предшествующих научных исследований и в то же время выводящей науку на качественно иной уровень. Систематизация позволяет глубже проникать в сущность исследуемого объекта, полнее определять его свойства, связи, структуру. Не следует забывать и об эвристических возможностях системных исследований, позволяющих предвидеть еще непознанное¹.

Необходимо отметить, что значение криминалистической систематики для научно-исследовательской деятельности этим не исчерпывается. Она играет важную роль в определении направлений дальнейших научных исследований в области отдельных разделов криминалистической науки - криминалистической техники, тактики и методики расследования отдельных видов преступлений. В свою очередь, четкое распределение тех или научных знаний в структуре науки дает возможность применительно к ним наиболее полно и системно разработать различные криминалистические рекомендации по расследованию преступлений, наиболее полно отвечающие потребностям практики.

С учетом изложенного, можно выделить следующие общие задачи, которые стоят перед криминалистической систематизацией как элементом научно-исследовательской деятельности:

- обеспечение усиления целостности и унификации системы науки в целом и ее отдельных подсистем²;

¹ Например, эвристическую роль криминалистической классификации отмечали еще в 1969 году Р. С. Белкин и А. И. Винберг. (См.: Белкин Р. С., Винберг А. И. Криминалистика и доказывание. - М., 1969. - С. 53.)

² В криминалистической литературе справедливо отмечается, что только в том случае, если в системе науки происходят изменения, направленные на укрепление ее целостности, можно говорить о прогрессирующей систематизации. Если же изменения в системе науки приводят к постепенному переходу от целостности к суммативности - имеет место прогрессирующий распад системы (См.: Белкин Р. С., Винберг А. И. Криминалистика. Общетеоретические проблемы. - М., 1973. - С. 165).

- дальнейшая систематизация понятийного аппарата криминалистики, с учетом последних научных достижений в этой области научного знания, развитие терминологии науки;

- раскрытие системных и понятийных связей между криминалистической наукой в целом, ее отдельными разделами и иными областями научного знания;

- устранение недостатков, присутствующих в криминалистических системных образованиях, совершенствование имеющихся и разработка новых криминалистических систем в соответствии с положениями науки и потребностями практики;

- определение новых направлений криминалистических научных исследований;

- обеспечение возможности использования разработанных систем в практике борьбы с преступностью;

- расширение сферы использования компьютерных технологий в разработке и совершенствовании криминалистических систем.

Эти задачи определяют более конкретные цели систематизации применительно к отдельным разделам и понятиям криминалистической науки.

В практической деятельности по расследованию преступлений систематизация научных знаний не проводится, а применяются разработанные наукой системы. В этом ракурсе В. А. Штофф, исследовавший методологию научного познания, справедливо отметил, что «...выявление различных свойств, событий и других явлений внешнего мира как существенных признаков, на основании которых определенные факты объединяются и сравниваются с другими фактами, противопоставляются им,... означает использование ранее накопленных теоретических знаний, с помощью которых эта процедура осуществляется»¹.

Деятельность следователя в современных условиях большей частью осуществляется в сложных, не поддающихся однозначной оценке, а нередко и в чрезвычайных, экстремальных обстоятельствах, ситуациях тактического риска, в связи с чем возникает потребность в логически и системно выдержанных криминалистических рекомендациях, в формировании которых немалую роль играет криминалистическая систематика.

Основное направление использования криминалистических систем в практической деятельности - обеспечение информацией о сути

¹ См.: Штофф В. А. Введение в методологию научного познания. - М., 1972. - С. 115.

и видах встречаемых в ходе расследования явлений, оказание содействия следователю в выборе, проблеме которого он не всегда способен решить самостоятельно, наиболее подходящей в каждом конкретном случае рекомендации из всего их многообразия, разработанного криминалистической наукой. Причем круг решаемых таким образом практических задач довольно широк. Это и оценка сложившейся обстановки по делу, и познание сущности проводимых в ходе расследования по делу действий, и установление или прогнозирование их результатов и последствий, и познание природы того или иного объекта.

Возможность практического использования определяет следующие задачи криминалистической систематики:

достижение простоты, доступности построенных систем, легкости восприятия и понимания ее практическими работниками органов следствия и дознания;

- наиболее полное раскрытие информационных характеристик различных видов отражаемого объекта;

- обеспечение возможности многократного использования криминалистической системы;

- обеспечение возможности массового тиражирования разработанных систем, в том числе с использованием компьютерной техники.

В качестве самостоятельной группы представляется возможным выделять задачи, решение которых направлено на более эффективное и качественное использование разработанных наукой криминалистических систем в рамках Несмотря на то, что закономерности педагогической деятельности не входят в предмет криминалистики и не влияют на разработку научных рекомендаций, обеспечение возможности использования разработанных криминалистической наукой систем в обучении и совершенствовании профессиональных знаний кадров правоохранительных органов играет важное значение.

Основной целью обучения криминалистике является, на наш взгляд, подготовка будущих работников правоохранительных органов к целенаправленной и эффективной деятельности по расследованию преступлений. Как справедливо отметил С.И.Цветков, содержание криминалистики «...неизбежно раскрывается через формы и методы обучения»¹. Системное представление криминалистических объектов - одно из направлений формирования у обучающегося знаний о них. Эти знания, сохраняясь в его памяти, различных справочных и иных пособиях,

¹ См.: Цветков С. И. Криминалистическая теория принятия тактических решений. Дисс... докт. юрид. наук - М., 1991. - С. 255.

могут быть использованы в его дальнейшей практической деятельности.

Отраженные в учебной литературе криминалистические системы, как правило, соответствуют научным аналогам. Мы полностью поддерживаем введение в учебную литературу и процесс преподавания систем, имеющих научную основу. Расширение границ использования систем и системных методов в преподавании криминалистики (в том числе и в формировании учебного курса «Криминалистика») позволит лучше уяснять сущность исследуемых данной наукой объектов, обеспечит более эффективное претворение в жизнь предлагаемых наукой рекомендаций, окажет влияние на творческий подход к решению возникающих в ходе расследования задач.

Представляется, что используемая в процессе обучения научная система должна, во-первых, содержать четко определенные элементы, четко показывать связь между ними, соответствовать принципам системных исследований; во-вторых, быть наглядной, представляться в наиболее приемлемой для обучения форме; в-третьих, содержать необходимые пояснения относительно возможности использования отраженной в ней информации об объектах, изучаемых криминалистикой, в практической деятельности по расследованию преступлений.

Отметим, что криминалистические системные исследования могут обуславливаться и иными, более конкретными задачами, вытекающими из сложившейся криминогенной обстановки в государстве. Эти задачи определяют потребность в дальнейшем развитии системных образований в криминалистической науке по различным направлениям.

§3. Сущность и особенности криминалистической классификации как разновидности систематизации научного знания

Различные классификационные системы широко и давно используется в современной науке. Так, еще в 1909 году известный логик Х. Зигварт писал: «Классификация всей совокупности того, что содержит вселенная, являлась бы ... логически завершенным познанием, заключающим в себе все»¹. В любой отрасли научного знания можно найти большое количество различных классификационных построений разного рода объектов, проводимых для решения обширного круга познавательных задач.

Широкие возможности классификационных исследований имеют-ся и в криминалистике. Объектами классификации в ней являются многие явления, характерные для процесса раскрытия и расследования пре-

¹ Зигварт Х. Логика. Т. 2. Учение о методе. - Санкт-Петербург, 1909. - С. 273.

ступлений. Между тем в современной криминалистике сложилась ситуация, когда при еще недостаточно разработанных теоретических основах криминалистической классификации ведутся научные классификационные исследования в отдельных ее областях. При этом указанные исследования осуществляются в условиях наличия противоречивых мнений в криминалистической науке, наблюдаются противоречия относительно понятия криминалистической классификации, ее места в науке, процесса построения и представления классификационной системы и т.д. Эти обстоятельства указывают на то, что продолжение разработки теоретических основ криминалистической классификации - актуальная научная задача, обусловленная потребностями криминалистической теории и практики раскрытия и расследования преступления.

Отметим, что в отечественной логико-философской литературе 70-х - начала 80-х годов XX столетия обсуждалась идея о формировании общенаучной теории классификации как целостной системы знаний¹. Попытки формирования такой теории предпринимались и на международном уровне, в частности, в 1985 году была создана Международная федерация классификационных научных обществ². Однако уже в 1986 году С. С. Розова, один из ведущих отечественных специалистов в области классификации, отмечала, что надежды создать универсальные алгоритмы классификации по ряду причин, среди которых необходимо выделить: неясность самого понятия «классификация», отсутствие четких представлений о классификации как особого рода феномене познания, проблемы классификации в различных отраслях знания, - пока не оправдались³. Общенаучная теория классификации и на сегодняшний день не сформирована, а представлена лишь отдельными направлениями исследований, в подавляющем большинстве в области естественных наук. Ее отсутствие порождает необходимость формирования теории классификационных исследований в рамках отдельно взятых наук, к числу которых, несомненно, относится и криминалистика. Между тем имеющиеся в логико-философской

¹ См.: Воронин Ю. А. Теория классифицирования: надежды и действительность. - Новосибирск, 1981. - С. 3; Розова С. С. Философское осмысление классификационной проблемы // Вопросы философии. 1980, № 8. - С. 165; Шрейдер Ю. А. Логика классификации // Научно-техническая информация. Серия 2. Информационные процессы и системы. 1973, № 5. - С. 3; Мейен С. В., Шрейдер Ю. А. Методологические аспекты теории классификации // Вопросы философии. 1976, № 12. - С. 69.

² См.: Classification as a tool of research: Proceedings of the 9th Annual Meeting of the Classification Society (F.R.G.). University of Karlsruhe, FRG, 26-28 June, 1985/Ed by W. Gaul, M. Shader. - Amsterdam ect, 1986. - P. 5.

³ См.: Розова С. С. Классификационная проблема в современной науке. - Новосибирск, 1986. - С. 4.

научные исследования классификационных проблем могут и должны быть использованы в развитии теории криминалистической классификации как элемента криминалистической систематики.

Формирование теории криминалистической классификации призвано пополнить общую методологию криминалистики, представляющую собой систему ее мировоззренческих принципов, концепций, категорий, понятий, методов. Изучение этой теории связано с определением ее сущности, познавательного значения, возможностей решения научных и практических задач.

Интерес к классификационным проблемам в современной криминалистике не ослабевает. Практически каждое научное исследование сопровождается уточнением имеющихся или построением новых классификационных конструкций. Их качество, возможности научно-го и практического использования во многом зависят от тех базисных положений, которые использовались при их разработке.

Отметим, что теоретические основы, роль и познавательные возможности классификации в криминалистической науке уже рассматривались в работах Р. С. Белкина, А. Р. Белкина, В. И. Виденина, А. И. Винберга, Л. Е. Гумашвили, Ю. Г. Корухова, П. Б. Куцониса, В. П. Лаврова, И. М. Лузгина, В. А. Образцова, Н. А. Селиванова, А. Р. Шляхова, Н. П. Яблокова, и некоторых других ученых¹. Однако фундаментальные исследования, которые могут составить базис кримина-

¹ См.: Белкин Р. С., Винберг А. И. Криминалистика и доказывание. - М., 1969. - С.53; Белкин А. Р. Криминалистические классификации. - М., 2000; Винберг А. И. Криминалистическая экспертиза в советском уголовном процессе. - М., 1956. - С. 80; Видении В. И. Некоторые черты понятия классификации как средства познания в советской криминалистике // Сборник статей адъюнктов и соискателей ВШ МВД СССР. Вып. 1. - М., 1973 - С. 59; Гумашвили Л. Э. Теоретические основы криминалистических классификаций и их значение в судебном доказывании /на примере построения и использования классификаций документов по делам о хищениях социалистического имущества/. Дисс. ... канд. юрид. наук -М., 1979. - С. 19-52; Корухов Ю. Г. Криминалистическая диагностика при расследовании преступлений. - М., 1998; Куцонис П. Б. Проблемы построения и использования криминалистических классификаций в методике расследования преступлений. Дисс.... канд. юрид. наук - М., 1990. - С. 11-46; Лавров В. П. Криминалистическая классификация способов сокрытия преступления // Криминалистическая сущность, средства и методы установления способов сокрытия следов преступлений. - М., 1987. - С.15; Лузгин И. М. Расследование как процесс познания. - М., 1969. - С. 51; Образцов В. А. Криминалистическая классификация преступлений. - Красноярск, 1988; Селиванов Н. А. Вещественные доказательства. - М., 1971. - С. 22; Стояновский М. В. Объект криминалистики как структурообразующий элемент криминалистических классификаций // Воронежские криминалистические чтения. Вып. 1. - Воронеж, 2000; Шляхов А. Р. Современные проблемы теории и практики криминалистической экспертизы в СССР Автореферат дисс.... докт. юрид. наук - Л, 1971. - С. 11; Яблоков Н. П. Совершенствование криминалистической классификации преступлений в методике расследования // Вестник Моск. ун-та. Серия 11. «Право». 1988, № 2. С. 18.

предметов и явлений, позволяющие отличать эти предметы и явления от смежных с ними; обобщение (и мысленное выделение предметов) некоторого класса по их специфическим (в совокупности отличительным) признакам¹. Классифицируя то или иное понятие, мы подвергаем делению его объем, т.е. ограниченное множество предметов, явлений, которые мыслятся в понятии. Классы, на которые распределились те или иные предметы, представляя собой конечную или бесконечную совокупность объектов, выделяемую по общему для них признаку, мыслимо как нечто целое², являются, по нашему мнению, ничем иным, как соподчиненными понятиями по отношению к делимому (родовому) понятию.

На основе вышесказанного можно сделать вывод, что ПОНИМАНИЕ классификации как деления понятия, результатом которого является создание системы соподчиненных понятий либо распределение предметов, явлений, отношений, свойств на классы, группы, виды, по сути есть описание одной и той же логической процедуры.

Однако, определяя криминалистическую классификацию как распределение предметов, явлений по классам, группам, необходимо учитывать следующее:

1. Классификация проводится прежде всего мысленно. Как верно заметил Р. С. Белкин, «...распределение материальных объектов по группам в соответствии с научной классификацией не является разновидностью последней, а представляет собой ее "материализацию" в натуре»³. Такое распределение справедливо определяется некоторыми авторами (представителями как логико-философских наук, так и криминалистами) как классифицирование⁴. На отличие физического распределения предметов, вещей от логической операции деления объема понятия в криминалистике указывали и другие ученые⁵.

2. Классификацией не является «случайная» группировка объектов, т.е. случаи, когда распределение производится произвольно, вне группировочного принципа (основания деления). Как верно заметил еще в 1974 году В. И. Видении, такие группировки не носят закономерного характера⁶.

¹ См.: Горский Д. П., Ивин А. А., Никифоров А. Л. Указ. соч. - С. 150; Философский словарь / Под. ред. И. Т. Фролова. - С. 371; Кириллов В. И., Старченко А. А. Указ. соч. - С. 31.

² См.: Горский Д. П., Ивин А. А., Никифоров А. Л. Указ. соч. - С. 77.

³ Белкин Р. С. Курс криминалистики. В 3 т. Т. 1. - М., 1997. - С. 381.

⁴ См.: Константинов В. И. и др. Указ. соч. - С. 524; Кудонис П. Б. Указ. соч. - С. 20.

⁵ См.: Полевой Н. С., Гумашвили Л. Э. К вопросу о научных основах и значении криминалистических классификаций // Вестник Моск. ун-та. Серия «Право». 1979, № 1. - С. 28.

⁶ См.: Видении В. И. Некоторые вопросы классификации, группировки и установления групповой принадлежности в теории и практике советской криминалистики // Вопросы борьбы с преступностью. Вып. 1. - М., 1974. - С. 81.

Учитывая отраженное в литературе мнение, согласно которому теоретические основы криминалистической классификации представляют собой составную часть криминалистической систематики¹, представляется необходимым рассмотреть ее с позиций системно-структурного подхода, представляющего собой общенаучное направление исследований, ориентированное на выявление специальных методологических принципов теоретического воспроизведения в знании представлений о целостных системных объектах.

В свете основных положений системного подхода классификация может рассматриваться в *двух значениях*.

В рамках традиционно узкого подхода криминалистическая классификация - это средство, способствующее систематизации научных знаний, а не сама систематизация. Так, по мнению Р. С. Белкина систематизация основывается на процедуре классификации². А. А. Хмыров считает, что классификация способствует систематизации накопленных знаний, и, следовательно, более осмысленному их применению³. Точки зрения, согласно которой понятия «систематизация» и «классификация» имеют право на самостоятельное существование, придерживаются и некоторые другие ученые-криминалисты⁴. Указанные мнения ученых в целом неоспоримы, но, как нам представляется, они рассматривают классификацию в узком смысле, только как логическую операцию деления объема понятия (первое значение классификации).

В широком смысле криминалистическая классификация представляет собой специфическую разновидность систематизации научных знаний (второе значение классификации). В этой связи нам представляется необходимым проанализировать понятие «систематизация».

В словаре русского языка систематизация толкуется как приведение в систему⁵.

В криминалистической литературе можно встретить следующие понимания этого термина:

1. Выделение в объекте криминалистического исследования существенных элементов и их связей, необходимых и достаточных для

¹ См.: Белкин Р. С. Курс криминалистики. Т. 1. - С. 379.

² Белкин Р. С. Курс советской криминалистики. В 3 т. Т.1. - М, 1977. - С. 267.

³ См.: Хмыров А. А. О классификации косвенных доказательств // Вопросы борьбы с преступностью. Вып. 32. - М, 1980. - С. 71.

⁴ См.: Лузгин И. М. Расследование как процесс познания. - М, 1969. - С. 51; Россинская Е. Р. Проблемы систематизации и классификации методов экспертного исследования // Проблемы криминалистической теории и практики. - М, 1995. - С. 59.

⁵ Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. - М., 1995. - С. 708.

оценки объекта исследования как целостной системы, представляющей фактическую основу для решения криминалистических задач¹.

2. Рассуждения, приводящие к заключению, вытекающему из отдельных посылок, в целях удовлетворения насущной потребности в уяснении логических связей и закономерных отношений между отдельными установленными фактами².

3. Такое упорядочение научного знания, которое соответствовало бы объективно существующим закономерным связям между элементами предмета научного познания, отражало бы эти связи³.

Резюмируя вышеприведенные определения, можно сказать, что систематизация в криминалистике - это исследовательская деятельность, направленная на выявление в объекте криминалистического исследования существенных элементов, структур и связей, облегчающее его изучение в целях решения стоящих перед криминалистической наукой задач. Целью научной классификационной деятельности в криминалистике выступает построение системы соподчиненных криминалистических понятий. Это позволяет говорить о том, что криминалистическая систематизация и криминалистическая классификация соотносятся как общее с частным. То есть, криминалистическая классификация как научно-исследовательская деятельность является разновидностью систематизации криминалистического научного знания.

В числе особенностей криминалистической классификации, как разновидности систематизации криминалистического научного знания, следует выделять:

1. *Объект классификации.* Объектом криминалистической классификации всегда выступает понятие как мысль, отражающая существенные признаки какого-либо предмета или явления, входящего в предмет изучения криминалистической науки.

Необходимо также отметить, что объект криминалистической классификации является одним из основных ее отличий от классификации в других правовых науках. Так, по мнению А. В. Наумова, классификации в тех юридических науках, где основания деления не ограничиваются правовыми признаками (*в криминалистической науке это*

¹ См.: Колдин В. Я. Систематизация и оценка криминалистической информации.// Криминалистика социалистических стран / Под ред. В. Я. Колдина. - М., 1986. - С. 475.

² См.: Аверьянова Т. В. Интеграция и дифференциация научных знаний как источники и основы новых методов судебной экспертизы. - М., 1994. - С. 28.

³ См.: Белкин Р. С. Криминалистика: проблемы, тенденции, перспективы. Общая и частные теории. - М., 1987. - С. 129.

довольно частое явление. - А. Г.), носят специфический характер¹. Схожую позицию обозначил К. Н. Ивенин. Рассматривая криминалистическую классификацию преступлений, он отметил, что в объекте деления прежде всего должны учитываться закономерности, важные в криминалистическом отношении². На наш взгляд, специфика объектов криминалистической классификации проявляется также в том, что не все криминалистические понятия носят сугубо правовой характер, имеют нормативное закрепление.

2. *Процедура классификации.* Классификация всегда проводится по тому или иному основанию, т.е. признаку, различающему группы объектов в множестве, определяемом главным понятием. Систематизация же может проводиться на основе анализа, путем выделения и изучения системных связей и без использования такого основания. Ярким примером такой систематизации является система криминалистической науки, поскольку провести классификацию понятия криминалистики так, чтобы элементами, составляющими классификационную систему, явились понятия общей теории криминалистики, криминалистической техники, тактики и методики, нам не представляется возможным. В основу четырехэлементной системы криминалистики положены совершенно иные критерии. Так, можно согласиться с Р. С. Белкиным, который пишет, что общая теория криминалистики «... есть выявленный во всей полноте результат познания криминалистикой своего предмета, три остальных элемента системы - результат использования полученного знания»³.

3. *Особенности структуры системы.* Классификационная система характеризуется наличием связи построения, связи, определяемой основанием деления; связи объемов понятий.

Основываясь на вышеизложенном, отметим, что термин «классификация» может использоваться для обозначения:

- логической операции деления объема того или иного криминалистического ПОНЯТИЯ;
- разновидности систематизации криминалистического научного знания;

¹ См.: Наумов А. В. Теоретические основы классификации преступлений // Классификация преступлений и ее значение для деятельности органов внутренних дел. / Под ред. Н. И. Загородникова. - М, 1983. - С. 8.

² См.: Ивенин К. Н. Методология и методика расследования экономических преступлений: концептуальный подход // Криминалистические методы расследования преступлений. Вып. 2. - Тюмень, 1995. - С. 4.

³ Белкин Р. С. Курс криминалистики. Т. 1. - С. 390.

- построенной классификационной системы криминалистических понятий.

Заметим, что такое использование термина «классификация» не противоречит лексическому значению этого слова¹.

Как уже отмечалось, в литературе неоднозначно решается вопрос о месте теоретических основ криминалистической классификации в системе криминалистической науки. По мнению В. А. Образцова, учение о криминалистической классификации *преступлений* (выделено нами. - А. Г.) является частной криминалистической теорией. Эта теория представляется им как внутренне дифференцированная, но целостная система знания об отражаемой ею области социальной действительности².

Данная точка зрения встретила справедливые, на наш взгляд, возражения со стороны Н. П. Яблокова, который заметил, что любая теория представляет собой не просто совокупность некоторых мнений и взглядов по какому-либо вопросу, а высшую, самую развитую форму организации научного знания, дающую целостное представление о закономерностях и существенных связях исследуемого явления или объекта³. На наш взгляд, ни криминалистическая классификация преступлений, ни классификация других криминалистических объектов не может претендовать на статус частной криминалистической теории. Криминалистическая классификационная система принадлежит тому разделу криминалистики, в рамках которого были проведены классификационные исследования. Так, например, если была проведена классификация тактических приемов, понятие которых рассматривается в рамках криминалистической тактики, то и построенная классификационная система будет представлять собой неотъемлемую часть именно этого раздела криминалистической науки⁴.

¹ См.: Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Указ. соч. - С. 270. Некоторые ученые предлагают определить логическую процедуру деления объема понятия термином «построение классификации». (См.: Розова С. С. Классификация как метод научного познания // Философские проблемы сознания и познания. Новосибирск, 1965. - С. 256; Купонис П. Б. Указ. соч. - С. 17.)

² См.: Образцов В. А. Проблемы совершенствования научных основ методики расследования преступлений. Автореферат ДИСС. ... докт. юрид. наук - М., 1986. - С. 17.

³ См.: Яблоков Н. П. Совершенствование криминалистической классификации преступлений в методике расследования // Вестник МГУ. Серия 11. Право. 1988, № 2. - С. 18.

⁴ Это не мешает ей (классификационной системе криминалистической тактики) оставаться важным составным элементом криминалистического учения о криминалистической систематике (в разделе общей теории криминалистики).

Думается, нет необходимости в выделении теории криминалистической классификации из криминалистической систематики, однако эта теория должна быть представлена как самостоятельный структурный элемент этого раздела общей теории криминалистики.

Классификационный способ организации знаний, сложившись первоначально в деятельности людей стихийно, постепенно начинает выступать как особый метод познания окружающей действительности. Как и любой метод, классификация предполагает, с одной стороны, указание на действия, которые необходимо произвести, с другой - на определенное представление объекта. По мнению С. С. Розовой, последнее нужно для переноса указанного способа действия в новые ситуации, то есть для определения границ возможного применения метода¹.

В процессе расследования преступлений или судебного рассмотрения дела мы сталкиваемся с множествами различных объектов. Эти множества (признаки которых отражены в том или ином понятии) начинают выполнять функцию эталона, с которым связывается представление об определенной форме организации знания. Встречаясь впоследствии с конкретными аналогичными объектами, обладающими более широким набором признаков, мы пытаемся разделить родовые понятия. Изучая конкретные объекты, мы их идентифицируем с научными понятиями, совершая по сути процедуру определения сходства и различия. Процедура эта сложна, а зачастую и условна. Так, если исходить из ОДНОГО криминалистического понятия, то признаки двух искомых объектов могут совпадать (например, и оставленный на месте преступления пистолет, и оброненный преступником бумажник, принадлежащий потерпевшему, будут являться следами - предметами, обнаруженными на месте происшествия). Используем другое понятие, и о совпадении не может быть и речи (например, пистолет - орудие преступления, а бумажник - похищенное имущество). В то же время, многосторонность любого фрагмента объективной действительности создает объективные предпосылки для огромного числа самых различных процедур определения сходства и различия и, как следствие, выявление все новых признаков исследуемого объекта.

Все понятия, используемые в криминалистике, можно подразделить по нескольким основаниям: сфере действия; нормативно-правовому закреплению; объекту, отраженному понятием (см. схему 3 в приложении 1).

¹ См.: Розова С. С. Классификационная проблема в современной науке. - С. 191.

1. *По сфере действия.* По данному основанию все используемые в криминалистике понятия можно разделить на общенаучные, частнонаучные и на юридические. Последние, в свою очередь, нам представляется возможным классифицировать на: общеправовые, т.е. используемые во всех правовых науках (например, закон, государство); правоотраслевые, используемые в основном в нескольких юридических науках (например, следственные действия, преступление) одного цикла; собственно криминалистические, т.е. выработанные и используемые только в криминалистике (например, следственная ситуация, тактический прием).

2. *По нормативно-правовому закреплению.* Криминалистические понятия по указанному основанию делятся на закрепленные в законах либо иных нормативных актах и не имеющие правового закрепления. Подобная классификация всех юридических понятий в целом проводится на общеправовом уровне. При этом нормативно закрепленные понятия подразделяются на раскрытые (законодатель не только фиксирует понятие как таковое, но и указывает его существенные признаки) и нераскрытые (законодатель не раскрывает содержания понятия)!. Такая классификация, на наш взгляд, применима и в области криминалистики, тем более что многие нормативно закрепленные правовые понятия изучаются несколькими юридическими науками. Например, понятия «преступление» и «доказательства» относятся к первой группе нормативно закрепленных понятий, используемых в криминалистике, так как их сущность определена соответственно в уголовном и уголовно-процессуальном законодательстве. Ко второй группе можно отнести, например, понятие «допрос», которое часто используется в уголовно-процессуальном кодексе, однако его четкого определения закон не дает.

3. *По объекту, отраженному понятием.* Данный признак служит основой для деления всех криминалистических понятий на отражающие признаки предметов, т.е. любых материальных проявлений, и явлений - всех остальных проявлений реальной действительности, кроме материальных. Объектами, составляющими первый элемент классификационной системы, являются понятия лиц (например, преступники, заподозренные, очевидцы), вещей (оружие, документы, сле-

¹ См.: Зайцев И. М. О природе правовых понятий // Некоторые философские проблемы государства и права. Вып. 2.-Саратов, 1974. - С.84; Кашанина Т. В. Правовые понятия как средство выражения содержания права // Советское государство и право. 1981, № 1.- С.43.

ды-предметы и пр.), иных материальных образований (например, следы-отображения). Как явления можно определить: свойства и признаки (например, признаки почерка), действия и процессы (следственные действия, способ совершения преступления и пр.), ситуации (например, следственная ситуация), логико-криминалистические конструкции (криминалистические версии, временные связи и отношения при расследовании преступлений, тактические ошибки и др.).

В криминалистической литературе представлено множество взглядов, точек зрения, позиций по вопросам классификации тех или иных криминалистических понятий. Это объясняется прежде всего тем, что, проводя классификацию, трудно избежать субъективизма. В приемах непосредственной исследовательской работы, в том числе и в криминалистической науке, классификация имеет очень много специфического, индивидуального, такого, что складывается на основе личного опыта ученого. При этом результаты проводимых им классификационных исследований напрямую зависят от определенного навыка, называемого в научной литературе «глазом систематика», то есть от умения видеть и находить сходство и различие, а также осмыслить увиденное и анализированное в категориях системы. Более того, в научной литературе отстаивается точка зрения, согласно которой классификация иногда осуществляется интуитивно¹.

И все-таки думается, что субъективизм в классификации можно, если не преодолеть, то значительно сгладить. Это достигается путем сочетания собственных классификационных исследований с опытом предшественников, пускай даже ограниченным.

Превращение классификации в метод познания приводит к ее массовому целенаправленному использованию и тем самым обуславливает необходимость установления правил и принципов такой работы.

Принципы классификации уже рассматривались в криминалистической литературе. Так, П. Б. Куцонис предложил в качестве таковых принципы объективности, связи, развития, историзма, учета практики². Т. В. Аверьянова в качестве классификационных принципов указывает развитие, структурность и взаимосвязь классификаций³.

Очень сложна и дискуссионна система принципов классификации, предложенная В. А. Образцовым, к которым автором отнесены «наличие ситуации, требующей своего разрешения», «формулирова-

¹ См.: Розова С. С. Указ. соч. - С. 190.

² См.: Куцонис П. Б. Указ. соч. - С. 25.

³ См.: Аверьянова Т. В. Указ. соч. - С. 31.

ние и обоснование вытекающей из проблемной ситуации научной проблемы», «задача обеспечения предпосылок оптимального построения криминалистической классификации», «оценка возможностей для удовлетворения потребностей и интересов классификатора», «получение необходимых дополнительных знаний из области классификации», «выбор и определение объекта классификации» и т.д.¹

На наш взгляд, определение принципов криминалистической классификации должно носить прежде всего системный и комплексный характер. Это позволит избежать объединения в одну группу таких разноуровневых и разнохарактерных принципов как общенаучные принципы, принципы системного подхода, логические правила деления объема понятия и собственно криминалистические классификационные принципы. Кроме того, можно назвать и другие принципы классификации, пока недостаточно раскрытые в криминалистической литературе (см. схему 4 в приложении 1).

Общенаучные принципы, а также принципы системного подхода уже были рассмотрены ранее, как основополагающие условия системных исследований в криминалистической науке. Отметим, что эти принципы применяются и в процессе криминалистических классификационных исследований. Добавим лишь, что в криминалистической классификационной системе элементами выступают соподчиненные понятия, полученные в результате деления главного (родового) понятия. Самостоятельность, выделенность каждого из соподчиненных понятий обуславливается тем, что каждое из них определяет признаки особого класса предметов, явлений, которые не совпадают с признаками класса, определяемого другим соподчиненным понятием, хотя и те, и другие определяются единым основанием деления главного (родового) понятия. В классификационной системе количество элементов может быть от двух и более. В то же время, каждое соподчиненное понятие также может быть подвергнуто делению по тому или иному основанию, и, следовательно, рассмотрено в качестве самостоятельной классификационной системы.

Элементы классификационной системы некоторыми учеными-научоведами названы классификационными ячейками, или таксонами². Думается, что такое обозначение более приемлемо для математических наук.

¹ См.: Образцов В. А. Криминалистическая классификация преступлений. - С. 38-39.

² См.: Мейен С. В. Таксономия и мерономия // Вопросы методологии в геологических науках. Киев, 1977. - С. 25-33; Розова С. С. Классификационная проблема в современной науке. - С. 8.

Правила деления объема понятия. На наш взгляд, эти правила должны быть признаны принципами построения классификационной системы, поскольку познавательное значение будет иметь только логически правильно построенная классификация. Как справедливо заметил еще в 1969 году Н. А. Селиванов, строгое соблюдение правил деления понятий является одной из основ логически выдержанной методологии¹. В литературе традиционно приводятся четыре правила деления объема понятия:

- деление должно быть соразмерным, т.е. должны быть перечислены все виды делимого понятия;

- деление должно производиться только по одному основанию, то есть в процессе деления избранный признак должен оставаться одним и тем же и не подменяться другим признаком;

- члены деления должны исключать друг друга, то есть конкретный предмет или явление должны находиться только в объеме одного какого-либо видового понятия и не входить в объем другого видового понятия;

- деление должно быть непрерывным, т.е. в процессе деления нужно переходить к ближайшим видам, не пропуская их².

В криминалистической литературе на основе перечисленных правил предпринята интересная попытка сформулировать требования, предъявляемые к процессу классификации. Так, В. А. Волинский в качестве таких требований называет:

- правильное определение делимого понятия;
- соблюдение последовательности операций при делении;
- аргументированность, логическая обоснованность;
- соблюдение уровней делимых понятий;
- обеспечение полноты ряда в перечне или в одном ряду³.

Специальные принципы разработки и функционирования криминалистических классификационных систем. На наш взгляд, важнейшим принципом построения и функционирования криминалистических классификационных систем является их направленность на дальнейшее познание закономерностей, изучаемых криминалистиче-

¹ См.: Селиванов Н. А. О методологии криминалистической техники // Криминалистика и судебная экспертиза. - Киев, 1969. Вып. 6. - С. 65.

² См.: Гетманова А. Д. Логика. М., 1986. - С. 52; Кириллов В. И., Старченко А. А. Указ. соч. - С. 56-57 и др.

³ См.: Волинский В. А. Криминалистическая техника: наука-техника-общество-человек. - М., 2000. - С. 141.

ской наукой, систематизация криминалистических знаний, а также на обеспечение возможности их использования в практической деятельности правоохранительных органов. Все иные принципы данной группы являются производными от него и направлены на достижение этой цели. К их числу можно отнести принцип учета практики; принцип истинности классификационного признака; принцип всесторонности криминалистических классификационных исследований.

Принцип учета практики реализуется, по мнению П. Б. Куцони-са, в том, что: во-первых, любая классификация основывается на материалах практики; во-вторых, практика борьбы с преступностью позволяет проверить истинность той или иной классификации; в-третьих, криминалистические классификации строятся с целью решения задач борьбы с преступностью¹. Соглашаясь, что практика является важным основанием в разработке любых положений криминалистической науки, в том числе и классификаций, необходимо отметить, что научная теория играет не менее значительную роль в построении криминалистических классификационных систем. Кроме того, не следует ограничивать круг задач криминалистической классификации только задачами борьбы с преступностью, поскольку область применения положений криминалистической науки распространяется также на гражданское и арбитражное судопроизводство.

Принцип истинности классификационного признака. Поскольку результатом деления понятия всегда должно являться построение классификационной системы, классификационный признак должен быть выбран таким образом, чтобы он соответствовал данному требованию. Признак, по которому невозможно разделить объем понятия в целом и, следовательно, построить классификационную систему соподчиненных понятий, не может быть истинным и использоваться при делении криминалистических понятий.

Принцип всесторонности. Изучение какого-либо множества предметов или явлений, охватываемого криминалистическим понятием, должно носить комплексный характер, рассматривать его с разных сторон, в различных срезах. В ходе классификационных исследований, на наш взгляд, целесообразно не ограничиваться делением криминалистического понятия лишь по одному основанию, а строить классификационные системы по всем возможным истинным признакам.

См.: Куцонис П. Б. Указ. соч. - С. 26-28.

О необходимости изучения системных объектов с различных сторон ученые-криминалисты говорили и ранее. В частности, В. Ю. Шепитько, характеризуя систему тактических приемов, отметил такой ее признак, как «множественность описания». По его мнению, система (подсистема) тактических приемов может совпадать по форме приемов, но отличаться по их конкретному содержанию и особенностям использования (например, в зависимости от вида и характера преступления)¹. Представляется, что раскрытый В. Ю. Шепитько признак характерен не только для системы тактических приемов, но и для других криминалистических системных образований. Конечно, критерии множественности описания будут зависеть от характера и вида изучаемой системы.

Принципы криминалистической классификации играют основополагающую роль не только при разработке классификационных систем, но и при их использовании в научных и практических целях.

Важное место в теории криминалистической классификации занимают ее *функции*. В литературе рассматриваются следующие их виды²:

- информирование - свойство классификации удовлетворять потребность в имеющихся сведениях о познаваемой действительности;
- прогнозирование - свойство классификации удовлетворять потребность в отсутствующих сведениях. Прогнозирование может быть аналоговым (сведения получаются в результате установления сходства) и структурным (сведения получаются в результате анализа структуры классификации);
- ретрогнозирование - свойство классификации теоретически воспроизводить прошлое познаваемой действительности;
- коммуникация - свойство классификации удовлетворять потребность в согласованных действиях (см. схему 5 в приложении 1).

В криминалистической науке, как нам представляется, научное и практическое значение играют информационные свойства и свойства прогнозирования. Так, классификация следов-отображений в зависимости от объектов, их оставляющих, на следы человека, следы орудий, инструментов, производственных механизмов, следы транспортных средств, во-первых, в научном плане, определяет направления научных изысканий (следы человека как объект исследований);

¹ См.: Шепитько В. Ю. Теоретические проблемы систематизации тактических приемов в криминалистике. - Харьков, 1995. - С. 63.

² См.: Кожара В. Л. Функции классификации // Теория классификаций и анализ данных. Материалы Всесоюзного совещания. Ч. 1. - Новосибирск, 1982. - С. 11.

во-вторых, при осуществлении практической деятельности, отнесение тех или иных следов к определенному элементу классификационной системы влечет за собой такие действия, например, по их обнаружению, фиксации, изъятию и сохранению, которые будут отличаться от аналогичных действий при отнесении следов к другому элементу классификации.

Функции ретрогнозирования и коммуникации реализуются прежде всего в практической деятельности, осуществляемой в соответствии с построенной классификационной системой.

В этой связи хотелось отметить отдельные проблемные вопросы, связанные с практическим использованием разработанных в науке классификаций. Эта проблема представляется важной, поскольку, как справедливо отмечается в общенаучной литературе, «практическая необходимость в классификации стимулирует развитие теоретических аспектов науки или техники, а создание классификации является качественным скачком в развитии знания»¹. К сожалению, в современной криминалистической литературе разрабатываемые классификационные системы далеко не всегда сопровождаются описанием практических возможностей их использования. Это подтверждают и результаты проведенного нами опроса сотрудников следствия и дознания². Абсолютное большинство опрошенных (98%) отметили, что есть необходимость в разработке рекомендаций по использованию криминалистических классификаций в практической деятельности.

Практическое использование криминалистических классификаций можно определить как классифицирование, направленное на решение определенных задач. Думается, прав С. В. Дубровин, отметивший, что «...классификации создаются для криминалистических целей в результате проводимых соответствующих классификационных исследований с учетом конкретных задач, направленных на раскрытие, расследование и предупреждение преступления»³. Классифицирование, на наш взгляд, представляет собой соотнесение признаков различных предметов или явлений в ходе расследования преступления с признаками, отраженными в любом из соподчиненных понятий, являющихся элементами криминалистических классификационных систем. Основная задача классифицирования - всестороннее познание

¹ Большая Советская Энциклопедия. Т. 12. Изд. 3. - М., 1973. - С. 269.

² Было опрошено 300 следователей и дознавателей органов внутренних дел, прокуратуры и налоговой полиции в шести областях России.

³ См.: Дубровин С. В. Криминалистическая диагностика. - М., 1989. - С. 7.

различных объектов и явлений, встречающихся в процессе раскрытия и расследования преступлений.

В криминалистической литературе уже неоднократно обсуждалась проблема соотношения классифицирования, установления групповой принадлежности и диагностики объектов (А. Р. Белкин, В. И. Видении, Ю. Г. Корухов, Н. А. Селиванов). Подводя итог научной дискуссии, можно с уверенностью говорить о несовпадении этих понятий.

«Многие криминалисты считают, - писал В. И. Видении, - что группировка и классификация мало чем отличаются друг от друга. Более того, порой в акте деятельности по установлению того или иного криминалистического объекта и его принадлежности к группе объектов исключается роль и значение научной классификации. В криминалистической литературе встречается много примеров, когда гиперболизируется значение одного понятия - группировки и недооценивается значение другого - классификации. Группировки могут быть разными. Одни могут осуществляться, руководствуясь случайным представлением, другие - на основе каких-то элементов опытного характера, третьи - на основе научных классификаций»¹.

Классифицирование и установление групповой принадлежности объекта могут как совпадать, так и не совпадать между собой. В этом аспекте Ю. Г. Корухов совершенно справедливо отметил, что «при установлении групповой принадлежности в рамках идентификационного исследования группа может быть определена произвольно, по любому основанию, с единственной целью - достичь ее максимального сужения. При этом группа, к которой относят объект, может быть как поименована заранее, так и не поименована»².

Вопрос о соотношении понятий «классифицирование» и «диагностика», на наш взгляд, разрешен А. Р. Белкиным, по мнению которого «не всякая диагностика есть исключительно классификация, но зато всякое классифицирование охватывается понятием диагностики»³.

Итак, подводя итог сказанному, следует отметить, что теоретические основы криминалистической классификации являются неотъемлемой частью криминалистической систематики и входят составным элементом в общую теорию криминалистической науки.

¹ Видении В. И. Некоторые вопросы классификации, группировки и установления групповой принадлежности в теории и практике советской криминалистики // Вопросы борьбы с преступностью. Вып. 21. - М, 1974. - С.79-81.

² Корухов Ю. Г. Указ. соч. - С. 13.

³ Белкин А. Р. Указ. соч. - С.15.

§4. Понятие, построение, представление и виды классификационных систем в криминалистике

Как отмечалось ранее, результатом классификации, как деления объема понятия, является построение понятийной системы. На наш взгляд, криминалистическую классификационную систему следует определить как идеальную систему, представляющую собой целостное понятийное образование, каждый из элементов (понятий) которого находится в неразрывных, взаимоопределяющих связях между собой. Следует однако заметить, что, определяя классификационную систему как идеальную, мы не имеем в виду теорию «идеального типа», при помощи которого, как считают ее представители, только и можно описать и классифицировать отдельные фрагменты социальной действительности, факты. Ядро данной теории - идеальное понятие, к которому примеривается действительность и с которым она сравнивается для выяснения эмпирического содержания ее составных частей! Использование в криминалистике такой теории весьма спорно, поскольку, как совершенно верно замечено Ю. А. Денисовым и Л. И. Спиридоновым, оторванный от действительности «идеальный тип» является логически бесплодной конструкцией².

Для элементов классификационных систем характерно наличие следующих видов связей:

1. *Связи построения.* Связи построения между элементами (соподчиненными понятиями) выражаются: во-первых, в том, что соподчиненные понятия являются результатом деления одного понятия (родового, главного); во-вторых, все соподчиненные понятия обладают тем же набором признаков, характеризующих тот или иной предмет или явление, что и родовое понятие, за исключением признака деления.

2. *Связи, определяемые основанием деления.* Термины «основание деления объема понятия» и «признак деления объема понятия» в логико-философском аспекте признаются синонимами³. Для классификационных систем характерно наличие двух видов связи такого рода:

а) связь между наличием признака деления в одном из соподчиненных понятий и отсутствием такого признака в другом соподчинен-

¹ См.: Weber M. Die Objektivität sozialwissenschaftlicher und sozialpolitischer Erkenntnis // Gesammelte Aufsätze zur Wissenschaftslehre. Tübingen, 1982. - S. 104.

² См.: Денисов Ю. А., Спиридонов Л. И. Абстрактное и конкретное в советском правоведении. - Л., 1987. - С. 169.

³ См.: Гетманова А. Д. Логика. - М., 1986. - С. 48; Кириллов В. И., Старченко А. А. Указ. соч. - С. 56.

понятии. Такие классификационные системы содержат два элемента и носят название дихотомических классификаций¹.

б) связь между признаками по видоизменению основания деления. Такие признаки указывают на отличие одного класса предметов, явлений, раскрываемого одним соподчиненным понятием, от другого класса, раскрываемого, соответственно, другим соподчиненным понятием.

3. *Связи объемов понятий.* Данный вид связи проявляется в классификационных системах в том, что ни одно из соподчиненных понятий по своему объему не может быть шире, чем главное (делимое) понятие и не может быть равно ему (см. схему 6 в приложении 1).

Все вышеуказанные особенности классификационных систем распространяются, по нашему мнению, и на криминалистические классификации.

Вопросы построения криминалистических классификационных систем занимают, на наш взгляд, важное место в теории криминалистической классификации, поскольку научное и практическое значение будет иметь лишь грамотно построенная, «хорошая» система криминалистических понятий. Параметрами «хороших» классификаций являются их устойчивость, возможность на их базе делать большое число различных экстраполяций, их эвристическая сила².

С. С. Розова писала, что классификационную проблему составляют неудовлетворительное состояние классификаций, а также наличие трудностей при классифицировании³. Проведенное нами исследование позволяет говорить о присутствии ряда классификационных проблем в криминалистической науке.

В числе наиболее распространенных недостатков, сопутствующих криминалистическим классификационным построениям, следует назвать:

1. Нарушения при разработке криминалистических классификационных систем логических правил деления объема понятия. В этих системах члены деления не исключают друг друга, отсутствуют необходимые классификационные элементы, либо при их построении используются два и более классификационных основания.

¹ См.: Горский Д. П., Ивин А. А., Никифоров А. Л. Указ. соч. - С. 38.

² См.: Розова С. С. Классификационная проблема в современной науке. - Новосибирск 1986. - С. 4.

³ См.: Розова С. С. Классификационная проблема как форма осознания системного метода исследований // Системный метод и современная наука. - Новосибирск, 1981. - С. 49.

2. Ошибки, связанные с выбором классификационного основания. Как правило, это нечеткое формулирование (неясность) классификационного основания либо его безотносительность к делимому понятию. Термином «безотносительность» мы определяем случаи, когда в качестве основания классификации используются признаки, характеризующие не само делимое понятие, а иное, пусть даже связанное с делимым понятием образование. Например, в криминалистической литературе встречается классификация следственных действий по ведомственной принадлежности субъекта поисково-познавательной деятельности¹. При использовании подобного основания возникает представление о том, что существуют следственные действия, которые могут быть проведены только следователем органов внутренних дел, только следователем прокуратуры, только следователем органов налоговой полиции и т. д. Но это не соответствует ни положениям уголовно-процессуального закона, ни следственной практике. Очевидно, что ведомственная принадлежность субъекта поисково-познавательной деятельности, не являющаяся признаком следственных действий, не может выступать в качестве основания их классификации.

В криминалистической литературе встречаются классификационные системы, представленные без указания использованного при их построении классификационного основания. На наш взгляд, такое представление криминалистических классификационных систем является ущербным, поскольку сильно затрудняет возможности их анализа и понимания.

Справедливости ради отметим, что недостатки иного рода, например, нарушение принципа объективности при разработке классификационной системы, встречаются в криминалистической тактике лишь в отдельных случаях.

Одной из основных причин недостатков существующих криминалистических классификационных систем является, на наш взгляд, отсутствие четких критериев построения и представления классификаций. В этой связи процедура построения и выбора формы представления криминалистических классификаций требует специального исследования.

В криминалистической литературе относительно *процедуры построения* криминалистических классификаций имеется несколько точек зрения. Так, по мнению Т. В. Аверьяновой, классификация должна проходить в три этапа:

¹ См.: Образцов В. А. Криминалистика (Цикл лекций по новой программе). - М., 1994. - С. 100.

- выбор множества исследуемых объектов;
- указание и точное определение признаков, по которым будет производиться сравнение;
- способ разграничения объектов, то есть алгоритм их выделения в классы¹.

На наш взгляд, указанные Т. В. Аверьяновой этапы, несомненно, являются неотъемлемой частью процедуры построения криминалистической классификации, но не исчерпывают ее содержания.

Свой взгляд на процедуру построения криминалистической классификации высказал П. Б. Куцонис, который выделяет следующие ее этапы:

1. Выделение пространства классификации.
2. Выбор основания классификации.
3. Построение классификации².

Между тем, определение, данное П. Б. Куцонисом заключительному этапу этой процедуры, представляется нам не вполне удачным, поскольку получается, что один элемент (этап) - построение классификации - у него совпадает с процессом разработки классификационной системы в целом, что не соответствует действительности.

В литературе по вопросам логики рассматривается и более многоэтапное построение классификации³, однако деление этого процесса на три этапа в криминалистических классификационных исследованиях представляется наиболее целесообразным.

Характеризуя *первый этап* построения классификации, П. Б. Куцонис отмечает: «Пространство классификации, т.е. множество классифицируемых объектов, выделяется посредством определения понятий. Определение понятий, как и деление объема понятий, представляет собой логическую операцию, используемую в процессе познания объектов действительности. Посредством данной логической операции раскрывается содержание понятия, т.е. зафиксированные в понятии существенные признаки объектов»⁴. Соглашаясь в целом с таким определением первого этапа построения криминалистической

¹ См: Аверьянова Т. В. Интеграция и дифференциация научных знаний как источники основы новых методов судебной экспертизы. - М., 1994. - С. 32.

² См: Куцонис П. Б. Проблемы построения и использования криминалистических классификаций в методике расследования преступлений. Дисс. ... канд. юрид. наук. - М., 1990. - с. 20-22.

³ См: Бойко А.П. Логический анализ структуры классификации. Автореферат дисс.... канд. филос. наук - М, 1983. - С. 10.

⁴ Куцонис П. Б. Указ. соч. - С. 20.

классификационной системы, на наш взгляд, необходимо уточнить, что понимается под признаком объекта с позиции криминалистической науки.

В криминалистической литературе можно встретить два подхода к определению признака объекта. Так, ученые-криминалисты, придерживающиеся первой точки зрения, понимают существенные признаки объекта как те или иные его свойства¹. По мнению ученых, стоящих на иной позиции, следует различать понятия признака и свойства. При этом признак понимается как информационный сигнал о наличии либо отсутствии свойства². Такой подход к определению признака нам представляется наиболее правильным. Таким образом, признак, отраженный в криминалистическом понятии, будет представлять собой информационную характеристику того или иного свойства, присутствующего у каждого из определяемого понятием множества объектов. В свою очередь, выделение пространства классификации можно определить как установление и уяснение информационных составляющих понятия, характеризующих существенные свойства объектов, а также определение их круга, достаточного для отличия этого понятия от любого другого.

На *втором этапе* построения криминалистической классификационной системы определяются стоящие перед субъектом классификации задачи и осуществляется выбор классификационного основания, использование которого позволяет построить систему, в максимальной степени обеспечивающую их решение.

В логико-философской литературе основание построения классификации определяется как признак, по которому производится деление объема понятия³.

Учеными-криминалистами классификационное⁴ основание рассматривается в различных значениях. Так, по мнению Р. С. Белкина и А. И. Винберга, «основанием классификации выступает определенная

¹ См.: Колдин В. Я. Идентификационные признаки и свойства // Труды ВНИИСЭ. Вып. 3. - М, 1971. - С 59; Седова Т. А. Теория и практика доказывания при идентификации объектов на основе структуры и состава. Автореферат дисс....докт. юрид. наук. - Л., 1987. - С. 22; Эйман А. А. Заключение эксперта. Структура и научное обоснование. - М, 1967. - С. 35-36.

² См.: Белкин Е. С. Курс криминалистики. В 3-х т. Т. 2. - М, 1997. - С. 90-91; Лузгин И. М. Методологические проблемы расследования. - М., 1973. - С. 63.

³ См.: Гетманова А. Д. Логика. - М., 1986. - С. 48; Кириллов В. И., Старченко А. А. Логика. - М, 1995. - С. 56 и др.

объективная закономерность»¹. В. А. Образцов выразил точку зрения, согласно которой основаниями могут выступать признаки не только классифицируемого объекта, но и связанных с этим объектом систем (в частности, по отношению к криминалистической классификации преступлений, признаки обстановки совершения преступления и признаки деятельности по выявлению и расследованию преступлений)². П. Б. Куцонис определяет основание классификации как «признак классифицируемых объектов, по которому множество этих объектов разбивается на классы»³.

Анализ вышеприведенных определений позволяет установить, что основание деления, во-первых, носит объективный характер; во-вторых, служит основополагающим условием построения классификационной системы.

Объективность - важнейшее требование к классификационному признаку. Оно означает, что выбранное основание классификации должно исключить возможность субъективного подхода к созданию классификационной системы. Так деление книг на интересные и неинтересные субъективно, поскольку одна и та же книга может быть интересна для одного человека и неинтересна для другого⁴. Нарушение требования объективности ставит под сомнение научное и практическое значение построенной криминалистической классификационной системы. Классификации, носящие ярко выраженный субъективный характер, встречаются в криминалистической науке. В качестве таковой, например, можно привести классификационную систему, предложенную К. К. Фахрутдиновым, который разделил все тактические приемы на неэффективные, малоэффективные, среднеэффективные и высокоэффективные⁵. Представляется, что эффективность того или иного тактического приема определяется в каждом конкретном случае, с учетом сложившейся следственной ситуации лицом, производящим расследование, поэтому подобное деление вряд ли возможно.

¹ Белкин Р. С., Винберг А. И. Криминалистика. Общетеоретические проблемы. - М, 1973. - С. 184.

² См.: Образцов В. А. Криминалистическая классификация преступлений. - Красноярск, 1988. - С. 45-46.

³ Куцонис П. Б. Указ. соч. - С. 21.

⁴ См.: Кириллов В. И., Старченко А. А. Указ. соч. - С. 56.

⁵ См.: Фахрутдинов К. К. К исследованию эффективности тактических приемов допроса // Вопросы эффективности советского уголовного процесса. - Казань, 1983. - С. 129.

По мнению отдельных ученых-логиков, классификационный признак должен быть ясным, т.е. логичным, стройным, четким, хорошо понимаемым¹. На наш взгляд, это обстоятельство необходимо учитывать и при построении криминалистических классификационных систем, поскольку неоднозначное толкование признака, по которому проводится деление объема понятия, может поставить под сомнение научность построенной классификации.

Рассматривая третий этап построения классификаций, П. Б. Куцонис ограничивает его мысленным разделением объектов на классы². Думается, действия по построению классификации не следует ограничивать только мысленным делением объема понятия. На этом этапе также должна быть выбрана форма ее представления.

Прежде чем определить формы представления криминалистических классификаций, думается, необходимо отметить информационный характер данных систем. Под информацией в криминалистической литературе понимается обозначение содержания, полученного из внешнего мира в процессе нашего приспособления к нему и приспособливания к нему наших чувств³. Свойства, которыми характеризуется криминалистическая информационная система⁴, присутствуют в классификационной системе в полном объеме. Обращаясь к ней, пользователь использует ее в целях получения сведений о сущности изучаемого им объекта. Более того, на наш взгляд, классификация представляет собой разновидность информационной модели.

По мнению И. М. Лузгина, криминалистическая модель:

- представляет собой определенную систему, созданную человеком или выбранную им из готовых объектов;
  - воспроизводит признаки оригинала и поэтому используется для опосредованного познания оригинала, является промежуточным звеном между исследователем и оригиналом;
  - обеспечивает получение новой информации об оригинале⁵.
- Эти черты характерны и для построенной криминалистической

¹ См.: Жеребкин В. И. Логика. - Харьков, 1968. - С. 56.

² См.: Куцонис П. Б. Указ. соч. - С. 23.

³ См.: Колдин В. Я., Полевой Н. С. Информационные процессы и структуры в криминалистике. - М., 1985. - С. 31.

⁴ О свойствах криминалистической информационной системы см.: Полевой Н. С. Криминалистическая кибернетика. - М., 1982. - С. 86.

⁵ См.: Лузгин И. М. К вопросу о теории криминалистического моделирования // Актуальные проблемы советской криминалистики. - М., 1980. - С. 50.

классификационной системы.

Классификации являются абстрактными конструкциями, поскольку не носят материального характера. Это сказывается на формах их представления. Анализ литературы позволяет отметить, что основные криминалистические классификационные системы внешне выражаются авторами в форме текста¹, схем², таблиц³, что не противоречит теории криминалистического моделирования⁴.

Представляется, что при классификационных исследованиях того или иного криминалистического понятия можно комбинировать приведенные формы отражения классификаций. Так, дополнение выписанной в виде текста классификационной системы ее схематическим отображением придает наглядность приводимой классификации. Использование таблицы не только обеспечивает наглядность построенной классификационной системы, но и дает возможность характеризовать элементы, составляющие данную систему, количеством входящих в каждый из них объектов, все множество которых составляет объем разделенного понятия. Более того, классификационная таблица позволяет проследивать тенденции изменения количества объектов, входящих в каждый из элементов классификационной системы под воздействием различных условий.

Следует отметить, что зачастую при проведении научного исследования возникает необходимость комплексного рассмотрения различных классификационных систем одного и того же понятия. На наш взгляд, для решения такой задачи в криминалистике необходимо применять так называемую «идею конфигуратора», предложенную В. А. Лефевром. Эта идея, по мнению данного автора, используется с целью увязать между собой различные представления об объекте и дать обоснование каждому из них как особому «срезу» рассмотрения объекта,

¹ Такая форма отражения построенной классификационной системы используется большинством авторов.

² См., например, Порошин Г. Н., Щурин А. Г. Схемы по советской криминалистике. - Волгоград, 1979. - С. 46-47; Артамонов И. И., Порубов Н. И. Советская криминалистика. / Под ред. А. В. Дулова. - Минск, 1977. - С. 48; Альбом схем по криминалистике. - М., 1989; Криминалистика / Под ред. А. Г. Филиппова. - М., 1998 и др.

³ См.: Гутерман М. П. Зависимость способа сокрытия преступления от личности преступника // Криминалистическая сущность, средства и методы установления способов сокрытия преступлений. - М., 1987. - С. 32 и др.

⁴ См.: Лузгин И. М. Моделирование при расследовании преступлений. - М., 1981. - С. 6; Степаненко Д. А. Классификация средств знаково-символической деятельности, адаптированных к задачам криминалистического моделирования // Сибирские криминалистические чтения. Вып. 2. - Иркутск, 1994. - С. 8.

для чего строится особая модель этого объекта - конфигуратор¹. Представляется, что данная идея может использоваться как форма представления построенных классификационных систем в криминалистике. Она заключается в разработке определенной классификационной схемы, цель построения которой - увязать между собой различные системные представления об объекте изучения и дать обоснование каждого из них как особой плоскости рассмотрения криминалистического понятия. Такая классификационная схема (классификационный конфигуратор), по нашему мнению, будет представлять собой совокупность двух и более классификационных систем, построенных в результате деления по различным основаниям одного и того же криминалистического понятия. Классификационный конфигуратор может быть выражен схематически (см. схему 7 в приложении 1).

Основными требованиями к построению классификационного конфигуратора криминалистического понятия, по нашему мнению, являются:

1. Соответствие каждой из составляющих конфигуратор классификационных систем логическим правилам деления объема понятия;
2. Вхождение составляющего эту классификационную схему понятийного аппарата в общекриминалистическую систему понятий (язык криминалистики).

Классификационный конфигуратор позволяет: во-первых, определять полноту существующих классификационных систем (на отсутствие необходимого элемента в классификации указывает невозможность отнесения к ней какого-либо объекта, который подпадает под другие классификации того же понятия); во-вторых, выбирать основания для новых классификационных построений; в-третьих, выявлять и снимать противоречия в уже разработанных классификационных системах.

Количество классификационных систем, составляющих конфигуратор, основания их построения выбираются с учетом целей и задач проводимого научного исследования.

Можно говорить и о практической полезности классификационного конфигуратора. На наш взгляд, его использование позволит наиболее точно описать конкретный предмет или явление, с которыми сталкиваются работники правоохранительных органов в процессе расследования преступлений. Предложенные в конфигураторе раз-

¹ См.: Лефевр В. А. О способах представления объектов как систем // Тезисы докладов симпозиума «Логика научного исследования» и семинара логиков. - Киев, 1962. - С. 25.

личные классификации одного и того же объекта позволяют подходить к описанию его конкретного аналога с различных сторон.

В нормативно-правовых актах часто используется понятие «классификатор»¹. Между тем, такие классификаторы не являются формой представления классификационных систем, а производны от нее. Основное их назначение - унификация терминологического аппарата, используемого в определенном роде деятельности или сфере знаний, чаще всего в автоматизированной обработке информации.

Подводя итог сказанному, представляется целесообразным выделить следующие этапы построения криминалистических классификационных систем:

1. Установление и уяснение информационных составляющих понятия, характеризующих существенные свойства объектов, а также определение их круга, достаточного для отличия этого понятия от любого другого.

2. Определение задач классификации и выбор соответствующего классификационного основания.

3. Проведение деления объема понятия и выбор формы ее представления.

Рассматривая виды криминалистической классификации², нам представляется необходимым, прежде всего, проанализировать *понятия общей и частной классификационных систем*, которые используют в классификационных исследованиях отдельные ученые-криминалисты. Так, В. А. Образцов, применительно к классификации понятия «следственная ситуация», указывает в качестве общих классификации по признакам очередности ситуаций, связи ситуации с этапом расследования, а также классификации следственных ситуаций на проблемные и беспроblemные, благоприятные и неблагоприятные, конфликтные и бесконфликтные, простые и сложные. К частным, по его мнению, относятся классификации, которые возникают при расследовании тех или иных групп криминалистически сходных видов преступлений¹. Таким образом, по сути, В. А. Образцов относит общие

¹ См.: Указ Президента РФ № 2171 «Об общеправовом классификаторе отраслей законодательства Российской Федерации» в редакции от 6 января 1997 г. // Собрание законодательства. 1997, № 1; Приложение 2 «Классификатор оперативно-справочной, розыскной и криминалистической информации автоматизированных поисковых систем» К Приказу МВД РФ № 400 от 31 августа 1993 г. «О формировании и ведении централизованных оперативно-справочных, розыскных, криминалистических учетов, экспертно-криминалистических коллекций и картотек ОВД РФ» и др.

² См. схему 10 в приложении 1.

классификации следственных ситуаций к криминалистической тактике, в рамках которой рассматривается теория следственной ситуации, а частные - к криминалистической методике. Р. С. Белкин относит к частным классификациям классификационные системы различных объектов, изучаемых криминалистической наукой (лиц, предметов, свойств и признаков и т.д.).²

Как нам представляется, понятия общей и частной классификации могут носить и несколько иной смысл. Общая классификация - это классификация, построенная в результате деления главного (родового) понятия по такому основанию (общему признаку), которое без видоизменения может быть использовано при делении объема любого соподчиненного понятия любой другой классификационной системы главного понятия. При этом связи, определяемые основанием деления, будут тождественны аналогичным связям в общей классификационной системе. В этом, на наш взгляд, и будет проявляться свойство общего («общее» в словаре русского языка определяется как принадлежащее, свойственное всем, касающееся всех³). Частная же классификация - классификация, построенная по основанию, носящему частный, индивидуальный характер, которое не может быть использовано при делении объема любого из элементов иных классификационных систем главного (делимого) понятия (см. схему 8 в приложении 1).

В качестве примера общей классификации можно привести классификацию понятия «следственная ситуация» по ее связи с этапом расследования. Элементами такой классификационной системы будут следственные ситуации, возникающие на первоначальном, последующем и заключительном этапах расследования. Если применить то же классификационное основание к любому элементу другой классификационной системы понятия «следственная ситуация», например, к понятию благоприятной следственной ситуации, то во вновь построенную классификационную систему будут входить благоприятные следственные ситуации, возникающие на первоначальном, последующем и заключительном этапах расследования (см. схему 9 в приложении 1).

А. Р. Белкин высказал мнение о том, что классификации в криминалистике могут быть простыми, сложными и составными. Простые классификации, по его мнению, это одноуровневые классификации,

¹ См.: Образцов В. А. Криминалистика /Цикл лекций по новой программе/. - М, 1994. - С. 60-65.

² См.: Белкин Р. С. Общая теория советской криминалистики. - С. 363-370.

³ См.: Ожегов С. И., Шведова Н. К). Указ. соч. - С. 432.

Когда делимое понятие подразделяется на ряд подчиненных понятий. Сложные классификации многоуровневые, когда один или несколько членов одного уровня в свою очередь подразделяются на том же основании на члены второго уровня. Составная классификация представляет собой сложную систему классификаций, связанную между собой («классификационное дерево»)¹.

Анализируя позицию А. Р. Белкина, мы пришли к выводу о корреспондирующей связи между его делением и предложенным нами делением классификации на общие и частные. Так, простая классификация всегда будет частной, а сложная - общей. В составной классификационной системе могут присутствовать как частные, так и общие деления, причем последние будут выполнять связующую роль.

В криминалистической литературе нет единого мнения по вопросу об использовании в качестве классификационного основания существенных и несущественных признаков объекта. Так, Е. Н. Тихонов считает, что классификация может осуществляться только по существенно-му признаку². Аналогичной позиции придерживается А. А. Хмыров³. По мнению П. Б. Куцониса, деление объема понятия может быть проведено как по существенным, так и несущественным признакам объекта". Следует заметить, что возможность использования несущественного признака объекта в качестве основания классификации отражена в справочной литературе и кладется в основу разделения классификаций на естественные (деление проводится по существенному признаку объекта) и искусственные (деление проводится по несущественному признаку), хотя не во всех источниках признается познавательное значение последних⁵.

Н. И. Кондаков дает следующие определения существенному и несущественному признаку классификации. Существенный признак - это признак, который необходимо принадлежит предмету при всех условиях, без которого данный предмет существовать не может и который выражает коренную природу предмета и тем самым отличает его

¹ См.: Белкин А. Р. Криминалистические классификации. - М., 2000. - С. 15-16.

² См.: Тихонов Е. Н. Системы классификаций как научно-теоретическая основа определения групповой принадлежности в криминалистике// Проблемы борьбы с преступностью. Вып. 2. - Томск, 1979. - С. 92.

³ См.: Хмыров А. А. Косвенные доказательства. - М., 1979. - С. 67.

⁴ См.: Куцонис П. Б. Указ. соч. - С. 22.

⁵ См.: Большой энциклопедический словарь Т. 1.-М., 1991.-С. 586, Горский Д П, Ивин А А, Никифоров А. П. Краткий словарь по логике. - М., 1991. - С. 77; Философский словарь / Под ред. И. Т. Фролова. - М., 1986. - С. 200 и др.

от предметов других родов и видов. Несущественный - признак, который может принадлежать, а при некоторых условиях и не принадлежать предмету, но от этого данный предмет не перестает существовать как таковой¹.

Однако в таком своем определении не каждый существенный признак может являться основанием классификации. Для примера рассмотрим понятие «криминалистическая версия», существенным признаком которой является ее обоснованность. Между тем, мы не можем использовать данный признак в качестве классификационного, поскольку необоснованная криминалистическая версия быть не может. Кроме того, в качестве классификационных оснований не могут применяться те существенные признаки понятия, которые необходимо используются для определения его сущности (т.е. без изменения присутствуют у каждого объекта из множества, составляющего объем понятия). Существенный признак, который может являться основанием классификации - это такой признак, который присутствует при любых условиях: во-первых, у определенной части из множества объектов, составляющего объем понятия (по такому признаку проводится дихотомическое деление); во-вторых, у каждого из множества объектов, составляющего объем понятия, но в видоизмененной форме (деление по видоизменению признака).

Использование искусственной классификации в криминалистической науке нам представляется целесообразным и обоснованным. Проводя научное исследование, не всегда удается четко отделить существенное от несущественного, в особенности в области сложных и динамичных социальных объектов и явлений. В качестве примера можно привести использование искусственной классификации в описании внешности по методу словесного портрета². Одним из признаков внешности являются волосы, которые на протяжении длительного времени классифицируются в криминалистике по цвету. Цвет волос - признак несущественный, поскольку волосы могут поседеть, быть покрашены, однако от этого конкретный человек не становится другим, т.е. данный признак характеризует определенное лицо лишь в некоторых временных условиях. Между тем, цвет волос, как один из эле-

¹ См.: Кондаков Н. И. Логический словарь-справочник - М., 1975. - С. 387, 578.

² См.: Аленин А. П., Дубягин Ю. П., Кузнецов А. А. Использование словесного портрета в розыскной деятельности ОВД. - Омск, 1996. - С. 16-17; Дубягин Ю. П. Руководство по розыску и расследованию неочевидных убийств. - М., 1997. - С. 54; Снетков В. А. Словесный портрет // Сборник лекций по криминалистике. - М., 1963. - С. 137.

ментов внешности, играет важную роль при поиске преступников, установлении личности неопознанных трупов, розыске без вести пропавших и т.д.

Наряду с указанными видами криминалистических классификационных систем можно различать классификации по категориальной характеристике заключенного в них знания. В общенаучной литературе по этому основанию классификации подразделяют на качественные и количественные¹. Думается, это деление характерно и для криминалистических классификационных систем. Конечно, в криминалистической науке преобладают классификации качественные. Это деления, связанные с такими сторонами исследуемого объекта, как состав, структура условия и причины возникновения, этапы развития или использования и т.д. Количественные классификации встречаются реже и всегда зависимы от каких-либо величин. Так, например, количественной классификацией является деление огнестрельного оружия по длине ствола на короткоствольное (длина ствола до 150-160 мм), среднествольное (свыше 160 и до 550 мм) и длинноствольное (от 550 до 800 мм).

В криминалистике можно встретить и классификации одновременно зависимые и от качественных и от количественных сторон исследуемого объекта. Такие системы называют качественно-количественными. Примером такого деления служит габитоскопическая классификация роста человека. Согласно этого деления выделяется низкий, средний и высокий рост человека. Однако по качественной характеристике - полу - количественные показатели роста различаются. Так, если для мужчин низким признается рост до 160 см, то для женщин этот показатель на 10 см меньше.

В заключение хотелось бы отметить, что все расширяющиеся масштабы применения системных исследований в криминалистической науке обуславливают необходимость проследить влияние теоретических концепций на конкретные системные исследования в криминалистической науке.

¹ См.: Розова С. С. Указ.соч. - С.57.

ГЛАВА 2. ИСТОРИЯ РАЗВИТИЯ И СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ СИСТЕМНОГО И ПОНЯТИЙНО-ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКОГО УСТРОЙСТВА КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ НАУКИ

§1. Исторические аспекты развития системы криминалистики

Системность науки и средств ее фиксации, формирования и выражения являются ключевыми признаками любой отрасли научного знания. Структурой высшего уровня в любой науке выступает ее система. Не является исключением и криминалистика.

На протяжении всей истории криминалистики взгляды на ее систему неоднократно менялись под воздействием различных факторов как объективных, так и субъективно-идеологических.

Впервые термин «система криминалистики» упомянул один из пионеров криминалистики Г. Гросс. В ее структуре он выделял учение о выявлении и использовании вещественных доказательств, изучение отдельных видов преступлений, а также вопросы, касающиеся быта преступников (изучение воровского жаргона, суеверий и пр.)¹.

Уже в послереволюционные годы (1925 год) попытку определения криминалистики и ее системы предпринял И. Н. Якимов. Он писал: «Криминалистика имеет своим предметом изучение наиболее целесообразных способов и приемов применения методов естественных, медицинских и технических наук к расследованию преступлений и изучению физической и моральной личности преступника, а своей целью ставит помощь правосудию в раскрытии материальной истины в уголовном деле»². При этом И. Н. Якимов делил криминалистику на три части: уголовную технику, уголовную тактику и методологию (общие приемы) расследования, что было значительным шагом вперед.

Например, в разделе «Уголовная тактика», И. Н. Якимовым рассматривались способы общения среди преступников, их поведение до и

¹ Гросс Г. Руководство для следователей как система криминалистики. - СПб., 1908.

² Якимов И. Н. Криминалика: Руководство по уголовной технике и тактике. - М, 1925.-С. 3.

после совершения преступления, особенности розыска и задержания преступников, а также производства некоторых следственных действий (обыска и допроса). В методологии расследования выделялись три группы приемов, направленных на установление вещественного состава преступления, собирание и оценку улик, обследование предполагаемого виновника преступления.

Свой вклад в развитие системы криминалистики внес и другой известный отечественный ученый-криминалист В. И. Громов. В частности, им был введен в науку термин «методика расследования преступлений», используемый в настоящее время для обозначения одного из разделов криминалистики. В. И. Громов писал: «...уголовно-судебная практика и опыт прошлого дают возможность сделать обещающие практические выводы о доступных для каждого человека, имеющего некоторую подготовку, методах работы, использование которых может облегчить работу по расследованию преступлений каждому среднему работнику, без отношения к его личным индивидуальным качествам и способностям... Такие выводы, содержащие практические указания или проверенные на опыте правила, относящиеся к наиболее рациональному использованию всех допустимых законом методов работы в процессе расследования преступлений, изложенные в определенной системе, естественно, могут облегчить работу по расследованию преступлений. Едва ли нужно доказывать то значение, которое может иметь для работников милиции и уголовного розыска знание тех элементарных сведений, которые я подвожу под общее наименование "методики расследования"»¹.

Идеи И. Н. Якимова и В. И. Громова получили дальнейшее развитие в науке. Так, в учебнике «Криминалистика» 1935 года под редакцией А. Я. Вышинского различались три части криминалистики:

- уголовная техника, изучавшая способы применения естественных наук (физики, химии, биологии и т. д.) к расследованию преступлений;
- уголовная тактика, изучавшая, с одной стороны, наилучшие приемы для проведения отдельных следственных действий (допросов, осмотров, обысков и т.д.), а с другой, - наиболее целесообразное взаимное расположение этих действий, систему и планирование процесса расследования;
- частная методика, изучавшая те специфические особенности, которыми отличается расследование отдельных видов преступлений, те приемы, которые на основе общих правил уголовной тактики и тех-

¹ Цит. по работе: Белкин Р. С. Курс криминалистики в 3 т. Т. 1. - М., 1997. - С. 384.

ники подлежат применению, исходя из особенностей данного вида преступлений¹.

К сожалению, в конце тридцатых годов XX столетия только начавшая развиваться в структурном отношении криминалистика попала под идеологический пресс того времени. Главным критиком трех-элементной (и весьма прогрессивной на тот момент времени - А.Г.) структуры криминалистики выступил в 1938 году Б. М. Шавер². «Поскольку, - писал он, - следствие представляет единое, неразрывное целое, в котором нет деления на тактические и технические действия и способы получения и использования доказательств, наука криминалистика, отражая объективный ход следствия, не может делиться на тактику и технику...». В частности, Б. М. Шавер отметил недопустимость раздельного изучения научно-технических и тактических приемов производства отдельных следственных действий, поскольку такое разделение вытекает «из попытки разграничить доказательства, исходя из источников их получения, на доказательства, извлекаемые при помощи исследования вещей, и доказательства, получаемые при помощи людей...». Свои выводы Б. М. Шавер во многом аргументировал недопустимостью деления «советской криминалистики» на технику и тактику, поскольку подобное деление существовало и в «буржуазной криминалистике». Более того, вопросы тактически целесообразного производства следственных действий были отнесены Б. М. Шавером к области уголовного процесса, из-за чего, как впоследствии отметил А. Н. Васильев, более 20 лет с момента появления данной статьи тактическая сторона производства следственных действий практически не разрабатывалась³.

Общий вывод, сделанный Б. М. Шавером, заключался в том, что курс криминалистики должен состоять из общей и особенной частей. К общей он предложил отнести предмет, метод, историю криминалистики, вопросы криминалистической техники, использование данных психологии в процессе допроса и методику построения версий, а к особенной - применение основных принципов криминалистики к расследованию отдельных видов преступлений и методику их расследования.

¹ См.: Криминалистика/ Под ред. А. Я. Вышинского. Кн. 1. - М., 1935. - С. 6-7.

² См.: Шавер Б. М. Предмет и метод советской криминалистики // Социалистическая законность. 1938, № 6. - С. 82.

³ См.: Васильев А. Н. Следственная тактика и ее место в советской криминалистике// Советская криминалистика на службе следствия. Вып. 15. - М., 1961. - С. 22.

Отметим, что по принципу «общая часть - особенная часть» были построены все послевоенные учебники криминалистики начала 50-х годов¹.

Важной, фактически переломной вехой в развитии системы криминалистики стала научная дискуссия, состоявшаяся на заседаниях Совета Всесоюзного научно-исследовательского института криминалистики Прокуратуры СССР в 1955 году. Ряд докладчиков (А. Н. Васильев, А. И. Винберг, М. С. Строгович, С. А. Голунский, Б. И. Шевченко) выступил с критикой двухэлементной системы криминалистики (общая - особенная части).

Так, например, А. Н. Васильев писал, что «накапливание материалов следственной практики, их теоретическое обобщение и разработка научных методов расследования происходит в настоящее время в криминалистике в разрезе трех ее разделов - трех групп вопросов: 1) применение научно-технических средств к расследованию преступлений (криминалистическая техника), 2) методики расследования отдельных видов преступлений (так называемая частная методика), 3) тактики отдельных следственных действий»². А. Н. Васильев отметил также и другую особенность невозможности деления криминалистики на общую и особенную части, заключающуюся в том, что из полученной структуры неизбежно выпадают некоторые важные теоретические вопросы (на тот момент назывались использование данных психологии в процессе допроса, методика построения версий расследуемых преступлений)³.

А. И. Винбергом было высказано мнение о том, что система криминалистики должна включать в себя следующие разделы:

- введение в эту науку, в котором должно быть сказано о предмете, методе и системе науки. В этот раздел, по мнению автора, должны были также войти история развития криминалистики, изложение основных принципов и понятий криминалистической техники, криминалистической тактики и основ методики расследования отдельных видов преступлений, основы исследования вещественных доказательств;

¹ См.: Криминалистика /Под ред. А. И. Винберга и С. П. Митричева. Ч. 1.-М., 1950; Криминалистика/ Под ред. С. П. Митричева и П. И. Тарасова-Родионова. Ч. 2. - М, 1952; Винберг А. И., Шавер Б. М. Криминалистика, учебник для юридических школ. - М., 1950.

² Васильев А. Н. О тактике следствия // Советская криминалистика на службе следствия. Вып.7. -М, 1956. -С. 136.

³ Там же. - С. 142.

- криминалистическая техника, имеющая свою теоретическую часть в виде учения о криминалистической идентификации;
- криминалистическая тактика, имеющая своим ядром учение о следственной версии и излагающая применение техники и тактики при проведении различных следственных и розыскных действий;
- методика расследования, содержащая общие вопросы планирования и методики расследования отдельных видов преступлений¹.

Позиция А. И. Винберга получила отражение в учебнике «Криминалистика» 1959 года².

Характеризуя учебники начала 50-х годов, построенные по системе «общая - особенная части», А. И. Винберг также отметил, что большинство научных сведений разбросано по различным главам этих учебников без достаточной системы. Удивительно, но этот тезис полувековой давности можно со всей обоснованностью применить к структуре и некоторых современных учебников.

Анализируя позицию А. И. Винберга, М. С. Строгович отметил, что возврат к многоэлементной системе криминалистики закономерен и объективен. «Таким образом, - писал он, - возвращаемся к тому, что уже было. Круг замкнулся»³.

В криминалистической литературе середины 50-х - 60-х годов XX столетия высказывались и иные взгляды на систему криминалистики. Так, в 1955 году Б. И. Шевченко, рассматривая криминалистику как тактику расследования преступлений, предложил свой взгляд на систему этой науки. Криминалистика, по его мнению, должна была содержать такие разделы, как «общая тактика», «криминалистическая техника», «тактика следственных действий» и «тактика расследования отдельных видов преступлений». Кроме этих главных разделов, должен был иметься вводный раздел о предмете, методе и системе криминалистики, ее истории и пр.⁴.

Г. Н. Александров в том же 1955 году высказал мнение, что системе криминалистики следует строить путем творческого приспособления к нуждам криминалистики системы военной науки. В криминалистике, по мысли Г. Н. Александрова, «стратегическое значение» играли следственная версия, а также планирование расследования. «В системе

¹ Винберг А. И. О сущности криминалистической техники и криминалистической экспертизы // Советское государство и право. 1955, № 8. - С. 82-88.

² Криминалистика. / Под ред. А. И. Винберга. - М., 1959. - С. 19-20.

³ Вопросы системы советской криминалистики и место в ней следственной тактики // Советская криминалистика на службе следствия. Вып. 7. - М., 1956. - С. 157.

⁴ Там же. - С. 158.

криминалистики должен быть самостоятельный раздел - следственная версия и планирование расследования, который должен возглавить эту систему, дать ей определенное направление. Второй самостоятельный раздел криминалистики - это методика расследования. Применяя тактические и технические приемы, методика обеспечивает выполнение тех замыслов, которые содержатся в следственной версии и плане расследования... Тактика должна разрабатывать производство отдельных следственных действий, она должна быть третьим разделом в криминалистике... Четвертый раздел криминалистики - техника, играющая подчиненную роль»¹.

Идею об основополагающем значении построения следственных версий для формирования системы криминалистики высказал также А. А. Пионтковский², а С. А. Голунский предложил рассматривать их как теоретическую основу криминалистической тактики³. Следственные версии и планирование расследования назывались некоторыми учеными в качестве самостоятельного раздела криминалистики и в последующие годы⁴.

В 1956 году с предложением о выделении тактики следствия как самостоятельного раздела криминалистической науки выступили В. П. Колмаков и А. Н. Колесниченко⁵. К ее предмету авторами были отнесены:

- методы избрания правильного направления расследования, конструирования и плановая проверка версий, определение наиболее целесообразной последовательности применения следственных и оперативно-розыскных мероприятий;
- приемы и методы проведения следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий, а также применение научно-технических приемов и средств;
- организация следственной работы и воспитание личных качеств следователя, необходимых в его деятельности.

Позиция В. П. Колмакова и А. Н. Колесниченко оказала существенное влияние не только на формирование системы криминалистики, но

¹ Вопросы системы советской криминалистики и место в ней следственной тактики // Советская криминалистика на службе следствия. Вып. 7. - М., 1956. С. 159.

² Там же. - С. 158.

³ Там же. - С. 161.

⁴ См: Терзиев Н. В. К вопросу о системе науки советской криминалистики // Правоведение. 1961, №1. - С. 153.

⁵ Тезисы докладов на научной конференции по работам, выполненным в 1955 г. Харьковский юридический институт. - Харьков, 1956. - С. 10-11.

и на структурное устройство таких ее разделов, как криминалистическая тактика и методика расследования отдельных видов преступлений.

Свой взгляд на систему криминалистики обозначил и С. П. Митричев, предложивший в 1959 году следующую систему курса криминалистики: техника и тактика; криминалистическая экспертиза; методика расследования отдельных видов преступлений¹. В последующем, правда, подобная концепция автором больше не высказывалась.

Несмотря на различие в позициях, общим итогом научной дискуссии середины 50-х - начала 60-х годов XX столетия по структурному устройству криминалистики явился практически полный отход от двухэлементной системы науки. Наибольшее распространение получила трехэлементная система (криминалистическая техника, криминалистическая тактика и методика расследования отдельных видов преступлений), трансформировавшаяся в связи с активным развитием в последующие годы общей теории криминалистики в четырехэлементную систему науки.

§2. Современная система криминалистической науки, ее критика и тенденции развития

Для существования и функционирования любой области научного знания необходим единый унифицированный объем понятий, описывающий системные процессы, и унифицированное определение системы высшего, наиболее абстрактного уровня знаний - системы науки. Понятие системы науки выступает базовым понятием структурного каркаса науки.

Как отмечается в науковедческой литературе, на современном уровне развития системных исследований каждая частная наука, как естественная или техническая, так и гуманитарная, применяет системный подход в соответствии со спецификой изучаемых ею явлений, конкретных объектов и возможностями своего категориального аппарата². Таким образом, можно говорить о том, что специфика систематизации знаний в конкретных областях науки обуславливается, прежде всего, их предметом. Более того, систематизацию знаний, полученных в результате познания наукой своего предмета в форме, наиболее доступной для их использования, следует рассматривать как одну из основных задач науки.

¹ Митричев С. П. Преподавание криминалистики в юридических вузах// Социалистическая законность, 1959, №1.

² См.: Самбулов Э. А. Диалектика основных категорий системного анализа// Методологические проблемы конкретных наук - Новосибирск, 1984. - С. 71.

Основными объектами систематизации в криминалистике должны выступать знания, полученные в результате изучения преступной деятельности как в целом (на базовом уровне), так и ее отдельных видов, механизма образования криминалистически значимой информации, а также совокупность разработанных на основе полученных знаний рекомендаций по выявлению, раскрытию, расследованию и предупреждению преступлений.

Построенная на основе этого правила система криминалистики включает в себя четыре элемента:

- общую теорию криминалистики¹;
- криминалистическую технику;
- криминалистическую тактику;
- методику расследования отдельных видов преступлений (криминалистическую методику).

Как справедливо отметил Р. С. Белкин, первый из приведенных элементов криминалистики «...и есть выявленный во всей полноте результат познания криминалистикой своего предмета, три остальных элемента системы - результат использования полученного знания»². Свою точку зрения Р. С. Белкин доказал и с позиций системного подхода, отметив, что:

- указанная система криминалистики противостоит среде как единое целое, поскольку представляет собой единую науку, однородную по своей природе и социальной функции;

- свойства и функции каждого элемента системы криминалистики взаимопределены свойствами и функциями всей системы в целом;

- все элементы данной системы неразрывно связаны друг с другом и, как показывает развитие криминалистики, не могут быть от нее (системы) произвольно отделены;

- каждый из элементов системы в свою очередь может рассматриваться как нечто сложное, как подсистема, причем подсистемы состоят из элементов и образуют своеобразные множества, а изменение состояния любой из подсистем приводит к изменению состояния других подсистем и в конечном счете к изменению состояния всей системы в целом³.

¹ В современной научной и учебной литературе первый раздел криминалистики иногда называется «теоретическими и методологическими основами криминалистики», а также «введением в криминалистику». Второй термин, на наш взгляд, может быть использован для обозначения раздела учебного курса «Криминалистика», но не раздела науки.

² Белкин Р. С. Курс криминалистики. Т. 1. - С. 390.

³ Там же.

Структурная обоснованность четырехэлементной системы криминалистики отмечалась и другими учеными. Так, Е. И. Зуев писал, что система криминалистики состоит из относительно самостоятельных разделов, объединенных общей теорией и тесным взаимодействием¹.

О. Я. Баев высказал точку зрения, что наука криминалистика представляет собой сложную, динамическую, открытую систему. «Это замысловатое выражение, - пишет он, - на языке теории систем означает, во-первых, что криминалистика состоит из нескольких взаимосвязанных и взаимообусловленных подсистем; во-вторых, что она активно и поступательно развивается, реагируя на изменения криминальной и криминалистической практики; в-третьих, что она открыта для включения в нее новых направлений, средств, приемов и методов, основанных на познании вновь открываемых закономерностей движения уголовно-релевантной информации и результатов их проявлений»².

Соглашаясь с мнением О. Я. Баева, подчеркнем, что система криминалистики не должна быть замкнутой. Замкнутость исключает возможность развития самой системы, делает невозможным пополнение системы новыми структурными элементами, понятиями и категориями.

Итак, систему криминалистической науки можно определить как криминалистическую понятийную систему высшего уровня, каждое из понятий которой обозначает один из ключевых взаимосвязанных и взаимообуславливаемых разделов данного научного знания. При этом каждый из разделов в свою очередь представляет собой сложное образование, систему понятий. Как было справедливо отмечено в криминалистической литературе, система науки - внешнее проявление ее содержания³.

Особое значение на современном этапе развития криминалистики приобретает решение проблем, связанных с определением структуры первого раздела криминалистической науки - ее общей теории. Общая теория криминалистики представляет собой систему ее теоретических концепций, методологических принципов и понятий. Ее содержание отражает современный уровень познания предмета криминалистики.

¹ См.: Криминалистика (актуальные проблемы). /Под ред. Е. И. Зуева. - М, 1988. - С.15.

² Баев О. Я. Введение в курс криминалистики // Воронежские криминалистические чтения. Вып. 1. - Воронеж, 2000. - С. 26.

³ См.: Степанов В. В. О системе советской криминалистики // Теория и практика криминалистики и судебной экспертизы. Вып. 4. - Саратов, 1982. - С. 4.

В последние годы в юридической литературе появились утверждения некоторых ученых (С. В. Лаврухин) о том, что концепция общей теории криминалистики до сих пор не выработана, поскольку «отсутствует единый подход к формированию теории (не определены ее эталонные признаки)»; явно недостаточно исследованы узловые проблемы объектов, природы и предмета науки; слабо осуществляется внутринаучный перенос знаний¹. Данная точка зрения представляется спорной.

В криминалистической научной литературе эталонные признаки и концепции общей теории криминалистики приводились неоднократно². Другое дело, что в последние годы появилась критика четырехэлементного структурного устройства криминалистики, что, однако, еще не означает кризис системы науки.

Что же касается «слабого», по мнению С. В. Лаврухина, внутринаучного переноса знаний, то, как нам представляется, опять же в последние годы он принял такие размеры и формы, что ставит под угрозу всю системность криминалистики.

Конечно, дискуссия о системе общей теории криминалистики ведется и в этом нет ничего удивительного, поскольку, как справедливо отметил Н. П. Яблоков, структура этой части криминалистики - «одна из наиболее подвижных»³.

В современной криминалистической литературе обозначено несколько подходов к определению ключевых элементов общей теории криминалистики⁴. Так, по мнению А. А. Эксархопуло, общетеоретическая часть криминалистики должна включать в себя те теории и учения, в которых раскрываются закономерности познаваемых данной наукой явлений объективной действительности: «закономерности развития самой науки криминалистики (научоведческая ее часть); закономерности, наблюдаемые в механизме совершения преступления, в том числе закономерности возникновения информации о преступлении; закономерности деятельности правоохранительных органов, направленной на познание события преступления, установление истины по уголовному делу и предотвращение преступлений»⁵.

¹ См.: Лаврухин С. В. Система криминалистики // Государство и право. 1999, № 8. - С. 31-36.

² См.: Белкин Р. С. Курс криминалистики. В 3 т. Т. 1. - М., 1997; Васильев А. Н., Яблоков Н. П. Предмет, система и теоретические основы криминалистики. - М., 1984; Кирсанов З. И. Система общей теории криминалистики. - М., 1992; Эксархопуло А. А. Основы криминалистической теории. - СПб, 1992 и др.

³ Яблоков Н. П. Криминалистика. - М., 2000. - С. 7.

⁴ Приведены современные точки зрения ученых-криминалистов, придерживающихся взглядов на систему криминалистики как четырехэлементную структуру.

⁵ Эксархопуло А. А. Научоведческие основы криминалистики // Криминалистика. Под Ред. Т. А. Седовой и А. А. Эксархопуло. - СПб, 2001. - С. 23.

Н. П. Яблоков предлагает выделять в структуре общей теории криминалистики следующие элементы:

- «комплекс науковедческих предложений (представление об объекте и предмете познания, задачах, законах развития, связях с родственными и иными науками, их роли в формировании отдельных положений в криминалистике и т.д.);
- теоретические положения, раскрывающие информационные и ситуационные основы расследования и суть криминалистической характеристики преступлений;
- методологические основы и методы криминалистики и криминалистической деятельности;
- теоретические основы криминалистической идентификации, криминалистического моделирования, криминалистического версионного мышления, планово-организационного обеспечения криминалистической деятельности, криминалистической профилактики, прогнозирования и диагностики»¹.

По мнению Р. С. Белкина, общая теория криминалистики включает в себя:

- введение в общую теорию криминалистики;
- частные криминалистические теории (учения);
- учение о методах криминалистики;
- учение о языке криминалистики;
- криминалистическую систематику?

Данные точки зрения выделены нами не случайно. Во всех приведенных концепциях общей теории криминалистики обоснованно рассматриваются в качестве самостоятельного структурного элемента частные криминалистические теории (учения). А. А. Эксархопуло справедливо обращает внимание на необходимость группировки частных криминалистических теорий применительно к различным сторонам объекта познания современной криминалистики. Н. П. Яблоков обоснованно указывает на необходимость выделения в общей теории криминалистики самостоятельным элементом методологических основ криминалистической науки. Р. С. Белкин удачно выделяет элементы, которые структурно входят в методологические основы криминалистики (методы криминалистики, учение о языке криминалистики, теоретические основы криминалистической систематики).

¹ Яблоков Н. П. Указ. соч. - С. 7.

² См.: Белкин Р. С. Курс криминалистики. Т. 1. - С. 56-61; Аверьянова Т. В., Белкин Р. С., Корухов Ю. Г., Россинская Е. Р. Криминалистика./ Под ред. Р. С. Белкина. - М., 1999. - С. 42-43.

щ

По мнению С. И. Коновалова, на сегодняшний день присутствуют объективная необходимость и целесообразность применения обобщающих процедур в построении теории каждой конкретной науки. «Современное состояние теории криминалистики также предполагает проведение упорядоченного обобщения»¹. Эта точка зрения представляется обоснованной.

Обобщая приведенные концепции общей теории криминалистики, иные взгляды и точки зрения по этому вопросу, а также результаты их анализа², мы пришли к выводу о том, что наиболее приемлемой является следующая структура данного раздела криминалистической науки:

- науковедческие основы криминалистики;
- методологические основы криминалистики;
- система частных криминалистических теорий (учений).

Науковедческие основы криминалистики содержат положения, формирующие представление о предмете и объекте познания криминалистики, ее задачах, принципах, законах развития и месте в системе научного знания. Думается, что в этой части общей теории криминалистики следует рассматривать исторические аспекты развития криминалистического научного знания³.

Методологические основы криминалистики включают положения, формирующие представления о методах криминалистической науки, учении о языке (понятийно-терминологической системе) криминалистике и учения о криминалистической систематике (см. схему 12 в приложении 1).

Методы криминалистической науки иногда называются в криминалистической литературе методологией в узком смысле этого понятия⁴. В системе методов криминалистики выделяются:

¹ Коновалов С. И. Теоретико-методологические проблемы криминалистики. - Ростов-на-Дону, 2001. - С. 23.

² Анализ взглядов ученых-криминалистов на структуру общей теории криминалистики, отраженных в криминалистической литературе до середины 90-х годов XX столетия, провел Р. С. Белкин (См.: Белкин Р. С. Курс криминалистики. Т. 1. - С. 56-67).

³ Р. С. Белкиным была высказана позиция, что история криминалистики не входит в содержание науки и не должна включаться в ее систему. Это часть содержания курса криминалистики (См.: Белкин Р. С. Курс криминалистики. Т. 1. - С. 392). Действительно, история науки как сведения о различных датах, фактах, ученых-криминалистах, создании учебных, научно-исследовательских и экспертных учреждений - это необходимый элемент профессиональной подготовки будущего специалиста и, соответственно, часть учебного курса криминалистики. Если же подходить к истории криминалистики с позиций научного развития ее основных категорий, понятий, принципов, задач, методов, систем, то это, несомненно, элемент общей теории науки.

⁴ См.: Аверьянова Т. В., Белкин Р. С., Корухов Ю. Г., Россинская Е. Р. Указ. соч. - С. 42.

- всеобщий МЕТОД научного познания (метод материалистической диалектики);

- общенаучные методы, т. е. методы, используемые во многих областях научного знания (формально-логические (анализ, синтез, индукция, дедукция, аналогия и др.) и чувственно-рациональные (наблюдение, сравнение, описание, измерение, эксперимент, моделирование и т.д.));

- частнонаучные методы, разработанные и применяемые в отдельных науках, заимствованные криминалистикой и приспособленные без серьезного преобразования для решения стоящих перед криминалистикой задач (химические, физические, биологические, социологические, кибернетические и др.);

- специальные (собственно криминалистические) методы, разработанные в криминалистике.

Учение о языке (понятийно-терминологической системе) криминалистики. Решение проблемы целостности знания предполагает обнаружение всевозможных форм контактов между различными сферами науки, выявление действительной основы, на которой возникает обмен методами исследовательской деятельности и ее результатами. Одной из таких форм выступает понятийно-терминологическое определение различных теоретических конструкций, составляющих содержание научного знания. Исследование проблем языка науки способствует усилению процесса теоретизации науки и потому не только обеспечивает единство различных способов отображения анализируемых объектов, создавая некие универсальные приемы исследования, но и повышает степень упорядоченности производимой информации, а значит, и целостность систем знания.

Криминалистика как любая другая область научного знания имеет собственный язык, основным предназначением которого выступает придание большой точности и однозначности употребляемым специальным терминам¹.

Учение о криминалистической систематике, которая, как уже отмечалось ранее, выступает самостоятельной структурной частью общей теории криминалистики.

Система частных криминалистических теорий (учений) является неотъемлемым структурным элементом общей теории криминалистической науки. Отечественный ученый-научковед В. А. Штофф отметил, что наука как знание представляет собой систему или систе-

¹ См.: Белякин Р. С. Криминалистическая энциклопедия. - М., 1997. - С. 273.

мы теорий. Лишь будучи системой теорий, наука способна объяснять многочисленные явления и связи в настоящем и предсказывать ход развития в будущем¹. Криминалистика, как и любая иная наука, также представляет собой систему теорий. Как справедливо отметил до к. Каминский, «для системы "Криминалистика" не может быть действительно научных исследований, которые строятся не как следствия из ее теорий, а как описание отдельных процедурных сторон практики»².

При этом предметом частных криминалистических теорий выступают закономерности объективной действительности из числа тех, которые изучает криминалистика в целом³. Научные положения таких теорий имеют общекриминалистическое значение и используются во всех или в большинстве разделов криминалистики.

В свою очередь, среди частных криминалистических теорий выделяются учения, предметом которых выступают закономерности механизма преступной деятельности (учения о механизме преступления; способе совершения и сокрытия следов преступления и пр.), закономерности возникновения информации о преступлении и лице, его совершившем (учение о механизме следообразования), закономерности собирания исследования, оценки и использования доказательств (учения о криминалистической идентификации, криминалистической диагностике, о фиксации доказательственной информации, о криминалистической версии и планировании расследования, о розыске, криминалистическом прогнозировании, временных связях и отношениях и др.).

Конечно, нами приведен далеко не полный перечень частных криминалистических теорий (учений). Более того, эта структурная часть общей теории криминалистики представляет собой развивающуюся систему, поскольку постоянно происходит процесс ее обновления. В то же время, с процессом развития и обновления системы частных криминалистических теорий, уровнем разработанности отдельных теорий и учений связано немало дискуссионных проблем.

В частности, на наш взгляд, одной из таких проблем выступает тенденция искусственно-механического переноса в общую теорию

¹ См.: Штофф В. А. Проблемы методологии научного познания. - М., 1978. - С. 20.

² Каминский М. К. Что есть, что может быть и чего быть не может для системы «Криминалистика» // Криминалистика, криминология и судебные экспертизы в свете системно-деятельностного подхода. Вып. 3. — Ижевск, 2001. - С. 15.

³ См.: Белкин Р. С. Курс криминалистики. Т. 1. - С. 19.

криминалистики учений, составляющих теоретические основы криминалистической техники, тактики или методики расследования отдельных видов преступления. Например, речь идет об учениях о криминалистической регистрации, тактическом приеме, тактическом решении, тактической комбинации и др. В отдельных случаях статус частной криминалистической теории пытаются придать классификационным образованиям (например, криминалистической классификации преступлений)¹.

В этой связи нельзя обойти вниманием особую позицию В. А. Образцова². По его мнению, все теоретические положения криминалистики должны быть объединены в общей теории науки в рамках различных учений. «Так, - пишет В. А. Образцов, - криминалистическая трасология является частным учением по отношению к криминалистическому учению о следах, поскольку имеет отношение не ко всем следам, как последнее, а лишь к одной из групп материальных следов (следов отображений, отпечатков)»³. Таким образом, если следовать точке зрения автора, любые криминалистические знания о следах должны быть отнесены в соответствующее учение в рамках общей теории криминалистики. Согласно другому предложению В. А. Образцова, судебная баллистика должна рассматриваться как составная часть криминалистического учения об орудиях совершения преступлений⁴. Однако, на наш взгляд, эти два предложения автора находятся в некотором противоречии друг к другу, поскольку, как известно, в судебной баллистике традиционно изучаются не только оружие, но и *следы его применения* (выделено нами. - А. Г.). В этой связи возникает вопрос: а есть ли насущная необходимость отказываться от традиционной, давно сложившейся системы криминалистического знания и создавать новую систему, при этом имеющую довольно спорную структуру?

¹ Эта точка зрения В. А. Образцова уже анализировалась нами ранее. Добавим лишь, что и в новейшей криминалистической литературе встречаются мнения о том, что учение о криминалистической классификации преступлений «в перспективе сможет войти в систему Общей теории криминалистики» (См.: Эксархопуло А. А. Научоведческие основы криминалистики. - С. 22-23).

² В. А. Образцов придерживается мнения о необходимости структурного переустройства криминалистики и выделения в ее системе только двух разделов. Эта точка зрения автора будет рассмотрена нами далее.

³ Образцов В. А. Проблемы криминалистической систематики // Южно-уральские криминалистические чтения. Вып. 8. - Уфа, 2000. - С. 14.

⁴ Там же. - С. 15.

Думается, что необоснованные структурные «переносы» криминалистического научного знания в общую теорию криминалистики фактически лишают другие разделы криминалистики собственного понятийного аппарата, позволяют осуществлять в их рамках лишь разработку прикладных проблем. Нарушаются и системные связи как внутри отдельных разделов криминалистики, так и разделов между собой. В рамках же общей теории между частными криминалистическими теориями и искусственно привнесенными в нее из других разделов криминалистики учениями сохраняются связи типа «общая теория криминалистики - иной раздел криминалистики». То есть происходит разрушение системных связей и внутри общей теории криминалистики. При этом часть теоретических знаний не находит отражения в новых системах. В итоге границы разделов «размываются», устойчивость системы науки теряется, а это прямой путь к бессистемности и понятийной неопределенности криминалистики.

Другой проблемой формирования системы частных криминалистических теорий на сегодняшний день выступает введение в общую теорию криминалистики недостаточно аргументированных либо малоизвестных теоретических конструкций¹. В их числе можно назвать:

- криминалистическую эйдологию;
- криминалистическую фактологию;
- криминалистическую эвристику;
- криминалистическую феноменологию;
- криминалистическую интерпретацию;
- теорию криминалистического программирования экспертно-креативных систем²;
- криминалистическую теорию общения³;
- криминалистическую ГОМОЛОГИЮ⁴;
- криминалистическую кадаврологию⁵;
- теорию усложненного непосредственного познания;
- теорию распознавания⁶.

¹ См.: Белкин Р. С. Криминалистика: проблемы сегодняшнего дня. - М., 2001. - С. 224.

² См.: Зорин Г. А. Теоретические основы криминалистики. - Минск, 2000. - С. 19.

³ См.: Лукашевич В. Г. Основы теории профессионального общения следователя. Автореферат Дисс. ... докт. юрид. наук - Киев, 1993.

⁴ См.: Образцов В. А. Криминалистическая дидактика: еще раз об изменении научной парадигмы // Российское законодательство и юридические науки в современных условиях состояние, проблемы, перспективы. - Тула, 2000. - С. 57.

⁵ Цит. по Белкин Р. С. Криминалистика: проблемы сегодняшнего дня. - С. 235.

⁶ См.: Криминалистика. /Отв. ред. В. Е. Корноухов. - М., 2000.

Мы не будем подробно останавливаться на каждой из перечисленных концепций, тем более что большинство из них уже обоснованно критиковалось в криминалистической литературе¹. Отметим лишь, что различные научные положения далеко не всегда можно возводить в ранг частного криминалистического учения (теории). Появление любого нового системного образования в рамках науки неизбежно ведет к положительному изменению, модернизации всей ее системы, однако только в тех случаях, когда оно носит объективный, а не искусственный характер.

В криминалистической науке продолжается дискуссия по поводу системы криминалистики в целом. Более того, анализ научной литературы последних лет позволяет выявить весьма опасную тенденцию - стремление отдельных ученых к «слому» устоявшихся в криминалистике системных образований и воздвижению на их месте новых построений. Объектом критики при этом выступает традиционная четырехэлементная система криминалистической науки. При этом обоснованность такой критики весьма спорна.

Всех критиков современной системы криминалистики можно разделить на два лагеря:

- сторонников возврата к двухэлементной системе криминалистики (общая - особенная части);
- сторонников увеличения числа разделов криминалистической науки.

Точки зрения о необходимости возврата к двухэлементной системе криминалистики высказывались неоднократно, начиная с 1976 года, когда А. А. Эйсманоу было предложено делить криминалистику на общую и особенную части².

В 1982 году точку зрения, близкую к идее деления криминалистики на общую и особенную части, высказал В. В. Степанов. По его мнению, общая система криминалистики должна представлять собой: 1) Введение в науку; 2) Общую часть, включающую в себя организацию работы по расследованию и предупреждению преступлений, криминалистическую идентификацию, логические основы расследования, криминалистическую тактику; 3) Особенную часть,

¹ См.: Белкин Р. С. Указ. соч. - С. 224-237.

² Однако уже через два года А. А. Эйсманоу существенно изменил свой взгляд на систему криминалистики, предложив ее пятиэлементную структуру. Подробнее о содержании взглядов А. А. Эйсмана на систему криминалистики и их критическом анализе см. Белкин Р. С. Курс криминалистики. В 3 т. Т. 1. - М., 1997. - С. 391-392.

включающую в себя методику расследования отдельных видов преступлений¹.

В 1988 году свое видение системы криминалистики предложил Л. Я. Драпкин, выделив в ее структуре общую часть, объединяющую общую теорию криминалистики, общие положения криминалистической техники, тактики и методики, и особенную часть, раскрывающую особенности применения общей части в расследовании отдельных видов и групп преступлений². К точке зрения Л. Я. Драпкина близка позиция, высказанная Г. А. Матусовским³.

Отметим, что не получившие широкой научной поддержки в 80-х - первой половине 90-х годов взгляды В. В. Степанова, Л. Я. Драпкина и Г. А. Матусовского были неожиданно реанимированы в научной и учебной литературе в последние годы.

В частности, в 2000 году в сборнике научных трудов Тульского государственного университета «Российское законодательство и юридические науки в современных условиях» была опубликована статья известного российского ученого-криминалиста В. А. Образцова «Криминалистическая дидактика: еще раз об изменении научной парадигмы», в которой автор высказал ряд предложений по совершенствованию структурного устройства современной криминалистики, заключающихся в общем виде в переходе к системе «общая - особенная части»⁴. Эта система была представлена в учебнике криминалистики под редакцией В. А. Образцова, вышедшем в 1997 году⁵. При этом в рамках общей части представлены такие разделы, как «Введение в криминалистику» и «Поисково-познавательная деятельность в уголовном судопроизводстве как объект криминалистического обеспечения», а особенной - «Особенности криминалистического обеспечения досудебного уголовного производства», «Организационно-тактические особенности подготовки и производства следственных действий», «Методико-криминалистическое обеспечение предварительного расследования».

¹ Степанов В. В. О системе советской криминалистики // Теория и практика криминалистики и судебной экспертизы. - Саратов, 1982. - С. 7.

² См.: Драпкин Л. Я. Ситуационный подход и система криминалистики // Предмет и система криминалистики в свете системных исследований. - М., 1988. - С. 82.

³ См.: Матусовский Г. А. О системе советской криминалистики // Предмет и система криминалистики в свете современных исследований. - М., 1988.

⁴ См.: Образцов В. А. Криминалистическая дидактика: еще раз об изменении научной парадигмы // Российское законодательство и юридические науки в современных условиях: состояние, проблемы, перспективы. - Тула, 2000.

⁵ См.: Криминалистика. / Под ред. В. А. Образцова. - М., 1997.

Одно из основных критических замечаний, высказываемых В. А. Образцовым, - это несостоятельность ставшего традиционным деления криминалистики на четыре раздела с точки зрения формально-логической теории классификации. На наш взгляд, с этим утверждением трудно согласиться.

Как было отмечено выше, любая криминалистическая классификационная система представляет собой целостное понятийное образование, каждый из элементов (понятий) которого находится в неразрывных, взаимоопределяющих связях между собой. В числе таких связей, прежде всего, следует выделять связи построения, которые выражаются: во-первых, в том, что соподчиненные понятия являются результатом деления одного понятия (родового, главного); во-вторых, все соподчиненные понятия обладают тем же набором признаков, характеризующих тот или иной предмет или явление, что и родовое понятие, за исключением признака деления.

Изучение связей между разделами криминалистической науки позволяет сделать вывод, что современная система криминалистики не является классификационной. Более того, осуществить классификацию понятия «криминалистика» так, чтобы классификационными элементами выступали понятия отдельных разделов науки (общей теории криминалистики, криминалистической техники, тактики и методики расследования отдельных видов преступлений), представляется невозможным, поскольку вряд ли можно назвать основание подобного деления. Как уже отмечалось ранее, в основу четырехэлементной системы криминалистики положены совершенно иные критерии. В этой связи вряд ли обоснованно ставить вопрос о состоятельности или несостоятельности современной системы криминалистики с точки зрения формально-логической теории классификации.

Однако то обстоятельство, что система криминалистики не является классификационной, вовсе не умаляет ее научного и практического значения. Добавим, что классификационную систему криминалистики, состоящую из общей и особенной части, идея которой была представлена В. А. Образцовым, также невозможно построить по аналогичным причинам.

Другой проблемой современной системы криминалистики, по мнению В. А. Образцова, выступает ее отдаленность от потребностей правоприменительной практики, что указывает на ее «искусственный» характер. «Знания и достижения из области теории, техники, тактики и методики, - пишет автор, - на практике реализуются не сами по се-

68, не в отрыве одних от других, не в автономном режиме. Они работают одновременно, в тесном взаимодействии, взаимосвязи и взаимообусловленности, в увязке и как бы в переваренном субъектом познания виде, адаптированном применительно к целям, задачам, логике и структуре развития практического знания в ходе выявления, раскрытия, судебного исследования деяний с признаками преступлений и связанных с ними событий»¹.

Из объяснений В. А. Образцова не совсем понятно, почему тесная взаимосвязь и взаимообусловленность между различными криминалистическими знаниями указывает на их отдаленность от правоприменительной практики и на искусственность системы криминалистики. Наоборот, сохраняющаяся связь между научными положениями и рекомендациями из различных разделов криминалистики при их практическом применении указывает на эффективность и структурную обоснованность четырехэлементной системы науки.

Вызывают возражения и попытки создания системы криминалистической науки на основе такого признака, как субъект применения криминалистических рекомендаций. Эта идея, горячо поддержанная В. А. Образцовым², высказывалась и некоторыми другими учеными-криминалистами (А. М. Ларин, В. И. Шиканов и др.³). Она предполагает выделение следственной, оперативно-розыскной, судебно-экспертной, прокурорской, судейской криминалистик. При этом существование криминалистической науки в целом обуславливается ничем иным, как наличием общих черт у различных «криминалистик». Детальный анализ этой концепции привел к убеждению в том, что авторы, поддерживающие эту концепцию, подменяют в своих тезисах систему криминалистики, как науки, системой учебной дисциплины «Криминалистика». Недаром В. А. Образцов в упомянутой статье предлагает определять некоторые криминалистические термины, структуру отдельных разделов криминалистики не на основе результатов криминалистических научных исследований, а в соответствии с минвузовским общеобразовательным стандартом.

¹ См.: Образцов В. А. Криминалистическая дидактика: еще раз об изменении научной парадигмы // Российское законодательство и юридические науки в современных условиях: состояние, проблемы, перспективы. - Тула, 2000. - С. 58.

² См.: Образцов В. А. Криминалистическая дидактика: еще раз об изменении научной парадигмы. - С. 59.

³ См.: Ларин А. М. Криминалистика и паракриминалистика. - М., 1996. - С. 25-27; Протасевич А. А., Степаненко Д. А., Шиканов В. И. Моделирование в реконструкции расследуемого события. - Иркутск, 1997. - С. 7-8.

Мы не возражаем против выделения в рамках учебной дисциплины «Криминалистика» специальных курсов, аккумулирующих научные рекомендации, принципиально важные для профессиональной деятельности тех или иных субъектов. Как справедливо отмечается в научной литературе, система науки и система учебного курса криминалистики могут не совпадать в полной мере из-за приспособления последнего к специфически ведомственным потребностям обучения криминалистике¹. Более того, формирование таких курсов может производиться не только по субъектному (ведомственному) признаку, но и по другим критериям (например, в зависимости от специализации будущих юристов). Однако, на наш взгляд, не совсем правильно «подгонять» систему науки и ее отдельных разделов под систему учебной дисциплины и терминологию, отраженную в общеобразовательных стандартах, поскольку вряд ли возможно ставить отрасль научного знания в зависимость от сопутствующей учебной дисциплины.

Дискуссионен и вариант двухэлементной системы криминалистики, предлагаемый С. В. Лаврухиным. По мнению автора, система науки должна выглядеть следующим образом:

«1. Общая часть.

1.1. Общая теория криминалистики.

1.2. Техничко-криминалистические методы, приемы и средства (отрасли технико-криминалистического обеспечения процессов выявления, раскрытия и предупреждения преступлений).

1.3. Алгоритмы следственных действий (осмотра места происшествия, допроса и др.).

2. Особенная часть (методики выявления, раскрытия и предупреждения преступлений отдельных видов и групп)»².

По утверждению автора, в основе разработанной им системы лежит принцип дедукции: «от всеобщих знаний (общей теории) к общим (второй и третий разделы общей части) и далее к частным».

Представляется, что концепция С. В. Лаврухина не системна по своему содержанию. Фактически автор ведет речь все о той же четырехэлементной системе науки, не требующей дополнительной структурной надстройки в виде общей и особенной части.

Спорен и использованный С. В. Лаврухиным для обозначения выделенных им разделов терминологический аппарат. В частности, как

¹ См.: Яблоков Н. П. Криминалистика. - М., 2000. - С. 6.

² Лаврухин С. В. Система криминалистики. - С. 36.

элементы раздела «алгоритмы следственных действий» им называются криминалистическая классификация следственных действий, этапы следственного действия, понятие и критерии допустимости приема следственного действия, комбинирование приемов следственных действий, проблема риска при производстве следственного действия!.. Что имеет в виду автор, предполагая наличие «алгоритма проблемы риска» дай «алгоритма понятия и критериев допустимости приема следственного действия», непонятно. Кроме того, где остальные элементы и понятия, традиционно рассматриваемые в криминалистической тактике? Почему из содержания криминалистики исключена методика *расследования* (выделено нами. - А. Г.) отдельных видов преступлений?

За деление криминалистической науки на общую и особенную части выступает и В. Е. Корноухов. По его мнению, общая часть криминалистики должна состоять из двух разделов: закономерности отражения преступной деятельности в обстановке совершения преступлений и теории расследования преступлений.

В закономерности отражения преступной деятельности в обстановке совершения преступлений автор включает «... теорию следоведения, в которой раскрывается механизм отражения преступления в обстановке с учетом основных сфер деятельности человека и дается общая классификация следов преступления. В дальнейшем через систему учений (о социально-психологических характеристиках преступной среды, о навыках, о способе совершения преступления, о противодействии) раскрываются более глубокие закономерности отражения, что позволяет их системно изложить, раскрыть связи со следами преступления»².

Теория расследования преступлений, по мнению В. Е. Корноухова, включает в себя учения об объективных связях между деянием и последствиями (данное учение представлено автором как объединяющее первый и второй разделы общей части криминалистики. - А. Г.) о средствах познания, об оперативно-розыском и информационном обеспечении расследования, а также особенности расследования конкретного уголовного дела и теория профилактики.

Особенная часть системы науки криминалистики в концепции³ В. Е. Корноухова отражает закономерности процессов расследования «по категориям преступлений через систему методик».

¹ Лаврухин С. В. Система криминалистики. - С. 33-34.

² Корноухов В. Е. Введение в курс криминалистики // Криминалистика. Общая часть. / Под ред. В. Е. Корноухова. - М., 2000. - С. 20.

Что же касается таких разделов криминалистической науки, как криминалистическая техника и тактика, то в изложенной концепции они не присутствуют. Более того, отмечается пагубный характер увлечения проблемами криминалистической тактики, разработки тактических рекомендаций общего характера. По мнению В. Е. Корноухова, это «затормозило развитие тактики следственных действий» (? - А. Г.).

На наш взгляд, подобный подход к системе криминалистики отбрасывает ее в своем развитии далеко назад, перечеркивает многие научные достижения последних десятилетий.

Кроме того, спорен тезис В. Е. Корноухова о том, что система криминалистики должна соответствовать системе большинства иных правовых наук, строящихся по принципу деления на общую и особенную части. На наш взгляд, такое структурное устройство характерно для юридических наук, изучающих конкретные отрасли материального или процессуального права, а не прикладных областей правового знания, к которым относится криминалистика¹.

Анализируя предлагаемые в криминалистической литературе концепции двухэлементной системы криминалистики, хотелось бы отметить, что основные недостатки подобного структурного устройства науки, отмеченные А. Н. Васильевым (неизбежность выпадения из такой структуры некоторых важных теоретических вопросов)² и Р. С. Белкиным (эклектичность и внутренняя противоречивость)³, со времен работ Б. М. Шавера и до настоящего времени приверженцами этой научной позиции так и не были преодолены. Кроме того, при разработке подобных концепций не учитываются исторические закономерности развития системы криминалистической науки. Добавим также, что обозначенные в научной и учебной литературе концепции двухэлементной системы криминалистики значительно отличаются друг от друга по своему внутреннему содержанию.

По мнению большинства сторонников увеличения числа разделов криминалистической науки в ее структуре, помимо традиционных общей теории, криминалистической техники, тактики и методики расследования отдельных видов преступлений, необходимо выделять

¹ Прикладной характер криминалистической науки был отмечен Р. С. Белкиным и А. И. Винбергом еще в 1973 году (см.: Белкин Р. С., Винберг А. И. Криминалистика. Общие теоретические проблемы. - М., 1973. - С. 158).

² См.: Васильев А. Н. О тактике следствия // Советская криминалистика на службе следствия. Вып. 7. - М., 1956. - С. 142.

³ См.: Белкин Р. С. Курс советской криминалистики. Т. 1. - М., 1977. - С. 278.

пятый элемент - раздел, включающий в себя вопросы организации расследования преступлений¹.

Впервые эта идея была озвучена еще в 1968 году С. С. Степичевым, назвавшим в качестве второго раздела криминалистики «организационно-методические основы расследования»². Эта идея не получила широкой поддержки со стороны ученых-криминалистов, хотя в советский период развития криминалистической науки особый структурный статус планово-организационных основ расследования в системе криминалистики отмечался и некоторыми другими авторами (В. В. Клочков, А. М. Ларин, Н. А. Селиванов, В. Д. Зеленский)³. При этом предлагалось рассматривать эту часть криминалистики и как самостоятельный раздел науки (например, общую криминалистическую методику или организацию расследования), и как структурный элемент методики расследования отдельных видов преступлений.

Во второй половине 90-х годов XX столетия эта концепция получила отражение в белорусском учебнике криминалистики, под редакцией А. В. Дулова, а также цикле работ А. Г. Филиппова.

В учебнике криминалистики под редакцией А. В. Дулова в систему криминалистики был введен пятый раздел под названием «Криминалистическая стратегия» и помещен между криминалистической тактикой и методикой расследования отдельных видов преступлений⁴. Чет-

¹ Отдельные ученые-криминалисты делают и более радикальные, но вряд ли приемлемые предложения по увеличению количества разделов современной криминалистики и их места в системе науки. Так, Г. А. Зорин помимо выделяет семь разделов криминалистической науки в следующей последовательности: теория криминалистики; методология криминалистики; стратегия криминалистики; криминалистическая тактика; криминалистическая методика; криминалистическая техника; криминалистическая экспертиза (См.: Зорин Г. А. Теоретические основы криминалистики. - Минск, 2000. - С. 23).

² См.: Степичев С. С. О системе советской криминалистики // Правоведение, 1968. № 4. - С. 65-66.

³ См.: Клочков В. В. Объект, предмет и система советской криминалистики // Предмет и система криминалистики в свете современных исследований. - М., 1988 - С. 15; Ларин А. М. Проблема общей методики расследования в структуре советской криминалистики // Методика расследования преступлений (общие положения). Материалы научно-практической конференции (Одесса, ноябрь 1976 г.). - М., 1976. - С. 14; Селиванов Н. А. Советская криминалистика: система понятий. - М., 1982. - С. 93; Зеленский В. Д. Организация расследования преступлений. Криминалистические аспекты. - Ростов-на-Дону, 1989. - С. 58.

⁴ Мнение о том, что выделение «криминалистической стратегии» в качестве самостоятельного раздела криминалистики выступает «нововведением, не лишенным оснований», высказал и А. А. Эксархопуло (См.: Эксархопуло А. А. Научно-методические основы криминалистики // Криминалистика/ Под ред. Т. А. Седовой и А. А. Эксархопуло. - СПб., 2001. - С. 23-24). Однако в структуре указанного учебника данный раздел не выделен, а вопросы выдвижения и проверки версий, планирования расследования рассматриваются в разделе «Криминалистическая тактика».

кое определение этого раздела в учебнике не сделано, лишь отмечена его связь с вопросами организации расследования в целом. При этом в его структуре были выделены следующие элементы:

«а) выявление союзников и основы взаимодействия с ними (применительно к расследованию - это основы взаимодействия с органами милиции, контрразведки, государственными контрольными и инспекционными органами, с формированиями общественности);

б) изучение общих моделей и методов расследования уголовных дел. В одних случаях следователь вынужден идти от отдельного факта к постепенному познанию преступного явления, в других же случаях ему известна общая система преступных действий и его работа направлена на выявление отдельных недостающих фактов. Эти общие подходы и должна изучать стратегия расследования;

в) изучение общих рекомендаций по организации процесса расследования (исследование особенностей мыслительной деятельности следователя и путей ее организации, организация процессов взаимодействия, правила формирования материалов уголовного дела);

г) изучение процессов противодействия и путей их предупреждения и ликвидации»¹.

Почему именно эти вопросы должны быть включены в данный раздел науки, в рассматриваемом учебнике не разъясняется. Более того, значительно затрудняет понимание позиции авторов включение в раздел «Криминалистическая тактика» главы «Организация расследования». При этом в данной главе раскрываются фактически те же вопросы (поиск союзников и взаимодействие с ними, организация мыслительной деятельности следователя и пр.)².

Сказанное позволяет охарактеризовать концепцию, изложенную в учебнике под редакцией А. В. Дулова, как двойственную, спорную. Думается, что на сегодняшний день нет ни структурных, ни понятийно-терминологических предпосылок выделения подобного раздела. В частности, на это обстоятельство справедливо указал в своей последней работе Р. С. Белкин, отметив, что криминалистическая стратегия «... не имеет общекриминалистического значения, эклектична по содержанию, а сфера ее практического приложения - лишь один из этапов процесса раскрытия и расследования преступлений. Фактически это обновленный вариант криминалистического учения о планировании расследования с использованием некоторой современной терминологи-

¹ Криминалистика. / Под ред. А. В. Дулова. - Минск, 1996. - С. 27-28.

² См.: Криминалистика. / Под ред. А. В. Дулова. - Минск, 1996. - С. 272-289.

гии системно-структурного метода, теории рефлексии и некоторых иных областей знания»¹.

Спорный характер предложения А. В. Дуловым по выделению раздела криминалистики «Криминалистическая стратегия» отмечался и некоторыми другими учеными-криминалистами².

Позицию о необходимости выделения в системе криминалистики пятого раздела, посвященного общим вопросам организации расследования преступлений, активно отстаивает А. Г. Филиппов. В частности, в учебнике криминалистики 1998 года, ответственным редактором которого выступил А. Г. Филиппов, в данный раздел включены следующие главы: «Общие вопросы организации работы на первоначальном этапе раскрытия и расследования преступлений», «Криминалистические версии и планирование расследования», «Взаимодействие следователя с работниками уголовного розыска, специалистами-криминалистами и сотрудниками других служб органов внутренних дел», «Розыскная работа следователя», «Основы применения ЭВМ в раскрытии и расследовании преступлений»³. Данный раздел размещен в структуре учебника после раздела «криминалистическая техника» и перед разделом «Криминалистическая тактика».

Правда, уже через год А. Г. Филиппов несколько изменил свою позицию и высказал мнение, что с позиции учебного курса «вопросы, связанные с версиями, целесообразно излагать позднее, после техники и тактики. Кроме того, версии невозможно отделить от планирования расследования, а оно, безусловно, относится к организационному разделу»⁴.

Общие выводы, которые сделал А. Г. Филиппов, были сведены к следующему:

«1. Очевидно, что четырехчастная система криминалистики устарела и уже не отвечает современным требованиям. Внесение в нее определенных изменений - не волюнтаризм, а насущная необходимость.

2. Наилучшим вариантом реформирования прежней структуры является добавление к четырем существующим пятого раздела, в кото-

¹ Белкин Р. С. Криминалистика: проблемы сегодняшнего дня. - М., 2001. - С. 80.

² Например, по мнению В. П. Бахина этот раздел может превратиться в «собрание несоединимого» (См.: Бахин В. П. Предмет науки криминалистики. Лекция. - Киев, 1999. - С. 10).

³ См.: Криминалистика. /Под ред. А. Г. Филиппова и А. Ф. Волынского. - М., 1998.

⁴ Филиппов А. Г. О системе отечественной криминалистики// Государство и право. 1999, № 8. - С. 41. См. также Филиппов А. Г. Еще раз к вопросу о системе криминалистики// Юридическое образование и наука. 2000, № 2 - С. 31.

ром должны быть сосредоточены вопросы, «не вписывающиеся» ни в один из традиционных разделов и относящихся преимущественно к организации раскрытия и расследования преступлений. От этого криминалистика ничего не теряет, а ее курс приобретает необходимые стройность и логичность.

3. Пятичастная система учебного курса криминалистики успешно функционирует в ряде вузов уже несколько лет....

4. Сейчас есть все основания поставить вопрос о целесообразности структурной перестройки не только учебного курса криминалистики, но и курса науки¹.

Думается, что вопрос о целесообразности глобальной структурной перестройки науки криминалистики преждевременен.

Во-первых, то обстоятельство, что четырехэлементная система криминалистики просуществовала более сорока лет, вовсе не свидетельствует о том, что она устарела. Наоборот, это подтверждает ее значимость, стабильность, структурную выдержанность и эффективность.

Во-вторых, система криминалистики является открытой и, безусловно, может быть изменена, но только в тех случаях, когда для этого появятся объективные, а не субъективные предпосылки.

В-третьих, как уже было отмечено, не следует ставить систему науки в зависимость от ее учебного курса, тем более что предлагаемая А. Г. Филипповым структура такого курса представляется нам не совсем логичной.

Отнесение учений о криминалистических версиях и планировании расследования, о взаимодействии следователя с иными работниками правоохранительных органов к четвертому (следующему за криминалистической тактикой) разделу курса криминалистики неудачно. Учения о криминалистических версиях и планировании носят общетеоретический характер и должны включаться в первый раздел. Вопрос же о взаимодействии объективно должен рассматриваться в криминалистической тактике после ее общих положений и до тактики отдельных следственных действий. В то же время, некоторые темы, включенные А. Г. Филипповым в предлагаемый раздел (например, «розыскная деятельность следователя»), не могут рассматриваться и до общих положений криминалистической тактики (например, до изучения таких тактико-криминалистических категорий, как тактический прием, тактическая операция, тактическое решение, тактический риск и пр.).

¹ Филиппов А. Г. О системе отечественной криминалистики. - С. 41.

Это обстоятельство, кстати, лишний раз убедительно доказывает обоснованность отнесения учений о взаимодействии следователя с работниками иных правоохранительных органов, розыскной деятельности следователя именно в криминалистическую тактику, показывает их тесную структурную взаимосвязь как с общими положениями криминалистической тактики, так и с тактикой отдельных следственных и иных процессуальных действий.

Кроме того, спорным представляется и вынесение в «новый» раздел таких структурных элементов криминалистики, как «криминалистическая регистрация» и «основы применения ЭВМ в раскрытии и расследовании преступлений», поскольку это, на наш взгляд, неотъемлемые части криминалистической техники.

Что же касается «сквозного» характера учений о криминалистической версии и планово-организационных основах расследования, неоднократно отмечаемого А. Г. Филипповым, то здесь возражений с нашей стороны не последует. Однако это лишний раз доказывает обоснованность вынесения учения о криминалистической версии и планирования расследования в общую теорию криминалистической науки в разряд частных криминалистических теорий¹.

Рассматривая нетрадиционные взгляды на систему криминалистики, нельзя обойти вниманием позицию В. Ф. Ермоловича, предложившего дополнить систему криминалистики пятым разделом - криминалистической характеристикой отдельных видов преступлений. При этом система криминалистики, по мнению автора, может быть представлена следующим образом:

- первый раздел «Криминалистическая методология»;
- второй раздел «Криминалистическая характеристика преступлений»;
- третий раздел «Криминалистическая техника»;
- четвертый раздел «Криминалистическая тактика»;
- пятый раздел «Криминалистическая методика расследования преступлений».

В рамках второго раздела, по мнению В. Ф. Ермоловича, должны рассматриваться «общие родовая, групповая и видовая криминалис-

¹ Например, в разработанном на базе МГУ им. М. В. Ломоносова учебнике криминалистики под редакцией Н. П. Яблокова глава «Криминалистические версии и основы планово-организационного обеспечения криминалистической деятельности» помещена именно в раздел «Теоретические, методологические и науковедческие основы криминалистики» учебного курса. (См.: Криминалистика. / Под ред. Н. П. Яблокова - М., 1999).

тические характеристики преступления», а «также частные родовая, групповая и видовая криминалистические характеристики отдельного компонента преступления». При этом теория криминалистической характеристики преступлений должна рассматриваться и в первом разделе криминалистики, включая в себя криминалистические учения о способе совершения преступления, о сокрытии преступления и уклонении преступника от уголовной ответственности и наказания, о механизме преступления, о личности преступника (потерпевшего)¹.

Позиция В. Ф. Ермоловича представляется спорной. Конечно, учение о криминалистической характеристике преступления играет важную научную и практическую роль. В последние годы в криминалистической литературе получила обоснованное распространение точка зрения о необходимости включения теоретических основ криминалистической характеристики преступления в первый раздел криминалистической науки - общую теорию². Однако учение о криминалистической характеристике преступления не может претендовать на роль некой «сверхтеории», объединяющей иные частные криминалистические теории и учения. Например, понятия криминалистической характеристики преступления и механизма преступления тесно связаны, по не носят соподчиненного характера по отношению друг к другу.

Кроме того, вряд ли целесообразно введение многоуровневого подхода к определению криминалистической характеристики³. На наш взгляд, подход к пониманию этого понятия должен быть единым.

Что же касается криминалистических характеристик отдельных видов преступлений, то структурно обоснованным является их нахождение в системе четвертого раздела криминалистики - криминалистической методики.

Итак, подводя итог сказанному, отметим, что современная четырехэлементная система криминалистической науки вполне соответст-

¹ См.: Ермолович В. Ф. Криминалистическая характеристика преступлений. - Минск, 2001. - С. 276-277.

² См.: Возгрин И. А. Основные положения учения о криминалистической характеристике преступлений. // Криминалистика / Под ред. Т. А. Седовой и А. А. Эсархопуло. - СПб., 2001. - С. 73-79; Яблоков Н. П. Информационно-структурные основы изучения преступной деятельности // Криминалистика / Под ред. Н. П. Яблокова. - М., 1999. - С. 35-51 и др.

³ В. Ф. Ермолович выделяет целых пять таких уровней (См.: Ермолович В. Ф. Указ. соч. - С. 234).

вует стоящим перед ней общей, специальным и частным задачам и нет никакой необходимости и тенденций к уменьшению или увеличению их числа. Любые попытки изменения структуры криминалистики на сегодняшний день будут носить искусственный и главное - бесплодный характер.

В числе основных тенденций и принципов развития системы современной криминалистики следует назвать:

1. Уточнение места криминалистики в системе других наук, развитие связей между ними, отдельными разделами криминалистики между собой и с другими областями научного знания;

2. Обусловленность совершенствования имеющихся и появление новых структурных элементов криминалистической науки влиянием научно-технического прогресса, потребностями практики борьбы с преступностью;

3. Объективный характер структурных изменений системы науки, их обусловленность положительными результатами научных исследований, дальнейшую десубъективизацию и деидеологизацию науки;

4. Строгое соблюдение в процессе криминалистических системных исследований общенаучных принципов формальной логики и системного подхода;

5. Дальнейшую унификацию существующих и разработка новых криминалистических понятий и терминов в их системе.

В заключение хотелось бы отметить всевозрастающее значение осмысления полученных результатов криминалистических научных исследований именно на основе системных категорий и принципов.

§3. Понятийно-терминологическая система (язык) криминалистики как объект криминалистической систематики

Решение проблемы целостности знания предполагает обнаружение всевозможных форм контактов между различными сферами науки, выявление действительной основы, на которой возникает обмен методами исследовательской деятельности и ее результатами. Одной из таких форм выступает понятийно-терминологическое определение различных теоретических конструкций, составляющих содержание научного знания. Отметим, что в науковедении под языком науки понимается не лингвистическое явление, а именно понятийная структура¹.

¹Маркарян Э. Б. Философско-методологические проблемы анализа языка и науки. - М, 1987. - С.81.

Исследование проблем языка науки способствует усилению процесса теоретизации науки и потому не только обеспечивает единство различных способов отображения анализируемых объектов, создавая некие универсальные приемы исследования, но и повышает степень упорядоченности производимой информации, а значит, и целостность систем знания. Развитие понятийно-терминологической системы науки выступает показателем ее прогресса¹.

Язык науки - специфическое знаковое образование, являющееся средством и способом осуществления научного мышления, детерминированного как объектом исследования, так и совокупностью практических связей, в которые включен любой объект анализа².

Криминалистика, как любая другая область научного знания, имеет собственный понятийно-терминологический аппарат. Отметим, что проблемы терминологического аппарата криминалистики, системы криминалистических понятий, криминалистической семиотики рассматривались учеными-криминалистами (Р. С. Белкин, Н. А. Селиванов, А. А. Эйсман). Так, Р. С. Белкин основным предназначением языка криминалистики назвал придание большой точности и однозначности употребляемым специальным терминам³.

Основу понятийного аппарата криминалистики составляют понятия, имеющие правовой характер. В. К. Бабаев, определяя правовое понятие как форму мышления, отражающую и закрепляющую существенные (отличительные) признаки предметов или явлений объективного мира и процесса мышления, отмечает наличие у него свойств, присущих любому понятию⁴. Мнение о существовании логической основы в определении криминалистического понятия высказал и Р. С. Белкин⁵. В то же время, научные понятия и термины глубоко связаны с ее теоретическими концепциями. Можно согласиться с мнением В. В. Налимова о том, что только на первый взгляд кажется, что многие термины являются просто названиями некоторых вещей или явлений. На самом деле смысл термина становится понятным не из простого указания на то, что он обозначает, и не из некоего семантического определения, а из понимания теории этого явления⁶.

¹ Пойа Д. Математика и правоподобные рассуждения. - М., 1975. - С. 76.

² См.: Ким В. В. Семиотические аспекты системы научного знания. Философско-методологический анализ. - Красноярск, 1987. - С. 162; Маслихин А. В. Философское введение в науку. - Йошкар-Ола, 1994. - С. 85.

³ См.: Белкин Р. С. Криминалистическая энциклопедия. - М., 1997. - С. 273.

⁴ См.: Бабаев В. К. Советское право как логическая система. - М., 1978. - С. 106-107.

⁵ См.: Белкин Р. С. Общая теория советской криминалистики. - Саратов. 1986. - С. 248.

⁶ См.: Налимов В. В. Вероятностная модель языка. - М., 1979. - С. 118.

Смысл слов меняется со временем по мере того, как развиваются те или иные научные концепции.

Так, например, термин «криминалистическая характеристика», впервые упомянутый А. Н. Колесниченко и означавший в его понимании некоторые общие черты вида преступления¹, получил за прошедшие десятилетия немало толкований. И даже на сегодняшний день говорить об окончательном определении этого понятия рано. Итог множества научных дискуссий по этому вопросу по меньшей мере неоднозначен. В современной научной литературе встречаются разнополюсные высказывания о криминалистической характеристике преступления и как о неотъемлемой части общей теории криминалистики², и как о понятии, ставшем «криминалистическим пережитком»³.

Иногда вследствие научного развития претерпевает изменение и сам термин. Например, третий раздел криминалистики - криминалистическая тактика - первоначально обозначался термином «уголовная тактика», впоследствии длительное время использовался термин «следственная тактика»⁴.

Однако появление принципиально новых терминов в криминалистической науке - явление довольно редкое. Непрерывное развитие науки не приводит к каскаду новых слов. Новое объясняется через старое, уже знакомое, через старые слова, для которых может меняться смысловое содержание. Что-то остается прежним, но теперь уже приобретает меньший вес, что-то появляется новое, отличное и даже в какой-то степени противоречащее прежнему смысловому значению слова. В то же время, история криминалистики убедительно показывает, что однажды использованный термин может породить «бурю» научных исследований и споров (в том числе лексического и семантического характера), на долгие годы определить направления развития науки (например, «следственная ситуация», «криминалистическая характеристика преступления», «тактическая комбинация (операция)» и др.).

¹ Цит. по кн.: Белкин Р. С. Курс криминалистики. В 3 т. Т. 3. - М., 1997 - С. 306.

² См.: Яблоков Н. П. Криминалистическая характеристика как составная часть общей криминалистической теории // Тезисы докладов Всероссийской научно-практической конференции «Российское законодательство и юридические науки в современных условиях: состояние, проблемы, перспективы». - Тула, 2000. - С. 33.

³ См.: Белкин Р. С. Понятие, ставшее «криминалистическим пережитком» // Тезисы докладов Всероссийской научно-практической конференции «Российское законодательство и юридические науки в современных условиях: состояние, проблемы, перспективы». - Тула, 2000. - С. 6-7.

⁴ Термин «следственная тактика» используется отдельными учеными до настоящего времени.

Системный анализ языка криминалистики позволяет проследить путь возникновения и эволюции научных понятий и обозначающих их терминов. Значительное место в этом процессе занимает классификация.

Наличие логической основы в определении криминалистического понятия позволяет проводить над ним любые логические операции, в том числе и деление его объема (классификацию). Формальная логика, как справедливо отметил А. А. Эйсман, пользуется готовыми понятиями и правилами операций с этими понятиями, отвлекаясь от их развития и изменения¹. Однако понимание классификации не только как логической операции, но и разновидности систематизации научного знания, а также специфической системы, выводит ее на другой, более высокий уровень познания - диалектический, к которому формальная логика относится как простое к сложному².

Еще в 1977 году Р. С. Белкиным было отмечено, что основой криминалистической классификации является иерархическая подчиненность одних понятий другим³. Действительно, основная воздействующая роль системы правовых понятий на классификацию проявляется в раскрытии связей между делимым (родовым) понятием и соподчиненными понятиями, полученными в результате такого деления. Как справедливо заметил А. Ф. Зотов, «содержание понятия и его место в системе понятий определено его теоретическим окружением, его связью с другими понятиями и представлениями»⁴. Принадлежность понятия тому или иному уровню иерархической системы определяет степень конкретизации им признаков того или иного объекта или явления, но при этом оно будет содержать тот же набор признаков, которые отражены в том понятии, объем которого был разделен первоначально, за исключением признака деления. Зачастую связь построения в классификационных системах может проследиваться от понятий, определяемых как *категории*.

В литературе общеправового характера правовая категория определяется как наиболее общее, предельно широкое понятие⁵. Этому же подхода придерживаются ученые-криминалисты, определяя кримина-

¹ См.: Эйсман А. А. Заключение эксперта в системе судебных доказательств. Автореферат дис... докт. юрид. наук. - М., 1965. - С. 5.

² См.: Энгельс Ф. Анти-Дюринг. - М, 1948. - С. 127.

³ См.: Белкин Р. С. Курс советской криминалистики. В 3 т. Т. 1. - М., 1977. - С. 194.

⁴ Зотов А. Ф. Структура научного мышления. - М., 1973. - С. 131.

⁵ См.: Бабаев В. К. Указ. соч. - С. 114; Васильев А. М. Правовые категории. - М, 1976. - С. 84.

листические категории как наиболее широкие, наиболее значимые для науки и практики понятия криминалистики¹.

Объем правовой категории составляет максимально возможное число предметов или явлений, характеризующихся отраженными в таком понятии признаками, что и определяет первичность его классификации. Так, Р. С. Белкин отметил, что в криминалистике такими категориями признаются понятия предмета криминалистики, криминалистической техники, криминалистической тактики, криминалистической методики, технико-криминалистического средства, криминалистического приема, криминалистической рекомендации, тактической комбинации, следственной ситуации, тактического решения, механизма преступления, криминалистической характеристики преступления, а также криминалистическое понятие следа. Кроме того, в криминалистике могут использоваться общенаучные категории, например, понятия тождества и сходства, информации и отражения². Представляется, что современное состояние криминалистической науки позволяет относить к числу криминалистических категорий понятия тактической задачи, тактического риска, противодействия раскрытию и расследованию преступлений.

Понятие в науке обозначается термином. В юридических науках определение «термин» существенных разногласий не вызывает. Под ним понимается (от латинского *terminus* - предел, граница) слово или словосочетание, точно обозначающее определенное понятие в той или иной области научного знания³. Однако, рассуждая о терминологии криминалистики, необходимо заметить, что в литературе нет единого мнения по вопросу: какой язык должен служить основой определения правовых терминов?

Анализ научной литературы последних трех десятилетий показывает, что ученые, рассматривающие вопросы правовой терминологии, придерживаются двух позиций. Отдельные авторы развивают идею об использовании в юридических науках естественного (общеупотребительного) языка, поскольку он известен каждому⁴. Приверженцы другой позиции придерживаются взгляда о возможности сочетания в пра-

¹ См.: Белкин Р. С. Система криминалистики. Криминалистические категории. В кн.: Криминалистика. Т. 1. История, общая и частные теории. /Под ред. Р. С. Белкина, В. Г. Коломацкого, И. М. Лузгина. - М, 1995. - С. 42.

² См.: Белкин Р. С. Система криминалистики. Криминалистические категории. - С. 42-43.

³ См.: Бабаев В. К. Указ. соч. - С. 131; Белкин Р. С. Курс криминалистики. Т. 1. - С. 265.

⁴ См.: Прянишников Е. А. Терминология уголовно-процессуального законодательства. //Правоведение. 1968, № 6. - С. 90.

вовой науке общеупотребительных и специальных юридических терминов, т.е. естественного и формализованного научного языка¹.

Конечно, роль естественного языка в формировании языка науки велика. С. С. Гусев делает вывод, что практически все первые формы собственно научного познания являлись систематизированными обобщениями привычного опыта практических действий человека. Понятия, составляющие структуру первых научных описаний, слишком тесно были связаны с обычными способами коммуникации в рамках естественных языков. Но слова обыденной речи не существуют самостоятельно, вне зависимости от разнообразных смысловых нагрузок. Они всегда «тянут» за собой множество ассоциативных комплексов, затрудняющих достижение целей, которые ставит перед собой исследователь².

В то же время, вряд ли можно говорить о том, что на первоначальном этапе развития криминалистики только естественный язык лежал в основе криминалистических терминов. История криминалистики убедительно показывает, что основой первых криминалистических знаний и, как следствие, основой терминологии явились естественные и технические науки. Так, например, Вильям Гершель, один из «ОТЦОВ» дактилоскопии, научившись различать и узнавать людей по узорам, отображаемым в следах их пальцев, вычитал в учебнике анатомии, что такие узоры называются «папиллярными линиями», и перенял это название, используемое до сих пор³.

Точка зрения, согласно которой терминология правовой науки представляет собой разумное сочетание естественного и формализованного языка, на наш взгляд, наиболее правильная. При этом под формализованным языком криминалистики мы понимаем не только специальную (криминалистическую) терминологию, но и терминологию иных областей научного знания: общенаучную, юридическую, других наук. Однако, как отмечается в науковедческой литературе, перенос терминов из одной познавательной области в другую на первых порах может вызывать у исследователей ощущение чужеродности даже тогда, когда такие заимствования имеют эвристический характер. Поэтому в каждом отдельном случае требуется особый методологиче-

¹ См.: Бабаев В. К. Указ. соч. - С. 132-134; Белкин Р. С. Курс криминалистики. Т. 1. - С. 263-264; Пиголкин А. С. Подготовка проектов нормативных актов. - М., 1968. - С. 153-154 и др.

² Подробнее см.: Гусев С. С. Наука и метафора. - Л., 1984. - С. 28.

³ См.: Торвальд К. Век криминалистики. - М., 1991 - С. 34.

ский анализ. Быстрее всего в системе устоявшегося знания адаптируются заимствования из сходных областей¹.

Термины науки глубоко связаны с ее теоретическими концепциями. На первый взгляд кажется, что многие термины являются названиями некоторых вещей или явлений. Однако смысл термина становится понятным не из простого указания на то, что он обозначает, и не из некоего семантического определения, а из понимания теории этого явления, понятийно-терминологической системы, элементом которой он является. Причем, смысл слова может изменяться со временем по мере того, как развиваются научные концепции.

В науке может существовать и несколько конкурирующих точек зрения, в которых могут употребляться они и те же термины, но с несколько разным смыслом. Такие термины и обозначаемые ими понятия выступают, как правило, объектом серьезных научных дискуссий².

В. А. Штофф, рассмотревший природу научного языка, сделал вывод о том, что системный подход к нему приводит к необходимости рассмотрения структурных связей, образующих ту или иную понятийную систему³. На наш взгляд, формирование и развитие системы языка криминалистики наиболее тесно связано с классификационными исследованиями, проводимыми в науке.

Эта связь носит двусторонний характер:

- на основе языка науки определяются понятия и термины, полученные в результате системных (классификационных) исследований;
- в результате проведения классификационных исследований образуются новые понятия, пополняющие систему языка криминалистики, проводится унификация имеющихся понятий.

Итак, каждое криминалистическое понятие должно быть обозначено таким термином, который: во-первых, отражает принадлежность элемента (соподчиненного понятия) к классификационной системе определенного родового понятия; во-вторых, отражает индивидуальность элемента, его отличительный от других элементов классификационной системы признак. При невозможности выполнения этих требований, введение новых специальных терминов для обозначения классификационных элементов нецелесообразно. Для примера рассмотрим классификационную систему понятия «криминалистический

¹ См.: Гусев С. С. Указ. соч. - С. 29.

² На наш взгляд, существует необходимость определения правил выбора криминалистических терминов (см. схему 13 в приложении 1).

³ См.: Штофф В. А. Введение в методологию научного познания. - С. 28.

прием». Под криминалистическим приемом понимается наиболее рациональный и эффективный способ действий или наиболее целесообразная линия поведения при собирании, исследовании, оценке и использовании доказательств и предотвращении преступлений. В зависимости от области криминалистики, в которой используется криминалистический прием, различают технико-криминалистические и тактико-криминалистические приемы¹. На наш взгляд, это пример удачного выбора терминов, характеризующих классификационные элементы. Использование в терминологии слов «криминалистический прием» отражает принадлежность к конкретному родовому понятию. Слова «технико-» и «тактико-» наиболее точно выражают отличительные признаки одних криминалистических приемов от других, в соответствии с основанием деления. В данном примере термины, которыми определялись классификационные элементы, носили специально криминалистический характер.

Однако зачастую одними лишь специальными криминалистическими терминами невозможно определить сущность понятия. В таких случаях следует прибегать к сочетанию естественного языка и специальной криминалистической терминологии. Примером такого сочетания может служить широко распространенная классификация криминалистических версий по объему объясняемых фактов на общие (предположительно, объясняющие характер всего события преступления и его механизма) и частные (объясняющие отдельные элементы события преступления) криминалистические версии². В данном случае признаки, отличающие один классификационный элемент от другого, отражены в словах «общая» и «частная», в то время как специальный термин «криминалистическая версия» показывает принадлежность родовому понятию.

К сожалению, в криминалистической науке и литературе встречается и неудачный выбор терминов, определяющих элементы классификационной системы. Так, например, Н. А. Бурнашев провел классификацию следственных ситуаций на пульсирующие и сглаженные³. При таком терминологическом определении не совсем ясно, какие признаки вложил автор в эти понятия.

¹ См.: Лифшиц Е. М., Белкин Р. С. Тактика следственных действий. - М., 1997. - С. 5.

² См.: Лузган И. М. Учение о криминалистической версии // Криминалистика. Т. 1. История, общая и частные теории / Под ред. Р. С. Белкина, В. Г. Коломацкого, И. М. Лузгана. - М., 1995. - С. 178.

³ См.: Бурнашев Н. А. Следственные ситуации в методике расследования преступлений // Проблемы интенсификации деятельности по расследованию преступлений. - Свердловск, 1987. - С. 21.

На наш взгляд, использование слов, не являющихся специальными криминалистическими терминами, для обозначения криминалистических понятий должно подчиняться следующему требованию: отсутствие у таких слов неоднозначного толкования. В обычной коммуникативной практике то обстоятельство, что слово имеет несколько пониманий, не создает особых трудностей при общении, скорее напротив, обеспечивает семантическую гибкость языка. Теоретическое же мышление стремится закрепить какое-то одно из возможных значений, и неудачный выбор термина может привести к неадекватному описанию¹.

При неудачном терминологическом определении криминалистических понятий можно провести их унификацию. Унификация в слове русского языка определяется как приведение к единообразию². Унификацию криминалистических понятий наиболее целесообразно проводить с позиций их системного рассмотрения. Например, унифицировать элементы криминалистической классификационной системы, по нашему мнению, значит привести в соответствие терминологию классификационной системы и родового понятия. Для этого в словосочетании, определяющем сущность элемента классификации, целесообразно всегда использовать тот криминалистический термин, которым определяется родовое понятие.

Знание научной терминологии - одно из необходимых условий разработки и использования криминалистических классификаций в практической деятельности по раскрытию и расследованию преступлений.

Методология, как справедливо отмечал Б. М. Кедров, это основа, отправной пункт для конкретных исследований в той или иной науке³. Криминалистическая классификация, являясь составной частью методологии криминалистики, играет существенную роль в развитии научного понятийного аппарата. Так, по мнению В. И. Сифорова, «проблема создания системы научных понятий, находящихся на уровне современной науки и объединенных прогрессивными классификациями, является центральной, ключевой»⁴. Н. А. Селиванов отмечает, что в системе понятий их классификации имеют конструктивное значение⁵.

¹ См.: Деборин А. М. Заметки о происхождении и эволюции научных понятий и терминов // Вопросы языкознания. 1957, № 3. - С. 39.

² См.: Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Указ. соч. - С. 741.

³ См.: Кедров Б. М. О природе научного знания // Вопросы философии. 1969, № 8. - С. 13-14.

⁴ Сифоров В. И. Методологические проблемы технических наук // Методологические семинары и проблемы развития современной науки - М., 1982. - С. 162.

⁵ См.: Селиванов Н. А. Советская криминалистика: система понятий. - С. 3.

По мнению В. Я. Колдина, использование методов системного подхода эффективно и плодотворно сказывается на разработке основных научных понятий криминалистики¹.

Как отмечает И. Т. Фролов, выведение того или иного научного понятия в процессе исследования строится на основе сочетания чувственного и рационального познания человеком окружающей его действительности. Чувственное познание представляет собой отражение тех или иных признаков объектов материального мира за счет функционирования органов чувств, нервной системы человека. Такое познание субъективно, поскольку человек преломляет полученную им информацию через «призму» своего сознания. Наиболее важное значение в определении сущности изучаемого объекта действительности играет рациональное познание, представляющее собой процесс, в ходе которого постепенно и последовательно образуются научные понятия². Прежде чем знания приобретают обобщенную форму и, соответственно, понятийное выражение, множество раз проводится сопоставление, сравнение, различение, мысленное рассечение объекта.

Использование классификации в выработке новых криминалистических понятий протекает, на наш взгляд, в двух формах:

1. Получение новых понятий путем разделения объема наиболее общего (родового) понятия. Это традиционная форма классификации в криминалистике, и ее основные положения уже были рассмотрены нами.

2. Выведение понятий путем анализа отдельных объектов и их объединения в классы на основе сходства или различия признаков, т. е. построение классификационной системы «снизу», от частного к общему³.

Проводя классификацию «снизу», из всех возможных группировок, являющихся результатом распределения объектов, необходимо выбирать те, которые основаны на наибольшем числе сходных признаков. Признаки, отличающие данный класс объектов от других групп, составят понятие, объемом которого станет все множество объектов, входящее в этот класс. Различие между выведенными таким об-

¹ См.: Колдин В. Я. Системно-структурный и комплексный подход в криминалистических исследованиях // Криминалистика социалистических стран. / Под ред. В. Я. Колдина. - М., 1986. - С. 293.

² См.: Фролов И. Т. и др. Введение в философию. В 2 т. Т. 2. - М, 1989. - С. 324-338.

³ В некоторых справочных источниках такой вид построения классификационной системы определяется как индуктивная классификация. См., например, Константинов Ф. Л. и др. Философский словарь. Т. 2. - М., 1962. - С. 523-524.

разом понятиями в одном признаке, при полном совпадении всех остальных, предполагает наличие между ними связей, характерных для классификационной системы, и, следовательно, существование общего понятия.

Подобная схема неоднократно использовалась в криминалистических исследованиях, о чем свидетельствует история криминалистической науки. Так, примером определения криминалистических понятий путем выявления связи между группами сходных объектов, на наш взгляд, могут служить понятия дугового, петлевого, завиткового папиллярных узоров. Еще в 1823 году один из основателей дактилоскопии Ян Пуркинѣ на основе изучения большого практического материала, привел первую классификацию пальцевых (папиллярных) узоров, разделив их на девять видов. Впоследствии данная классификация была усовершенствована другими учеными. Так, Ф. Гальтои, также проведя обширное исследование пальцевых узоров, предложил их трехчленную классификацию, отметив, что все многообразие узоров различается по одному признаку - типу рисунка пальцевого узора (дуга, петля или завиток)¹. Заметим, что подобное основание для классификации папиллярных узоров общепринято в современной криминалистической науке². Тип рисунка пальцевого узора и сыграл заглавную роль в определении видов папиллярных узоров, а также сведении их в одну классификационную систему.

Однако, как представляется, построенная индуктивным способом классификация должна проверяться на теоретическом и практическом уровне, поскольку, строя классификационную систему «снизу», не всегда возможно охватить все множество сходных объектов, что исключается при дедуктивном подходе к классификации.

Важное значение играет классификация и для корректировки и унификации существующих криминалистических понятий. Будучи введенными в теорию, став элементами классификационной системы, понятия, как справедливо отмечает А. Ф. Зотов, оказываются связанными настолько, что их можно определять и корректировать через друг друга³. Возможность такой корректировки выражается в характере

¹ См.: Торвальд Ю. Век криминалистики. - М., 1991. - С. 54-55; Крылов И. Ф. Следы на месте преступления. - Л., 1961. - С. 15-20.

² См.: Корухов Ю. Г. Трасология и ее практическое использование в раскрытии и расследовании преступлений // Криминалистика. / Под ред. Р. С. Белкина, В. П. Лаврова, И. М. Лузгина. - М., 1987. - С. 201-202; Полевой Н. С, Самыгин Л. Д. Трасология// Криминалистика. / Под ред. Н. П. Яблокова. - М., 1995. - С. 224 и др.

³ См.: Зотов А. Ф. Указ. соч. - С. 139.

связей между элементами, базирующемся на обязательном сходстве в элементах одной классификационной системы всех признаков, отраженных в родовом понятии, кроме определяемого основанием деления и отличающего одно соподчиненное понятие от другого. Отсутствие такого сходства, несоответствие признака, индивидуализирующего понятие, отличающего его от других членов классификационной системы, позволяет, на наш взгляд, сделать выводы: во-первых, о невозможности использования того или иного понятия в качестве элемента классификации; во-вторых, о несоответствии такой системы классификационным принципам.

В качестве примера нам хотелось бы проанализировать основные понятия и классификацию оружия, несомненно входящие в понятийную систему криминалистики, приведенные в законе Российской Федерации «Об оружии»¹. Необходимо отметить, что о недостатках понятийного аппарата этого законодательного акта уже неоднократно писалось в криминалистической литературе². Прежде всего, такие недостатки порождаются неудачной, на наш взгляд, классификацией оружия, приведенной в законе. Так, закон определяет, что под оружием «понимаются устройства и предметы, конструктивно предназначенные для поражения живой или иной цели, подачи сигналов». Далее по тексту приводится классификация оружия на боевое, служебное и гражданское. При этом следует отметить, что в качестве оснований данной классификации выделяется сразу несколько признаков: назначение, субъекты использования, основные параметры и характеристики, а также закрепление его статуса нормативно-правовыми актами правительства, что противоречит логическим основам построения классификации. Более того, данные в законе определения видов оружия не соответствуют понятиям элементов одной классификационной системы. Так, в качестве существенных признаков, составляющих понятие боевого оружия, определяются: во-первых, предназначение для решения боевых и оперативно-служебных задач; во-вторых, принятие его на вооружение решением Правительства РФ; в-третьих, перенос министерств и ведомств, на вооружение которых может быть принято оружие, в то время как служебное оружие характеризуется субъектами использования и техническими характеристиками. Анализ

¹ Федеральный закон Российской Федерации «Об оружии»// Российская газета. № 241, от 18 декабря 1996 г. (в ред. От 05.08.2000 г.).

² См.: Владимиров В. Ю. Криминализация оборота газового оружия (уголовно-процессуальные и криминалистические проблемы). - Санкт-Петербург, 1997. - С. 28-29; Подшибякин А. С. Холодное оружие. Криминалистическое учение. - М., 1997. - С. 41.

этих понятий позволяет сделать однозначный вывод о пересечении их объемов, т.е. о возможности отнесения одного и того же объекта к обоим классификационным элементам, что существенно нарушает принципы классификации и ставит, на наш взгляд, под сомнение научность предложенных в законе «Об оружии» понятий.

Практическая проверка разработанных криминалистических понятий может осуществляться путем классифицирования. «Реально значимыми понятия являются тогда, когда они соединяются с осознанием возможностей их практического использования»¹. Критерием истинности правовых понятий является юридическая и в целом общественная практика. Согласимся с мнением А. Ф. Черданцева, согласно которому юридическое понятие будет истинным, если оно верно отражает правовые явления в правильных логических формах, ибо нарушение последних может привести к искажению предмета отражения в сознании субъекта².

В ходе практического использования построенной криминалистической классификационной системы, по нашему мнению, могут быть выявлены: во-первых, отсутствие необходимого соподчиненного понятия, являющегося элементом классификационной системы (определяется по наличию у конкретного объекта признаков, позволяющих включить его в объем родового понятия, при невозможности отнесения к предложенным в классификации соподчиненным понятиям); во-вторых, несоответствие построенной системы понятий принципам классификации и, следовательно, некорректность классификационных понятий (определяется по возможности одновременного отнесения конкретного объекта к различным элементам одной классификационной системы).

Итак, с позиций криминалистической систематики язык криминалистики следует рассматривать как сложное системное понятийно-терминологическое образование, имеющее внутреннюю постоянно развивающуюся структуру, выступающее средством и способом осуществления криминалистического научного мышления, обусловливаемого предметом исследования в данной области науки.

¹ Фролов Н. Т. и др. Указ. соч. - С. 335.

² См.: Черданцев А. Ф. Специфика правового отражения // Правоведение. 1973, №2. - С. 103.

ГЛАВА 3. АКТУАЛЬНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИХ СИСТЕМНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ ПРЕСТУПНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

§1. Структура, механизм и криминалистическая характеристика преступления как объекты криминалистической систематики

Криминалистическая наука в последние годы уделяет большое внимание «деятельностному подходу» к изучаемым явлениям. Раскрытие сущности индивидуальной и общественной деятельности (как практической, так и теоретической) является методологически ключевым для объяснения различных социальных процессов.

Деятельность - основной способ взаимодействия человека с окружающей природой, другими людьми. Это взаимодействие может носить как позитивный, так и негативный характер.

Определенные сферы человеческой деятельности изучаются и криминалистикой. Как уже упоминалось ранее, криминалистика имеет двуединый объект познания, объединяющий преступную деятельность и криминалистическую деятельность по ее расследованию и предупреждению. При этом преступная деятельность включает в себя все роды, виды и группы преступлений, предусмотренные уголовным законом¹.

В философской литературе структура любой человеческой деятельности рассматривается как совокупность трех компонентов: субъекта деятельности, объекта деятельности и связей между ними. Эти связи представляют собой многообразные сочетания различных отношений и действий². Такие связи получили название «процессы деятельности».

По своему характеру процессы деятельности подразделяются на субъективные (т.е. внутренние, психические) и объективные (внешние, физические). Отсюда вытекает четырехчленная формула деятельности, использованная, в частности, в уголовно-правовой теории состава преступления: субъект-субъективная сторона-объективная сторона-объект*.

¹ См.: Криминалистика. / Под ред. Н. П. Яблокова. - М., 1999. - С. 15.

² См.: Каган М. С. Человеческая деятельность. - М., 1974. - С. 43; Юдин Э. Г. Системный подход и принципы деятельности. - М., 1978. - С. 267.

³ См.: Самыгин Л. Д. Расследование преступлений как система деятельности. - М., 1989. - С. 13.

Между тем, такая структура не позволяет в полной мере решать весь спектр криминалистических задач, не отражает в полной мере особенности отдельных видов преступлений, без которой вряд ли можно разрабатывать рекомендации по их раскрытию, расследованию и предупреждению.

В криминалистике основными направлениями (сферами) применения системного подхода в научном исследовании преступной деятельности, на наш взгляд, выступают:

- определение ее структуры;
- выделение видов преступлений (криминалистическая классификация преступлений);
- изучение механизма совершения преступлений;
- формирование криминалистической характеристики отдельных видов преступлений.

Определение структуры преступной деятельности призвано определить основные составляющие ее элементы, и это, по нашему мнению, позволяет проводить дальнейшие криминалистические исследования преступлений на единой системной основе. Например, на сегодняшний день можно говорить о том, что формирование криминалистических характеристик отдельных преступлений нередко осуществляется без учета структуры характеризуемых преступных деяний. Неудивительно, что в криминалистической литературе появились мнения о кризисе криминалистической характеристики преступления, причем в качестве одной из причин такого положения называется несоответствие криминалистических характеристик принципам системного и деятельностного подхода¹.

Между тем, в криминалистической литературе по-разному представляется круг элементов, входящих в структуру преступной деятельности. Так, по мнению Л. Д. Самыгина, в системе преступной деятельности должны выделяться следующие элементы: субъекты преступления; участники преступления; цель и мотив; действия и методы, приемы, способы, средства совершения преступлений; предмет преступного посягательства (или потерпевший); результат преступления; место преступления; время преступления; обстановка преступления².

Схожую точку зрения высказал Н. П. Яблоков. По его мнению, преступная деятельность (преступление) структурно складывается из

¹ См.: Дулов А. В. Основы исследования объектов криминалистики // Криминалистика. / Под ред. А. В. Дулова. - Минск, 1996. - С. 73.

² См.: Самыгин Л. Д. Указ. соч. - С. 15.

следующих элементов: субъекты (основные и второстепенные участники деяний), предмет (жертва) посягательства, его цель (вся субъективная сторона состава преступления), само преступное поведение (способы и средства, уловки и ухищрения, используемые преступниками), обстановка совершения (все окружающие субъекта условия, в которых совершается преступная деятельность) и результат (физический, имущественный и моральный ущерб, причиненный охраняемым законом субъектам)¹.

Отметим, что взгляды Л. Д. Самыгина и Н. П. Яблокова на структуру преступной деятельности представляются нам наиболее обоснованными. Однако учеными-криминалистами высказываются и другие точки зрения.

Например, В. Ф. Ермолович считает, что в «содержание криминалистической структуры отдельно взятого вида преступления (либо группы преступлений) целесообразно ... включать те элементы, которые в совокупности позволят отличить это общественно опасное деяние (или группу деяний) от схожих с ним преступлений и административных правонарушений. Такими структурными элементами могут выступать: формы общественно опасных действий (бездействия), за совершение которых законодательством предусмотрена уголовная ответственность; формы (виды) объекта и предмета преступления; место, орудия и средства совершения и сокрытия преступления; другие элементы преступления»².

Приведенная точка зрения В. Ф. Ермоловича не совсем ясна. Если речь идет о признаках, позволяющих квалифицировать то или иное деяние как преступление, то правильнее было бы говорить о составе преступления, а не его криминалистической структуре. Если же под «формой общественно опасных действий» автор подразумевает способ совершения преступления, то вызывает сомнение необходимость замены термина. Кроме того, представляется обязательным выделение в структуре преступлен^{TM} такого ключевого элемента, как субъект преступления.

А. В. Дулов, отмечая, что структура преступления «характеризуется определенной статичностью», в то же время выделил в ней следующие группы связей и элементов:

«1) существующие между элементами до совершения преступления, в частности демографические, родственные, профессиональ-

¹ См.: Криминалистика. / Под ред. Н. П. Яблокова. - М., 1999. - С. 16.

² Ермолович В. Ф. Криминалистическая характеристика преступления. - Минск, 2001. - С. 128.

ныё, по ним можно выявить причины совершения преступления; понять его мотивы, определить пути поиска объектов, субъектов, ставших элементами структуры преступления; наличие общих интересов ИТД;

2) между элементами во время совершения преступления. Это взаимодействие преступника с орудием преступления, его воздействие на потерпевшего и т.д.;

3) сохранившиеся после совершения преступления и проявляющиеся в сокрытии следов, запугивании жертвы.

Связи могут быть пространственно-временными, технологическими, внутрисистемными и направленными на другие системы, связями-отношениями, информационными и т.д.¹

Взгляд А. В. Дулова на структуру преступления как на статичную структуру представляется спорным. Преступление в криминалистике изучается не как статичный объект, а как специфический вид человеческой деятельности. А. В. Дулов обоснованно выделяет в структуре преступления технологические, пространственно-временные и другие виды связей, но ведь эти связи характеризуют преступление именно как динамичную, функциональную систему.

По мнению В. А. Образцова, в качестве элементов преступления выступают субъект (субъекты), объект воздействия, мотив, цель, задачи, средства достижения цели, механизм (технология) реализации цели, результат преступления (последствия и следы). При этом автор отметил, что «преступление имеет временные и пространственные характеристики, совершается в той или иной обстановке»². Несколько спорным представляется включение в число элементов преступления механизма (технологии) реализации преступной цели или, иными словами, механизма совершения преступления. Так, в криминалистической литературе предлагались следующие определения механизма преступления:

1. Процесс совершения преступления, в том числе его способ и все действия преступника, сопровождающиеся образованием следов материальных и нематериальных, которые могут быть использованы для раскрытия и расследования преступлений³.

2. Реализуемая в определенных условиях, выражении, направленности и последовательности динамическая система противоправных

¹ Дулов А. В. Указ. соч. - С. 76-78.

² См.: Образцов В. А. Криминалистика (курс лекций). - М., 1996. - С. 31.

³ См.: Криминалистика. / Под ред. А. Н. Васильева. - М., 1971. - С. 8.

поведенческих актов и обусловленных ими явлений, имеющих криминалистическое значение¹.

3. Совокупность взаимодействующих материальных систем и процессов, образующих расследуемое событие и обуславливающих возникновение источников криминалистически значимой информации².

4. Пространственно-временное развитие события преступления, порядок сочетания, последовательности и динамики отдельных элементов, его составляющих³.

5. Совокупность материальных объектов и процессов при подготовке, совершении или сокрытии преступления⁴.

6. Движение элементов структуры преступления (объектов, субъектов, орудий совершения преступления) к точке взаимодействия; процесс самого взаимодействия; дальнейшее движение (действие) элементов до наступления преступного результата⁵.

7. Система процессов взаимодействия участников преступления, как прямых, так и косвенных, между собой и с материальной средой, сопряженных с использованием соответствующих орудий средств и иных отдельных элементов обстановки⁶.

8. Сложная (многоэлементная) динамическая система, образуемая прежде всего действиями субъектов преступления, направленными на достижение преступного результата, в отношении конкретного объекта посягательства, а также действиями потерпевшего и иных лиц, в том числе случайно оказавшихся на месте преступления⁷.

9. Временной и динамический порядок связи отдельных этапов, обстоятельств, факторов подготовки, совершения и сокрытия следов преступления, позволяющих воссоздать картину процесса его совершения⁸.

¹ См.: Образцов В. А. О некоторых перспективах интеграции и дифференциации знаний в криминалистике // Актуальные проблемы советской криминалистики. - М., 1979. - С. 20. Определение В. А. Образцова в целом поддержал Р. С. Белкин, предложив при этом свое видение структуры механизма преступления (См.: Белкин Р. С. Общая теория советской криминалистики. - Саратов, 1986. - С. 57).

² См.: Коддин В. Я., Корухов Ю. Г. Механизм преступления и вещественные источники криминалистической информации // Криминалистика социалистических стран. - М, 1986. - С. 334.

³ См.: Криминалистика (актуальные проблемы). / Под ред. Е. И. Зуева. - М, 1988. - С. 124.

⁴ См.: Кирсанов З. И. Система общей теории криминалистики. - М, 1992. - С. 14.

⁵ См.: Дулов А. В. Основы исследования объектов криминалистики // Криминалистика / Под ред. А. В. Дулова. - Минск, 1996. - С. 79.

⁶ См.: Кустов А. М. Указ. соч. - С. 13.

⁷ См.: Лавров В. П. Учение о способе преступления. Криминалистическая характеристика преступлений // Криминалистика / Под ред. А. Ф. Вольнского. - М., 1999. - С. 28.

⁸ Криминалистика / Под ред. Н. П. Яблоков. - М, 1999. - С. 41.

10. Система взаимодействия в пространстве и времени определенных элементов (их комплексов), ориентированных на наступление общественно опасного последствия в виде преступного результата, а также на уклонение субъекта (субъектов) общественно опасного деяния от уголовной ответственности и наказания за содеянное¹.

Анализ приведенных точек зрения позволяет сделать вывод, что механизм преступления показывает динамичную сторону преступления, отражает закономерности «технологии», последовательность совершения преступного деяния. При его изучении познаются порядок и особенности связи между различными элементами преступного деяния, функциональная сторона преступной деятельности и, следовательно, в соответствии с принципами системного подхода механизм совершения преступного деяния не может быть определен как один из элементов его структуры.

Отметим, что механизм преступления активно исследуется не только в криминалистике, но и в криминологической науке. Однако криминологический подход к его структуре в основном отражает различные аспекты мотивации преступного поведения². Криминалистический подход к исследованию механизма преступления более широкий, включает в себя изучение различных элементов процесса совершения преступного деяния и связей между ними. Однако вопрос о структуре механизма преступления продолжает оставаться дискуссионным в криминалистической литературе. В качестве элементов механизма преступления учеными-криминалистами³ чаще всего и, на наш взгляд, обоснованно, указываются:

- субъект преступления и его отношение к своим действиям, их последствиям, а также к соучастникам;
- способ преступления;

¹ См.: Ермолович В. Ф. Криминалистическая характеристика преступления. - Минск, 2001. - С. 124.

² См.: Кудрявцев В. Н. Генезис преступления. Опыт криминологического моделирования. - М., 1998.

³ См.: Белкин Р. С. Курс криминалистики. В 3 т. Т. 1. - М., 1997. С. 118; Зорин Г. А. Теоретические основы криминалистики. - Минск, 2000. - С. 29; Кирсанов З. И. Криминалистическое учение о механизме преступления. - М., 1994. - С. 4; Колдин В. Я, Корухов К. Г. Механизм преступления и вещественные источники криминалистической информации// Криминалистика социалистических стран. - М., 1986. - С. 334; Коновалов С. И. Теоретико-методологические проблемы криминалистики. - Ростов-на-Дону. 2001. - С. 98; Кустов А. М. Указ. соч. - С. 13-14; Лавров В. П. Учение о способе преступления. Криминалистическая характеристика преступлений. - С. 28; и др.

- предмет преступления;
- обстановка (место, время) преступления;
- преступный результат;
- потерпевший, случайные участники преступления и их поведение.

Выделение этих элементов в структуре механизма преступления представляется нам наиболее оптимальным, поскольку очевиден их производный от структуры преступной деятельности характер.

В современной криминалистической литературе предлагаются и иные точки зрения на структуру механизма преступления. Так, по мнению Г. А. Зорина, в круг элементов механизма преступления следует также включать:

- наличие или отсутствие негативных обстоятельств и сопровождающих их «не-связей» (факта разрыва связей), что свидетельствует об инсценировке;
- наличие ошибок субъекта, свидетельствующих об эмоциональном состоянии и интеллектуальном развитии;
- наличие следов, демонстрирующих степень склонности к риску субъекта преступления, что свидетельствует о его профессионализме и волевых качествах;
- состояние предкриминальной ситуации и посткриминальной ситуации¹.

Как представляется, необходимость их рассмотрения в качестве самостоятельных элементов механизма преступления спорно. Согласимся с мнением С. И. Коновалова, что приведенные Г. А. Зориным элементы могут быть интерпретированы как частные проявления основных элементов механизма преступления (субъект преступления, его способ и обстановка)².

В криминалистической литературе последних лет высказана научная идея, согласно которой в рамках механизма преступной деятельности указывается способ протаводействия предстоящему расследованию. В частности, такую идею высказал и представил графически В. П. Лавров³.

Учеными-криминалистами высказываются и другие точки зрения по этому вопросу. Например, по мнению А. М. Кустова, противодействие расследованию как система действий является элементом не механизма преступления, а элементом преступной деятельности группы, сообщества или формирования⁴.

¹ См.: Зорин Г. А. Указ. соч. - С. 29.

² См.: Коновалов С. И. Теоретико-методологические проблемы криминалистики. - С. 98.

³ См.: Лавров В. П. Указ. соч. - С. 28-29.

⁴ См.: Кустов А. М. Указ. соч. - С. 24.

Нам представляется, что различие точек зрения по этому вопросу во многом связано с дискуссионностью понятия «противодействие расследованию преступлений» в криминалистической литературе¹. В то же время, полностью отрицать вхождение отдельных способов противодействия предстоящему расследованию в структуру механизма преступления по-видимому нельзя. В частности, практически не вызывает возражений включение в структуру механизма преступления действий, направленных на его сокрытие. Отметим, что сокрытие преступления на сегодняшний день рассматривается многими учеными-криминалистами как форма противодействия расследованию. Кроме того, изучение криминалистической литературы и следственной практики позволяет сделать вывод о том, что в структуру механизма преступления могут быть включены и иные по своему характеру действия, осуществляемые с целью затруднить предстоящее расследование. Речь идет, прежде всего, о воздействии преступника в процессе совершения преступления на потерпевшего или очевидцев с целью понудить их не обращаться в правоохранительные органы, дать ложные показания и т.д., выражающемся в угрозах расправой, уничтожении имущества, разглашении компрометирующих сведений, иногда сопряженных с побоями, демонстрацией оружия и пр.

Структура преступной деятельности и ее механизма конкретизируется применительно к отдельным родам, группам, видам преступлений, уточняется по результатам эмпирических исследований и получает отражение в криминалистической характеристике.

Большинством ученых-криминалистов на сегодняшний день признается существование криминалистической характеристики преступления как категории криминалистической науки. Более того, в криминалистической литературе рассматриваемая характеристика называется одним из информационных средств расследования, информационной моделью отдельного вида преступления².

¹ См. §3 настоящей главы.

² См.: Лубин А. Ф. Механизм преступной деятельности. - Н. Новгород, 1997. - С. 94; Лузгин И. М. Некоторые аспекты криминалистической характеристики и место в ней данных о сокрытии преступлений // Криминалистическая характеристика преступлений. - М., 1984. - С. 26; Облаков А. Ф. Криминалистическая характеристика преступлений и криминалистические ситуации. - Хабаровск, 1985. - С. 114; Шиканов В. И. Теоретические основы тактических операций в расследовании преступлений. - Иркутск, 1983 - С. 24; Яблоков Н. П. Криминалистическая характеристика преступлений как составная часть общей теории криминалистической теории // Вестник МГУ. Серия «Право». 2000, № 2.

В то же время, в криминалистической литературе последних лет неоднократно высказывалась точка зрения о том, что данное понятие не отвечает научным требованиям¹. Наиболее жесткая критика была озвучена Р. С. Белкиным в 2000 году. Вот ее некоторые тезисы:

- искусственность структур криминалистических характеристик, объединение «под их крышей» данных, которые никак нельзя отнести к криминалистике и имеющих самостоятельное значение для судопроизводства (уголовно-правовая и криминологическая характеристики вида или рода преступления и т.п.);

- собственно криминалистическими элементами криминалистической характеристики служат лишь данные о типичных способах совершения и сокрытия конкретного вида преступления и последствиях их использования преступниками, по которым следователь его и устанавливает;

- ущербность существующих криминалистических характеристик вызывает обоснованное намерение восполнить их перечнем обстоятельств, подлежащих доказыванию по конкретным категориям уголовных дел;

- наряду с общепризнанным значением рассматриваемого термина распространение получили и иные понятия, обозначаемые сходными терминами (например, «криминалистическая характеристика орудий преступления», «криминалистическая характеристика уклонения от ответственности» и пр.).

По мнению Р. С. Белкина, «следует отказаться от термина и понятия «криминалистическая характеристика преступления», вернувшись к продуктивной старой практике указания в конкретной частной криминалистической методике в качестве первого ее элемента на специфические особенности предмета доказывания по данной категории уголовных дел»².

Со многим здесь можно согласиться. Однако, на наш взгляд, полностью отказываться от данного понятия нельзя.

Криминалистическая характеристика действительно тесно взаимосвязана с характеристиками преступления, разрабатываемыми в рамках других назук уголовно-правового цикла. Например, в их числе

¹ См., напр., Дулов А. В. Указ. соч. - С. 73; Белкин Р., Быховский И., Дулов А. Модное увлечение или новое слово в науке? (Еще раз о криминалистической характеристике преступлений)// Социалистическая законность. 1987, № 9.

² Белкин Р. С. Понятие, ставшее «криминалистическим пережитком»// Российское законодательство и юридические науки в современных условиях: состояние, проблемы, перспективы. - Тула, 2000. - С. 11-12.

называются уголовно-правовая, уголовно-процессуальная, криминологическая характеристики данного явления, в зависимости от того, какой аспект преступления исследовался¹. В том, что эти данные используются в процессе криминалистической характеристики преступления, нет ничего удивительного. Как справедливо отметил Н. П. Яблоков, «при формировании элементов структуры данной характеристики, исходя из сущности объекта, который она характеризует (преступная деятельность того или иного вида), необходимо учитывать и использовать отдельные существенные уголовно-правовые и криминологические сведения о преступлениях понятийного и направляющего характера. Иначе указанная характеристика потеряла бы свои правовые ориентиры, требующие криминалистического осмысления и описания, была бы лишена всякого смысла»².

Разработка криминалистических характеристик отдельных видов преступлений с учетом их уголовно-правовой и криминологической характеристик имеет и определенное практическое значение. В частности, как справедливо отмечается в криминалистической литературе, «информационные модели преступления, принятые в других науках, выступают дополнительным средством "прочтения", интерпретации обнаруженных следов»³.

В то же время, злоупотреблять переносом подобных сведений в криминалистику из смежных юридических наук не следует, поскольку в таких случаях действительно происходит подмена криминалистической характеристики уголовно-правовой или криминологической, недопустимость которой уже отмечалась учеными-криминалистами⁴.

Вряд ли можно согласиться с мнением о том, что лишь данные о типичных способах совершения и сокрытия конкретного вида преступления и последствиях их использования преступниками выступают собственно криминалистическими элементами. Очевидно, что основным критерием формирования криминалистической характеристики преступления выступает структура преступления (преступной деятельнос-

¹ См.: Шиканов В. П. О междисциплинарной характеристике отдельных видов преступлений // Криминалистическая характеристика преступлений. - М., 1984. - С. 40-43.

² Яблоков Н. П. Криминалистическая характеристика преступлений как составная часть общей теории криминалистической теории // Вестник МГУ. Серия «Право». 2000, № 2. - С. 8.

³ Коновалов С. И. Теоретико-методологические проблемы криминалистики. - Ростов-на-Дону, 2001. - С. 53.

⁴ См., например, Пантелеев И. Ф. Криминалистическая характеристика преступлений // Методология криминалистики. - М., 1982. - С. 61.

та). Именно это обстоятельство обуславливает выделение значительно большего количества элементов в структуре криминалистической характеристики и наполнение их криминалистическим содержанием. Недаром в последние годы активно исследуются криминалистические аспекты личности и поведения преступника, события преступления и т. д.¹

Ст. 73 нового УПК РФ² определяет, что при производстве по уголовному делу подлежат доказыванию:

- событие преступления (время, место, способ и другие обстоятельства совершения преступления);
- виновность лица в совершении преступления, форма его вины и мотивы;
- обстоятельства, характеризующие личность обвиняемого;
- характер и размер вреда, причиненного преступлением;
- обстоятельства, исключающие преступность и наказуемость деяния;
- обстоятельства, смягчающие и отягчающие наказание;
- обстоятельства, которые могут повлечь за собой освобождение от уголовной ответственности и наказания;
- обстоятельства, способствовавшие совершению преступления.

Анализ данной правовой нормы приводит нас к выводу, что предложение Р. С. Белкина о возврате к указанию в частной криминалистической методике в качестве первого ее элемента на специфические особенности предмета доказывания по данной категории уголовных дел нельзя поддержать прежде всего потому, что обстоятельства, подлежащие доказыванию, носят самый общий характер, подлежат установлению по каждому уголовному делу независимо от его вида. Если же идти по пути детального рассмотрения «специфических особенностей» подлежащих доказыванию обстоятельств, применительно к конкретному виду преступления, то мы неизбежно в том или ином понимании возвращаемся к криминалистической характеристике. Иными словами, криминалистическая характеристика преступлений и предмет доказывания по уголовному делу - хотя и близкие, но не конкурирующие друг с другом понятия, так как предназначены для решения различных задач и поэтому, как справедливо отметили Н. П. Яблоков, разноплановы³.

¹ См.: Миронова Е. А. Поведение преступника; криминалистический и процессуальный аспекты. Дисс. ... канд. юрид. наук. - М., 1997; Образцов В. А. Выявление и изобличение преступника. - М., 1997 и др.

² Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации // Российская газета, № 249, от 22 декабря 2001 г.

³ См.: Яблоков Н. П. Указ. соч. - С. 9.

Ключевым вопросом дальнейшего существования такой категории криминалистической науки, как криминалистическая характеристика преступления, выступает определение ее системных характеристик, в частности, характера взаимосвязей ее элементов. Именно с системностью содержания криминалистической характеристики в криминалистической литературе связывается вопрос о новизне этой категории, ее практическом значении¹.

Напомним, что одним из характеризующих признаков системы выступает ее способность выступать как структурно-целостное образование по отношению к иным объектам внешней среды. В данном случае такими объектами будут иные категории и понятия современной криминалистики.

В этой связи особого внимания заслуживает соотношение понятий механизма преступления и его криминалистической характеристики. Близость этих понятий очевидна. И в том, и другом случае они фиксируют в себе результат научного абстрагирования преступной деятельности. В то же время, понимание этих явлений затруднено в связи со схожей внутренней структурой рассматриваемых понятий.

Несмотря на то, что криминалистическая характеристика преступления выступила объектом криминалистических научных исследований значительно раньше, чем механизм преступления², последний занял доминирующую позицию в процессе познания преступной деятельности. Следует согласиться с мнением А. Ф. Лубина, что это обстоятельство во многом обусловлено вхождением закономерностей механизма преступления в предмет криминалистической науки³.

Однако это обстоятельство, на наш взгляд, не позволяет рассматривать данные понятия как соподчиненные. Думается, прав А. М. Кустов, отметивший, что, несмотря на некоторое внешнее сходство составляющих компонентов, механизм преступления и криминалистическая характеристика преступлений - понятия, не тождественные и не заменяющие друг друга. «Это две самостоятельные научные категории, имеющие право (по своей значимости для общей теории крими-

---

¹ См.: Белкин Р., Быховский И., Дулов А. Модное увлечение или новое слово в науке? (Еще раз о криминалистической характеристике преступлений)// Социалистическая законность. 1987, № 9. - С. 57.

² Подробнее см.: Коновалов С. И. Историко-логический анализ развития понятий криминалистической характеристики и механизма преступлений// Известия ТулГУ. Серия «Современные проблемы законодательства России, юридических наук и правоохранительной деятельности». Вып. 4. - Тула, 2001.

³ См.: Лубин А. Ф. Механизм преступной деятельности. - Н. Новгород. - 1997. - С. 16.

налистики и практики) на существование и дальнейшую разработку и исследование»¹.

На наш взгляд, механизм преступления должен выступать объектом научного исследования, результатом которого явится формирование криминалистической характеристики. Как известно, закономерности механизма преступления входят в предмет криминалистики. Криминалистическая характеристика преступления содержит сведения, полученные в результате познания криминалистикой этих закономерностей на различных уровнях, и в этом, на наш взгляд, проявляется общенаучное значение учения о криминалистической характеристике преступления. Это обстоятельство указывает на обоснованность представленных в криминалистической литературе точек зрения о необходимости рассмотрения этого учения в рамках общей теории криминалистики².

Дискуссионным вопросом учения о криминалистической характеристике преступления остается определение круга составляющих ее элементов. В последние годы неоднократно предпринимались попытки обобщения имеющихся в криминалистической литературе точек зрения по данному вопросу³. В частности, С. И. Коновалов построил «иерархию» структурных элементов криминалистической характеристики преступлений по признаку частоты их встречаемости в научной литературе:

- 1 - способ совершения преступления;
- 2 - субъект преступления (особенности личности преступника);
- 3 - обстановка совершения преступления;
- 4 - объект (предмет) преступного посягательства;
- 5 - следы преступления (механизм следообразования);
- 6 - связи между структурными элементами;
- 7 - личность жертвы (виктимологический аспект);

¹ Кустов А. М. Криминалистическое учение о механизме преступления. Автореферат дисс. ... докт. юрид. наук - М, 1997. - С. 21.

² См.: Возгрин И. А. Основные положения учения о криминалистической характеристике преступления // Криминалистика. Под ред. Т. А. Седовой и А. А. Эксархопуло. - СПб, 2001; Яблоков Н. П. Криминалистическая характеристика как составная часть общей криминалистической теории // Тезисы докладов Всероссийской научно-практической конференции «Российское законодательство и юридические науки в современных условиях: состояние, проблемы, перспективы». - Тула, 2000. - С. 33.

³ См.: Лубин А. Ф. Указ. соч. - С. 42; Коновалов С. И. Теоретико-методологические проблемы криминалистики. - Ростов-на-Дону, 2001. - С. 82-84; Шаталов А. Сущность и содержание криминалистической характеристики преступления // Следователь. 1999, № 1. - С. 19-24.

- 8 - мотив, цель, установка;
- 9 - условия совершения преступления;
- 10 - преступные связи (коммуникационный аспект);
- 11 - типичные связи совершения преступления;
- 12 - особенности сокрытия преступления;
- 13 - механизм преступления;
- 14 - характер исходных данных и особенности их обнаружения;
- 15 - состояние с определенным видом преступления;
- 16 - связь с другими видами преступлений;
- 17 - орудия и средства преступной деятельности;
- 18 - распространенность преступного деяния;
- 19 - результат преступной деятельности¹.

Мы не будем подробно останавливаться на каждом из приводимых в криминалистической литературе элементов. Очевидно, что не все из них могут рассматриваться в качестве элементов криминалистической характеристики. Структура криминалистической характеристики, на наш взгляд, должна в основном соответствовать структуре механизма изучаемой преступной деятельности (вида или группы преступлений), включать в себя блоки типовых сведений о различных элементах механизма совершения преступления, взаимосвязях и взаимозависимостях между ними.

Необходимость отражения типовых сведений о механизме преступления в криминалистической характеристике призвано продемонстрировать, прежде всего, деятельностную, технологическую сторону преступления. Как справедливо отметил Н. П. Яблоков, сведения о механизме преступления в криминалистической характеристике представляют собой систему данных, описывающих главным образом временной, последовательный, динамический порядок связи отдельных этапов, обстоятельств, факторов подготовки, совершения и сокрытия следов преступления, позволяющих воссоздать технологическую картину процесса его совершения².

Как отмечается в науковедческой литературе, важное положение системного подхода заключается в обязательном установлении отношений и связей (корреляции) между объектами, элементами целого. В силу этого набор элементов превращается в связное целое, где каждый элемент оказывается в конечном счете связанным со всеми другими элементами и его свойства не могут быть понятны без учета этой

¹ См.: Коновалов С. И. Указ. соч. - С. 84-85.

² См.: Яблоков Н. П. Криминалистика. - М., 2000. - С. 17.

связи. В свою очередь, свойства системы оказываются не просто суммой свойств составляющих ее отдельных элементов, а определяются наличием специфической связи и отношений между элементами, те контролируются как интегративные свойства целого. Наличие связей и отношений между элементами системы обеспечивает относительно самостоятельное, обособленное ее существование и функционирование, а в некоторых случаях и развитие¹. Только в таком системном виде криминалистическая характеристика может служить важным информационным средством определения оптимальных путей раскрытия и расследования рассматриваемых преступлений.

В криминалистической литературе отмечается, что степень жесткости таких связей между элементами криминалистической характеристики различна. Она может быть как вероятностной, так и однозначной. Знание закономерностей таких связей позволяет при расследовании решить важные методологические и информационные задачи. «Зацепив одно звено в этой системе взаимосвязей, можно вытащить наружу всю цепь. В частности, выявление наличия в расследуемом преступлении какого-либо элемента из взаимосвязанной цепочки с той или иной степенью вероятности может указать на существование другого, еще не установленного элемента и определить направления и средства его поиска»².

К сожалению, можно констатировать, что в большинстве случаев развитие структуры криминалистической характеристики идет не по пути раскрытия таких связей, а по пути статистического анализа и уточнения ее отдельных элементов. На данное обстоятельство обратил внимание С. И. Коновалов, отметив, что системное понимание должно предполагать не столько последовательную характеристику значимых элементов преступной деятельности, сколько раскрытие внутренних взаимосвязей между ними. «Как и двадцать с лишним лет назад ссылки делаются на исследование взаимосвязей между элементами криминалистической характеристики умышленных убийств, проведенное Л. Г. Видоновым, на результаты типового моделирования краж, проведенного под руководством В. А. Жбанкова», - пишет он³.

С позицией С. И. Коновалова во многом можно согласиться. В то же время, по всей видимости, нельзя вдаваться в крайности. Думается,

¹ См.: Садовский В. Н. Основания общей теории систем. - М., 1974. - С. 83-84.

² Яблоков Н. П. Указ. соч. - С. 12.

³ См.: Коновалов С. И. Историко-логический анализ развития понятий криминалистической характеристики и механизма преступлений. - С. 158.

что придание криминалистической характеристике шаблонного характера, основанного на установлении жесткой взаимосвязи между составляющими ее данными, во многом ограничит творческий подход следователя к выполняемой им работе. Например, рекомендации, изложенные в известной работе Л. Г. Видонова¹, оправдали себя именно при творческом, а не шаблонном применении², в то время как в самой исследовательской программе Л. Г. Видонова были обнаружены некоторые изъяны методического характера³.

С другой стороны очевидна справедливость критики представления данных, составляющих криминалистическую характеристику преступления только через статистические (процентные) показатели. Например, А. Ф. Лубин отметил, что в итоге формирования криминалистической характеристики преступления определенного вида, основывающейся на оценке каждого элемента с точки зрения частоты встречаемости, «как правило, получается то, что Гегель называл «дурными» абстракциями, которые отражают набор свойств, равным образом принадлежащих качественно различным объектам»⁴. Неэффективность статистических методов исследования взаимосвязей элементов криминалистической характеристики преступлений и отсутствие обобщений, необходимых для развития научной абстракции, отмечаются в криминалистической литературе как одна из причин кризиса концепции криминалистической характеристики преступлений?

В этой связи, думается, прав В. П. Лавров, отметивший, что использование как *количественной*, так и *качественной* информации о связях между элементами криминалистической характеристики преступления открывает большие возможности для применения в частных методиках математики, вычислительной техники и моделирования, в том числе и программирования процессов расследования преступлений⁵. Иными словами, криминалистическая характеристика, основанная лишь на количественных показателях, характеризующих частоту встречаемости тех или иных элементов изучаемого механиз-

¹ См.: Бидонов Л. Г. Криминалистическая характеристика убийств и система типовых версий о лицах, совершивших убийство без очевидцев. - Горький, 1978.

² См.: Яблоков Н. П. Указ. соч. - С. 12.

³ См.: Ларин А. М. Криминалистика и паракриминалистика. - М, 1996. - С. 119-127.

⁴ Лубин А. Ф. Указ. соч. - С. 185-186.

⁵ См.: Коновалов С. И. Историко-логический анализ развития понятий криминалистической характеристики и механизма преступлений. - С. 159.

⁶ См.: Лавров В. П. Общие положения методики расследования отдельных видов преступлений // Курс лекций по криминалистике. / Под ред. А. Ф. Волынского. - М, 1998. - С. 19.

ма отдельного вида преступления, без анализа причинно-следственных и пространственно-временных связей между ними, не будет удовлетворять все имеющиеся научные и практические потребности. По всей видимости, использование процентных показателей в процессе разработки криминалистической характеристики преступления обязательно должно сопровождаться:

- указанием на типовой характер определяемого элемента (под-элемента) преступной деятельности;
- указанием на его вероятностные связи с другими типовыми элементами.

Использование термина «степень вероятности» применительно к определению связей между элементами отражаемого в криминалистической характеристике механизма преступления представляется нам более обоснованным, чем применение термина «степень жесткости». Именно в таком виде, на наш взгляд, раскрытие связей между такими элементами исключает шаблонный характер криминалистической характеристики, ограничивающий творческий подход следователя к выдвижению версий и определению направлений расследования. Критерием установления степени вероятности взаимосвязи элементов механизма преступления, типовые сведения о которых отражены в криминалистической характеристике, выступают результаты эмпирических и статистических исследований преступлений определенного вида. Такие исследования необходимы, поскольку без использования их результатов криминалистическая характеристика будет представлять собой набор абстрактно-умозрительных сведений, выделенных по принципу «может быть» без раскрытия возможных связей, и не имеющих существенного практического выхода.

Итак, по степени вероятности типовые корреляционные связи между элементами механизма преступления, получающие отражение в его криминалистической характеристике, целесообразно подразделять на:

- однозначные связи;
- наиболее вероятные связи;
- связи со средней степенью вероятности;
- маловероятные связи.

Отражаемые в криминалистической характеристике типовые сведения об однозначных связях указывают только на единственно существующий вариант отношений между элементами механизма преступления. Например, однозначной будет связь между способом со-

вершения грабежа путем «рывка» и предметом преступного посягательства, в качестве которого выступают носимые вещи, находящиеся у потерпевшего при себе (меховые шапки, сумки, украшения, фотокамеры и т. п.).

Типовые сведения о наиболее вероятных связях раскрывают наиболее часто (по результатам эмпирических исследований) возникающие отношения между элементами механизма преступления. Например, упомянутые выше грабежи путем «рывка» (способ совершения преступления) наиболее часто совершаются мужчинами (87% по результатам эмпирических исследований)¹ в возрасте 14-29 лет (78%). Очевидно, что связь между названным способом совершения грабежа и приведенными данными о личности преступника носит наиболее вероятный характер. Как наиболее вероятный можно охарактеризовать и отдельный вид связи между потерпевшим от грабежа и лицом, непосредственно осуществившим «рывок», выражающийся в том, что в 98% случаев потерпевший не знаком с преступником. Практическое использование отраженных в криминалистической характеристике данных о наиболее вероятных связях между элементами механизма преступления ориентирует следователя на выдвижение типовой и наиболее вероятной версии при расследовании преступления определенного вида, не исключая, впрочем, необходимость выдвижения и проверки менее вероятных версий.

Характеризуя связи со средней степенью вероятности, криминалистическая характеристика раскрывает различные варианты возможных отношений между элементами механизма преступления. Например, как показывают результаты проводимых эмпирических исследований, преступные посягательства на компьютерную информацию путем непосредственного доступа к ЭВМ в 40,5% изученных случаев совершаются работниками организаций, предприятий, учреждений: программистами, инженерами, операторами, являющимися пользователями или обслуживающим персоналом ЭВМ. В 21,6% случаев такой доступ осуществлялся иными работниками организаций, предприятий, учреждений, в 8,1% случаев - бывшими работниками, а в остальных случаях - сторонними лицами². Во всех названных случаях связь между способом совершения преступления и ли-

¹ См., напр.: Расследование грабежей и разбойных нападений. /Под. ред. А. К). Головина.-Тула, 2001.

² См.: Головин А. Ю., Мусаева У. А., Толстухина Т. В. Актуальные проблемы расследования преступлений в сфере компьютерной информации. - Тула, 2001. - С. 19.

пом, его совершившим, можно охарактеризовать как имеющую среднюю степень вероятности.

Отраженные в криминалистической характеристике данные о средневероятных связях между элементами механизма преступления позволяют следователю правильно определить круг необходимых версий при расследовании конкретного преступления определенного вида.

Маловероятные связи хотя и получают отражение в криминалистической характеристике преступления, не всегда позволяют построить информационную цепочку. Это связано с тем, что связи такого рода редко проявляются на практике. В то же время, игнорировать их существование в процессе расследования преступления нельзя. Например, единоличные разбои женщин - редкий случай, однако это обстоятельство не должно исключать в случае отсутствия достоверной информации о поле лица, совершившего преступление, выдвижение подобной версии.

Конечно, степень вероятности, с которой характеризуется взаимосвязь между теми или иными элементами механизма преступления, отражаемая в криминалистической характеристике, может изменяться под воздействием различных факторов: территориальных, национальных, экономических, временных и т.д. В этой связи справедливо утверждение Н. П. Яблокова о том, что криминалистическая характеристика отдельного вида преступления в полной мере не может быть общей для всех регионов страны, что влияет на методический эффект от ее применения¹.

Кроме того, хотелось бы отметить, что методологическое и информационное значение криминалистической характеристики преступления зависит от системного уровня ее раскрытия. Чем выше системный уровень криминалистической характеристики преступления, тем более многовариантны связи между раскрываемыми в ней элементами преступной деятельности, тем сложнее ее применение при расследовании конкретных преступлений. Очевидно, что криминалистическая характеристика как система типовой информации приобретает наибольшее практическое значение при ее раскрытии на более детальных уровнях, применительно к отдельным видам и даже подвидам преступлений.

Детализировать отдельные элементы, отражаемые в криминалистической характеристике, позволит их классификация. Как справедли-

¹ См.: Яблоков Н. П. Указ. соч. - С. 13.

во отметил А. Н. Васильев, подход к любому предмету с точки зрения системно-структурного анализа предполагает использование классификаций. Классификация позволяет определить объем и уровень знаний об этом предмете и найти путь к более глубокому исследованию и познанию, а также к более эффективному использованию наших знаний о нем на практике¹.

В процессе разработки криминалистических характеристик отдельных видов преступления активно используются результаты различных системных исследований, проводимых в криминалистической науке, в частности, классификации отдельных элементов преступной деятельности, типовые сведения о которых составляют содержание криминалистической характеристики преступлений. Так, В. П. Лавров справедливо, отметил, что в «чисто научном плане разработка криминалистических характеристик способствует успешной реализации учения о криминалистической систематике, апробируются и используются различные криминалистические классификации, важные для методики расследования отдельных видов преступлений»². В числе используемых в процессе разработки криминалистической характеристики преступлений классификаций можно назвать:

- криминалистические классификации преступлений³;
- классификации способов совершения и сокрытия преступления;
- классификации личности преступника, имеющие криминалистическое значение;
- классификации потерпевших, имеющие криминалистическое значение;
- классификации места, времени, обстановки совершения преступлений и др.

Классификации способов совершения и сокрытия преступления играют важную роль в познании механизма его совершения и разработке его криминалистической характеристики. Типовые сведения о способе совершения преступления называются большинством ученых-криминалистов как важнейший (а иногда и как ключевой) элемент криминалистической характеристики. Неудивительно, что способ совершения преступления, как одна из основных криминалисти-

¹ См.: Васильев А. Н. Проблемы методики расследования отдельных видов преступлений. - М., 2002. - С. 28.

² Лавров В. П. Общие положения методики расследования отдельных видов преступлений // Курс лекций по криминалистике. / Под ред. А. Ф. Волынского. - М., 1998. - С. 19.

³ Подробнее о криминалистической классификации преступлений см. в §2 настоящей главы.

ческих категорий, на протяжении длительного времени подвергается активным классификационным исследованиям. В этой связи вряд ли можно поддержать высказанное в криминалистической литературе мнение о том, что «универсальной классификации способов совершения преступления не существует», а «каждая частная криминалистическая методика содержит не классификацию, а перечень различных способов подготовки и совершения конкретного вида (рода) преступления»¹. Представляется, что различные классификации способов совершения преступления могут быть проведены как на общем уровне, так и применительно к отдельным видам преступлений (например, классификации способов совершения убийств, классификации способов преступлений, совершенных несовершеннолетними, и т.д.).

Проанализируем представленные в криминалистической литературе классификации способов совершения преступления², выделим и уточним те из них, которые, на наш взгляд, могут быть использованы при разработке криминалистических характеристик различных видов преступлений:

1. *В зависимости от сложности структуры* выделяются полноструктурные и неполноструктурные способы совершения преступлений. Полноструктурные способы охватывают всю систему действий по подготовке, совершению и сокрытию преступления. В системе неполноструктурных способов отсутствуют действия по подготовке или (и) сокрытию преступления.

2. *По содержанию* способы совершения преступления можно подразделить на:

- осуществляемые путем комплекса активных действий;
- осуществляемые путем бездействия;
- смешанные (осуществляемые путем активных действий и бездействия).

¹ См.: Белкин А. Е. Криминалистические классификации. - М., 2000. - С. 54.

² См.: Великородный П. Г. Криминалистическая характеристика и классификация способов совершения преступлений и способов уклонения от ответственности // Криминалистическая характеристика преступлений. - М., 1984. - С. 90-91; Драпкин Л. Я., Уткин М. С. Понятие и структура способа совершения преступлений // Проблемы борьбы с преступностью. - Омск, 1978. - С. 133; Жордания И. Ш. Структура и правовое значение способа совершения преступления. - Тбилиси, 1977. - С. 96-120; Куцонис П. Б. Проблемы построения и использования криминалистических классификаций в методике расследования преступлений. Дисс. ... канд. юрид. наук - М., 1990. - С. 105; Селиванов Н. А. Советская криминалистика: система понятий. - М., 1982. - С. 132.

3. В зависимости от использования в процессе совершения различных орудий и средств можно выделить способы совершения преступления:

- сопряженные с использованием различных орудий и средств;
- реализуемые без использования каких-либо орудий и средств.

Первая группа способов совершения преступления может быть подвергнута и дальнейшим классификационным исследованиям, исходя из характера и вида использованных орудий и средств, а также специфики отдельного вида преступления.

4. По кругу лиц, участвующих в совершении преступления, целесообразно выделять способы:

- осуществляемые единолично;
- осуществляемые группой лиц (с распределением или без распределения преступных ролей).

5. По времени осуществления:

- кратковременные;
- длительные.

Классификации способов совершения преступления, используемые при разработке криминалистических характеристик отдельных видов преступлений, могут быть дополнены результатами классификационных исследований способов их сокрытия¹.

К числу классификаций личности преступника, имеющих значение для системного формирования криминалистической характеристики, можно отнести деления по полу, возрасту, национальности, образовательному уровню, материальному положению, роду занятий, преступному прошлому, образу жизни, состоянию здоровья и пр.²

Определенное значение для системного представления типовых сведений об отдельном виде преступления может сыграть детализация данных о потерпевшем. Такая детализация может быть осуществлена на основе имеющих криминалистическое значение классификаций потерпевших по полу, возрасту, материальному положению, образу жизни, поведению до, во время и после совершения преступления, характеру связи с преступником³.

¹ Подробнее о классификациях способов сокрытия преступлений см. в §3 настоящей главы.

² См.: Ведерников Н. Т. Личность преступника как элемент криминалистической характеристики преступления // Криминалистическая характеристика преступления. - М., 1984. - С. 76-77.

³ Подробнее см.: Бурданова В. С., Быков В. М. Виктимологические аспекты криминалистики. - Ташкент, 1981; Сорокотягина Д. А. Собираение и исследование данных о личности потерпевшего с целью раскрытия и расследования преступлений. Дис. ...канд. юрид. наук - Свердловск, 1978; Центров Е. Е. Криминалистическое изучение потерпевшего. - М., 1988 и др.

При разработке криминалистических характеристик преступлений и раскрытии вероятностных корреляционных связей между ее элементами могут быть учтены и различные виды обстановки совершения преступлений. Наиболее интересное, на наш взгляд, исследование в этой области провел В. И. Куликов. В связи с внутренними качествами и криминалистической ценностью для расследования автором были выделены следующие классификации обстановки совершения преступления: обязательные (являющиеся неперенным условием существования события преступления, не связанные с каким-то определенным видом преступления) и альтернативные; главные (находящиеся в контакте с преступником, явившиеся целью или средством совершения преступления, учитываемые и использовавшиеся им) и второстепенные; активные (обладающие способностью к саморазвитию и побуждению к движению другие элементы) и пассивные; сложные (обладающие высокой степенью внутренней организации или сознанием) и простые; типичные (характерные элементы среды, в которой совершается основная масса подобных преступлений) и специфические¹.

Учение о криминалистической характеристике преступлений имеет и еще один проблемный вопрос, который может быть отнесен в сферу криминалистической систематики. Речь идет о научной дискуссии по проблеме существования криминалистической характеристики конкретного преступления (конкретной криминалистической характеристики преступления) как одном из ее уровней. Отметим, что до сих пор этот вопрос не получил в криминалистике однозначного разрешения.

Мы не будем подробно обозначать все имеющиеся в криминалистической литературе точки зрения по этому вопросу, тем более что их обстоятельный анализ в последние годы уже проводился как сторонниками выделения конкретной криминалистической характеристики преступления², так и противниками этой позиции³. Остановимся лишь на позициях ученых-криминалистов, получивших отражение в новейшей криминалистической литературе.

В частности, идею о существовании криминалистической характеристики конкретного преступления активно отстаивает В. Ф. Еρμο-

1 См.: Куликов В. И. Обстановка совершения преступления и ее криминалистическое значение. Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук - М., 1983. - С.16-17.

2 См.: Ермалович Е. Ф. Криминалистическая характеристика преступлений. - Минск, 2001. - С. 225-230.

3 См.: Белкин Р. С. Курс криминалистики. В 3 т. Т.3. - М., 1997. - С. 317-318.

лович. В обоснование своей позиции автор привел ряд обобщенных по криминалистической литературе и собственных доводов:

1. Криминалистическую характеристику конкретного преступления можно рассматривать как информационную модель расследованного преступления. При этом полной она станет с момента, когда расследование закончено и приговор вступил в законную силу.

2. Разработка такой характеристики осуществляется в зависимости от задач, которые необходимо решать в процессе практической деятельности, в частности, когда изучаются:

- преступления одного вида и на основании этого вырабатываются рекомендации по их раскрытию и расследованию;
- конкретное преступление и на его примере производится обучение курсантов (слушателей, студентов);
- конкретное преступление и на его примере производится разбор в практическом подразделении правильных и неправильных действий следователя, оперуполномоченного, прокурора, судьи;
- конкретное преступление и на его основе производится разработка предложений в законодательные акты¹.

Однако точка зрения о выделении криминалистической характеристики конкретного преступления представляется нам спорной. Во-первых, как справедливо отмечается в юридической литературе, криминалистическая характеристика «может рассматриваться лишь как вероятностная модель и соответственно использоваться следователем только в качестве ориентирующей информации»². Однако криминалистическая характеристика конкретного преступления, формируемая лишь на момент «вынесения приговора», использоваться в таком качестве в процессе расследования не может. Характеристика, в которой отразились бы существенные признаки конкретного преступления, будет служить «либо науке, как эмпирический материал, либо целям анализа и обобщения следственной практики»³. Более того, как справедливо отмечается в криминалистической литературе, «суд не занимается формулированием научных абстракций. Приговор не представляет собой вероятностную модель события преступления»⁴.

¹ См.: Ермолович Е. Ф. Указ. соч. - С. 232.

² Белкин Р. С. Курс криминалистики. Т. 3. - С. 317.

³ Аверьянова Т. В., Белкин Р. С., Корухов Ю. Г., Россинская Е. Р. Криминалистика. - М., 1999. - С. 688.

⁴ Филиппов А. Г. К вопросу об особенностях расследования отдельных видов преступлений // Особенности расследования отдельных видов и групп преступлений. - Свердловск, 1980. - С. 23.

Во-вторых, не совсем понятно, каким образом в криминалистической характеристике конкретного преступления получают отражение «действия следователя, оперуполномоченного, прокурора, судьи». Как справедливо писал Л. Д. Самыгин, «представить себе трудно, что было бы, если следователи стали бы "компонентами" криминалистической характеристики преступления вместе с убийцами и ворами»¹.

В-третьих, что касается использования информации о конкретном преступлении в учебном процессе, то в этом случае, на наш взгляд, можно говорить либо о передаче практического опыта, либо о подтверждении примером сведений, содержащихся в видовой или групповой криминалистической характеристике.

Кроме того, выделение криминалистической характеристики конкретного преступления неизбежно влечет за собой уточнение родового понятия криминалистической характеристики преступления. Очевидно, что конкретная криминалистическая характеристика не может рассматриваться как система типовых сведений. Попытку решить этот вопрос предпринял в одной из своих последних работ Л. Л. Каневский. По его мнению, «надо отличать типовую криминалистическую характеристику определенной категории (группы) преступлений, ядром которой являются корреляционные связи и зависимости между отдельными ее элементами, от криминалистической характеристики конкретного общественно опасного деяния, которую следователь всегда анализирует по мере выявления новой информации в процессе расследования»². Однако, на наш взгляд, и в таком понимании различных уровней криминалистической характеристики преступлений вопрос об определении ее родового понятия остается открытым.

Нам представляется, что под термином «криминалистическая характеристика преступлений» наиболее целесообразно понимать только систему типовых данных (сведений) об элементах отдельного вида преступления и его механизме. Применительно к конкретному преступлению речь должна идти о системе криминалистически значимой информации о нем, собираемой следователем. Именно эта информация анализируется следователем и иными работниками правоохранительных органов, сопоставляется с типовыми данными криминалистической характеристики преступления, являясь таким образом предпосылкой ее практического использования. Криминалистически

¹ Самыгин Л. Д. Указ. соч. - С. 99.

² Каневский Л. Л. Дискуссионные проблемы сущности типовой криминалистической характеристики преступлений и ее использования в процессе расследования// Вестник криминалистики. Вып. 1(3). - М., 2002. - С. 28.

значимая информация о конкретном преступлении служит объектом эмпирических исследований и обобщений, результаты которых могут быть положены в основу криминалистической характеристики.

Итак, на сегодняшний день существуют все предпосылки для дальнейшего развития учения о криминалистической характеристике преступлений как системы типовых данных (сведений) об элементах отдельного вида преступления и его механизме, способствующей определению основных направлений расследования преступлений и служащей эмпирико-информационной основой для разработки частных криминалистических методик.

Подводя итог сказанному, отметим, что дальнейшее изучение преступной деятельности как объекта криминалистической науки неразрывно связано с расширением сферы применения системных средств и методов научного и практического познания, формированием системы криминалистических знаний о ней на основе системных принципов, раскрываемых криминалистической систематикой.

§2. Некоторые аспекты криминалистической классификации преступлений

Криминалистическая классификация преступлений давно и активно разрабатывается в криминалистической науке. Началом активных исследований проблем криминалистической классификации преступлений следует считать 1971 год, когда А. Н. Васильев и Н. П. Яблоков высказали идею о том, что «классификация преступлений в методике их расследования должна исходить не из уголовно-правовых характеристик, а из криминалистических по различным основаниям, имеющим значение для раскрытия преступлений»¹.

За прошедшие три десятилетия по вопросам криминалистической классификации преступлений было опубликовано немало работ, предложено множеаво классификационных построений². В. А. Образцов

¹ Криминалистика. / Отв. ред. А. Н. Васильев. - М., 1971. - С. 425.

² См.: Белкин Р. С. Курс криминалистики. В 3 т. Т. 3. - М., 1997. - С. 319-325; Герасимов И. Ф. Некоторые проблемы раскрытия преступлений. - Свердловск, 1975. - С. 151-163; Васильев А. Н. Проблемы методики расследования отдельных видов преступлений. - М., 1978. - С. 30-33; Возгрин И. А. Общие положения методики расследования отдельных видов преступлений. - Л., 1976. - С. 43; Колесниченко А. Н. Общие положения методики расследования отдельных видов преступлений. - Харьков, 1976. - С. 14; Кудонис П. Б. Проблемы построения и использования криминалистических классификаций в методике расследования преступлений. Дисс... канд. юрид. наук - М., 1990. - С. 45-74; Образцов В. А. Криминалистическая классификация преступлений. - Красноярск, 1988 ; Яблоков Н. П. Криминалистическая методика расследования (некоторые теоретические положения). - М., 1985. - С. 24-31 и др.

предложил даже рассматривать учение о криминалистической классификации преступлений как частную криминалистическую теорию¹.

К сожалению, анализ научных работ указывает на отсутствие единого подхода к разработке криминалистических классификационных систем преступлений. Можно констатировать, что на сегодняшний день базисные положения криминалистической классификации преступлений дискуссионны и нуждаются в уточнении.

Прежде всего, следует четко определиться, что же является объектом криминалистической классификации преступлений.

Как уже отмечалось ранее, объектом криминалистической классификации всегда выступает понятие как мысль, отражающая существенные признаки какого-либо предмета или явления, входящего в предмет изучения криминалистической науки. При этом объект криминалистической классификации является одним из основных ее отличий от классификации в других правовых науках (в том числе и в уголовном праве). Специфика объектов криминалистической классификации проявляется в том, что в объекте деления, прежде всего, должны учитываться закономерности, важные в криминалистическом отношении.

С первого взгляда, ответ на вопрос об объекте криминалистической классификации преступлений прост: им являются определенные множества преступлений.

Статья 14 действующего Уголовного кодекса России гласит. «Преступлением признается виновно совершенное общественно опасное деяние, запрещенное настоящим Кодексом под угрозой наказания.

Не является преступлением действие или бездействие, хотя формально и содержащее признаки какого-либо деяния, предусмотренного Уголовным кодексом, но в силу малозначительности не представляющее большой общественной опасности». В Особенной части Уголовного кодекса приведен обширный перечень конкретных преступлений.

Уголовно-правовое определение преступления, как объект криминалистической классификации, уже использовалось в криминалистической науке. Так, в 1988 году В. А. Образцов выделил пять типов объектов криминалистической классификации преступлений:

1. Общественно опасные деяния, совершаемые на территории СССР и квалифицируемые уголовным законом союзных республик как преступления;

¹ См.: Образцов В. А. Проблемы совершенствования научных основ методики расследования преступлений. Автореферат ДИСС. ... докт. юрид. наук - М., 1986. - С. 17.

Па спорный характер этой точки зрения автора мы указывали выше.

2. Определенные группы криминалистически сходных видов преступлений и уголовно-правовые роды преступлений;
3. Отдельные виды преступлений;
4. Уголовно-правовые подвиды преступлений;
5. Определенные группы преступлений, выделяемые на основе криминалистической классификации уголовно-правовых видов и подвидов указанных явлений.¹

Хотелось бы отметить то обстоятельство, что автор оперирует терминами «криминалистически сходные виды преступлений» и «выделяемые на основе криминалистической классификации уголовно-правовые виды преступлений».

Поясняя первый термин, В. А. Образцов пишет. «Выделяемые на основе криминалистической классификации всей совокупности преступлений, эти группы в рамках соответствующих классификационных построений выступают в качестве частей, элементов указанного целого. Их собственное строение при этом не принимается во внимание для характеристики целого, поскольку они обозначают предел его классификации. Однако в тех случаях, когда какой-либо из этих элементов (классификационных единиц) избирается в качестве самостоятельного объекта исследования, он приобретает иное смысловое и функциональное значение, поскольку рассматривается как целостное системное образование - объект познания и классификации. Таким образом, одно и то же понятие в различных познавательных ситуациях выступает либо в качестве элемента, либо объекта криминалистической классификации, расчленяемого, в свою очередь, на образующие его части»². В этом довольно сложном пояснении автора, к сожалению, не усматривается, в чем же выражается криминалистическая сходность тех или иных групп преступлений.

Поясняя второй термин, В. А. Образцов по сути дела проводит аналогию между криминалистически сходными группами преступлений и преступлениями, объединенными в те или иные главы Особенной части УК.

Структура Особенной части УК была положена в основу классификационных исследований преступлений и И. А. Возгриным³.

В этой связи хотелось бы отметить точку зрения Ю. П. Белых, по мнению которого «самостоятельной криминалистической классифи-

¹ См.: Образцов В. А. Криминалистическая классификация преступлений. - С. 55-61.

² См.: Образцов В. А. Указ. соч. - С. 55-56.

³ Детальный анализ позиции И. А. Возгрина по данному вопросу провел Р. С. Белкин (См. Курс криминалистики. Т. 3. - С. 323-324).

кации преступлений не существует, так как отсутствует множество, подвергающееся делению. Создание в криминалистике множества, адекватного совокупности составов преступлений, означало бы механическое заимствование положений уголовного права»¹. Соглашаясь со второй частью тезиса Ю. П. Белых, мы категорически не согласны с первой.

Прав Р. С. Белкин, считая, что в основе формирования системы частных криминалистических методик лежит уголовно-правовая квалификация преступлений². Именно здесь проявляется заимствование положений уголовного права как основания для криминалистических классификационных делений, но не преступлений, а частных криминалистических методик.

Преступление, как объект криминалистического классификационного исследования, не должно сводиться к своему уголовно-правовому определению. Это подтверждает анализ некоторых научных подходов к классификации преступлений, при которых используются криминалистические признаки³.

В криминалистической литературе преступление рассматривается и как определенное событие⁴, и как криминальная ситуация?, и как деятельность⁶.

Подход к событию, имеющему признаки преступления, как к объекту криминалистической классификации преступлений, представляется интересным. В начале расследования, как правило, известны не все признаки состава преступления. В этой связи следует согласиться

¹ Белых Ю. П. К вопросу о криминалистической классификации преступлений // Актуальные проблемы правоохранительной деятельности милиции. Сборник статей альфонктов и соискателей. Вып. 7. - М., 1996. - С. 116.

² См.: Белкин Р. С. Указ. соч. - С. 325.

³ См.: Герасимов И. Ф. Некоторые проблемы раскрытия преступлений. - Свердловск, 1975. - С. 151-155; Белкин Р. С. Указ. соч. - С. 326; Яблоков Н. П. Общие положения криминалистической методики расследования преступлений // Криминалистика. / Отв. ред. Н. П. Яблоков. - М., 1995. - С. 486.

⁴ См.: Колдин В. Я. Криминалистическое знание о преступной деятельности: функция моделирования // Советское государство и право. 1987, № 2. - С. 64; Мудьюгин Г. Н. Расследование убийств по делам, возбуждаемым в связи с исчезновением потерпевшего. - М., 1967.

⁵ См.: Волчецкая Т. С. Криминалистическая ситуалогия. Дисс. ... докт. юрид. наук. - М., 1997; Грановский Г. Л. Криминалистическая ситуационная экспертиза места происшествия // Рефераты научных сообщений на теоретическом семинаре - криминалистических чтениях 21 апреля 1977 г. Вып. 16. - М., 1977. - С. 7.

⁶ См.: Самыгин Л. Д. Расследование преступлений как система деятельности. - М., 1989. - С. 14.

с В. Я. Колдиным, который отметил, что «в процессе расследования конкретного уголовного дела криминалист, строго говоря, имеет дело не с «преступлением», а с подлежащим расследованию событием: последствиями пожара, обнаружением трупа, недостатчей и тд. Эти события нуждаются в расследовании, но могут иметь и не криминальную природу»¹. В ходе расследования может быть установлено, что данное событие не является преступлением, однако для этого следователю необходимо использовать весь арсенал криминалистических средств и методов расследования определенного вида преступления.

Отметим, что понимание объекта криминалистической классификации преступлений как события, подлежащего расследованию, отрицается некоторыми учеными-криминалистами. Так, П. Б. Куцонис высказал точку зрения, что подлежащие расследованию события не могут быть пространством классификации преступлений потому, что объем этого понятия гораздо шире понятия «преступление». При этом автор считает, что эти события могут составить пространство самостоятельной криминалистической классификации². В то же время, вопросы соотношения предложенной автором классификации событий, подлежащих расследованию, а также криминалистической классификации преступлений и классификации частных криминалистических методик П. Б. Куцонис не разъясняет.

На наш взгляд, события, содержащие признаки преступления, могут выступать объектом криминалистической классификации преступлений. Именно при таком подходе к криминалистической классификации преступлений четко прослеживается ее связь с классификацией частных криминалистических методик. С момента поступления заявления или сообщения о том или ином событии, содержащем признаки преступления, следователь может использовать разработанные применительно к данному виду преступления рекомендации по расследованию, в том числе и на стадии возбуждения уголовного дела (например, рекомендации по осмотру места происшествия). Кроме того, в ходе расследования следователь должен проверить версии о непреступном характере происшедшего события (самоубийство, несчастный случай, инсценировка преступления и др.).

Уголовно-правовая классификация преступления служит ориентиром для криминалистических классификационных исследований. На ее

¹ Колдин В. Я. Криминалистическое знание о преступной деятельности: функция моделирования // Советское государство и право. 1987, № 2. - С. 64.

² См.: Куцонис П. Б. Указ. соч. - С. 52.

основе (выделение родов, видов преступлений) определяются уровни и подуровни криминалистической классификации преступлений.

Связь криминалистической классификации преступлений и методики расследования отдельных видов преступлений проявляется также в характере используемых оснований деления.

Основаниями криминалистической классификации преступления выступают его различные признаки, изучаемые криминалистикой. Однако понятие криминалистического признака преступления является дискуссионным.

Так, Г. А. Рустов и В. Г. Танасевич определили его как след, указывающий на возможность совершения конкретного преступления¹. Эта точка зрения была поддержана В. А. Гуняевым, В. И. Рохлиным², а также Р. С. Белкиным, который на ее основе выделил пять групп признаков преступления:

А. По содержанию: признаки приготовления к преступлению, его совершения, сокрытия и признаки использования результатов преступления.

Б. По месту проявления: на месте преступления или на месте происшествия; в иных местах; в материалах организаций и предприятий всех видов; в быту и личной жизни преступников и их связей; содержащиеся в данных о других преступлениях или происшествиях.

В. По связи с событием преступления: непосредственно указывающие на возможное преступление; признаки инсценировок и иных способов сокрытия преступления.

Г. По связи с предметом доказывания: оцениваемые как прямые доказательства; оцениваемые как косвенные доказательства.

Д. По отношению к процессу отражения: необходимые и случайные³.

Как видим, в таком понимании криминалистический признак нельзя рассматривать как основание классификации преступлений, что позволяет говорить о нетождественности криминалистического признака как следа преступления и признака, выступающего основанием криминалистической классификации преступлений.

¹ См.: Рустов Г. А., Танасевич В. Е. Признаки хищений социалистической собственности // Вопросы совершенствования предварительного следствия. - Л., 1971. - С. 87.

² См.: Гуняев В. А., Рохлин В. И. Криминалистическое значение признаков преступления и проблема типизации расследования // Укрепление законности в деятельности следователей в свете Конституции СССР. - М., 1979. - С. 80.

³ См.: Белкин Р. С. Указ. соч. - С. 398-399.

Свой взгляд на сущность криминалистического признака высказал В. А. Образцов. По его мнению, криминалистический признак преступления - это «тот компонент элемента криминалистического состава преступления, который используется в качестве основания криминалистической классификации преступлений»¹. Не совсем понятно, о каком «криминалистическом составе преступления» ведет речь В. А. Образцов. По всей видимости, будет более верным говорить о связи криминалистического признака со структурой преступления.

Напомним, что наиболее обоснованным представляется включение в структуру преступления следующих элементов:

- субъект преступления и другие участники деяния;
- цель и мотив преступления;
- способы и средства совершения преступлений;
- предмет преступного посягательства;
- место, время, обстановка преступления;
- преступный результат.

Сравним элементы преступления и основания классификации преступлений, представленные в криминалистической литературе.

Так, И. Ф. Герасимов предложил классифицировать преступления в криминалистике по:

- способу совершения преступления;
- по степени сокрытия и маскировки преступления;
- по преступному опыту лица, совершившего преступление;
- по месту их совершения².

И. А. Возгрин назвал в качестве оснований криминалистической классификации преступления способ совершения преступления, личность преступника, личность потерпевшего³.

Н. П. Яблоков как основания криминалистической классификации преступлений указал способ и обстановку совершения преступления, включая сферу преступного поведения, типологические и иные особенности личности преступника, его преступный опыт, вид и отдельные свойства потерпевших.⁴

¹ Образцов В. А. Указ. соч. - С. 80.

² См.: Герасимов И. Ф. Некоторые проблемы раскрытия преступлений. - Свердловск, 1975. - С. 151-155.

³ См.: Возгрин И. А. Криминалистическая методика расследования преступлений. - Минск, 1983. - С. 208-209.

⁴ См.: Яблоков Н. П. Общие положения криминалистической методики расследования преступлений // Криминалистика. / Отв. ред. Н. П. Яблоков. - М., 1995. - С. 486.

Р. С. Белкин предложил развернутую криминалистическую классификацию преступлений, выделив в ней четыре основных элемента:

I. Классификации преступлений, связанные с субъектом преступления, совершаемые:

- единолично и группой;
- впервые и повторно;
- лицами, находящимися в особом отношении с непосредственным объектом посягательства и не состоящими в таком отношении;
- взрослыми преступниками и несовершеннолетними;
- мужчинами и женщинами.

II. Классификации преступлений, связанные с объектом преступления:

- по личности потерпевшего;
- по характеру непосредственного предмета посягательства;
- по способам и средствам охраны непосредственного предмета посягательства.

III. Классификации преступлений, связанные с объективной стороной преступления:

- по способу совершения преступления;
- по способу сокрытия преступления, если оно не входит в качестве составной части в способ совершения преступления.

IV. Классификации преступлений, связанные с субъективной стороной преступления:

- совершенные с заранее обдуманном намерением и со внезапно возникшим умыслом¹.

А. Р. Белкин дополнил IV элемент приведенной классификации делениями преступлений по неосторожности, а также по мотивам и целям совершенного деяния².

Проведенный анализ криминалистической литературы позволяет сделать вывод, что в качестве оснований криминалистической классификации преступлений используются признаки, производные от элементов структуры преступления и определяющие криминалистические особенности различных видов преступных деяний. Эти элементы указывают лишь на общее направление классификационных исследований преступлений. Конкретные классификационные основания могут быть более детализированы. Вот почему наиболее полной нам представляется система классификационных оснований, предложенная Р. С. Белкиным (с дополнениями А. Р. Белкина).

¹ См.: Белкин Р. С. Указ. соч. - С. 326.

² См.: Белкин А. Р. Криминалистические классификации. - М., 2000. - С. 25.

В научной литературе присутствуют и некоторые иные взгляды на основания криминалистической классификации преступления.

Так, по мнению В. А. Образцова, основаниями криминалистической классификации преступлений могут быть признаки: преступления (преступника, мотив и цель преступления, средств преступления, процесса преступления, результатов преступления); обстановки совершения преступления; деятельности по выявлению и расследованию преступлений (субъекта расследования, объекта расследования, задач расследования, средств расследования, процесса расследования, результатов расследования)¹. Возможность использования второй группы признаков (признаки деятельности по выявлению и расследованию преступлений) как оснований криминалистической классификации преступлений вызывает у нас существенные возражения. Деятельность по расследованию преступления не является его характеризующим признаком, она производна от преступления и, следовательно, ни один из ее элементов не может выступать в качестве основания классификации преступлений. Например, предлагая классификацию преступлений *с учетом того, применялись или не применялись при их расследовании научно-технические средства* (выделено нами. - А. Г.), В. А. Образцов пишет: «Одна группа этих классификаций может быть построена по признакам и отношениям научно-технических средств вообще и средств криминалистической техники, в частности. Номенклатура таких средств является достаточно широкой. Наряду со средствами, которые могут применяться и применяются по делам о самых различных преступлениях, имеется немало таких, использование которых рассчитано на работу по делам лишь определенных категорий преступлений»². Сразу бросается в глаза «перевернутость» классификации. Фактически речь идет не о классификации преступлений по видам научно-технических средств, а о классификации научно-технических средств по видам преступлений, в ходе расследования которых они могут быть применены.

Вызывают возражения и предложения классификации преступлений по признакам следственных ситуаций. В частности, А. Н. Васильев по признакам следственных ситуаций первоначального периода расследования, выделил шесть групп преступлений:

¹ См.: Образцов В. А. Криминалистическая классификация преступлений. - С. 80-127.

² Образцов В. А. Указ. соч. - С. 118.

1. Имеются сведения о событии преступления и о конкретном виновном лице, но требуется установить, действительно ли было это событие и имело ли оно преступный характер.

2. Установлено событие с признаками преступления и налицо вредные последствия, известны также конкретные лица, несущие персональную ответственность за эти последствия по своему положению, но неизвестно их личное поведение в событии преступления и, следовательно, вина в уголовном смысле.

3. Установлено событие с признаками преступления, совершить которое и воспользоваться результатами могли только лица из определенного круга по своему официальному положению.

4. Установлено событие с признаками преступления, совершить которое могли, вероятнее всего, заинтересованные лица, возможно, имеющие интерес не в непосредственном, а в косвенном или более или менее отдаленном результате преступления.

5. Установлено событие с признаками преступления, для совершения которого требуются особые профессиональные навыки или особое знание какого-либо специфического обстоятельства, способствующего преступлению.

6. Налицо событие с признаками преступления, но сведения о виновном ограничены и отсутствуют ситуации, указанные выше¹.

Очевидно, что в данном случае речь идет не о видах преступления, а о видах типичных следственных ситуаций, выделенных по информационному критерию. Следственная ситуация, как складывающаяся на определенный момент времени обстановка расследования, производна от совершенного деяния и характеризует состояние расследования, а не какие-то черты преступлений, и поэтому не может выступать основанием классификации преступлений. Думается, прав А. Г. Филиппов, отметивший, что ошибка авторов, строящих классификации преступлений по признакам сходства следственных ситуаций, складывающихся на первоначальном этапе расследования, заключается в том, «что следственные ситуации, которые берутся за основу классификации, рассматриваются изолированно, в отрыве от криминалистических характеристик соответствующих видов преступлений. Между тем следственные ситуации могут быть внешне сходными даже при расследовании различных по своему характеру преступлений. Поскольку криминалистические характеристики этих

¹ См.: Васильев А. Н. Проблемы методики расследования отдельных видов преступлений. - М., 1978. - С. 41-43.

преступлений не совпадают, такое сходство остается чисто внешним и не влечет за собой единообразия в методиках расследования этих преступлений»¹.

Отдельными авторами критикуется возможность использовать в качестве основания криминалистической классификации преступления признаки субъекта преступления. Так, П. Б. Куцонис пишет, что предложенные в криминалистической литературе классификации преступлений по признакам субъекта преступления «в сущности представляют собой систему типовых версий о субъекте преступления. В этом плане разработанные применительно к ним методические рекомендации представляют собой методики проверки таких версий. Такие методики имеют определенное криминалистическое значение, однако они не дают представления о расследовании в целом. Значение таких рекомендаций больше, когда они разработаны применительно к определенному (уголовно-правовому или криминалистическому) виду преступления»².

Эта позиция вызывает существенные возражения. Во-первых, элементы криминалистической классификационной системы криминалистических версий, построенной по любому основанию, не являются типовыми версиями, а указывают, исходя из признака деления, на различные стороны преступного деяния. Во-вторых, криминалистические рекомендации по проверке типовых версий, как правило, входят составной частью в частные методики расследования отдельных видов преступлений, поэтому представлять их некой самостоятельной частью криминалистики нецелесообразно. Такие методики, выделенные на основе криминалистической классификации преступлений как по признакам субъекта преступления, так и по иным основаниям, давно и плодотворно разрабатываются в криминалистике³.

Криминалистические классификации преступлений оказывают существенное влияние на целый ряд системных исследований пре-

¹ См.: Филиппов А. Г. О соотношении понятий криминалистической характеристики преступлений и следственной ситуации // Следственная ситуация. - М., 1985. - С. 74.

² Куцонис П. Б. Указ. соч. - С. 72-73.

³ См, например, Болтенко С. И. Особенности расследования преступлений, совершенных рецидивистами. Автореф. ДИСС ... канд. юрид. наук. - Саратов, 1987; Быков В. М. Криминалистическая характеристика преступных групп. - Ташкент, 1986; Дергай Б. И. Особенности расследования по делам невиняемых. - Волгоград, 1976; Каневский Л. Л. Проблемы методики расследования преступлений несовершеннолетних. - Уфа, 1976; Лавров В. П., Сидоров В. Е. Расследование преступлений по горячим следам. - М, 1989; Радаев В. В. Особенности методики расследования преступлений, совершенных лицами, страдающими психическими недостатками. Дис. ... канд. юрид. наук. - М, 1980 и др.

ступной деятельности в криминалистике, разработку методических рекомендаций по их расследованию и предупреждению. В частности, в числе актуальных проблем современной криминалистической науки следует назвать дальнейшее изучение проблем противодействия раскрытию и расследованию преступлений, которые будут рассмотрены нами далее с позиций криминалистической систематики.

§3. Противодействие расследованию преступлений как объект криминалистических системных исследований

На современном этапе развития криминалистической науки активно формируется система теоретических и практических знаний о сложном комплексе различных по своей природе, целям и субъектам осуществления действий (или бездействия), связанных с противодействием раскрытию и расследованию преступлений. Такие действия (бездействие) тесно связаны с процессуальной деятельностью органов предварительного расследования или суда и оказывают на нее негативное влияние.

Дальнейший процесс развития криминалистических знаний о противодействии расследованию предполагает:

- уточнение и корректировку теоретических положений и практических рекомендаций с учетом новейших достижений криминалистики и других наук, потребностей практики борьбы с преступностью;
- обобщение и систематизацию накопленного и разработанного научного материала и формирование на этой основе самостоятельного криминалистического учения - учения о противодействии расследованию;
- обеспечение доступности, эффективности криминалистических рекомендаций при их использовании в практической деятельности правоохранительных органов.

Противодействие расследованию преступлений - сложный многогранный процесс. Именно этим, на наш взгляд, объясняется множество научных подходов, взглядов, точек зрения, касающихся его сущности. Однако, несмотря на то, что противодействие расследованию активно изучается учеными-криминалистами не один десяток лет, не все проблемы этого криминалистического учения получили однозначное разрешение.

Как и в любой формирующейся частной криминалистической теории, в системе теоретических знаний о противодействии расследо-

ванию преступлений ключевое место занимает понятийный аппарат. В этой связи особое значение приобретает определение общего понятия противодействия расследованию. В науковедческой литературе справедливо отмечается, что прежде чем предложить набор понятий той или иной теории (в том числе и формирующейся) необходимо единое унифицированное определение - базовое понятие того «каркаса», о котором идет речь¹.

В последние годы круг вопросов противодействия предварительному расследованию, изучаемых в рамках криминалистической науки, значительно расширился и, очевидно, выходит за рамки проблем способа сокрытия преступления, что отмечается многими учеными-криминалистами² и специалистами-практиками³. В то же время нет единой позиции по определению понятия «противодействие расследованию».

Так, С. Ю. Журавлев предлагает рассматривать противодействие раскрытию и расследованию преступления как «систему действий (или бездействий), направленную на достижение цели сокрытия преступлений путем недопущения вовлечения его следов в сферу уголовного судопроизводства и их последующего использования в качестве судебных

¹ См.: Самбуров Э. А. Диалектика основных категорий системного анализа // Методологические проблемы конкретных наук - Новосибирск, 1984. - С. 70.

² См.: Белкин Р. С. Противодействие расследованию и пути его преодоления криминалистическими и оперативно-розыскными средствами и методами // Криминалистическое обеспечение деятельности криминальной милиции и органов предварительного расследования. / Под ред. Т. В. Аверьяновой, Р. С. Белкина. - М., 1997. - 130; Бобраков И. А. Воздействие преступников на свидетелей и потерпевших и криминалистические методы его преодоления. Дисс. ... канд. юрид. наук - М., 1997; Вандышев В. В. Связь «жертва-преступник» и ее использование в раскрытии и расследовании умышленных тяжких телесных повреждений. - Л., 1987. - С. 46-47; Волинский А. Ф., Лавров В. П. Организованное противодействие раскрытию и расследованию преступлений (проблемы теории и практики) // Материалы научно-практической конференции «Организованное противодействие расследованию преступлений и меры по его нейтрализации», г. Руза - г. Москва, 29-30 октября 1996 г. - М., 1997. - С. 95; Карагодин В. Н. Основы криминалистического учения о преодолении противодействия предварительному расследованию. Дисс.... Докт. юрид. наук - Екатеринбург, 1992. - С. 38 и др.

³ См.: Бобровский И. В. О соотношении противодействия расследованию и сокрытия преступления // Материалы научно-практической конференции «Организованное противодействие расследованию преступлений и меры по его нейтрализации», г. Руза - г. Москва, 29-30 октября 1996 г. - М., 1997. - С. 105; Данилова Р. В., Новоселов С. А. Противодействие расследованию по делам об организованной преступной деятельности // Материалы научно-практической конференции «Организованное противодействие расследованию преступлений и меры по его нейтрализации», г. Руза - г. Москва, 29-30 октября 1996 г. - М., 1997. - С. 28.

доказательств»¹. Такой подход к определению противодействия расследованию представляется нам слишком узким. Во-первых, не всегда целью противодействия раскрытию и расследованию преступления является сокрытие информации о преступлении. Так, проведенные в криминалистике исследования доказывают, что этим способом иногда пытаются скрыть информацию некриминального характера². Во-вторых, определением С. Ю. Журавлева не охватывается противодействие, не являющееся сокрытием следов преступления, но создающее условия, затрудняющие процесс раскрытия и расследования по конкретному делу.

По мнению В. М. Антонова, Ю. С. Астаханова и В. П. Кувалдина, противодействие расследованию представляет собой «сложный комплекс разнообразных приемов, уловок и хитростей преступников, препятствующих эффективному предупреждению, выявлению, раскрытию, расследованию и судебному рассмотрению совершенных ими преступлений и способствующих максимальному смягчению заслуженного наказания»³. Приведенная дефиниция, на наш взгляд, требует уточнения. В частности, очевидно, что противодействие расследованию может быть осуществлено не только преступниками, но и иными связанными с ними лицами.

Более полно сущность противодействия раскрытию и расследованию преступления отражается в определении, предложенном В. Н. Карагодиным. По его мнению, «противодействие предварительному расследованию - это умышленные действия (система действий), направленные на воспрепятствование установлению объективной истины по делу, достижению других целей предварительного расследования»⁴. Однако необходимо выделять и еще один существенный признак рассматриваемого понятия, не отраженный в определении В. Н. Карагодина, а именно характер деятельности, в отношении которой осуществляется противодействие. Это деятельность сотрудников правоохранительных органов по раскрытию и расследованию *конкретного, определенного* преступления.

¹ См.: Журавлев С. Ю. Противодействие деятельности по раскрытию и расследованию преступлений и тактика его преодоления. Автореферат ДИСС. ... канд. юрид. наук. - Н. Новгород, 1992. - С. 9-Ю. Этой позиции автор придерживается и в последующих работах (см.: Журавлев С. Ю., Лубин А. Ф. Нейтрализация противодействия расследованию // Криминалистика: Расследование преступлений в сфере экономики. /Под ред. В. Д. Грабовского. - Н. Новгород. 1995. - С. 345).

² См.: Бобраков И. А. Указ. соч. - С. 21.

³ Антонов В. М., Астахов Ю. С., Кувалдин В. П. Противодействие преступных структур органам внутренних дел и меры их нейтрализации. Лекция. - М., 1994. - С. 12.

⁴ Карагодин В. Н. Указ. соч. - С. 38.

Такое противодействие является составной частью деятельности по дезорганизации либо нейтрализации работы правоохранительных органов по борьбе с преступностью. Создание помех работе правоохранительных органов в целом - это высший уровень противодействия деятельности по борьбе с преступностью (*стратегический уровень*). Такое противодействие направлено на дезорганизацию работы как отдельно взятых правоохранительных структур, так и всего комплекса правоохранительных органов в определенном регионе.

Противодействие криминальной среды в целом удачно определили И.А. Климов и Г. К Синилов, как «умышленное совершение поступков, поведение и действия, направленных на воспрепятствование осуществлению социального контроля за ней, эффективному выполнению задач правоохранительной функции государства с целью уклонения от ответственности виновных за содеянное или смягчение ответственности»¹.

Приемами стратегического противодействия являются, например, внедрение в структуры правоохранительных органов своих джудей, оснащение преступных группировок современными техническими средствами, террор в отношении как сотрудников правоохранительных органов, так и иных лиц, которые могут участвовать в расследованиях различных преступлений, подкуп должностных лиц различных органов государственной власти (вплоть до высокопоставленных чиновников), лоббирование отказа от принятия или отмены нормативных актов, связанных с укреплением законности и правопорядка, в представительных и исполнительных органах различного уровня и пр.

Противодействие раскрытию и расследованию конкретного преступления (*тактический уровень*) представляет собой деятельность, в ходе которой могут быть реализованы «достижения» стратегического противодействия в целях частного характера².

¹ Климов И.А., Синилов Г. К. Противодействие криминальной среды как объект и предмет исследования теории ОРД // Материалы научно-практической конференции «Организованное противодействие расследованию преступлений и меры по его нейтрализации», г. Руза - г. Москва, 29-30 октября 1996 г - М, 1997. - С. 22.

² Мнение о необходимости различать противодействие расследованию конкретного преступления и противодействие работе правоохранительных органов высказывалось в последние годы и другими учеными-криминалистами. (см: Глушков С. А Организованное противодействие расследованию уголовных дел: теория и практика // Материалы научно-практической конференции «Организованное противодействие расследованию преступлений и меры по его нейтрализации», г. Руза - г. Москва, 29-30 октября 1996г. - М, 1997. - С 157; Федоренко А. К). Криминалистическая техника в предупреждении и пресечении противодействия раскрытию и расследованию преступлений. Дисс. ... канд. юрид наук - М., 2001. - С. 18; Щеголева М. В. Противодействие расследованию незаконного оборота оружия и криминалистические методы его преодоления. Дисс..... канд. юрид. наук - М., 2001. - С. 22.)

Итак, с учетом сказанного, наиболее точным будет определение противодействия расследованию как умышленной деятельности (сложной системы действий, бездействия) преступников и связанных с ними лиц, препятствующей работе правоохранительных органов по раскрытию и расследованию конкретных преступлений.

Нося умышленный характер, противодействие расследованию не ограничивается только деяниями, содержащими признаки преступления или иного противоправного деяния, как это предполагается некоторыми авторами¹. Несмотря на то, что Уголовный кодекс РФ, вступивший в действие с 1 января 1997 года, содержит более 30 статей, так или иначе касающихся проблемы противодействия раскрытию либо расследованию преступлений, можно привести пример и непротивоправного, а, наоборот, законного поведения, по своей сути противодействующего расследованию. Так, статья 51 Конституции РФ гласит. «Никто не обязан свидетельствовать против себя самого, своего супруга и близких родственников, круг которых определяется федеральным законом»². Очевидно, совершенно верна позиция А. Ф. Волынского и В. П. Лаврова, включивших в содержание противодействия расследованию не только противоправные, но и иные по своему характеру действия³.

В науковедческой литературе отмечается, что на современном этапе развития каждая частная наука, как естественная или техническая, так и гуманитарная, применяет системный подход в соответствии со спецификой изучаемых ею явлений, конкретных объектов и возможностями своего категориального аппарата⁴. В этой связи можно говорить о возможности изучения противодействия раскрытию и расследованию преступлений как с теоретических, так и практических позиций.

Изучение противодействия расследованию на теоретическом уровне предполагает раскрытие в процессе научной деятельности закономерностей, свойственных этому явлению, формирование четкой и стройной системы базисных положений для разработки конкретных рекомендаций и положений. Такое исследование может быть проведено с различных сторон, в различных «срезах». Например, Р. С. Белкин рассматривает противодействие расследованию в аспекте перцепции, с коммуникативных и интерактивных позиций. По его мнению, в аспекте перцепции субъект противодействия, понимая цели и направленность действий следователя, стремится воздействовать

¹ См.: Щеголева М. В. Указ. соч. - С. 22.

² Конституция Российской Федерации // Российская газета. № 237, от 25.12.93 г.

³ См.: Волынский А. Ф., Лавров В. П. Указ. соч. - С. 95.

⁴ См.: Самбуров Э. А. Указ. соч. - С. 71.

на них в желательную для себя сторону. С коммуникативных позиций противодействие расследованию заключается, с одной стороны, в стремлении субъекта получить информацию о замыслах и действиях следователя, а с другой стороны, - в передаче следователю ложной или маскирующей информации или вообще в ее сокрытии от следователя. Интреактивный компонент, по мнению автора, выражается в конфликтном взаимодействии, в противоположности, несовместимости целей взаимодействующих сторон¹.

В практическом плане изучение противодействия расследованию представляет собой получение на основе научных разработок данных о такого рода деятельности лицом, производящим расследование. В этом аспекте криминалистика должна, прежде всего, информировать следователя о сущности, видах, приемах и способах выявления и преодоления противодействия расследованию.

Дальнейшее развитие системы научных знаний о противодействии расследованию предполагает четкое определение форм его осуществления.

В юридической литературе представлено несколько научных подходов к определению форм противодействия расследованию. Так, по мнению ряда ученых, в их числе следует выделять:

- подкуп, запугивание, насилие в отношении потерпевших, свидетелей, членов их семей;
- незаконные действия защитников обвиняемых, подозреваемых;
- попытки повлиять на ход следствия через средства массовой информации;
- попытки воздействовать на судей в целях принятия ими тех или иных решений, выгодных обвиняемым².

¹ См.: Белкин Р. С. Противодействие расследованию и пути его преодоления // Криминалистика. / Под ред. А. Ф. Вольнского. - М, 1999. - С. 240.

² См.: Григорьев Б. Н. Организованное противодействие судопроизводству и проблемы его нейтрализации // Материалы научно-практической конференции «Организованное противодействие расследованию преступлений и меры по его нейтрализации», г. Руза - г. Москва, 29-30 октября 1996 г. - М, 1997. - С. 132; Жбанков В. А. К вопросу о противодействии расследованию преступлений, совершаемых членами организованных преступных структур // Материалы научно-практической конференции «Организованное противодействие расследованию преступлений и меры по его нейтрализации», г. Руза - г. Москва, 29-30 октября 1996г. - М, 1997. - С. 113; Тихоненко В. И. Вступительное слово // Материалы научно-практической конференции «Организованное противодействие расследованию преступлений и меры по его нейтрализации», г. Руза - г. Москва, 29-30 октября 1996 г. - М, 1997. - С. 5.

Всеми авторами в основу такого деления были положены результаты социологических исследований, проведенных НИЛ Московского института МВД РФ в 1995-1996 гг.

И. А. Климов и Г. К. Синилов предлагают более широкий перечень форм противодействия расследованию:

- подкуп, запугивание и иное воздействие на потерпевших и свидетелей, чтобы заставить их отказаться или изменить первоначальные показания в пользу криминальной среды;
- установление нелегальных каналов связи с арестованными членами ОПГ для согласования линии поведения;
- наем на общегрупповые средства высококвалифицированных адвокатов;
- укрывательство подозреваемых за пределами России;
- сокрытие, уничтожение следов, оружия и средств преступной деятельности;
- симуляция заболеваний;
- оказание давления через средства массовой информации посредством использования ошибок субъектов ОРД и уголовного процесса;
- целенаправленная дискредитация оперативных работников и следователей;
- попытки вербовки сотрудников органов внутренних дел под угрозой использования против них компрометирующих материалов;
- попытки подкупа следователей, оперработников, прокурорских и судебных служащих¹.

Однако, как представляется, выделение форм противодействия расследованию должно носить, прежде всего, системный характер, охватывать весь спектр действий, направленных на создание препятствий уголовному судопроизводству, четко разграничить тактическое и стратегическое противодействие.

Важный шаг к систематизации противодействия расследованию преступлений сделал Р. С. Белкин, предложивший различать «внутреннее» и «внешнее» противодействие. По его мнению, под внутренним противодействием следует понимать противодействие, оказываемое теми или иными лицами, причастными в любой форме к расследованию: подозреваемыми и обвиняемыми, свидетелями и потерпевшими, специалистами и экспертами, случайными лицами, оказавшимися на месте происшествия, и др. Для них характерно обладание какой-то ип-

¹ См.: Климов И. А., Синилов Г. К. Указ. соч. - С. 24-25.

формацией о событии и стремление скрыть, изменить или уничтожить эту информацию и (или) ее носителей.

Внешнее противодействие, по мнению Р. С. Белкина, представляет собой противодействующую деятельность лиц, вообще не связанных с расследуемым событием и лицом, осуществляющим расследование, либо связанных со следователем процессуальными, служебными и иными властными отношениями или другими зависимостями¹.

Позиция Р. С. Белкина подверглась критике в научной литературе. В частности, К. Е. Демин деление противодействия расследованию на «внешнее» и «внутреннее» было названо «не вполне оправданно жестким». Свое мнение автор пояснил тем, что такое деление исключает существование смешанных форм противодействия, имеющих место на практике, в частности, в ходе противодействия расследованию со стороны преступных организаций².

Конечно, при расследовании конкретных преступлений противодействие расследованию может осуществляться в различных формах и различными способами, однако, на наш взгляд, это обстоятельство не исключает возможности классификации противодействия, предложенной Р. С. Белкиным. В то же время, предложенная система нуждается в некотором уточнении. Напомним, что внутреннее противодействие определено Р. С. Белкиным как оказываемое теми или иными лицами, причастными в любой форме к расследованию. В этой связи дискуссионно отнесение противодействия со стороны лица, осуществляющего расследование, к внешнему противодействию. Представляется, что, исходя из использованного основания деления, лицо, производящее расследование, должно рассматриваться в числе субъектов внутреннего противодействия.

Думается, в основу различения форм противодействия расследованию может быть положен и другой критерий, а именно - характер связи между субъектом противодействия и той криминалистически значимой информацией, которую он мешает правоохранительным органам получить либо использовать (см. схему 15 в приложении 1).

Одну из форм противодействия составляет достаточно полно изученная криминалистической наукой деятельность по сокрытию

¹ См.: Белкин Р. С. Противодействие расследованию и пути его преодоления. - С. 240-241.

² См.: Демин К. Е. К вопросу о классификационном подходе к приемам противодействия раскрытию и расследованию «заказных» убийств// Российское законодательство и юридические науки в современных условиях: состояние, проблемы, перспективы. - Тула, 2000. - С. 173.

следов преступления¹. Осуществляя сокрытие преступления, субъект оказывает на криминалистически значимую информацию или ее источник непосредственное воздействие (утаивает, уничтожает и т.д.). В иной форме осуществляется противодействие расследованию, определяемое как выходящее за рамки сокрытия преступления. Оно представляет собой действия, не оказывающие непосредственного воздействия на криминалистически значимую информацию, а влияющие на нее косвенно (опосредованно) через различных лиц, способных осуществить приемы сокрытия преступления, повлиять на процесс получения и использования информации при раскрытии и расследовании конкретного уголовного дела иным способом либо состоящие в уклонении преступника от участия в расследовании.

Особую актуальность на сегодняшний день приобрели проблемы выявления, пресечения и предотвращения воздействия, оказываемого на участников расследования (лиц, которые могут быть привлечены к расследованию) со стороны преступников или связанных с ними иных лиц, с целью помешать либо сделать невозможным раскрытие и расследование по делу. Проведенный опрос показал, что с таким противодействием встречались в ходе раскрытия и расследований преступлений 87% следователей и дознавателей (9% респондентов ответили, что случаи противодействия расследованию им не встречались; 4% затруднились ответить на этот вопрос), причем 5% опрошенных сталкиваются с ним в подавляющем большинстве расследований, 28% - довольно часто (около половины дел), 54% - в отдельных случаях².

Как самостоятельная форма противодействия может рассматриваться уклонение от участия в расследовании лиц, привлеченных к нему, путем неявки по вызову лица, производящего расследование, исчезновения из его «поля зрения», выезда в другие регионы страны и, иные государства, симуляции болезненных состояний и т.д.

¹ См.: Белкин Р. С. Противодействие расследованию и пути его преодоления криминалистическими и оперативно-розыскными средствами и методами. - С. 130; Гельманов А. Г. Сущность, криминалистическое значение и методы установления способов сокрытия преступления против жизни и здоровья граждан. Дисс. ... канд. юрид. наук - М., 1982; Карагодин В. Н. Указ. соч. - С. 38; Лузгин И. М., Лавров В. П. Способ сокрытия преступления и его криминалистическое значение. - М., 1980. - СЮ; Яблоков Н. П. Структура способа совершения преступления как элемента его криминалистической характеристики // Способы сокрытия следов преступления и криминалистические методы их установления. - М., 1984. - С. 42 и др.

² Было опрошено 300 следователей и дознавателей прокуратуры, органов внутренних дел и налоговой полиции в семи субъектах Российской Федерации.

Специфической формой противодействия расследованию является убийство участников расследования (лиц, способных выступать в качестве таковых). Специфической эта форма противодействия названа потому, что она: во-первых, несет в себе некоторые признаки сокрытия следов преступления - уничтожается, по сути дела, источник доказательственной информации, носитель идеальных следов преступления; во-вторых, является разновидностью воздействия на участника расследования. Как правило, преступники идут на убийство чаще всего потерпевшего или потенциального свидетеля с целью предотвратить их обращение в правоохранительные органы, в тех случаях, когда они уже исчерпали иные возможности воздействия на участника расследования либо не располагают временем на его осуществление.

Противодействие раскрытию и расследованию преступлений является элементом преступной деятельности. При этом, в свою очередь, противодействие расследованию также может рассматриваться как система. В структуре противодействия расследованию следует выделять:

- субъект, оказывающий противодействие расследованию;
- цель, мотив противодействия расследованию;
- объект противодействия расследованию;
- способ противодействия расследованию;
- время, место, обстановка противодействия расследованию;
- результат оказанного противодействия (см. схему 16 в приложении 1).

Информация об указанных элементах противодействия расследованию, содержащаяся в материальных или идеальных следах, позволяет получить представление о его криминалистических особенностях, механизме осуществления и выбрать наиболее эффективные методы его пресечения и преодоления, раскрытия и расследования преступления в целом.

Субъектом противодействия расследованию чаще всего выступает сам преступник (преступники). Как показывает проведенное исследование, противодействие было осуществлено либо инициировано лицом, совершившим преступление, в 81,7% изученных случаев. Это неудивительно, поскольку именно преступники наиболее заинтересованы в создании помех расследованию и обладают при этом наиболее полной информацией о происшедшем событии.

Реже противодействие осуществляется иными лицами, находящимися в той или иной связи с преступником. В их числе:

- родственники или близкие преступнику люди;
- члены организованных преступных формирований;
- защитники;
- коррумпированные сотрудники правоохранительных органов, органов власти и управления, политические и общественные деятели;
- иные связанные с преступником лица.

Общая цель осуществления противодействия расследованию со стороны преступника или связанных с ним лиц может быть различной. Это, прежде всего:

- уклонение преступника от уголовной ответственности (подобное противодействие встретилось в 73,3% изученных уголовных дел);
- смягчение уголовной ответственности (24,3%);
- стремление избежать или смягчить гражданско-правовую ответственность (2,4%)¹.

Помимо общей цели противодействия расследованию, можно выделять и цели частного характера. Так, например, такие частные цели отражены в требованиях, предъявляемых преступниками или связанными с ним лицами к участникам расследования (см. таблицу 1 в приложении 2).

Интересна мотивация противодействия со стороны преступника и связанных с ним лиц. Для преступника основным мотивом выступает боязнь уголовной ответственности, нежелание нести заслуженную кару за свои деяния. Схожими мотивами руководствуются его родственники или близкие. Для остальных субъектов противодействия расследованию, как показывают проводимые в криминалистике исследования, преобладающим мотивом является корысть. Например, по представленным в научной литературе данным корыстные мотивы лежали в основе противодействия расследованию со стороны 82% чиновников, 71% либеров и членов организованных преступных групп и сообществ².

¹ В ходе проведенного опроса сотрудников следствия и дознания респондентам предлагалось ответить на вопрос: «По каким категориям дел чаще всего оказывается противодействие расследованию?». Ответ допускал указание нескольких категорий преступлений. Так, 37% опрошенных ответили, что чаще всего противодействие оказывается при расследовании преступлений, связанных с организованной преступностью, 46% - при расследовании тяжких преступлений, 40% - при расследовании преступлений, совершенных должностными лицами органов власти и управления. Это обстоятельство обусловило выбор преступлений, уголовные дела по которым были изучены нами при проведении исследования.

² См.: Федоренко А. Ю. Криминалистическая техника в предупреждении и пресечении противодействия раскрытию и расследованию преступлений. Автореферат дисс. ... канд. юрид. наук. - М., 2001. - С. 10.

Возможность осуществления противодействия не только преступниками, но и иными лицами в обязательном порядке должна учитываться следователем. Так, проводя расследование по преступлениям, совершенным организованными преступными группами, следователь должен ожидать противодействия со стороны других членов преступного формирования, которые не были задержаны или арестованы.

Осуществление противодействия расследованию относится к обязательным признакам организованных преступных формирований многими учеными¹. Думается, прав В. П. Лавров, отметивший, что для такой деятельности типичны жестокость и изобретательность, использование специально подготовленных для этого материальной базы, людей, оружия и т.д.²

Т. В. Аверьянова и Р. О. Кулиева указывают такие специфические приемы противодействия расследованию со стороны организованных преступных сообществ:

- создание спекулятивно-ажиотажной общественной атмосферы вокруг расследования в целом или личности подозреваемого, использование в этих целях средств массовой информации, организации протестов представителей общественных движений и партий, пикетирования против «покушений» на демократические устои и т.п.;
- провоцирование местных властей на установление «особого контроля» за ходом расследования, создающего напряженную обстановку в работе следственного аппарата, испытывающего постоянный прессинг, подкрепляемый постоянными «утечками» следственной информации, извращенно толкуемой во вред расследованию;
- прямое давление на следователя попытки подкупа, шантажа, угрозы жизни и здоровью последнего и его близких;

¹ См.: Аверьянова Т.В., Кулиева Р.О. Преодоление противодействия расследованию преступлений, совершенных организованными структурами// Известия Тульского государственного университета. Серия: «Современные проблемы законодательства России, юридических наук и правоохранительной деятельности». Вып. 1. - Тула, 1999. - С.171; Волинский А. Ф. Лавров В. П. Указ. соч. - С. 5; Кустов А. М. Теоретические основы криминалистического учения о механизме преступления. - М, 1997. - С. 129; Яблоков Н. П. О способах преодоления противодействия расследованию преступлений, совершенных организованными преступными группами// Материалы научно-практической конференции «Организованное противодействие расследованию преступлений и меры по его нейтрализации», г. Руза - г. Москва, 29-30 октября 1996 г. - М, 1997. - С. 35; Яблоков Н. П. Расследование организованной преступной деятельности. - М., 2002. - С. 48-49.

² См.: Лавров В. П. Расследование организованной преступной деятельности. Лекция. - Ставрополь, 1996. - С. 17.

- вовлечение в процесс расследования коррумпированных работников правоохранительных органов;
- манипулирование свидетелями и потерпевшими: склонение их к отказу от дачи показаний или изменению показаний путем угроз, подкупа, шантажа и т.п.;
- заблаговременная разработка различных линий поведения участников сообщества в случае раскрытия преступной деятельности, заблаговременной подготовки ложного алиби, фальсифицированных доказательств невиновности и т.д.;
- принятие мер по освобождению задержанных или арестованных членов преступного сообщества (вплоть до насильственного освобождения, организации побега), предоставление им убежища;
- организация выезда членов преступной организации в иные регионы страны, другие государства;
- убийство участников расследования¹.

В этом аспекте, а также как пример несвоевременности действий правоохранительных органов по предотвращению и преодолению противодействия, показательное расследование по уголовному делу по обвинению братьев Л. и Ф., на тот момент лидеров одной из крупных тульских организованных преступных группировок. Находящиеся в принадлежащем им ресторане в г. Туле братья Л. вступили в конфликт с посетившей их ресторан цыганской семьей С, у которых не хватило денег расплатиться. Для покрытия долга (весьма незначительной суммы) братья Л. потребовали у цыган принадлежащую им автомашину. Цыгане отказались и попытались уйти, но братья Л., применив физическое насилие, втянули их в драку. В ходе драки младший из братьев Л. из охотничьего ружья произвел несколько выстрелов в направлении цыган, ранив двоих из них. Цыгане попытались скрыться на своих автомашинах, однако выбежавший на улицу Л. в упор расстрелял одну из них, убив одного человека и ранив другого. По делу были своевременно проведены первоначальные следственные действия. Преступники были задержаны. Однако после проведения первоначальных следственных действий потерпевшие и свидетели из числа цыган скрылись от органов расследования. Для обнаружения их местонахождения и доставления для участия в расследовании оперативным аппаратом УВД Тульской области был проведен целый комплекс оперативно-розыскных мероприятий. Однако доставленные к следователю цыгане С. резко изменили свои первоначальные показания. С их слов, Л. стрелял

¹ См.: Аверьянова Т. В., Кулиева Р. О. Указ. соч. - С. 172-173.

в них в целях самообороны, поскольку именно они из хулиганских побуждений затеяли драку, в которой применяли предметы, способные нанести существенный вред здоровью. Требования о передаче машины к ним не предъявлялись. В машину Л. выстрелил случайно. В неофициальной же беседе один из потерпевших показал, что братья Л. после совершения преступления предложили им «мировую». Цыгане не согласились, однако на следующий день неизвестные выстрелили из гранатомета по одному из домов, принадлежащих их семье. Еще через несколько дней к ним приехали на нескольких машинах вооруженные автоматами люди спортивного вида, которые потребовали от цыган не участвовать в расследовании данного преступления, а заодно, в счет погашения «морального ущерба», забрали принадлежащие семье С. автомашины и несколько тысяч долларов США. Сотрудники правоохранительных органов не смогли преодолеть противодействие преступников ни на предварительном следствии, ни в ходе судебного разбирательства. В итоге по приговору суда старший из братьев Л. и участвовавший в драке Ф. были оправданы за отсутствием в их действиях состава преступления, а младший Л. осужден по статьям, предусматривающим ответственность за неосторожное нанесение телесного повреждения и неосторожное убийство, в общей сложности на два года лишения свободы¹.

В ряде случаев для оказания противодействия расследованию используется должностное и общественное положение воздействующих лиц. Так, 31,5% опрошенных нами сотрудников следствия и дознания встречали в своей практике противодействие расследованию со стороны лиц, пользующихся тем, что они являются работниками правоохранительных органов, 34,4 % - со стороны лиц, использующих свое должностное положение в органах власти и управления, 6,7 % - со стороны политических и общественных деятелей. Как отмечает Н. П. Яблоков, «включение коррумпированных связей в органах власти и управления, как правило, имеет последствием постановку "на особый контроль" местными властями хода расследования якобы из-за его общественно-политического значения. При этом такой контроль осуществляется именно субъектами коррумпированных связей организованных преступных формирований или людьми, спровоцировавшими местные власти, на которые они имеют существенное влияние, к принятию таких решений. В результате этого следователи оказываются под жестким ежедневным прессингом представителей властных струк-

¹ Уголовное дело № 5001995. Архив Тульского областного суда.

тур всех уровней, материалы дела становятся достоянием многих, не имеющих отношения к расследованию лиц»¹.

В последние годы в научной литературе немало говорится о противодействии расследованию со стороны защитника². Такое противодействие может выражаться:

- в затягивании процесса расследования;
- в срыве следственных действий;
- в фальсификации доказательств, создании ложного алиби;
- в негативном для расследования воздействии на потерпевшего, свидетелей, сотрудников правоохранительных органов и других лиц, имеющих отношение к расследованию по делу;
- в оказании услуг посредника между обвиняемым (подозреваемым), задержанным или находящимся под страже и иными лицами (в том числе соучастниками преступления), находящимися на свободе;
- в информировании о ходе расследования заинтересованных лиц, создании общественного «ажиотажа» вокруг расследования.

Такие действия защитника могут существенно затруднить расследование по делу. При этом противодействие расследованию со стороны защитника - довольно распространенное явление (в своей практической деятельности с активным противодействием расследованию со стороны защитника сталкивались 36% опрошенных нами сотрудников следствия и дознания). Это обстоятельство, на наш взгляд, обязательно должно быть учтено лицом, производящим расследование по делу. Более того, возможность противодействия расследованию со стороны недобросовестных защитников обуславливает необходимость повышения профессионального уровня следователей, сотрудников дознания, умений и навыков на высоком профессиональном уровне предугадывать, предупреждать, выявлять и нейтрализовывать подобные действия. В этой связи вызывают недоумение предложения отдельных авторов о законодательном ограничении некоторых полномочий защитника в связи с тем, что современные адвокаты намного опытнее и квалифицированнее следователей. Думается, что такой путь - контрпродуктивен.

¹ Яблоков Н. П. Способы противодействия следствию при раскрытии преступлений // Основы борьбы с организованной преступностью. - М., 1999. - С. 285.

² См.: Белкин Р. С. Криминалистика: проблемы сегодняшнего дня. - М., 2001. - С. 200-202; Зорин Г. А. Криминалистическая методология. - Минск, 2000. - 548-550 и др.

³ См.: Игнатьев М. Е. К вопросу о нейтрализации противодействия расследованию со стороны защитника // Адвокатская практика. 2001, № 1. - С. 24-26.

Объектами противодействия расследованию выступают собственно доказательственная информация, ее источники (люди, вещественные доказательства, документы, технические носители информации), лица, осуществляющие расследование, а также иные лица, вовлеченные в орбиту расследования (например, эксперты, понятые).

Важным элементом противодействия расследованию выступает время его осуществления. В частности, противодействие расследованию может быть оказано:

- до начала реализации преступного замысла (6,3% случаев противодействия, выявленных по материалам уголовных дел);
- во время совершения преступления (30,3%);
- после совершения преступления (63,4%).

В свою очередь, после совершения преступления, противодействие расследованию может осуществляться до обнаружения признаков преступления правоохранительными органами (57,9% случаев, если брать все случаи противодействия после совершения преступления за 100%) и после обнаружения таковых (42,1%). Причем, после обнаружения признаков преступления правоохранительными органами противодействие расследованию может быть оказано как на первоначальном¹, так и на последующем этапе расследования.

Противодействие расследованию может носить как спланированный, так и неорганизованный (стихийный) характер.

Заранее спланированное противодействие является составным элементом способа совершения. Изучение уголовных дел показало, что противодействие расследованию носило заранее спланированный характер в 36,2% из всех исследованных случаев.

Неорганизованное противодействие не охватывается единым замыслом на совершение преступления и поэтому не может рассматриваться как его элемент. Так, например, Глухов и Чуриков, пытавшиеся вынести только что украденные светильники из дома отдыха «Краинка», были случайно замечены отдыхающим там Зайцевым, который сказал, что заявит о происшедшем в милицию. С целью предотвратить обращение очевидца преступления в милицию, Глухов и Чуриков сбросили Зайцева с четвертого этажа². Как видно из примера, преступники не могли заранее предусмотреть такую встречу, не планировали подобные действия. Более того, осуществленное ими противодействие

¹ Противодействие расследованию на первоначальном этапе может быть оказано как до возбуждения уголовного дела, так и после его возбуждения.

² Уголовное дело № 242002395. Архив Тульского областного суда.

само по себе является преступлением более тяжким, чем то, которое они пытались скрыть.

Анализ противодействия расследованию с позиций его организованности позволяет судить о подготовке и продуманности действий преступника по реализации своего преступного замысла и созданию условий, затрудняющих его поимку и изобличение.

Противодействие расследованию может быть как кратковременным, так и продолжительным. Последнее характеризуется неоднократным периодическим воздействием на объект со стороны преступников и (или) связанных с ними лиц с целью достижения поставленной ими задачи (например, продолжительное воздействие со стороны преступников или связанных с ними лиц на участников расследования имело место в 16,2% из всех выявленных случаев такого противодействия). Так, примером продолжительного противодействия расследованию являются действия Филюшкина и Горина, совершивших разбойное нападение на двух молодых людей. В момент нападения преступники продемонстрировали потерпевшим пистолет, высказывали угрозы убийством, если они обратятся в милицию. В последующем в течение нескольких месяцев преступники неоднократно контактировали с потерпевшими, повторяя свои угрозы. В милицию потерпевшие обратились лишь тогда, когда родители одного из них обнаружили пропажу валюты, похищенной при разбойном нападении¹.

Возможность продолжительного противодействия расследованию обуславливает необходимость принятия немедленных мер по его нейтрализации, тем более что такое противодействие может осуществляться не только до начала расследования по уголовному делу, но и в ходе его производства.

Противодействие раскрытию и расследованию преступлений может иметь типичный либо специфический характер. Например, типизацию воздействия на участников расследования можно проводить по различным критериям. Можно говорить о наличии особенностей в ситуациях противодействия по различным группам преступлений. Например, для ситуации противодействия раскрытию и расследованию преступлений по делам об изнасиловании малолетней характерно воздействие на потерпевшую со стороны преступника непосредственно после совершения преступления путем угроз в адрес ее и близких ей людей, а в отдельных случаях и физического насилия, с целью исключить дачу показаний с ее стороны. Для вымогательств характерно

¹ По материалам следственного отдела Московского РОВД г. Калуги.

воздействие со стороны преступников на потерпевшего в момент предъявления требований о передаче имущественных ценностей, выражающееся в угрозах и физическом насилии, имеющее целью исключить его обращение в правоохранительные органы.

Заметим, что типизация противодействия расследованию может проводиться не только по видам преступлений. Можно, например, говорить о зависимости характера воздействия на участников расследования от места и обстановки воздействия. Так, в 73% исследованных случаев противодействия местом воздействия явилось малолюдное место (в частности, в 33,8% случаев - жилище лица, на которого оказывалось воздействие (наиболее распространенное место воздействия), в 9,2% - жилище воздействующего лица), в 13,1% случаев многолюдное место (улица, магазин, рынок и пр.), в 11,5% - помещение правоохранительных органов¹. В помещении правоохранительных органов или многолюдных местах воздействие, как правило, ограничивается уговорами или попытками подкупа, реже угрозами; тогда как в малолюдных местах может быть оказано и физическое воздействие, уничтожено имущество и т.д.

Системная характеристика противодействия расследованию преступлений будет неполной без раскрытия сущности и видов способов его осуществления.

Одним из основных способов противодействия расследованию является способ сокрытия преступления, выступающий одним из важных источников сведений о качественной характеристике преступного поведения. Установление способа сокрытия преступления может послужить своеобразным ключом к раскрытию преступлений, установлению личности виновного, обнаружению похищенного имущества, выявление причин и условий, способствовавших совершению преступления.

Способ сокрытия преступления, в отличие от иных форм противодействия расследованию, изучается в криминалистической науке весьма продолжительное время. При этом формирование системы научных знаний о нем сопровождается научной дискуссией по вопросу соотношения понятий совершения преступления и его сокрытия, а также о содержательной стороне этих действий. Остановимся подробнее на основных научных концепциях сокрытия преступления.

Согласно первой концепции, следует различать способ совершения и сокрытия преступлений. При этом, в содержание первого долж-

¹ В 24% случаев место воздействия достоверно не установлено.

но включаться: деяние, направленное на достижение преступного результата; материальные предметы (орудия, средства), с помощью которых совершено преступление; избранные преступником место и время совершения преступления; примененные им уловки для проникновения на место преступления. Способ сокрытия же рассматривается как действия преступника, направленные на маскировку факта преступления и ликвидацию следов этого преступления¹.

По мнению других ученых-криминалистов, чью точку зрения можно обозначить как вторую научную концепцию, считают, что о способе совершения преступления следует говорить в двух смыслах:

- широко, включая в это понятие как подготовку и совершение преступления, так и его сокрытие;
- узком, имея в виду лишь непосредственное совершение преступления.

В тех случаях, когда сокрытие произведено после совершения преступления или не являлось необходимым условием его совершения, способ сокрытия выступает самостоятельным комплексом действий, не входящим в содержание понятия способа совершения преступления².

Согласно третьей научной концепции, способ сокрытия преступления - часть (элемент) способа совершения преступления. Так, например, по мнению Г. Г. Зуйкова структуру способа совершения преступления образуют действия по подготовке к совершению и сокрытию преступлений, выступающие во взаимосвязанном комплексе³.

Идею о возможности существования сокрытия преступления как в рамках способа совершения преступления, так и вне его поддержали Р. С. Белкин, В. П. Лавров, И. М. Лузгин, В. Н. Карагодин, Н. П. Яблоков и другие ученые.

В частности, Р. С. Белкин дополнил определение Г. Г. Зуйкова указанием на то, что называемая им система действий объединяется единым преступным замыслом. В случае отсутствия единого преступного замысла, охватывающего все стадии преступной деятельности, допускается самостоятельное существование способа сокрытия преступле-

¹ См.: Колмаков В. П. Следственный осмотр. - М., 1969. - С. 65; Колесниченко А. Н. Общие положения методики расследования отдельных видов преступления. - Харьков, 1965. - С. 18.

² См.: Васильев А. Н., Мудьюгин Г. Н., Якубович Н. А. Планирование расследования преступлений. М., 1957. - С. 66; Танасевич В. Г. Проблемы борьбы с хищениями государственного и общественного имущества. Дисс. ... докт. юрид. наук - М., 1967. - С. 123.

³ См.: Зуйков Г. Г. Поиск по признакам способов совершения преступлений. - М., 1970. - С. 74.

ния. Отсутствие единого преступного замысла, по мнению Р. С. Белкина, может проявиться в том, что:

а) при подготовке и совершении преступления субъект не планирует действий по сокрытию преступления, либо относясь к ним безразлично, либо предполагая, что их все равно не удастся осуществить, а затем, после совершения преступления, в связи с неожиданно возникшим намерением или неожиданно появившимися благоприятными для него обстоятельствами, принимает меры к сокрытию преступления;

б) при подготовке и совершении преступления субъект не планирует действий по сокрытию преступления, рассчитывая, что его следы сами исчезнут под воздействием природных или иных стихийных факторов, а затем, обманувшись в своих ожиданиях, импровизирует меры по сокрытию преступления;

в) при подготовке и совершении преступления субъект не планирует действий по сокрытию преступления по тем же причинам, что и в первом случае, но эти действия предпринимаются помимо его желания другими лицами, заинтересованными в исходе дела;

г) при подготовке и совершении преступления субъект не планирует действий по его сокрытию другими лицами (пособники, укрыватели), однако в связи с их неосуществлением по тем или иным причинам вынужден с разрывом во времени сам принимать меры к сокрытию, ранее им не планировавшемуся и не соответствующие единому преступному замыслу;

д) при подготовке и совершении преступления субъект планирует осуществление действий по его сокрытию, но вследствие изменившихся обстоятельств вынужден принимать иные меры, не соответствующие единому преступному замыслу и не обеспечивающие предусмотренного планом оптимального варианта сокрытия¹.

Интересно и дополнение И. М. Лузгина, который указал, что способ совершения преступления, неотъемлемой составной частью которого является способ сокрытия (полноструктурный способ), присущ только умышленным преступлениям².

Повышенное внимание при изучении способа сокрытия преступления уделяется и его классификациям. Это неудивительно, поскольку, как уже отмечалось ранее, классификация выступает, во-первых, эф-

¹ См.: Белкин Р. С. Курс советской криминалистики. В 3 т. Т. 3. - М., 1979. - С. 232.

² См.: Лузгин И. М. Сущность и основные черты способов сокрытия преступления//Криминалистическая сущность, средства и методы установления способов сокрытия преступлений. - М, 1987. - С. 8.

фективным средством познания и, во-вторых, служит основой для систематизации научных знаний об объекте.

В 1979 году Р. С. Белкин писал: «Общепринятой классификации способов сокрытия преступления нет. Более того, при изучении этого вопроса мы вообще встретили в литературе лишь одну классификацию способов сокрытия преступления, предложенную В. А. Овечкиным. Чаше можно встретить упоминание или перечень целей сокрытия, повторяющий приведенный нами перечень Г. Н. Мудьюгина (сокрытие события преступления, его преступного характера, участия в нем), а еще чаще - описание отдельных способов сокрытия преступления без какой-либо их систематизации или применительно к конкретному виду преступлений»¹. Таким образом, как первоначальные классификации можно охарактеризовать системы способов сокрытия преступления, построенные В. А. Овечкиным и Г. Н. Мудьюгиным.

Деление способов сокрытия преступления Г. Н. Мудьюгина представляет собой систему действий преступника, направленных на уклонение от грозящей ему ответственности (защитное поведение)². В частности, автор выделил:

- ложные показания, объяснения и другие высказывания обвиняемого, как касающиеся отдельных моментов дела, так и представляющие собой законченные версии;
- создание обвиняемым искусственных доказательств;
- уничтожение и сокрытие следов преступления и вещественных доказательств;
- прямое уклонение от следствия и суда³.

В качестве основания деления Г. Н. Мудьюгиным использована *содержательная сторона* способов сокрытия преступления. Однако построенная классификационная система, очевидно, могла быть дополнена

Более детальное деление способов сокрытия преступления по тому же основанию произвел В. А. Овечкин. В его классификации все способы сокрытия преступления представлены двумя группами. В первую группу вошли: а) перемещение материальных источников информации о преступлении; б) маскировка материальных источников информации о преступлении; в) уничтожение материальных (а в некоторых случаях и идеальных) источников информации о преступле-

¹ Белкин Р. С. Курс советской криминалистики. В 3 т. Т. 3. - М., 1979. - С. 235.

² Г. Н. Мудьюгин рассматривал способы сокрытия убийств.

³ См.: Мудьюгин Г. Н. Расследование убийств по делам, возбужденным в связи с исчезновением потерпевшего. - М., 1967. - С. 126-128.

нии; г) уклонение от явки; д) отказ от дачи показаний; е) недонесение. Вторую группу составили: а) фальсификация; б) инсценировка; в) заведомо ложное сообщение с целью сокрытия преступления; г) заведомо ложное показание с целью сокрытия преступления¹.

Несмотря на очевидную научную и практическую значимость деление В. А. Овечкина имело некоторые недостатки, за что подверглось в криминалистической литературе справедливой и убедительной критике². Наиболее существенным из них является возможность отнесения одного и того же объекта к различным элементам классификационной системы, влекущая за собой трудности в реализации функций построенной классификации. Так, например, маскировка или фальсификации информации, отнесенные автором к первой классификационной группе, могут быть элементами инсценировки, рассматриваемыми во второй группе. В этой связи, надо отдать должное Р. С. Белкину, усовершенствовавшему и уточнившему эту классификацию способов сокрытия преступления. По указанному основанию им были выделены утаивание, уничтожение, маскировка, фальсификацию информации и (или) ее носителей, а также смешанные способы (инсценировка)³. Думается, что такое деление наиболее соответствует принципам криминалистической классификации.

Помимо системы способов сокрытия преступления Р. С. Белкина на современном этапе развития криминалистики к вопросам классификации способов сокрытия преступлений обращались А. Г. Гельманов⁴, В. Н. Карагодин⁵, А. В. Кучеров⁶, И. А. Николайчук⁷, В. Ф. Ермолович⁸ и другие ученые. Особого внимания заслуживают классификационные

¹ См.: Овечкин В. А. Общие положения методики расследования преступлений, скрытых инсценировками. Автореферат ДИСС. ... канд. юрид. наук - Харьков, 1975. - С. 7.

² См.: Белкин Р. С. Указ. соч. - С. 365-366; Гельманов А. Г. Указ. соч. - С. 70.

³ См.: Белкин Р. С. Указ. соч. - С. 366-373.

⁴ См.: Гельманов А. Г. Указ. соч. - С. 70-94.

⁵ См.: Карагодин В. Н. Способы сокрытия преступления, их криминалистическое значение, методы распознавания и преодоления. Дисс.... канд. юрид. наук - Свердловск, 1982. - С. 49-53; Он же. Преодоление противодействия предварительному расследованию. Свердловск -1992. - С. 21-31.

⁶ См.: Кучеров А. В. Противодействие расследованию по воинским преступлениям. Дисс. ... канд. юрид. наук. - М., 1996. - С. 32-38.

⁷ См.: Николайчук И. А. Классификации способов сокрытия преступлений// Российское законодательство и юридические науки в современных условиях: состояние, проблемы, перспективы. - Тула, 2000. - С. 126-131.

⁸ См.: Ермолович В. Ф. Криминалистическая характеристика преступлений. - Минск, 2001. - С. 92-110.

исследования способов сокрытия преступлений, проведенные В. П. Лавровым. Им выделяются следующие основания делений, по:

- ~ степени общности;
- степени сложности структуры;
- степени распространенности;
- отношению к способу совершения преступления;
- ~ времени применения;
- степени очевидности факта сокрытия;
- длительности сокрытия;
- " субъекту действий;
- форме поведения субъекта;
- степени устойчивости;
- ~ предмету сокрытия;
- характеру скрываемых следов-отражений преступления;
- информационному аспекту;
- " отношению к возникновению доказательств¹.

Свои классификационные исследования В. П. Лавров подтвердил результатами обширного эмпирического исследования, что обусловило их высокую научную и практическую значимость.

Интересные системные исследования способов сокрытия преступлений проводили и другие ученые-криминалисты. Однако некоторые из предлагаемых в научной литературе классификационных систем требуют уточнения.

Так, А. Г. Гельманов предложил разделить способы сокрытия *по отдельным видам преступлений* на способы сокрытия убийств, способы сокрытия телесных повреждений и т. д.² В этой классификации, на наш взгляд, имеется существенный недостаток - не учтены способы сокрытия преступления, характерные для всех видов преступлений (например, дача ложных показаний, уничтожение следов преступления и др.). В этой связи можно говорить о необходимости уточнения классификационного основания. Думается прав В. П. Лавров, считающий, что ^{такая} классификация должна производиться *по степени общности способов сокрытия преступлений*.

¹ См.: Лавров В. П. Криминалистическая классификация способов сокрытия преступлений // Криминалистическая сущность, средства и методы установления способов сокрытия следов преступления. - М., 1987. - С. 18-28.

² См.: Гельманова Г. Указ. соч. - С. 94.

> См.: Лавров В. П. Криминалистическая классификация способов сокрытия преступлений // Криминалистическая сущность, средства и методы установления способов сокрытия следов преступления. - М., 1987. - С. 18.

Некоторые возражения вызывает и еще одна классификация способов сокрытия преступления А. Г. Гельманова, в которой в качестве одного из элементов деления автор указал психическое или физическое воздействие на участников расследования. С этим утверждением мы никак не можем согласиться. Воздействуя на участников расследования, преступник еще фактически ничего не скрывает. Он создает определенные условия, предпосылки, способствующие сокрытию следов преступления в будущем. Кроме того, как показывает проведенное исследование, круг требований, предъявляемых преступником или связанных с ним лицами к участникам расследования, значительно шире и такие требования зачастую не связаны с сокрытием следов преступления.

Заслуживает особого внимания классификация способов сокрытия преступления, построенная *по сложности их структуры*. В криминалистической литературе имеются разногласия относительно выделения классификационных элементов этой системы.

Так, В. Н. Карагодин по указанному основанию произвел деление способов сокрытия на полноструктурные (в способ входят как материальные, так и вербальные действия) и неполноструктурные (в способ входят только вербальные действия)¹. Такая классификация вызывает у нас возражения. Во-первых, не совсем удачно терминологическое определение классификационных элементов (полноструктурные - неполноструктурные). В чем выражается полнота структуры способа сокрытия, из объяснения автора не совсем понятно. Во-вторых, как представляется, сложность структуры связывается не столько с характером действий, сколько с обширностью, сложностью связей внутри системы. С учетом сказанного, более правильным и логически выдержанным представляется деление способов сокрытия преступления по степени сложности структуры на одноэлементные (состоящие из одного приема, направленного на сокрытие следов преступления) и комплексные (включающие в структуру два и более приема).

Не совсем удачной представляется классификация способов сокрытия преступления *по особым целям*, предложенная А. В. Кучеровым. В эту систему, по мнению автора, входят следующие элементы:

- способы, направленные на недопущение быстрого и полного раскрытия преступления;

¹ См.: Карагодин В. Н. Преодоление противодействия предварительному расследованию. - С. 25.

- способы, направленные на недопущение правильного применения закона;
- способы, направленные на недопущение установления ущерба;
- способы, направленные на недопущение установления смягчающих или отягчающих обстоятельств;
- способы, направленные на недопущение установления причин и условий¹.

Разрабатывая представленную систему, автор явно отошел от принципов классификации, в особенности логических правил деления объема понятия. В ней наблюдается пересечение различных элементов. Так, например, создание условий, затрудняющих установление отягчающих или смягчающих обстоятельств - это одновременно и создание помех быстрому и полному раскрытию и расследованию преступления. Кроме того, по всей видимости необходимо упомянуть и другие обстоятельства, подлежащие доказыванию по уголовному делу, установлению которых может быть оказано противодействие.

Спорной представляется классификация способов сокрытия преступления, проведенная В. Ф. Ермоловичем *в зависимости от связности и целостности входящих в способы сокрытия действий во времени*. По данному основанию автором выделены локальные способы сокрытия (не разорванные во времени) и сквозные (разорванные во времени). Думается, что требует уточнения и использованное классификационное основание, и терминология классификационных элементов. На наш взгляд, в данном случае более приемлемо деление способов сокрытия по их длительности сокрытия на осуществляемые единовременно (например, уничтожение вещественных доказательств, маскировка внешности при совершении преступления) и длительные (например, утаивание похищенного имущества, орудий преступлений в тайнике).

Способы сокрытия преступления тесно связаны со способами воздействия на участников уголовного процесса (лиц, которые могут быть привлечены к расследованию), представляющее собой негативное влияние, оказываемое преступниками или связанными с ними иными лицами, с целью помешать либо сделать невозможным раскрытие и расследование по делу.

Системное исследование способов воздействия на участников уголовного процесса позволило определить ряд их отличий от способов сокрытия преступлений:

¹ Кучеров А. В, Указ. соч. - С. 34.

- все способы воздействия на участников уголовного процесса носят общий характер и могут быть осуществлены независимо от характера совершенного преступления, в то время как в числе способов сокрытия преступления выделяются способы, характерные только для определенных видов преступлений (например, обезображивание трупа);

- воздействие на участников уголовного процесса может быть осуществлено только в активной форме, в то время как сокрытие преступления может совершаться также в пассивной форме (например, отказ от дачи показаний);

- в отличие от сокрытия преступления воздействие может быть направлено не только на воспрепятствование процессу получения истинной информации о преступлении, но и на достижение иных поставленных преступниками или связанными с ними лицами конкретных целей (например, воздействие на следователя с требованием об отказе в возбуждении уголовного дела);

- воздействие на участников уголовного процесса может быть как связано с сокрытием преступления, предшествует ему (например, воздействие на свидетеля с требованием дачи последним ложных показаний), так и не иметь связи с осуществляющимся сокрытием следов преступления (например, подкуп следователя с целью непривлечения кого-либо к уголовной ответственности).

Кроме того, характеристика рассматриваемого воздействия будет неполной без определения участников уголовного процесса, на которых может быть оказано негативное влияние. Изучение эмпирического материала позволяет сделать выводы о круге лиц, на которых может быть оказано такое воздействие (см. таблицу 2 в приложении 2).

Отметим, что чаще всего лицом, на которого оказывается воздействие, является потерпевший, свидетель и, как показывают результаты опроса, следователь (сотрудник органа дознания). Следует добавить, что воздействие может быть оказано сразу на нескольких участников расследования. Такое воздействие встретилось нам в 20% выявленных по материалам уголовных дел случаев подобного противодействия расследованию. С воздействием сразу на нескольких участников расследования сталкивались в своей практической деятельности 33% опрошенных нами респондентов.

Под способом воздействия нами понимается прием или комплекс приемов, осуществляемых с целью понудить лицо не участвовать в проводимом или предстоящем расследовании преступления, заста-

вить совершить иные действия, соответствующие интересам преступников (других связанных с ними лиц), затрудняющие работу правоохранительных органов по делу.

По степени сложности способы воздействия можно подразделить на простые и сложные. Простой способ воздействия включает в свою структуру либо одно действие (прием), направленное на создание условий, затрудняющих проведение расследования, сложные, соответственно, несколько приемов. Отличительной особенностью приемов, составляющих сложное воздействие расследованию, является то, что их осуществляют при неоднократном негативном влиянии на одно и то же лицо с одной конкретной целью.

Разновидностью сложного воздействия выступает комплексное воздействие, представляющее собой систему разноплановых приемов негативного влияния (например, угрозы, сопровождающиеся физическим насилием, уничтожением имущества). Так, при разбойном нападении на квартиру Журавлевой преступники (известные потерпевшей лица) сначала оказывали на нее психологическое воздействие, угрожая убийством, продемонстрировали ей пистолет и произвели из него выстрел, затем избивали потерпевшую, несколько раз окунали ее головой в ванну с водой, после чего, доказывая серьезность своих намерений, имитировали ее повешение. При этом преступники заявляли, что если потерпевшая обратится в правоохранительные органы, они реализуют свои угрозы¹.

Заметим, что сложное воздействие на участников расследования выявлено в 79,2% исследованных случаев противодействия по уголовным делам. Добавим также, что сложное воздействие может оказываться как одним лицом, чаще всего преступником (такое противодействие выявлено в 71,9% исследованных случаев), так и разными лицами (7,3%). В структуру сложного воздействия могут входить как однородные (28,2%), так и различные приемы воздействия, причем последние гораздо чаще (51%). Как видно из результатов исследования, наиболее часто на участников уголовного процесса (лиц, которые могут быть привлечены к расследованию), оказывается комплексное воздействие со стороны преступников, иных связанных с ними лиц.

Составляющие способ воздействия приемы могут быть различны по своей сути. Результаты проведенного исследования позволяют определить круг наиболее распространенных приемов воздействия (см. таб-

¹ Уголовное дело №021086093. Архив суда Советского района г.Тулы.

лицу 3 в приложении 2). Это, прежде всего, угрозы в адрес участников уголовного процесса (55% от общего числа выявленных случаев противодействия по материалам уголовных дел), физическое насилие в отношении их или близких (40% случаев), уговоры (35%) и подкуп (12%)¹.

Изучение структуры и механизма оказанного воздействия на участников уголовного процесса в практической деятельности позволит следователю адекватно оценить сложившуюся ситуацию по делу, определить круг использованных приемов воздействия и последовательность их применения, установить негативный результат осуществленного противодействия в целом и поставить задачи по его преодолению. Кроме того, знание отдельных приемов, составляющих способ воздействия, помогает следователю, во-первых, определить степень психологического воздействия на участника расследования (например, психологическое воздействие при запугивании или физическом насилии значительно сильнее, чем при уговорах); во-вторых, спрогнозировать ситуацию противодействия и своевременно принять меры профилактического характера; в-третьих, определить степень восприимчивости того или иного участника расследования к различным способам воздействия.

По характеру контакта можно различать воздействие, осуществляемое при личностном общении, безличностного общения и смешанное (осуществляемое как при личностном, так и безличностном общении).

Проведенное эмпирическое исследование показало, что воздействие при личном контакте осуществлялось в 80% случаев, воздействие без личностного контакта - в 9,2%².

Воздействие при личностном общении может осуществляться как наедине (76,2% исследованных случаев противодействия), так и «на людях» (3,8%). При этом в 63,8% случаев воздействующий не скрывал, кто он такой, в 36,2% случаев постарался остаться неизвестным, не представившись (33,8%) либо выдав себя за другое лицо (2,3%).

¹ И. А. Бобраков (Указ. соч. - С. 32) в качестве наиболее распространенного приема воздействия на свидетелей и потерпевших назвал уговоры их преступником (41,6% от всех исследованных этим автором случаев воздействия). Имеющееся различие с нашим исследованием мы объясняем тем, что, во-первых, в ходе нашего исследования было изучено воздействие на более широкий круг участников расследования; во-вторых, к уговорам И. А. Бобраков отнес и подкуп участников расследования, который рассматривается нами как самостоятельный прием противодействия.

² В 10,8% случаев форма связи между воздействующим лицом и объектом воздействия достоверно не установлена.

Научный и практический интерес представляет исследование способов воздействия, которые могут быть осуществлены без личностного общения воздействующего лица с лицом, на которого оказывается негативное влияние. Такое воздействие может осуществляться:

- путем письменных предупреждений, угроз, предложений;
- через посредника;
- по телефону;
- через компьютерные средства связи;
- через средства массовой информации (см. таблицу 4 в приложении 2).

Практическое значение научных исследований отношений между воздействующим лицом и участником уголовного процесса, на которого оказывается негативное влияние, проявляется в том, что, изучив различные виды общения и используя эти знания применительно к конкретному случаю, следователь сможет:

- установить факт воздействия;
- выявить лицо, оказывающее воздействие;
- прервать, нейтрализовать оказываемое воздействие;
- в необходимых случаях взять под контроль личностное или безличностное общение воздействующего субъекта и участника расследования с целью получения криминалистически значимой информации, решения иных стоящих по делу задач (например, задач розыскного характера).

С появлением частных средств массовой информации (СМИ) в России возник и быстро сформировался такой способ противодействия расследованию, как воздействие на участников расследования, сотрудников правоохранительных органов, общественность через прессу, теле-, радиопрограммы. В научной литературе неоднократно отмечался негативный характер таких действий. 93% опрошенных сотрудников следствия и дознания также считают, что повышенное «внимание» СМИ к тому или иному расследованию может значительно осложнить его производство. 31% респондентов уже сталкивались с подобным противодействием в ходе своей профессиональной деятельности.

В целях противодействия расследованию СМИ могут быть использованы для распространения через них сведений:

- дискредитирующих деятельность органов следствия и оперативных аппаратов в глазах населения;
- провоцирующих население на совершение противозаконных действий;

- препятствующих установлению и розыску лиц, совершивших преступления, путем разглашения мероприятий органов дознания; личных данных, адресов местожительства свидетелей и потерпевших;
- содержащих ложную информацию о предполагаемом преступнике или обвиняющих в совершении преступления непричастных к нему лиц¹.

В качестве самостоятельной формы противодействия расследованию нами было названо уклонение участников уголовного процесса от участия в его производстве. От участия в расследовании, как правило, стараются уклониться подозреваемые (обвиняемые) по делу, реже - потерпевшие, свидетели, в отдельных случаях - специалисты, эксперты.

К числу способов уклонения от участия в расследовании² следует относить:

- неявку по вызовам лица, производящего расследование;
- переезд на другое место жительства, в другой населенный пункт, регион страны;
- выезд в другие государства;
- симуляцию болезни³;
- использование депутатского и должностного иммунитета⁴.

В криминалистической литературе прошлых лет и в некоторых современных источниках уклонение от участия в расследовании рассматривается как разновидность сокрытия следов преступления, в частности, утаивания. Действительно, в ряде случаев уклонение от участия в расследовании того или иного его участника не позволяет следователю получить интересующую его информацию о расследуемом

¹ Подробнее о противодействии расследованию с использованием СМИ см.: Ишин А. М. Использование средств массовой информации при установлении и розыске лиц, совершивших преступления в ходе предварительного расследования. Дисс. ... канд. юрид. наук - М., 1996.

² См. схему 17 в приложении 1.

³ В криминалистической литературе прошлых лет симуляция болезни рассматривалась как разновидность сокрытия следов преступления (см.: Лузгин И. М. Сущность, формы проявления и приемы сокрытия следов преступления // Способы сокрытия следов преступлений и криминалистические методы их установления. - М., 1984. С. 15; Ратинов А. Р. Судебная психология для следователей. - М., 1967. - С. 250).

⁴ Как справедливо отмечается в криминалистической литературе, преступления, совершаемые депутатами и работниками правоохранительных органов, как правило, имеют высокую степень общественной опасности, ибо в корне подрывают основы государственной власти, ее престиж, вызывая неуважение и пренебрежение граждан к закону (См.: Трухачев В. В. Преступное воздействие на доказательственную информацию. - Воронеж, 2000. - С. 61).

события. Однако эти действия носят опосредованный характер по отношению к процессу получения доказательств. Именно в этом, на наш взгляд, проявляются принципиальные отличия отказа от дачи показаний и неявки на допрос.

Кроме того, уклоняясь от участия в расследовании, то или иное лицо может преследовать и иные цели. Например, для потерпевших или свидетелей характерны такие мотивы уклонения от участия в расследовании, как нежелание в ходе следственных действий встречаться с преступником, боязнь разглашения конфиденциальных сведений о личной жизни, боязнь расправы со стороны преступника и тд. Подозреваемый (обвиняемый), уклоняясь от участия в расследовании, стремится избежать наказания за содеянное, пытается выиграть время, может осуществить воздействие на иных участников расследования и пр.

В целом, подводя итог сказанному, хотелось бы отметить, что в современных условиях одной из основных задач органов расследования становится принятие мер по своевременному выявлению, пресечению и профилактике противодействия раскрытию и расследованию преступлений, в особенности воздействию со стороны преступников или иных связанных с ними лиц на участников расследования. В связи с этим значительно возрастает роль криминалистических рекомендаций по осуществлению такой деятельности следователем и органами дознания. В частности, необходима детальная разработка тактических приемов и комбинаций, направленных на выявление, преодоление и предупреждение воздействия на участников расследования со стороны преступников, дальнейшее совершенствование законодательной основы деятельности правоохранительных органов в этой области.

ГЛАВА 4. ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПО РАСКРЫТИЮ И РАССЛЕДОВАНИЮ ПРЕСТУПЛЕНИЙ КАК ОБЪЕКТ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ СИСТЕМАТИКИ

§1. Общая структура деятельности по раскрытию и расследованию преступлений

Применение системного подхода в криминалистических исследованиях деятельности по раскрытию и расследованию преступлений предполагает рассмотрение ее внутренних механизмов, взаимосвязей и взаимодействий различных сторон. Использование этого подхода обусловлено сложностью объекта познания и многообразием его сторон и связей, что находит свое отражение в тенденции современной криминалистики рассматривать криминалистическую деятельность с системных позиций. Как справедливо отмечается в криминалистической литературе, такое рассмотрение ориентирует на анализ информационно-познавательного процесса по раскрытию, расследованию и предупреждению преступлений как на диалектически противоречивый процесс субъектно-объектных отношений и на этой основе позволяет осмыслить конкретные типы, виды и формы познавательной деятельности¹.

Деятельность по раскрытию и расследованию преступлений выступает как противоположность преступной деятельности и во многом вторична по отношению к ней. Она включает в себя ряд направлений в зависимости от стоящих перед ней задач борьбы с преступностью. Среди них особо выделяются криминалистическая деятельность по раскрытию и расследованию преступлений, деятельность по судебному рассмотрению уголовных дел, экспертно-криминалистическая деятельность, криминалистическая профилактическая деятельность, оперативно-розыскная деятельность. Все эти виды деятельности полностью или частично являются объектами криминалистического изучения².

С позиций системного подхода деятельность по раскрытию и расследованию преступлений может быть рассмотрена как сложная

¹ См.: Колдин В. Я., Крестовников О. А. Реализация принципов системно-деятельностного подхода в системе криминалистики // Проблемы программирования, организации и информационного обеспечения предварительного следствия. - Уфа, 1989 - С.140.

² См.: Криминалистика. / Под ред. Н. П. Яблокова. - М., 1999. - С. 16.

динамическая управляемая социальная система, включающая в себя следующие элементы:

- объект деятельности;
- цель и задачи деятельности;
- субъекты деятельности;
- действия, приемы, способы деятельности;
- место, время и обстановка деятельности;
- результаты деятельности.

9. Основным объектом деятельности по раскрытию и расследованию преступлений выступает преступная деятельность, включающая в себя действия по подготовке, совершению преступления, противодействию его раскрытию и расследованию. Данный объект обуславливает информационный характер рассматриваемого вида деятельности, ее направленность на поиск, получение и использование криминалистически значимой информации, в которой основное место занимает доказательственная информация. Как справедливо отметил Л. Д. Самыгин, использование этой информации в основном состоит в построении логических выводов, принятии процессуальных и иных управленческих решений и передаче собранной информации в иные системы (например, в систему «судебное разбирательство»)¹.

Г. Общая цель рассматриваемого вида деятельности - быстрое и качественное раскрытие и расследование преступлений. Эта цель обусловлена основным назначением уголовного судопроизводства, которое выражается в защите:

- прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений;
- личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод².

Общая цель деятельности по раскрытию и расследованию преступлений получает конкретизацию в системе задач расследования. Привести все задачи, которые могут быть поставлены в ходе расследования, вряд ли возможно. Например, можно назвать несколько десятков задач расследования только по доказыванию различных обстоятельств совершенного преступления³, которые предварительно долж-

¹ См.: Самыгин Л. Д. Расследование преступлений как система деятельности. - М., 1989. - С. 18.

² Ч. 1 ст. 6 УПК РФ.

³ Интересна схема определения обстоятельств, подлежащих доказыванию, разработанная А. А. Эйسمаном в 1973 году применительно к действовавшему на тот момент УПК РСФСР (См.: Эйсман А. А. Структура и язык описания предмета доказывания // Вопросы борьбы с преступностью. Вып. 19. - М., 1973. - С. 89-92). Представляется, что схема А. А. Эйсмана может быть использована и применительно к действующему уголовно-процессуальному законодательству.

ны быть установлены. Несмотря на то, что в общем виде задачи по доказыванию определяет ст. 73 УПК РФ, дальнейшую конкретизацию эти задачи получают применительно к установлению и доказыванию отдельных упомянутых в законе обстоятельств. Так, доказывание события преступления предполагает установление в процессуальном порядке преступности деяния, наличие элементов его состава, определение времени, места и способа преступления, а также иных обстоятельств его совершения. В свою очередь, доказывание, например, способа совершения преступления предполагает установление характера действий, осуществленных при подготовке, собственно совершении и сокрытии преступления, использованных при этом орудий и средств, роли каждого из соучастников.

Подчеркнем, что мы назвали задачи расследования, связанные только с отдельными аспектами доказывания по делу. Очевидно, что в процессе расследования могут быть поставлены и иные по своему характеру задачи. В этой связи отметим плодотворное исследование системы задач расследования, проведенное Л. Д. Самыгиным¹. В частности, им обоснованно была отмечена возможность выделения задач стратегического уровня и тактического уровня, задач процессуальных и криминалистических¹, а также возможность их систематизации в зависимости от этапов расследования².

Основным *субъектом* деятельности по раскрытию и расследованию преступлений выступает, конечно, следователь³, как организатор и главный исполнитель⁴. На вопрос, в чем заключаются профессионально важные качества следователя, попытался ответить в свое время один из основателей криминалистической науки Г. Гросс. Им было отмечено: «Следователь должен обладать всеми хорошими качествами, присущими человеку: неустанное усердие и рвение, самоотверженность и твердость, остроумие и знание людей, образование, железное здоровье и сведения по всем отраслям знаний - это само собой. Но еще:

1) Твердая решительность в характере и в действиях. Нет ничего более вредного, чем медлительность, малодушие и вялость.

¹ Л. Д. Самыгин справедливо отметил, что во многих случаях отличать «чисто криминалистические» задачи расследования от «чисто процессуальных» возможно лишь на стратегическом уровне.

² См.: Самыгин Л. Д. Указ. соч. - С. 33-40.

См. также §4 настоящей главы.

³ Здесь и далее по тексту, говоря о следователе, мы подразумеваем и дознавателя, являющегося должностным лицом органа дознания, правомочного осуществлять предварительное расследование в форме дознания (п. 8 ст. 5 УПК РФ).

⁴ Ст. 163 УПК РФ предусматривает возможность производства предварительного следствия по уголовному делу следственной группой.

- 2) Способность к самоотверженному, безусловно, честному труду.
- 3) Точность, а не приближительность знаний обстоятельств расследуемого события.
- 4) Основательное знание человека как главного материала предварительного следствия»¹.

Отметим, что, несмотря на прошедшие годы, требования к лицу, производящему расследование, остаются во многом те же. Однако в последние годы очевидна необходимость повышения профессионального уровня следователей и дознавателей.

Так, проведенный нами опрос следователей и дознавателей прокуратуры, органов внутренних дел и налоговой полиции в семи субъектах Центрального региона России показал, что высшее юридическое образование имеют лишь 46% респондентов, иное высшее - 40%, среднеспециальное юридическое - 7%, среднее, средне-специальное - 7%. При этом стаж работы по раскрытию и расследованию преступлений до одного года имеют 13% опрошенных, от одного года до трех лет - 37%, от трех до пяти лет - 27%, свыше пяти лет - 23%. Как видим, опыт работы, достаточный для окончательного формирования грамотного специалиста (более трех лет), имеет лишь половина опрошенных².

Ухудшение кадровой ситуации в органах следствия отмечается и в официальных источниках. Наиболее неблагоприятная ситуация складывается в следственном аппарате при МВД РФ, в котором сосредоточены 83% российских следователей³. При этом отмечается качественный некомплект кадров, их высокая текучесть (в 1994-1999 гг. из следствия ежегодно уходило 5,5- 6 тыс. подготовленных специалистов).

В этой связи весьма интересны полученные в результате анкетирования данные об источниках получения информации о системати-

¹ Гросс Г. Руководство для судебных следователей как система криминалистики. СПб., 1908. С. 8-9.

² По данным, обнародованным заместителем министра внутренних дел Н. Соловьева, на 1 января 2000 г. только 50,9% следователей МВД РФ имели высшее юридическое образование, 41,5% следователей - стаж работы менее трех лет.

³ Для сравнения: в следственном аппарате прокуратуры работают 12,2% следователей страны, ФСНП - 3,2%. В 1999 году следователями обеспечено расследование почти 2 млн. уголовных дел, из них органами предварительного следствия в системе МВД - 92,4%, прокуратуры - 7,0%, ФСНП - 0,6%. В соответствии с установленной законом подследственностью следователи органов внутренних дел проводят предварительное следствие по более чем 70% совершаемых преступлений и 90% уголовных дел экономической направленности (См.: Соловьев Н. Реформа следственного аппарата: от перераспределения подследственности до модернизации УК // Российская юстиция. 2000, №12.).

зированных наиболее целесообразных, эффективных и рациональных способах расследования сотрудниками следствия и дознания. Ими выступают:

- советы более опытных коллег (64% опрошенных);
- учебно-справочная криминалистическая литература (58%);
- собственный опыт (55%);
- обобщения передовой следственной практики (41%);
- научная криминалистическая литература (монографии, статьи, диссертации) (6%).

Как видим, одним из основных источников получения информации о наиболее целесообразных, эффективных и рациональных способах расследования при явно недостаточном использовании научной криминалистической литературы являются учебные и справочные криминалистические пособия. Между тем только 53% из опрошенных сотрудников следствия и дознания имеют в своем распоряжении литературу по криминалистической тактике, издаваемую в последние годы. Остальные либо располагают более старой литературой (28%), либо не имеют таковой вообще (19%). С учетом существенного изменения за последнее десятилетие характера преступности в России, появления новых видов преступлений и методик их расследования, старая литература не всегда отвечает современным потребностям. Несомненно, это во многом отражается и на владении работниками следствия и дознания современным понятийно-терминологическим аппаратом криминалистической науки.

В целях установления уровня владения следователями и дознавателями криминалистической терминологией в ходе анкетирования нами были заданы вопросы по некоторым основным тактико-криминалистическим понятиям (см. таблицу 5 в приложении 2). Анализ данных, отраженных в таблице, позволяет сделать вывод о недостаточном уровне владения следователями и дознавателями тактико-криминалистической терминологией и, как следствие, знаниями тактико-криминалистического характера.

Необходимость скорейшего повышения профессионального уровня следователей и дознавателей как основных субъектов деятельности по раскрытию и расследованию преступлений ставит ряд актуальных задач перед криминалистической наукой, призванной разработать научно обоснованные и доступные рекомендации, соответствующие новому уголовно-процессуальному законодательству, современным условиям и особенностям раскрытия и расследования преступлений.

Однако современный следователь-профессионал - это не только юрист, обладающий общими знаниями, навыками и умениями в области раскрытия и расследования преступлений. Очевидна необходимость специальной подготовки следователей к раскрытию и расследованию появившихся в последние годы ряда принципиально новых преступлений. Например, при расследовании преступлений в сфере компьютерной информации, количество которых неуклонно растет, современный следователь должен обладать:

- знанием типологии, психологии и криминалистической характеристики лиц, совершающих компьютерные преступления;
- знанием наиболее распространенных приемов, способов сокрытия и сокрытия компьютерных преступлений;
- знанием разработанных в криминалистической науке методических рекомендаций по раскрытию и расследованию компьютерных преступлений;
- навыками и умениями работы с компьютерным оборудованием и программным обеспечением, соответствующими современному уровню развития высоких технологий;
- знанием оперативной обстановки в том районе, где совершено преступление, стране в целом; состояния преступности в сфере высоких технологий в конкретный период; обстоятельств, которые способствуют уклонению преступников от следствия и суда либо сокрытию различных объектов;
- знанием компьютерным сленга (жаргона).

Без этих знаний, навыков и умений профессионально грамотная деятельность следователя по расследованию уголовных дел данной категории вряд ли возможна. При этом отметим, что проведенный опрос следователей органов внутренних дел и прокуратуры показывает: абсолютное большинство респондентов считает себя не подготовленными к расследованию преступлений в сфере компьютерной информации (81%)¹.

Следователь осуществляет деятельность по раскрытию и расследованию преступлений в пределах предоставленных ему новым уголовно-процессуальным законодательством полномочий. Особый интерес с позиции криминалистической пауки приобретают следующие полномочия следователя:

---

¹ Подробнее см.: Головин А. Ю., Мусаева У. А., Толстухина Т. В. Актуальные проблемы расследования преступлений в сфере компьютерной информации. - Тула, 2001. - С. 45-49.

- самостоятельно направлять ход расследования;
- принимать решения о производстве следственных действий и иных процессуальных действий (за исключением случаев, когда в соответствии с действующим уголовно-процессуальным законодательством требуется получение судебного решения и (или) санкции прокурора) и производить их;
- давать органу дознания в случаях, предусмотренных законодательством, обязательные для исполнения письменные поручения о проведении оперативно-розыскных мероприятий, производстве отдельных следственных и иных процессуальных действий, а также получать содействие при их осуществлении.

В криминалистической литературе к числу субъектов деятельности по раскрытию и расследования помимо следователя относят прокурора и суд, а также лиц, содействующих этой работе: оперативных сотрудников, специалистов, экспертов, переводчиков, а иногда и других участников расследования (например, понятых)¹, если их деятельность направлена на достижение задач расследования.

В этом аспекте интересны новеллы уголовно-процессуального законодательства, касающиеся, в частности, передачи судам в ходе судебного производства по уголовному делу ряда полномочий. В частности, тесно связанными с деятельностью по раскрытию и расследованию преступлений являются решения суда о:

- применении мер пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста;
- продлении срока заключения под стражей;
- помещении подозреваемого, обвиняемого, не находящегося под стражей, в медицинский или психиатрический стационар для проведения судебно-медицинской или судебно-психиатрической экспертизы;
- производстве осмотра жилища при отсутствии согласия проживающих в нем лиц;
- производстве обыска и (или) выемки в жилище;
- производстве выемки предметов и документов, содержащих информацию о вкладах и счетах в банках и иных кредитных организациях;
- наложении ареста на корреспонденцию и выемке ее в учреждениях связи.

¹ Криминалистика. / Под ред. Н. П. Яблокова. - М., 1999. - С. 17; Самыгин Л. Д. Указ. соч. - С. 112-113.

Несмотря на то, что ряд из этих полномочий суды в России приобретут лишь с 1 января 2004 года, приведенные новеллы, на наш взгляд, должны сыграть положительную роль в дальнейшем развитии системы деятельности по раскрытию и расследованию преступления, прежде всего, в повышении качества работы следователей, дознавателей, прокуроров.

Кроме того, уже с момента вступления УПК РФ в законную силу только по решению суда производится личный обыск (кроме личного обыска, осуществляемого при задержании подозреваемого) и контроль и запись телефонных и иных переговоров (ст. 29 УПК РФ).

Однако, несмотря на тесную связь перечисленных судебных решений и деятельности по раскрытию и расследованию преступлений, на сегодняшний день вряд ли можно относить суд к субъектам этой деятельности. Согласно ч. 3 ст. 15 УПК РФ суд не является органом уголовного преследования, не выступает на стороне обвинения или защиты. Суд лишь создает необходимые условия для исполнения сторонами их процессуальных обязанностей и осуществления предоставленных им прав. Введение новой процедуры принятия решений о производстве ряда следственных и иных процессуальных действий имеет целью создание дополнительных гарантий защиты основных прав и свобод человека и гражданина в уголовном судопроизводстве.

Активным субъектом деятельности по раскрытию и расследованию преступлений остается прокурор. Ч. 1 ст. 37 УПК РФ наделяет прокурора полномочиями осуществлять от имени государства уголовное преследование в ходе уголовного производства, а также надзор за процессуальной деятельностью органов предварительного следствия и дознания. Нормы этой статьи определяют довольно широкий круг полномочий прокурора, использование которых может быть так или иначе направлено на достижение задач расследования. В их числе полномочия прокурора:

- возбуждать уголовное дело, поручать его расследование дознавателю, следователю, нижестоящему прокурору или принимать его к своему производству;
- участвовать в производстве предварительного расследования и в необходимых случаях лично производить отдельные следственные действия;
- отстранять в установленных законом случаях дознавателя, следователя от дальнейшего производства расследования;

- изымать любое уголовное дело у органов расследования и передавать его следователю, передавать уголовное дело от одного следователя к другому;

- поручать органу дознания производство следственных действий, а также давать ему указания о проведении оперативно-розыскных мероприятий и т.д.

Кроме того, до 1 января 2004 года прокурор принимает решения по некоторым из упомянутых ранее вопросов, касающимся участия суда в ходе досудебного производства¹.

К числу субъектов деятельности по раскрытию и расследованию преступлений, на наш взгляд, относится и начальник следственного отдела, который обладает рядом полномочий, реализация которых может быть направлена на достижение задач расследования. Так, согласно ч. 1 ст. 39 УПК РФ начальник следственного отдела уполномочен поручать производство предварительного следствия следователю либо нескольким следователям, а также отменять необоснованные постановления следователя о приостановлении предварительного следствия. При этом он вправе давать следователю обязательные указания о направлении расследования, производстве отдельных следственных действий, привлечении лица в качестве обвиняемого, об избрании в отношении подозреваемого, обвиняемого меры пресечения, о квалификации преступления и объеме обвинения (ч. 2 ст. 39 УПК РФ).

В криминалистической литературе последних лет активно отстаивается идея о возможности изучения и разработки в рамках криминалистической науки тактики профессиональной защиты по уголовным делам, отмечается позитивная роль такого направления в совершенствовании и развитии криминалистической тактики и методики, избавлении от «обвинительной» акцентуализации криминалистической науки в целом².

В этой связи встает вопрос о возможности отнесения к субъектам деятельности по раскрытию и расследованию преступлений защитника.

Действительно, необходимость разработки тактики защиты по уголовным делам в рамках криминалистической науки на сегодняшний день очевидна и обуславливается, прежде всего, закрепленными в уголовно-процессуальном законе принципами приоритета прав и

¹ Ст. 10 Федерального закона «О введении в действие Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации»// Российская газета от 22 декабря 2001 г, № 249.

²См.: Баев О. Я. Основы криминалистики. - М., 2001. - С. 184; Белкин Р. С. Криминалистика: проблемы сегодняшнего дня. - М., 2001. - С. 201; Зорин Г. А. Криминалистическая методология. - Минск, 2000. - С. 547.

свобод человека и гражданина, необходимости их уважения, неприкосновенности и охраны. Эта область криминалистических знаний¹ может включать в себя рекомендации по работе защитника, связанной с установлением истины по делу, недопущением нарушений прав и законных интересов своего подзащитного, принятием все предусмотренных законом мер по предотвращению следственных и судебных ошибок, обеспечением применения к обвиняемому справедливого наказания с учетом степени его виновности и всех имеющихся смягчающих обстоятельств. При этом такие рекомендации должны отвечать как требованиям законности, так и нормам морали и нравственности.

В то же время, несмотря на то, что работа защитника по уголовному делу тесно взаимосвязана с деятельностью по раскрытию и расследованию преступления, субъектом этой деятельности он не является. Его работа направлена исключительно на обеспечение прав и законных интересов своего подзащитного, а достижение задач расследования интересует его постольку, поскольку это связано с законными интересами клиента².

В процессе системного рассмотрения деятельности по раскрытию и расследованию преступлений особое внимание уделяется *действиям, приемам и способам* этой деятельности. Отметим, что многие вопросы, касающиеся системы средств расследования преступлений, понятий и систематики следственных действий, тактических приемов и комбинаций, являются дискуссионными, а в некоторых случаях и недостаточно разработанными.

В числе основных действий, приемов и способов, составляющих содержание деятельности по раскрытию и расследованию преступлений, следует выделить:

- следственные и иные процессуальные действия;
- тактические приемы проведения следственных и иных процессуальных действий;
- непроцессуальные мероприятия;
- комплексы перечисленных действий и мероприятий, охватываемые единым замыслом на решение поставленных задач расследования (комбинации, операции)³.

¹ На наш взгляд, структурно тактику защиты по уголовным делам целесообразно рассматривать как подраздел криминалистической тактики.

² Например, защитник также, как и органы расследования, заинтересован в установлении лица, в действительности совершившего преступление, устранении ранее допущенных по делу следственных ошибок и т.д.

³ Подробнее об основных средствах деятельности см. в § 2 настоящей главы.

Время как элемент структуры «деятельность по раскрытию и расследованию преступлений» представляет интерес для научных исследований. В частности, в криминалистической литературе понятия «время», «временной фактор», «временные характеристики»¹ изучаются применительно к особенностям:

- различных периодов в жизни страны (например, мирное или военное время);
- времени года (в частности, влияние природно-климатических условий на выбор тактики и организацию осмотра места происшествия);
- выбора даты и времени суток (например, при планировании расследования, принятии решения о проведении отдельных следственных действий);
- установления давности совершения преступления;
- определения негативных и положительных последствий влияния фактора времени.

В криминалистической литературе также справедливо отмечается, что время имеет значение как длительность, продолжительность расследования в целом, его этапов и отдельных действий, а также как последовательность этапов и действий².

Фактор времени оказывает существенное влияние на расследование преступлений. В. П. Лавров справедливо отмечает, что по своей направленности оно носит двойственный характер. С одной стороны, с увеличением промежутка времени, прошедшего с момента совершения преступления, процесс установления истины затрудняется. С другой - со временем нередко возникает новая информация, имеющая отношение к преступлению, появляются дополнительные возможности ее обнаружения и использования в целях установления истины³.

Кроме того, именно по временному признаку в общей системе деятельности по раскрытию и расследованию преступлений выделяются такие ее подсистемы, как деятельность по расследованию преступле-

¹ В. М. Мешков предлагает также использовать в криминалистическом тезаурусе следующие понятия: момент времени, временной интервал, временные отношения, криминалистический аспект времени, след времени. (См.: Мешков В. М. Криминалистическое учение о временных связях и отношениях при расследовании преступлений. Автореферат ДИСС. ... докт. юрид. наук. - М., 1995. - С. 17).

² См.: Самыгин Л. Д. Указ. соч. - С. 163.

³ См.: Лавров В. П. Криминалистическая теория временных отношений // Криминалистика. История, общая и частные теории. / Под ред. Р. С. Белкина, В. Г. Коломацкого, И. М. Лузгина. - М., 1995. - С. 204-207.

ния по горячим следам, а также деятельность следователя по приостановленному уголовному делу.

Место, как структурный элемент деятельности по раскрытию и расследованию преступлений, добавляет определенную специфику в ее осуществление с учетом характера региона страны, особенностей его месторасположения, заселенности, особенностей правового статуса и пр.

Кроме того, место в ряде случаев определяет специфический характер тактики проведения отдельных следственных действий (например, осмотр места взрыва, обыск в месте нахождения компьютерного оборудования и пр.).

Обстановка, в которой осуществляется деятельность по раскрытию и расследованию преступления, может рассматриваться как в общем, так и более конкретном плане:

- общая криминогенная обстановка в регионе, отражающая состояние борьбы с преступностью как в целом, так и с определенными ее видами;

- обстановка, характеризующаяся исключительными (чрезвычайными) условиями (массовые беспорядки, военные действия, стихийные бедствия, эпидемии, эпизоотии и пр.)¹;

- конкретная обстановка расследования, как сложившаяся на определенный момент времени ситуация, обусловленная информационными, процессуально-тактическими, организационными и психологическими факторами, играющая ключевую роль в принятии решений следователем, определении направлений и тактики расследования².

Подводя итог сказанному, отметим, что системные исследования деятельности по раскрытию и расследованию преступлений - это одно из наиболее актуальных направлений научных исследований в современной криминалистике. В частности, очевидна необходимость дальнейшей криминалистической систематизации (классификации) следственных действий, тактических приемов их проведения, а также тактических комбинаций и операций, направленных на решение так-

¹ Например, обстановка расследования в ходе массовых беспорядков включает в себя условия начала и окончания массовых волнений, их поводы, направленность и основные способы совершения, последствия, размеры причиненного материального ущерба, принятые органами власти и управления чрезвычайные меры по охране общественного порядка и обеспечения безопасности граждан (См.: Григорьев В. Н. Расследование преступлений в чрезвычайных условиях. - М., 1994. - С. 117).

² Подробнее о сущности, видах следственных ситуаций и значении ситуационного подхода в расследовании см. в §3 настоящей главы.

тических задач расследования, системных исследований в рамках учений о следственной ситуации, тактическом решении, криминалистической версии и других явлений, связанных с процессом раскрытия и расследования преступлений.

§2. Действия лица, производящего расследование, как объекты криминалистической систематики

Деятельность по раскрытию и расследованию преступлений, как и любой иной вид социальной деятельности, предполагает наличие средств своего осуществления, которые представляют собой действия, приемы и способы достижения общей цели и решения более частных задач расследования.

Следственные действия - важнейшие структурные элементы процесса расследования и, следовательно, объекты изучения криминалистической науки. Отметим, что в ранее действовавшем УПК РСФСР четкого определения следственных действий не содержалось. К сожалению, и в новом УПК РФ следственные действия четко не определены. Например, в ст. 5 УПК РФ, в которой раскрываются основные понятия уголовно-процессуального законодательства, следственные действия упоминаются лишь как вид процессуальных действий (п. 32), а также дано определение неотложных следственных действий (п. 19).

В связи с отсутствием четкого законодательного определения следственных действий особое значение приобретает их научная дефиниция. В 60-х - начале 70-х годов сформировались две позиции по вопросу научного понятия следственных действий. По мнению одних ученых, следственными действиями могут признаваться различные виды действий, выполняемые следователем при расследовании преступлений¹. Согласно второго взгляда, следственными действиями являются те процессуальные действия, при помощи которых обнаруживаются, закрепляются и проверяются доказательства². В последующие годы это понятие также не определялось однозначно. Так, например, М. В. Салтевский предложил рассматривать следственные действия в двух аспектах: процессуальном, как форму практической реализации

¹ См.: Герасимов И. Ф. Некоторые проблемы криминалистической тактики // Ленинский принцип неотвратимости наказания и задачи советской криминалистики. Материалы научной конференции. - Свердловск, 1972. - С. 29; Лузгин И. М. Расследование как процесс познания. - М., 1969. - С. 56-59.

² См.: Жогин Н. В., Фактуллин Ф. Н. Предварительное следствие в советском уголовном процессе. - М., 1965. - С. 108-109.

следователем и судом закона при расследовании и рассмотрении уголовных дел, и криминалистическом, как собирание и исследование доказательственной информации¹.

В этой связи, думается, прав М. П. Гутерман, предложивший обозначить весь комплекс действий, проводимых следователем в процессе расследования преступлений, термином «действия следователя», а действия, непосредственно направленные на собирание, исследование и оценку и использование доказательств - термином «следственные действия»². Определение следственных действий как предусмотренных законом процессуальных действий по собиранию, исследованию, оценке и использованию доказательств дают также Р. С. Белкин, О. Я. Баев, Ю. Н. Белозеров, И. Е. Быховский, В. В. Рябоконь, Н. А. Селиванов, А. Б. Соловьев, С. А. Шейфер и другие ученые³.

Научная дефиниция следственных действий как процессуальных действий, направленных на получение и проверку доказательственной информации по делу, представляется нам наиболее оптимальной в свете нового уголовно-процессуального законодательства. Кроме того, такое понимание следственных действий позволяет проводить активные системные исследования этого понятия с различных сторон.

Одним из аспектов криминалистических системных исследований следственных действий выступает их классификация. В ныне действующем УПК РФ, также, впрочем, как и в предыдущем УПК РСФСР, как таковая классификация следственных действий не приводится, называются лишь их отдельные виды, регламентируется процедура их производства.

Как представляется, необходимость определения базовой классификации следственных действий очевидна. Ее основное научное и

¹ См.: Салтвский М. В. Классификация и общая характеристика следственных действий // Специализированный курс криминалистики (для слушателей вузов МВД СССР, обучающихся на базе среднего специального юридического образования) / Отв. ред. М. В. Салтвский. - Киев, 1987. - С. 228.

² См.: Гутерман М. П. Следственные действия и некоторые спорные вопросы, связанные с их системой // Вопросы борьбы с преступностью. Вып. 42. - М., 1985. - С. 72.

³ См.: Белкин Р. С. Криминалистика. Краткая энциклопедия. - М., 1993. - С. 73; Баев О. Я. Криминалистическая тактика и уголовно-процессуальный закон. - Воронеж, 1977. - С. 61; Белозеров Ю. Н., Рябоконь В. В. Производство следственных действий. - М., 1990. - С. 3; Быховский И. Е. Процессуальные и тактические вопросы системы следственных действий. Автореферат дис. ... докт. юрид. наук М., 1976. - С. 6-7; Гаврилов А. К., Ефимичев С. П. Понятие следственных действий // Следственные действия / Под ред. Б. П. Смагоринского. - М., 1994. - С. 6; Казикян Г. С., Соловьев А. Б. Проблемы эффективности следственных действий. - Ереван, 1987. - С. 23; Шейфер С. А. Следственные действия. Система и процессуальная форма. - М., 1981. - С. 3.

практическое значение проявляется, во-первых, в установлении круга процессуальных действий, которые могут быть определены как следственные, и, во-вторых, в раскрытии системных связей и отличий между различными следственными действиями. Кроме того, именно на классификационной основе должно основывать выделение отдельных подвидов следственных действий. Построение базовой классификации (древа) следственных действий имеет и определенное системообразующее значение и для криминалистической науки. Например, в криминалистической тактике по видам следственных действий группируются научные рекомендации по их проведению.

Между тем лишь в отдельных научных источниках говорится о возможности построения такой классификационной системы, элементами которой явились бы отдельно взятые следственные действия (допрос, осмотр и др.)¹. В частности, идея такой классификации высказывалась Р. С. Белкиным², а также А. Р. Белкиным, указавшим основные деления (по содержанию следственных действий)³.

Однако сложность рассматриваемого понятия, а также весьма общий характер предлагаемого А. Р. Белкиным классификационного основания, на наш взгляд, обуславливают необходимость предварительного деления следственных действий в зависимости от характера доказательственной информации, которую необходимо получить или проверить.

Отметим, что попытки классификации следственных действий *в зависимости от их направленности* предпринимались в юридической литературе. Так, А. Б. Соловьев предложил классифицировать следственные действия на личные (следственные действия, в ходе которых имеет место дача показаний) и вещественные (следственные действия, в ходе которых информация получается от вещей - носителей материальных отображений)⁴. Аналогичное деление произвел В. А. Образцов, используя для обозначения классификационных эле-

¹ В научной литературе круг следственных действий иногда определяется просто как система (См.: Быховский И. Е. Процессуальные и тактические вопросы системы следственных действий. Автореф.... дисс. канд. юрид. наук - М., 1976; Шейфер С. А. Следственные действия. Система и процессуальная форма. - М., 2001. - С. 55 и др.), хотя, на наш взгляд, более точным является ее понимание как классификационной системы.

² См.: Белкин Р. С. Курс криминалистики. Т. 1. - С. 399-400.

³ См.: Белкин А. Р. Криминалистические классификации. - М., 2000. - С. 55.

⁴ См.: Соловьев А. Б. Использование системного подхода при изучении эффективности следственных действий (процессуально-криминалистические исследования) // Вопросы борьбы с преступностью. Вып. 43. - М., 1985. - С. 60.

ментов иные термины - вербальные и невербальные¹. По мнению М. В. Салтевского и В. Г. Лукашевича, в рассматриваемую систему должен входить еще один элемент - смешанные следственные действия, направленные на получение информации из системных источников «люди - вещи», при этом основанием такого деления являются методы отображения фактических данных².

Три группы следственных действий выделил также С. А. Шейфер, однако в основание такой классификации им были положены *методы отображения фактических данных*. В первую группу автор отнес следственные действия, в основе которых лежит метод расспроса. Во вторую группу С. А. Шейфером были включены следственные действия, основанные на непосредственном наблюдении, сочетаемом с приемами активного воздействия на отображаемый объект - измерением, экспериментом, моделированием. Третья группа, по мнению автора, охватывает следственные действия, основанные на сочетании методов расспроса и наблюдения³.

Как представляется, различные «методы отображения фактических данных» в любом случае будут производим от характера доказательственной информации, которую планируется получить или проверить. В этой связи, разделяя идею о необходимости подобной классификационной системы, мы считаем, что ее структура требует некоторого уточнения. Итак, *в зависимости от характера доказательственной информации, которую необходимо получить или проверить*, можно выделять следующие группы следственных действий:

1 группа - следственные действия, направленные на получение и проверку показаний об обстоятельствах расследуемого события;

2 группа - следственные действия, направленные на установление и исследование материальных следов преступления, установление и проверку различного рода состояний;

3 группа - следственные действия, направленные на получение и проверку доказательственной информации комплексного характера, отражаемой как в показаниях различных лиц, так и в исследованиях различных материальных следов, в установлении и проверке различного рода состояний (см. схему 18 в приложении 1).

¹ См.: Образцов В. А. Криминалистика (Цикл лекций по новой программе). - М., 1994. - С. 100.

² См.: Салтевский М. В., Лукашевич В. Г. Проблемы классификации источников информации и следственных действий в криминалистической тактике // Криминалистика и судебная экспертиза. Вып. 29. - Киев, 1984. - С. 31.

³ См.: Шейфер С. А. Следственные действия. Система и процессуальная форма. - М., 2001. - С. 73-74.

В число следственных действий, направленных на получение и проверку показаний об обстоятельствах расследуемого события, с учетом нового уголовно-процессуального законодательства могут быть включены:

1) *допрос*. Так же как и в ранее действовавшем уголовно-процессуальном законодательстве, в новом УПК РФ называются следующие виды допроса: подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего, свидетеля и эксперта. Кроме того, особо выделяются особенности допроса несовершеннолетних потерпевших или свидетелей (ст. 191 УПК РФ).

2) *очная ставка*. В новом уголовно-процессуальном законодательстве основания и порядок проведения этого следственного действия практически не изменились. Так же как и ранее, следователь вправе провести очную ставку, если в показаниях ранее допрошенных лиц имеются существенные противоречия (ст. 192 УПК РФ). Какие-либо виды этого следственного действия в законе не выделяются, что, однако, не исключает возможность его дальнейшего классификационного исследования в рамках криминалистической науки. Например, классификация может быть проведена в зависимости от круга лиц, чьи показания проверяются¹.

В группу следственных действий, направленных на установление и исследование материальных следов преступления, установление и проверку различного рода состояний могут быть отнесены:

1) *осмотр*. Согласно ст. 176 УПК РФ осмотр производится в целях обнаружения следов преступления, выяснения других обстоятельств, имеющих значение для дела. Объектами осмотра выступают местность, жилища, предметы и документы. В законе называются также три имеющих особую процедуру производства вида осмотра: места происшествия (ч. 2 ст. 176 УПК РФ), трупа (ст. 178 УПК РФ), жилища (ч. 1 ст. 12 УПК РФ).

2) *освидетельствование*. Новый УПК РФ расширил круг задач расследования, решаемых путем производства этого следственного действия. Так, теперь освидетельствование может быть проведено не только для обнаружения на теле человека особых примет, следов преступления, но и для обнаружения телесных повреждений, а также выявления состояния опьянения или иных свойств и признаков, имею-

¹ По этому основанию выделяются очные ставки с участием двух свидетелей, двух потерпевших, двух подозреваемых, двух обвиняемых и в любом сочетании двух из названных участников предварительного расследования (См.: Гаврилов А. К., Закатов А. А. Очная ставка. - Волгоград, 1978. - С. 8).

щих значение для уголовного дела, если для этого не требуется производство судебной экспертизы (ч. 1 ст. 179 УПК РФ). При этом в законе созданы предпосылки для классификации этого следственного действия по признакам освидетельствуемого лица (освидетельствование подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего свидетеля; освидетельствование лица одного пола со следователем, другого пола со следователем);

3) *следственный эксперимент*. По новому уголовно-процессуальному законодательству это следственное действие проводится в целях проверки и уточнения данных, имеющих значение для уголовного дела путем воспроизведения действий, а также обстановки или иных обстоятельств определенного события (ст. 181 УПК РФ). В законе также называются основные виды следственного эксперимента - проводимый с целью:

- проверки возможности восприятия каких-либо фактов;
- проверки возможности совершения определенных действий;
- проверки возможности наступления какого-либо события;
- выявления последовательности происшедшего события;
- установления механизма образования следов.

Каждый из выделенных в законе видов следственного эксперимента определяет особенности тактики их производства;

4) *обыск*. Важное значение для определения направлений совершенствования тактики этого следственного действия имеет выделение в законе двух принципиально различных видов обыска: обыска какого-либо места (жилища, помещения каких-либо организаций, участка местности, принадлежащего обыскиваемому лицу) и личного обыска (ст. 184 УПК РФ). Кроме того, закон создает предпосылку для имеющей криминалистическое значение классификации этого следственного действия по объекту поиска на обыск, направленный на обнаружение:

- и изъятие орудий преступления, предметов, документов и ценностей, которые могут иметь значение для уголовного дела (ч. 1. ст. 182 УПК РФ);

- разыскиваемых лиц;
- трупов (ч. 16 ст. 182 УПК РФ).

Криминалистическое значение такой классификации проявляется в особенностях тактики подготовки и проведения обыска в зависимости от объекта поиска;

5) *выемка*. Основания производства этого следственного действия в новом уголовно-процессуальном законодательстве существенных изменений не претерпели. В то же время, законодатель выделяет несколько видов выемки, имеющих специфические особенности производства:

- предметов и документов, содержащих государственную или иную охраняемую федеральным законом тайну;
- документов, содержащих информацию о вкладах и счетах граждан в банках и иных кредитных организациях;
- почтово-телеграфных отправлений;

6) *контроль и запись переговоров*. В отечественное уголовно-процессуальное законодательство нормы, регулирующие производство этого следственного действия, включены совсем недавно¹. Это обстоятельство породило дискуссию в юридической литературе о том, является ли контроль и запись переговоров следственным действием или оперативно-розыскным мероприятием, каково его доказательственное значение.

Так, В. М. Быков считает, что контроль и запись переговоров обладают всеми признаками следственного действия: проводятся по возбужденному уголовному делу уполномоченным по закону должностным лицом, в данном случае следователем; в уголовно-процессуальном законе указаны основания и процессуальный порядок его производства; в результате его проведения следователь получает новые доказательства².

Д. А. Солодов придерживается позиции, что контроль и запись переговоров - следственное действие, целью которого, в конечном счете, является получение вещественного доказательства - фонограммы, содержащей запись переговоров лиц, располагающих сведениями, могущими иметь значение для дела³. Как следственное действие определяют контроль и запись переговоров и А. П. Рыжаков⁴.

¹ С введением в УПК РСФСР ст. 174-1. (См.: Федеральный закон «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Российской Федерации в связи с ратификацией Конвенции о защите прав человека и основных свобод»// Российская газета, 23 марта, 2001 г.)

² См.: Быков В. Контроль и запись телефонных и иных переговоров// Законность. 2001, № 10.

³ Солодов Д.А. Контроль и запись переговоров как следственное действие// Известия Тульского государственного университета. Серия: Современные проблемы законодательства России, юридических наук и правоохранительной деятельности. Вып. 4. - Тула, 2001. - С. 201.

⁴ См.: Рыжаков А. П. Новое следственное действие - контроль и запись переговоров // Электронная справочная система «Консультант плюс: комментарий законодательства».

Иную точку зрения высказывает С. А. Шейфер, по мнению которого о контроле и записи переговоров¹ нельзя говорить как о традиционном следственном действии. Автор считает, что «прослушивание телефонных переговоров - это типичное оперативно-розыскное мероприятие, закрепленное в п. 9 ст. 6 Закона об ОРД». При этом С. А. Шейфер высказывает в обоснование своей точки зрения следующие доводы:

- суть прослушивания телефонных переговоров не меняется в зависимости от того, проводит ли его оперативно-розыскной орган по своей инициативе или по поручению следователя;

- запись переговоров проводится лицом, которому это поручено оперативным органом;

- порядок записи переговоров не регулируется уголовно-процессуальным законом;

- в процедуре «контроля и записи переговоров» отсутствует определяющий признак следственного действия - восприятие следователем информации, имеющей доказательственное значение;

- в норме закона речь идет скорее об истребовании и принятии предмета (фонограммы, изготовленной за пределами уголовного процесса, вне правоотношений со следователем и без каких-либо гарантий правильности записи) - процедуре, предусмотренной действующим УПК в виде истребования и представления доказательств².

Позиция С. А. Шейфера представляется дискуссионной. В новом УПК РФ более детально, чем в ранее действовавшем УПК РСФСР, разъяснены основания и процедура производства контроля и записи переговоров. В частности, в ч. 1 ст. 186 УПК РФ определяется направленность этого процессуального действия на получение сведений, имеющих значение для уголовного дела. Иными словами, в законе раскрыты основные признаки контроля и записи переговоров именно как самостоятельного следственного действия.

7) *назначение экспертизы*. Как следственное действие назначение экспертизы представляет собой систему действий следователя по определению предмета и программы исследования, указанию его возможных направлений, выбору эксперта и его информированию, контролю за ходом исследования, обеспечению прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства³. При этом действия сле-

¹ С. А. Шейфер анализировал статью 174-1 УПК РСФСР.

² Шейфер С. А. Следственные действия: система и процессуальная форма. — М, 2001. — С. 63.

³ См.: Шейфер С. А. Указ. соч. — С. 79.

дователя направлены на получение новых и проверку имеющихся доказательств по делу.

8) *получение образцов для сравнительного исследования*. Не все ученые-криминалисты разделяют позицию о возможности отнесения этого процессуального действия к числу следственных. Так, например, О. Я. Баев отмечает, что получение образцов для сравнительного исследования «лишь предследственное, вспомогательное действие, обеспечивающее возможность проведения такого действительно уже следственного действия как назначение экспертизы»¹. Точка зрения О. Я. Баева представляется дискуссионной.

Согласно ч. 1 ст. 202 УПК РФ следователь вправе получить образцы почерка или иные образцы для сравнительного исследования у подозреваемого, обвиняемого, а также свидетеля или потерпевшего в случаях, когда возникла необходимость проверить, оставлены ли ими следы в определенном месте или на вещественных доказательствах. Думается, что в новом уголовно-процессуальном законе Довольно четко обозначена направленность рассматриваемого действия на получение новой доказательственной информации по делу. Кроме того, доказательством будет выступать и протокол этого следственного действия, в котором отражается факт получения того или иного образца у конкретного лица.

Группа следственных действий, направленных на получение и проверку доказательственной информации комплексного характера, отражаемой как в показаниях различных лиц, так и в исследованиях различных материальных следов, в установлении и проверке различного рода состояний, включает в себя:

1) *предъявление для опознания*. Анализ ст. 193 УПК РФ, регламентирующей порядок производства этого следственного действия, позволяет выделить целый ряд оснований для его дальнейших классификационных исследований:

а) по опознаваемому объекту: предъявление для опознания живого лица, предмета или трупа;

б) по опознающему субъекту: предъявление для опознания потерпевшему, свидетелю, подозреваемому или обвиняемому;

в) в зависимости от последовательности проведения: первично произведенное и повторное;

г) в зависимости от возможности предъявления для опознания объекта: непосредственное предъявления объекта для опознания и

¹ Баев О. Я. Основы криминалистики. - М., 2001. - С. 191.

1

опосредованное предъявление объекта для опознания (по фотографии).

д) по условиям проведения: в условиях, допускающих визуальное наблюдение опознающего опознаваемым, и в условиях, исключающих такое наблюдение.

Отметим, что такой вид предъявления для опознания, как производство этого следственного действия в условиях, исключающих визуальное наблюдение опознающего опознаваемым, является новым для отечественного уголовного процесса, что обуславливает необходимость разработки криминалистических рекомендаций по его проведению.

2) *проверка показаний на месте*. Ст. 194 УПК РФ впервые закрепила процессуальный порядок проведения этого следственного действия, хотя новым его можно назвать лишь с определенной долей условности. В юридической литературе на протяжении многих лет высказывались точки зрения о необходимости и практической полезности такого следственного действия, разрабатывались научно-процессуальные основы и тактические приемы его проведения. Знакомо это действие было и следственной практике, хотя его результаты чаще всего оформляются протоколами других следственных действий (следственного эксперимента, допроса, осмотра места происшествия).

Проверка показаний на месте производится в целях установления новых обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела, путем проверки и уточнения показаний, ранее данных подозреваемым или обвиняемым, а также потерпевшим или свидетелем на месте, связанном с исследуемым событием (ч. 1. ст. 194 УПК РФ). Анализ норм, регламентирующих проведение проверки показаний на месте, позволяет говорить о возможности выделения двух основных видов этого следственного действия в зависимости от субъекта, чьи показания проверяются (проверка показаний подозреваемого или обвиняемого; проверка показаний потерпевшего или свидетеля). Выделение таких видов проверки показаний на месте представляется важным для дальнейшей разработки в рамках криминалистической науки тактики проведения этого следственного действия.

В юридической литературе прошлых лет имела место дискуссия относительно процессуального статуса задержания и возможности отнесения его к числу следственных действий. Определенную двусмысленность с определением места задержания в системе процессуальных действий создавал ранее действовавший УПК РСФСР, называвший его в числе неотложных следственных действий (ч. 1 ст. 119 УПК РСФСР).

Новое уголовно-процессуальное законодательство, на наш взгляд, исключило возможность такой дискуссии. Действующий УПК РФ относит задержание к мерам процессуального принуждения (глава 12). Представляется, что определение задержания как меры процессуального принуждения наиболее точно соответствует целевой направленности этого процессуального действия.

Также, исходя из целевой направленности, вряд ли можно относить к следственным действиям и наложение ареста на имущество, как это предлагалось ранее в юридической литературе¹. Новый уголовно-процессуальный закон, назвав наложение ареста на имущество в числе иных мер процессуального принуждения (ст. 115 УПК РФ), четко определил его место в системе процессуальных действий.

Создание базовой классификации следственных действий и дальнейшее ее развитие имеют не только научное, но и практическое значение. В частности, рассмотренная классификация выполняет определенные информационные функции для лица, производящего расследование, в процессе определения путей получения доказательственной информации по делу, установления объектов - ее носителей, правильного выбора следственного действия, определения общих познавательных методов получения доказательств определенного вида, тактических приемов проведения следственного действия.

Помимо рассмотренного деления, в криминалистической литературе предлагаются и иные классификации следственных действий. В частности, учеными-криминалистами представлено несколько классификационных систем следственных действий, в основе которых, на наш взгляд, лежит сходный признак - *связь с этапами расследования преступления*. Так, Р. С. Белкин предложил делить следственные действия на первоначальные и последующие². Согласно точки зрения А. К. Гаврилова и С. П. Ефимичева, рассматриваемую систему должны составлять следующие виды следственных действий: первоначальные неотложные, неотложные и последующие³. Ю. Н. Белозеров и В. В. Рябоконь придерживаются мнения, что помимо первоначальных, последующих и неотложных, в классификацию можно включить также повторные следственные действия⁴.

¹ См.: Рыжаков А. П. Следственные действия и иные способы собирания доказательств. - М., 1997. - С. 45; Протасевич А. А., Степаненко Д. А., Шиканов В. И. Моделирование в реконструкции расследуемого события. - Иркутск, 1997. - С. 11.

² См.: Белкин Р. С. Общая теория советской криминалистики. - Саратов, 1986. - С. 368.

³ См.: Гаврилов А. К., Ефимичев С. П. Указ. соч. - С. 11.

⁴ См.: Белозеров Ю. Н., Рябоконь В. В. Указ. соч. - С. 8.

Как представляется, указанная классификация нуждается в уточнении. Прежде всего, довольно спорно внесение в рассматриваемую классификационную систему понятий неотложных и повторных следственных действий.

Новый уголовно-процессуальный закон вкладывает в понятие неотложных следственных действий следующие существенные признаки:

1) направленность на обнаружение и фиксацию следов преступления, а также доказательств, требующих незамедлительного закрепления, изъятия и исследования;

2) их осуществление непосредственно после возбуждения уголовного дела;

3) специальный субъект проведения неотложных действий - орган дознания. Отметим также, что закон называет в качестве субъекта проведения неотложных следственных действий следователя (дознавателя), но лишь по тем уголовным делам, которые ему не подследственны¹.

4) определенная законом группа уголовных дел. Так, согласно п. 19 ст. 5 и ч. 1 ст. 157 УПК РФ орган дознания вправе производить неотложные следственные действия по уголовным делам, по которым производство предварительного следствия обязательно. Следователь (дознаватель) согласно ч. 5 ст. 152 УПК РФ вправе производить неотложные следственные действия лишь по неподследственным ему уголовным делам. Следственные действия, производимые следователем на первоначальном этапе расследования по подследственным ему делам, вряд ли можно охарактеризовать как неотложные, если исходить из той процессуальной трактовки, которую дает этому термину закон.

В этой связи, на наш взгляд, более правильным будет определение неотложных следственных действий как выделенного законом особого вида следственных действий, несомненно, связанного с первоначальным этапом расследования, но обладающего комплексом специфических признаков, не позволяющих рассматривать его как элемент классификации *по связи с этапами расследования преступлений*. Более того, неотложные следственные действия могут рассматриваться как самостоятельная подсистема деятельности по расследованию преступлений. Ранее действовавший УПК РСФСР четко определял круг

¹ Согласно ч. 5 ст. 152 УПК РФ следователь, дознаватель, установив, что уголовное дело ему не подследственно, производит неотложные следственные действия, после чего передает уголовное дело прокурору для направления по подследственности.

следственных действий, которые могли быть включены в эту систему'. Новое уголовно-процессуальное законодательство, раскрывая в п. 19 ст. 5 УПК РФ понятие неотложных следственных действий, конкретно эти следственные действия не указывает. Не определяется круг неотложных следственных действий и в ст. 157 «Производство неотложных следственных действий» УПК. В то же время, в ч. 4 ст. 146 УПК РФ говорится о том, что к постановлению следователя, дознавателя о возбуждении уголовного дела, направляемого к прокурору, в случае производства отдельных следственных действий по закреплению следов преступления и установлению лица, его совершившего, прилагаются соответствующие протоколы и постановления. При этом в законе называются всего три таких следственных действия: осмотр места происшествия, освидетельствование, назначение судебной экспертизы. Эти правила распространяются и на случаи возбуждения уголовного дела органом дознания (ч. 1 ст. 157 УПК РФ). Означает ли это, что к системе неотложных следственных действий могут быть отнесены только три названных следственных действия?

Представляется, что нет. Более того, подобное правовое закрепление формального перечня неотложных следственных действий вряд ли будет оправданным, поскольку, на наш взгляд, будет препятствовать полному достижению основных задач проведения неотложных следственных действий (обнаружение и фиксация следов преступления, а также доказательств, требующих незамедлительного закрепления, изъятия и исследования). Думается, что в систему неотложных следственных действий могут быть включены и иные следственные действия. В частности, направленность на обнаружение и фиксацию следов преступления, а также доказательств, требующих незамедлительного закрепления, изъятия и исследования, могут иметь не только осмотр, освидетельствование и назначение экспертизы, но и допрос (потерпевшего, свидетелей, подозреваемого), обыск, выемка, получение образцов для сравнительного исследования, предъявление для опознания. В некоторых случаях будет обоснованным неотложное производство следственного эксперимента или проверки показаний на месте (например, если изменение погодных-климатических условий в дальнейшем может сделать невозможным проведение опытов или исключает возможность воспроизведения на месте проверки показа-

¹ В ст. 119 УПК РСФСР к неотложным следственным действиям были отнесены осмотр, обыск, выемка, освидетельствование, задержание, допрос подозреваемых, потерпевших и свидетелей.

ний обстановки и обстоятельств исследуемого события, влечет за собой уничтожение каких-либо следов преступления).

Однако необходимость неотложного проведения тех или иных следственных действий не должна рассматриваться как императивное требование закона. Думается, что выбор, установление круга и последовательности проведения тех или иных следственных действий как неотложных определяются, прежде всего, обстановкой, в которой осуществляется расследование. В этой связи актуальными задачами криминалистической науки выступают: определение типичных ситуаций, складывающихся до и непосредственно после возбуждения уголовного дела, разработка систем (программ) неотложных следственных действий по различным категориям уголовных дел, уточнение криминалистических рекомендаций по их производству, проведению первоначального этапа расследования отдельных видов преступлений в целом.

Не вписываются в структуру классификации следственных действий, построенной по *связи с этапами расследования преступления*, и повторные следственные действия. Представляется, что повторные действия, наряду с первично произведенными, являются элементами другой классификации следственных действий, построенной по *последовательности проведения*.

V Представляется возможным классифицировать следственные действия *в зависимости от объема получения доказательственной информации* на основные и дополнительные. Основные следственные действия можно определить как действия, направленные на получение основного массива доказательственной информации от какого-либо объекта (группы объектов). Дополнительными будут являться следственные действия, цель которых - получение добавочной информации от того же объекта, что и при основном действии. Так, например, дополнительным будет выступать осмотр участка местности, который уже был осматрен, с целью получения доказательств неустановленных ранее. В то же время, осмотр иного участка местности либо иное следственное действие, направленное на осматриваемый объект, дополнительным не является.

Представляется обоснованной классификация следственных действий *в зависимости от характера процесса получения доказательственной информации* на:

- действия, представляющие собой непосредственное восприятие следователем объекта - носителя информации и извлечение фактических данных;

- действия, при которых исследование и получение фактических данных от объекта - носителя информации происходит опосредованно для следователя (например, проводимые органом дознания по поручению следователя либо в порядке ст. 157 УПК РФ).

- Классификация выступает не единственным направлением системных исследований следственных действий. В криминалистической науке структура следственных действий также рассматривается как система различных этапов.

Так, в структуре следственных действий традиционно выделяют три этапа его производства: подготовки к проведению следственного действия, собственно проведения, фиксации хода и результатов следственного действия. В криминалистической литературе последних лет помимо трех указанных в структуре следственного действия обоснованно выделяется и четвертый этап - оценка полученных результатов и определение их роли в системе собранных доказательств по расследуемому преступлению. «На этом этапе оценке подвергается вся собранная информация, ее значимость для дальнейшего расследования, объективность, всесторонность, полнота, логичность и наглядность ее фиксации. Вместе с тем оценивается вся работа, проделанная следователем и другими участниками указанных действий с целью выявления допущенных ошибок, требующих дополнительных действий по их исправлению»¹.

Данное представление структуры осуществляется, на наш взгляд, на основе организационного критерия. В нем получает отражение структурно- системный подход к определению тактики отдельного процессуального действия. Как справедливо отмечается в криминалистической литературе, только при таком понимании этого комплексного по содержанию криминалистического института возможна эффективная разработка составляющих его элементов, неразрывно связанных между собой в единую систему действий, мыслительных процессов и волевых решений².

Этапность следственного действия иногда представляется в криминалистической литературе и несколько иным образом. Например, по мнению В. Я. Колдина, в информационно-познавательном аспекте в структуре следственного действия можно выделить следующие этапы:

¹ Яблоков Н. П. Криминалистика. - М, 2000. - С. 195.

² См.: Аверьянова Т. В., Белкин Р. С., Корухов Ю. Г., Россинская Е. Р. Криминалистика. М., 1999. - С.471.

- тактического обеспечения;
- ориентирующего исследования;
- детального исследования;
- решения процессуально-удостоверительных задач¹.

В криминалистической литературе получили отражение и иные системные представления следственного действия. Так, С. А. Шейфер высказал мнение о возможности рассмотрения следственного действия как комплекса (системы) познавательных, поисковых и удостоверительных приемов (методов, операций). При этом автором высказывается мнение о том, что эти приемы являются предметом правового регулирования, поскольку уголовно-процессуальный закон устанавливает для них строгую процессуальную форму².

Однако представленная позиция нуждается, на наш взгляд, в некотором уточнении. В криминалистической литературе справедливо отмечается, что предметом правового регулирования являются не методы познания, а формы их применения в расследовании³. Иными словами, речь в данном случае следует вести не о системе следственного действия, а о системе процессуальных правил и тактических приемов его проведения, что, на наш взгляд, не одно и то же. Именно тактические приемы, которые могут носить познавательную, поисковую или удостоверительную направленность, систематизируются по группам и видам следственных действий, а не наоборот.

Системное представление следственных действий играет важную роль в систематизации других осуществляемых в ходе расследования действий, в особенности тактических приемов и их комбинаций.

Развитие теоретических проблем криминалистической науки предполагает дальнейшую разработку и совершенствование научных основ разработки и применения тактических приемов. В этом отношении значительный интерес представляет системный анализ рассматриваемого понятия и его отдельных видов, упорядочение криминалистических знаний о тактических приемах, устранение имеющихся в них противоречий, восполнение пробелов.

Рассмотрение понятия тактического приема целесообразно начать с установления его существенных признаков. Необходимо отме-

¹ Колдин В. Я. Общие положения криминалистической тактики // Криминалистика / Под ред. Н. П. Яблокова. - М., 1999. - С. 359-360.

² См.: Шейфер С. А. Следственные действия, система и процессуальная форма. - М., 2001. - С. 36-38.

³ См.: Колдин В. Я. Указ. соч. - С. 358.

тить, что развитие этого понятия в криминалистической науке шло в двух направлениях: понимание тактического приема как своеобразной научной рекомендации и как наиболее эффективного и рационального способа действий следователя¹.

В 1960 году А. Н. Васильев определил тактический прием как «наиболее целесообразный подход к практической организации и активному планомерному, целеустремленному производству следственного действия на основе норм уголовного процесса с возможным использованием средств криминалистической техники»². По его мнению, тактический прием имел рекомендательный характер, поскольку был не обязателен к исполнению. Впоследствии А. Н. Васильев определяет тактический прием уже как научную рекомендацию, основанную на специальных науках, рассчитанную на ее творческое применение и на возможность выбора того или иного приема, наиболее целесообразного в условиях данной следственной ситуации³.

Несмотря на то, схожая точка зрения на сущность тактических приемов высказывалась отдельными учеными-криминалистами и в более современной криминалистической литературе⁴, дальнейшего развития рассмотренный подход практически не получил. Это обусловлено, на наш взгляд, объективным различием понятий тактического приема и тактической рекомендации.

Криминалистическая рекомендация в целом определяется как научный совет по внедрению достижений криминалистической науки в

¹ В научной литературе встречаются и несколько иные, совершенно не характерные для рассматриваемого явления, определения. Так, по мнению А. А. Филющенко, «тактический прием представляет собой результат мыслительной деятельности, содержанием которой являются оценка конкретной ситуации, выбор наиболее эффективного способа действия из других вариантов поведения.» (Филющенко А. А. Предмет и содержание криминалистической тактики // Теоретические проблемы криминалистической тактики. - Свердловск, 1981. - С. 6). Очевидно, что отраженные в этом определении признаки больше характерны для другого понятия криминалистической тактики - тактического решения.

² Васильев А. Н. Основы следственной тактики. Автореферат ДИСС. ... докт. юрид. наук. - М., 1960. - С. 29.

³ См.: Васильев А. Н., Карнеева Л. М. Тактика допроса при расследовании преступлений. - М., 1970. - С. 7; Васильев А. Н. Тактический прием - основа следственной тактики // Социалистическая законность, 1974. № 4. - С. 44; Васильев А. Н. Следственная тактика. - М., 1976. - С. 33.

⁴ См.: Комиссаров В. И. Теоретические проблемы следственной тактики. - Саратов, 1987. - С. 65; Криминалистика./Под ред. Т. А. Седовой, А. А. Эксархопуло. - СПб., 1995. - С. 248.

практику¹. Тактическая рекомендация - это научный совет, раскрывающий суть того или иного тактического приема, помогающий следователю либо судье в выборе необходимого приема и его реализации на практике². Очевидно, что это понятие содержит отличную от понятия тактического приема группу признаков, что позволяет рассматривать их как самостоятельные понятийные образования, определение которых через самих себя представляется невозможным.

Наибольшее внимание со стороны ученых-криминалистов и, как следствие, более активное развитие получил подход к пониманию тактического приема наиболее целесообразного, эффективного и рационального способа действия следователя, направленного на собирание доказательственной информации, создание благоприятных условий расследования либо предотвращения преступлений³. При этом в криминалистической литературе выделяется комплекс существенных, по мнению предлагающих их ученых, признаков рассматриваемого понятия.

Рациональность, эффективность и целесообразность тактического приема указываются в большинстве его определений. Включение этих признаков в рассматриваемое понятие представляется обоснованным и необходимым. Как отметил Н. А. Селиванов, именно эти признаки подчеркивают «практическую полезность и оправданность приемов, относящихся к категории тактических»⁴. В этой связи необходимо отметить и еще один признак, указываемый учеными при определении тактического приема, - его обусловленность сложившейся следственной ситуацией⁵. Учитывая, что целесообразность тактичес-

¹ См.: Бахин В. П., Ищенко А. Б. Вопросы оценки криминалистических рекомендаций в процессе их разработки и внедрения // Криминалистика и судебная экспертиза. Вып. 25. - Киев, 1982. - С. 9.

² См.: Баев О. Я. Криминалистическая тактика и уголовно-процессуальный закон. - Воронеж, 1977. - С. 23; Баянов А. И. Информационное моделирование в тактике следственных действий. Автореферат дисс... канд. юрид. наук - М., 1978. - С. 15; Волобуев А. Ф. Соотношение понятия «тактический прием» и «тактическая рекомендация» в системе следственной тактики // Криминалистика и судебная экспертиза. Вып. 27. - Киев, 1983. - С. 31; Лавров В. П. Предмет, история и методология криминалистики (Курс лекций по криминалистике для слушателей следственного факультета). - М., 1994. - С. 32.

³ Отметим, что именно таким образом понимает тактический прием и подавляющее большинство опрошенных нами следователей и дознавателей (86,3%), в то время как научную рекомендацию о способе таких действий лишь 4,1% (6,3% респондентов дали другие ответы, 3,3% затруднились ответить).

⁴ См.: Селиванов Н. А. Советская криминалистика: система понятий. - М., 1982. - С. 81.

⁵ См.: Баев О. Я. Содержание и формы криминалистической тактики. - Воронеж, 1975. - С. 17; Шепитько В. Ю. Теоретические проблемы систематизации тактических приемов в криминалистике. - Харьков, 1995. - С. 11.

кого приема определяется как раз сложившейся следственной ситуацией, эти приемы можно определить как взаимозаменяемые.

Четко следует определять уровень задач расследования, на достижение которых может быть направлен тактический прием. Как справедливо отметил Н. п. Яблоков, тактический прием - это наилучший способ поведения при следственных действиях и тактических комбинациях¹. В криминалистической науке системы тактических приемов также разрабатываются применительно к отдельным иным процессуальным действиям (например, задержание подозреваемого, явка с повинной), а также к другим мероприятиям следователя, направленным на достижение задач расследования (например, использование помощи общественности в процессе расследования преступления).

Отметим, что в данном случае речь идет о тактике следственной. Как представляется, с учетом изменений уголовно-процессуального законодательства в ближайшей перспективе криминалистическая тактика пойдет по пути развития не только системы тактических приемов следственной деятельности, но и приемов государственного обвинения в суде, а также приемов профессиональной защиты по уголовным делам, как это уже предлагается отдельными учеными-криминалистами².

Часто даваемым признаком тактического приема выступает его направленность. Наиболее конкретно о направленности применения тактического приема пишут Р. С. Белкин, Е. П. Ищенко, В. П. Лавров. По их мнению, это задачи по собиранию, исследованию, оценке и использованию доказательственной информации и предотвращению преступлений³. Такой подход к определению направленности тактического приема представляется нам наиболее обоснованным.

Ученые-криминалисты часто указывают на соответствие тактического приема нормам уголовно-процессуального закона, этики и нравственности⁴. Это одно из основных требований, предъявляемых к

1 См.: Яблоков П. Криминалистика. - М., 2000. - С. 189.

2 См.: Баев О. Я. Основы криминалистики. - М., 2001 - С. 184.

3 См.: Белкин Р. С. Очерки криминалистической тактики. - Волгоград, 1993. - С. 105; Ищенко Е. П. Использование современных научно-технических средств при расследовании уголовных преступлений. - Свердловск, 1985. - С. 12; Лавров В. П. Указ. соч. - С. 31.

4 См.: Белкин Р. С. Указ. соч. - С. 107; Гусаков А. Н. Понятие тактического приема при расследовании преступлений // Проблемы уголовного процесса и криминалистики. - Свердловск, 1977. - С. 168; Коновалова В. Е., Сербулов А. М. Следственная тактика: принципы и функции. - Киев, 1983. - С. 19; Порубов Н. И. Научные основы допроса на предварительном следствии. - Минск, 1978. - С. 63; Селиванов Н. А. Этически-тактические вопросы расследования преступлений. - М., 1981. - С. 8; Якушин С. Ю. Тактические приемы при расследовании преступлений. - Казань, 1983. - С. 8 и др.

тактическому приему, впрочем, как и к любому другому действию, проводимому следователем в рамках расследования. Кроме того, тактический прием должен быть научно обоснован, апробирован на практике, соответствовать нормам этики и морали, быть доступным для практиков.

На наш взгляд, нет необходимости во включении в понятие тактического приема и указаний на вид объекта тактического воздействия, как это предлагают некоторые ученые, поскольку, учитывая многообразие таких объектов и несколько спорный характер их определения¹, это только напрасно усложнит его.

Рассматривая понятие тактического приема, нельзя обойти стороной мнение В. Ю. Шепитько, предложившего в качестве одного из его признаков психологический механизм реализации. Согласно точки зрения автора, такой механизм реализации тактического приема предполагает: «... 1) его психологическую направленность, связанную с разоблачением лжи, актуализацией забытого, воссозданием прошедшего события, обнаружением сокрытого и т.п.; 2) непосредственное и опосредованное взаимодействие между следователем (судьей) и их респондентами; 3) психологический эффект от его использования (что связано с получением объективных показаний, обнаружением следов и орудий преступления, установлением местонахождения тайника и т. п.)»². Действительно, психологические аспекты доминируют при разработке и осуществлении тактических приемов в ходе проведения следственных действий, направленных на получение показаний (допрос, очная ставка). Разумеется, они могут использоваться и при производстве следственных действий других видов. Однако представляется, что признак, предложенный В. Ю. Шепитько, характеризует лишь определенную группу тактических приемов, но не рассматриваемое понятие в целом.

С учетом изложенного, наиболее точным представляется определение тактического приема как наиболее рационального, целесообразного и эффективного способа действия лица, производящего расследование, проводимого в ходе отдельных следственных и иных процессуальных действий, а также других мероприятий следователя, направленного на решение задач по собиранию, исследованию, оцен-

¹ См.: Филонов Л. Б., Давыдов В. И. Психологические приемы допроса обвиняемого // Вопросы психологии, 1966. № 6. - С. 114; Образцов В. А. Криминалистика: Курс лекций. - М., 1996. - С. 222.

² Шепитько В. Ю. Указ. соч. - С. 10-11.

ке и использованию доказательственной или иной криминалистически важной для дела информации.

На необходимость разработки единого классификационного аппарата тактических приемов неоднократно указывалось в юридической литературе¹. Однако сложность рассматриваемого понятия, а в некоторых случаях и неоднозначность его определения породили множество оснований его классификации. Более того, очевидны тенденции к увеличению числа классификационных систем тактических приемов. Во второй половине 80-х годов В. И. Комиссаров отметил существование 17 различных классификационных оснований². В первой половине 90-х годов В. Г. Лукашевич и В. Ю. Шепитько писали уже о двух десятках классификационных признаков³. В ходе нашего исследования удалось выделить 26 различных оснований, по которым ученые-криминалисты производят деления тактических приемов. Однако это как раз тот случай, когда количество еще не означает качества. Многие из указанных классификационных признаков носят произвольный характер, а в некоторых случаях и вовсе не могут выступать как таковые.

Рассмотрение вопросов, связанных с классификациями тактических приемов, на наш взгляд, целесообразно начать с указания на особый характер таких систем. Н. А. Якубович справедливо отметила, что классификация тактических приемов должна: во-первых, способствовать теоретическому исследованию природы тактических приемов, познанию закономерностей, обуславливающих эффект их применения; во-вторых, быть полезна правоохранительным органам, облегчать им выбор нужного тактического приема в соответствующей следственной ситуации⁴.

Одной из наиболее часто встречаемых в криминалистической литературе классификаций тактических приемов является их деление *б зависимости от их законодательного закрепления*. Эта классификация имеет не только сторонников, но и противников. Так, А. Н. Васильев писал: «...всякое правило, содержащееся в процессуальной нор-

¹ См.: Комиссаров В. И. Указ. соч. - С. 71; Коновалова В. Е. Криминалистическая тактика: принципы и функции // Криминалистика и судебная экспертиза. Вып. 22. - Киев, 1981. - С. 42 и др.

² См.: Комиссаров В. И. Указ. соч. - С. 71.

³ См.: Лукашевич В. Г. Основы теории профессионального образования следователя. Автореферат ДИСС ... докт. юрид. наук - Киев, 1993. - С. 31; Шепитько В. К). Указ. соч. - С. 33.

⁴ См.: Якубович Н. А. Общие проблемы криминалистической тактики // Советская криминалистика. Теоретические проблемы. - М., 1978. - С. 144.

ме, есть закон, и никаких тактических правил в процессуальных нормах не содержится»¹. По мнению Н. А. Селиванова, «то, что закон написал как обязательное, не оставляет места для свободного усмотрения лицам, применяющим закон, и, следовательно, не может рассматриваться как тактический прием»². Эту позицию поддерживал и А. М. Ларин, отметивший, что в сферу криминалистической тактики входят неурегулированные законом вопросы выбора процессуального способа собирания доказательств, а также приемов его реализации³.

Такая позиция подверглась критике в научной литературе. Так, Р. С. Белкин отметил, что «законодательная регламентация, закрепление тактического приема означают как раз признание законодателем, что этот прием и есть наиболее целесообразный, наиболее рациональный, наиболее эффективный способ действий при производстве следственного акта, настолько целесообразный и эффективный, что его следует или можно применять во всех случаях. Оттого, что данный способ действия стал обязательным, он не перестал быть способом действия, т.е. тактическим приемом»⁴. Классификация тактических приемов в зависимости от их законодательного закрепления была поддержана и другими учеными-криминалистами⁵.

В целом разделяя идею о возможности классификации тактических приемов на процессуально закрепленные и не имеющие такого закрепления, хотелось бы отметить, что процессуально закрепленными можно признать лишь нормы диспозитивного характера, предоставляющие следователю определенную свободу выбора. Так, например, согласно ч. 9 ст. 166 УПК РФ при необходимости обеспечить безопасность потерпевшего, его представителя, свидетеля, их близких родственников, родственников и близких лиц следователь вправе в протоколе следственного действия, в котором участвуют потерпевший, его представитель или свидетель, не приводить данные об их личности. Как видим, закон, определяя типовую ситуацию и раскрывая содержание приема, решение вопроса о его применении оставляет на усмотрение следователя.

¹ Васильев А. Н. Основы следственной тактики. - С. 29.

² Селиванов Н. А. Советская криминалистика: система понятий. - С. 85.

³ См.: Ларин А. М. Прием криминалистической тактики в генезисе следственного действия // Актуальные проблемы советской криминалистики. - М., 1980. - С. 94.

⁴ Белкин Р. С. Очерки криминалистической тактики. - С. 110.

⁵ См.: Баев О. Я. Указ. соч. - С. 33-34; Зуйков Г. Г. Понятие и сущность криминалистической тактики // Криминалистика. / Под ред. Р. С. Белкина, Г. Г. Зуйкова. - М., 1970. - С. 14; Шаламов М. П. Некоторые проблемы советской криминалистики. - М., 1965. - С. 27; Якушин С. Ю. Указ. соч. - С. 11 и др.

Другое дело, если закон содержит предписание императивного характера. Такое предписание, на наш взгляд, не содержит в себе тактического начала и не может быть охарактеризовано как тактический прием.

Неоднозначно решается вопрос и о существовании деления тактических приемов *в зависимости от их научного происхождения*. Так, А. Н. Васильев включил в такую классификацию тактические приемы, основанные на: 1) применении логики в условиях расследования; 2) научной организации труда; 3) использовании данных науки психологии¹. Подобную классификацию поддерживают А. Н. Гусаков, Д. П. Поташник и А. А. Филющенко². По мнению В. С. Комаркова, в такую систему входят всего две группы тактических приемов: психологические и логические³. За необходимость существования классификации по такому основанию высказался В. И. Комиссаров, не указав, к сожалению, составляющие ее элементы.

Данная классификация встретила возражения со стороны некоторых ученых-криминалистов. Так, С. Ю. Якушин отметил, что «... в основе всякого тактического приема лежат положения нескольких отраслей научного знания. Не исключен и такой вариант, что в одном тактическом приеме могут быть использованы данные нескольких отраслей научного знания»⁴. Схожее мнение высказал В. Ю. Шепитько, отметив также, что «... в названных классификациях к тактическим приемам могут быть отнесены не только отдельные способы действий, но и методы, и даже целые направления деятельности следователя»⁵. Несмотря на то, что в некоторых литературных источниках последних лет встречается рассматриваемая классификация, дополненная четвертым элементом (тактические приемы, учитывающие достижения различных наук)⁶, четко прослеживается ограниченность подобного деления, выраженная: во-первых, в том, что из числа источников фор-

¹ См.: Васильев А. Н. Тактика отдельных следственных действий. - С. 10-19.

² См.: Гусаков А. Н., Филющенко А. А. Следственная тактика (в вопросах и ответах). - Свердловск, 1991. - С. 13; Поташник Д. Б. Криминалистическая тактика. - М, 1998. - С. 27.

³ См.: Комарков В. С. Вопросы систематизации тактических приемов расследования // Вопросы криминалистической методологии, тактики и методики расследования. - М., 1973. - С. 73.

⁴ Якушин С. Ю. Указ. соч. - С. 14.

⁵ Шепитько В. Ю. Указ. соч. - С. 35.

⁶ См.: Герасимов И. Ф. Общие вопросы криминалистической тактики // Криминалистика-/ Под ред. Л. Я. Драпкина и И. Ф. Герасимова. - М, 1994. - С. 225.

мирования тактического приема необоснованно исключается следственная практика¹; во-вторых, в том, что данная классификация совершенно не отражает криминалистического характера тактического приема, не указывая в качестве одного из источников его формирования криминалистическую науку.

Перспективным представляется деление тактических приемов *по объекту воздействия*. Так, по мнению В. А. Образцова, выделяются четыре группы таких объектов (субъект поисковой деятельности, другой участник уголовного процесса, вещь, следственная ситуация), каждый из которых определяет классификационную группу соответствующих им приемов тактического воздействия². С. И. Цветков указывает в качестве таких объектов поведение человека и различные объекты материального мира³. В. И. Комиссаров делит тактические приемы на приемы воздействия на материальную обстановку и приемы воздействия на интеллектуально-волевые качества участников предварительного следствия⁴.

Поддерживая в целом идею такого деления, хотелось бы уточнить использованное классификационное основание. Так, на наш взгляд, необходимо разделять понятия непосредственного и опосредованного объекта тактического воздействия. Непосредственный объект тактического воздействия можно определить как возможный источник значимой криминалистической информации. Опосредованным объектом тактического воздействия, на наш взгляд, является сложившаяся обстановка по делу, т.е. следственная ситуация. Поэтому выделение в самостоятельную классификационную группу тактических приемов, направленных на изменение следственной ситуации, как это предлагает В. А. Образцов, нам представляется дискуссионным, поскольку любой тактический прием, независимо от непосредственного объекта исследования, оказывает на нее опосредованное влияние. Таким образом, рассматриваемое деление тактических приемов целесообразней проводить *в зависимости от характера непосредственного объекта, на который направлен тактический прием*.

В структуре этой классификации наиболее обоснованно выделение двух элементов. Первый из них составляют тактические приемы, имеющие своим объектом воздействия поведенческие и интеллекту-

¹ См.: Белкин Р. С. Указ. соч. - С. Ш.

² См.: Образцов В. А. Указ. соч. - С. 222.

³ См.: Цветков С. И. Тактический прием // Криминалистика (актуальные проблемы) / Под ред. Е. И. Зуева. - М., 1988. - С. 107.

⁴ См.: Комиссаров В. И. Указ. соч. - С. 83.

альные свойства человека. В свою очередь, они подразделяются на приемы воздействия на потерпевшего, свидетеля, обвиняемого (подозреваемого), эксперта. Тактические приемы этой группы также можно классифицировать на применяемые для получения доказательственной информации в виде показаний и используемые для определения характера действий лиц и контроля за ними, а также воздействия на отдельного человека и группу лиц.

Второй элемент рассматриваемой классификации составляют тактические приемы, с помощью которых исследуются материальные объекты. К числу таких объектов можно отнести как материальную обстановку в целом (при осмотре места происшествия, при обыске), так и отдельные элементы: различные предметы, животные, трупы; тело живого человека, его внешность (при освидетельствовании, предъявлении для опознания).

Характер информации используется как основание классификации и другими авторами. Так, В. И. Комиссаров отметил, что одну из задач криминалистической тактики составляет создание группы приемов по производству процессуальных действий при наличии определенной исходной информации, по превращению простой информации в доказательственную. Однако автор по сути дела провел классификацию не тактических приемов, а информации, которая может встретиться в ходе расследования преступления¹.

По тому же основанию В. Ю. Шепитько выделил тактические приемы, основанные на: словесной информации; материализованной информации; логико-мыслительной информации и т. п.² Как нам представляется, использование в качестве классификационного признака характера информации не совсем удачно, поскольку информация, которой располагает следователь, не определяет сущность тактического приема, а является одним из условий его выбора в сложившейся следственной ситуации.

В криминалистической литературе встречаются предложения классифицировать тактические приемы по их уровню. Попытку создания универсальной классификации по этому основанию сделал В. Г. Лукашевич, предложив деление тактических приемов на трех уровнях: 1) методическом; 2) тактическом - применительно к отдельным следственным действиям; 3) ситуационном - по отношению к определенной процессуально-тактической ситуации. Каждый из элементов, в

¹ См.: Комиссаров В. И. Указ. соч. - С. 82-83.

² См.: Шепитько В. Ю. Указ. соч. - С. 43.

свою очередь, подвергается ряду классификационных делений¹. Не приводя всех классификационных построений этого автора, отметим, что такая система вызвала обоснованные возражения в криминалистической литературе. Наиболее существенными аргументами критики при этом выступали: неудачный терминологический аппарат классификации; отсутствие ясности в критериях группировки всех составляющих эту классификацию построений; сложность построений и затрудненность их практического использования². Соглашаясь с приведенной точкой зрения, хотелось бы добавить, что при построении классификации не надо ставить целью создание такой системы, которая включала бы в себя все многообразие тактических приемов во всех возможных проявлениях, поскольку, учитывая сущность классификации, такая система неизбежно будет содержать неточности и противоречия.

В литературе выделяется деление тактических приемов *по сфере реализации* (видам следственных действий, диапазону применения) на приемы допроса, осмотра, обыска и т. д.³. Такая классификация верна, однако ее место в общей системе тактических приемов требует уточнения.

В криминалистической тактике разрабатываются приемы проведения не только следственных, но и некоторых иных процессуальных действий, а также других мероприятий следователя, направленных на достижение задач расследования (например, приемы использования средств массовой информации в расследовании преступлений⁴). Кроме того, в системе тактических приемов проведения следственных действий возможна их следующая группировка:

- приемы, проведение которых возможно лишь в ходе отдельных следственных действий (приемы допроса, осмотра, обыска и т.д.);
- приемы, используемые при проведении различных следственных действий (например, демонстрация вещественных доказательств может использоваться и в ходе допроса, и в ходе очной ставки).

Тактические приемы проведения отдельных следственных действий, в свою очередь, могут исследоваться с системных позиций. На-

¹ См.: Лукашевич В. И. Указ. соч. — С. 31—33.

² См.: Шепитько В. Ю. Указ. соч. — С. 42.

³ См.: Белкин Р. С. Указ. соч. — С. 111; Цветков С. И. Тактический прием. — С. 107; Шепитько В. Ю. Указ. соч. — С. 43.

⁴ Подробнее о системе тактических приемов использования средств массовой информации см.: Головин А. Ю., Дубонос Е. С. Использование средств массовой информации в раскрытии и расследовании преступлений. — Тула, 2001.

пример, А. Н. Васильев предложил классифицировать тактические приемы допроса следующим образом: 1) приемы формирования психологического контакта следователя с участниками следственных действий; 2) тактические приемы криминалистического анализа показаний участников следственных действий; 3) приемы оказания помощи лицам, дающим показания, с целью восстановления в памяти забытого и правильного воспроизведения воспринятого; 4) тактические приемы преодоления позиции, направленной на дачу ложных показаний, и принятие мер к получению правдивых показаний¹. При этом, как представляется, каждая из названных групп тактических приемов допроса может быть рассмотрена как подсистема.

В литературе предложен и ряд других классификаций, которые играют существенную роль в формировании классификационного аппарата тактических приемов. Так, простую и в то же время практически значимую классификацию предложил Р. С. Белкин, разделив тактические приемы *по их содержанию* на операционные (способы действий следователя) и поведенческие (рекомендуемая следователю линия поведения)².

Представляется обоснованным включение в классификационный аппарат рассматриваемого понятия системы, построенной *по направленности тактических приемов*. Как правило, выделяются приемы, направленные на собирание, исследование, оценку и использование доказательственной информации³.

Обоснованно и другое деление тактических приемов, проведенное по этапам следственных действий, на приемы подготовки, проведения и фиксации результатов⁴. Однако следует отметить, что не следует сужать классификационный признак указанием только на следственные действия. Ранее уже отмечалось, что существуют тактические приемы проведения иных процессуальных действий и других важных с тактико-криминалистической точки зрения мероприятий следователя. В этой связи, наиболее верной представляется следующая формулировка классификационного основания: *по этапам действий, проводимых в ходе расследования по делу*.

В литературе применительно к классификациям тактических приемов писалось о возможности использования в качестве класси-

¹ См.: Васильев А. Н. Следственная тактика. - М., 1976. - С. 33.

² См.: Белкин Р. С. Очерки криминалистической тактики. - С. 111.

³ См.: Комиссаров В. И. Указ. соч. - С. 81; Якушин С. Ю. Указ. соч. - С. 14.

⁴ См.: Комарков В. С. Указ. соч. - С. 73; Цветков С. И. Тактический прием. С. -107.

фикационного основания *вида следственной ситуации*¹. Использование видов следственной ситуации как одного из критериев системного рассмотрения тактических приемов возможно, но требует некоторого уточнения. На наш взгляд, такая классификация допустима и практически значима, но только применительно к отдельным следственным и иным действиям следователя. Так, например, разработка и систематизация тактических приемов допроса могут исходить из возможной конфликтности ситуации проведения этого следственного действия, а тактика осмотра места происшествия зависит от информационно определенной сложившейся ситуации расследования.

Систематизация тактических приемов в зависимости от типовой следственной ситуации, которая сможет сложиться в процессе проведения следственного действия, закладывает основы его алгоритмизации и программирования. Наиболее значимыми для следственной практики будут алгоритмы программы проведения следственных действий, разработанные с учетом специфики отдельных видов преступлений.

В криминалистической литературе встречается классификация тактических приемов на допустимые и недопустимые². Такое деление представляется невозможным, поскольку допустимость - одно из основных требований, предъявляемых к тактическим приемам, их существенный признак. Другими словами, недопустимым тактический прием быть не может.

Ряд ученых-криминалистов предлагают деление тактических приемов *по степени их сложности*. Так, Н. А. Селиванов делит их на простые (элементарные) и сложные. При этом под сложным приемом понимается комплекс, сочетание нескольких простых приемов, обеспечивающих достижение определенной цели, имеющей тактический характер (тактической задачи)³. В. С. Комарков включает в данную классификацию простые тактические приемы и тактические операции⁴. И. Ф. Герасимов пишет о трех элементах такой классификации (простые, сложные, тактические комбинации)⁵.

Рассмотренные классификации тактических приемов вызывают у нас определенные возражения. Во-первых, любой комплекс тактических приемов, направленный на решение той или иной тактической

¹ См.: Васильев А. Н. Тактика отдельных следственных действий. - С. 24; Комиссаров В. И. Указ. соч. - С. 83.

² См.: Зуйков Г. Г. Указ. соч. - С. 16.

³ См.: Селиванов Н. А. Советская криминалистика: система понятий. - С. 85.

⁴ См.: Комарков В. С. Указ. соч. - С. 73.

⁵ См.: Герасимов И. Ф. Указ. соч. - С. 225.

задачи, представляет собой не их разновидность, а систему более высокого уровня - тактическую комбинацию. Во-вторых, и тактическая комбинация, и тактическая операция являются самостоятельными понятиями криминалистической тактики, а не подвидом тактических приемов. Однако неоднозначное понимание этих понятий обуславливает необходимость более подробного их рассмотрения.

Различные системы действий и приемов, используемые для решения тактических задач, изучаются в криминалистической науке уже несколько десятилетий. Ученые-криминалисты называют их по-разному. Так, в литературе можно встретить следующие термины: «тактическая комбинация», «тактическая операция», «криминалистическая операция», «тактический комплекс». При этом, к сожалению, единообразного понимания сущности рассматриваемых действий нет до сих пор, так же как нет и единого направления их систематизации.

Единственным признаком, которым характеризуется рассматриваемое понятие, приводимым практически всеми авторами, является системный, комплексный характер действий (мероприятий). Это совершенно справедливо. Однако круг иных существенных признаков рассматриваемой системы действий определяется в юридической литературе неоднозначно.

В «Юридической энциклопедии» так определяется тактическая комбинация (операция): «...относительно самостоятельная специфическая система действий, реализуемая следователем для решения конкретной задачи расследования в условиях сложившейся ситуации»¹. Отметим, что в данном случае речь идет о наиболее общем собирательном понятии всей совокупности комбинационных тактических действий в криминалистике. Активным сторонником этой позиции выступал Р. С. Белкин, предлагая в качестве такого общего собирательного понятия концепцию тактической комбинации, представляющей собой «определенное сочетание тактических приемов или следственных действий, преследующее цель решения конкретной задачи расследования и обусловленное этой целью и следственной ситуацией»². Все тактические комбинации, по мнению Р. С. Белкина, делятся на простые (состоящие из системы тактических приемов, применяемых в рамках одного следственного действия) и сложные (система следственных действий и иных мероприятий)³.

¹ Юридическая энциклопедия. / Под ред. М. Ю. Тихомирова. - М, 1998. - С. 437.

² Белкин Р. С. Курс криминалистики. В 3 т. Т. 3. - М., 1997. - С. 211.

³ См.: Белкин Р. С. Указ. соч. - С. 213.

По мнению других авторов (И. И. Артамонов, И. Ф. Герасимов, В. С. Комарков, А. П. Онучин), тактическую комбинацию (операцию) следует рассматривать как сложный тактический прием. На спорность этой позиции мы уже указывали ранее. Добавим также, что понятие тактического приема никак не может охватить комплекс различных по своей сути действий (например, нескольких следственных действий).

Большинство ученых-криминалистов (В. П. Гмырко, А. В. Дулов, В. Н. Исаенко, Р. А. Каледин, А. Е. Михальчук, Н. А. Селиванов, С. И. Цветков, В. И. Шиканов, Н. П. Яблоков и др.) различают два вида систем действий в ходе расследования преступлений, называемых соответственно «тактическая комбинация» и «тактическая операция».

В криминалистической литературе высказываются и иные мнения по определению рассматриваемого комплекса действий. Так, казахский ученый Е. Г. Джакишев объединил различающиеся понятия «тактическая комбинация» и «тактическая операция» в одно, назвав полученное определение «тактическая комбинационная операция», и отметил, что именно в такой форме эти понятия «...не противоречат друг другу, а наоборот, взаимно друг друга дополняют и могут быть использованы одновременно для характеристики всей системы из сочетания следственных мероприятий»¹. Однако, как представляется, путь к решению стоящей проблемы несколько иной.

На наш взгляд, задача построения стройной и логичной системы понятий современной криминалистики обуславливает необходимость введения в науку специального термина, обозначающего различные объединенные необходимостью достижения определенной задачи расследования комплексы действий следователя. В качестве такого термина можно использовать словосочетание «тактический комплекс». Тактические комплексы могут быть определены как разноуровневые системы следственных, оперативно-розыскных и организационных действий, приемов, направленных на решение стоящих задач при расследовании уголовного дела. Представляется, что используемые в криминалистической литературе термины «тактическая комбинация» и «тактическая операция» отражают отдельные разновидности тактических комплексов. Такой подход к пониманию этих понятий позволит проводить их дальнейшие исследования, в том числе и с по-

¹ Джакишев Е. Г. Проблемы совершенствования криминалистических приемов и средств борьбы с хищениями и иными корыстными преступлениями в сфере экономики. Автореферат ДИСС ... докт. юрид. наук - Алматы, 1994. - С. 25.

зиций системного подхода в терминологически едином пространстве. Общия понятийно-терминологическая основа позволит четко определить признаки этих двух понятий.

Одним из основных признаков, которые могут быть положены в основу различения тактических комбинаций и операций, выступает характер задач расследования, на решение которых могут быть направлены рассматриваемые тактические комплексы.

Так, по мнению Л. Я. Драпкина и В. А. Князева, задача, решаемая путем проведения тактической комбинации, должна носить промежуточный характер¹. С. И. Цветков пишет о конкретности цели, на достижение которой направлена тактическая операция². Еще более предельно о задачах пишут В. П. Гмырко (формирование у противодействующей стороны состояния неопределенности либо побуждение ее к совершению определенных действий)³, А. В. Дулов (невозможность решить задачу производством отдельного следственного действия)⁴, А. В. Маркс (передача информации подозреваемому или ограничение доступа подозреваемого к информации)⁵, В. И. Шиканов (решение вопросов, входящих в предмет доказывания)⁶, Н. И. Порубов (обнаружение объектов, подлежащих розыску)⁷. Как видим, подходы различных ученых к определению характера задач, которые могут быть решены путем проведения тактической комбинации или тактической операции, существенно отличаются и, на наш взгляд, требуют уточнения.

Представляется, что тактическую комбинацию и тактическую операцию различает уровень задач расследования, на решение которых могут быть направлены эти комплексы действий следователя. Чем выше уровень задачи расследования, тем более сложный комплекс действий требуется провести для ее решения. Отличаются и сами действия.

¹ См.: Драпкин Л. Я. Основы теории следственных ситуаций. - С. 138; Князев В. А. О понятии тактической операции // Криминалистика и судебная экспертиза. Вып. 25. - Киев, 1982. - С. 67.

² См.: Цветков С. И. Тактическая операция // Криминалистика (актуальные проблемы). / Под ред. Е. И. Зуева. - М., 1988. - С. 110.

³ См.: Гмырко В. П. Деятельность следователя в условиях информационной неопределенности. Автореферат ДИСС. ... канд. юрид. наук - М., 1984. - С. 17.

⁴ См.: Дулов А. В. Тактические операции // Криминалистика. / Под ред. А. В. Дулова. - Минск, 1996. - С. 394.

⁵ См.: Маркс А. В. Типовые системы действий следователя, связанных с задержанием. Автореферат дисс. .... канд. юрид. наук - М., 1992. - С. 11.

⁶ См.: Шиканов В. И. Указ. соч. - С. 118.

⁷ См.: Андреев И. С., Грамович Г. И., Порубов Н. И. Криминалистика. / Под ред. Н. И. Порубова. - Минск, 1997. - С. 103.

Применительно к тактической комбинации речь идет о комплексе тактических приемов, проводимых в рамках одного или нескольких следственных или ряда иных процессуальных действий. Применительно к тактической операции - о комплексе следственных и иных процессуальных действий, а также оперативно-розыскных мероприятий.

Отдельными авторами высказываются и иные точки зрения на характер действий, составляющих тактические комбинации и операции. Так, по мнению С. Б. Россинского, основным отличием рассматриваемых тактических комплексов выступает присутствие в структуре тактической операции оперативно-розыскных мероприятий, в то время как тактическая операция представляет собой совокупность тактических приемов или следственных действий¹. Однако, на наш взгляд, при таком подходе к определению структуры рассматриваемых тактических комплексов стирается различие в уровне решаемых в ходе их проведения задач расследования. Между тем на отличие уровня решаемых в процессе тактической комбинации и тактической операции задач прямо или косвенно указывает и ряд других признаков, различающих эти тактические комплексы.

Так, А. Е. Михальчук и Р. А. Каледин обоснованно отмечают, что тактическая операция и тактическая комбинация могут различаться по месту, длительности проведения действий и их масштабу². А. С. Подшибякин справедливо указывает, что круг участников тактической операции всегда шире, чем при проведении отдельного следственного действия³ и, следовательно, тактической комбинации. Н. П. Яблоков пишет о конкретности тактической задачи, решаемой в ходе комбинации, и о направленности тактической операции на решение таких следственных задач, которые не могут быть решены отдельными или даже несколькими, но не согласованными следственными действиями или тактическими и оперативно-розыскными приемами⁴.

¹ См.: Россинский С. Б. К вопросу о соотношении понятий «тактическая комбинация» и «тактическая операция» // Известия ТулГУ. Серия «Современные проблемы законодательства России, юридических наук и правоохранительной деятельности». Вып. 5. - Тула, 2001. - С. 102-103.

² См.: Михальчук А. Е. Теоретические и практические вопросы тактических комбинаций при производстве следственных действий. Автореферат ДИСС. ... канд. юрид. наук - Саратов, 1988. - С. 16; Каледин Р. А. О содержании понятия «тактическая операция» // Тактические операции и эффективность расследования. - Свердловск, 1986. - С. 36.

³ См.: Подшибякин А. С. Тактические операции и охрана законных прав и интересов граждан при расследовании преступлений // Проблемы правового статуса личности в уголовном процессе. - Саратов., 1981. - С. 142.

⁴ См.: Яблоков Н. П. Криминалистика. - М., 2000. - С. 191.

Выделение и исследование тактических комбинаций и операций по уровню решаемых задач расследования выступают ключевым направлением системных исследований тактических комплексов. В то же время можно и необходимо проводить иные системные исследования рассматриваемого понятия.

Так, в криминалистической литературе предлагаются следующие имеющие научное и практическое значение классификации тактических операций:

- одномоментные и длительные;
- прерывные и непрерывные;
- проводимые на первоначальном, промежуточном и заключительном этапе расследования;
- с последовательной реализацией составляющих тактическую комбинацию действий, с параллельной реализацией, со смешанной реализацией (одна группа действий реализуется параллельно, другая - последовательно)¹.

Особое внимание хотелось бы уделить вопросам систематизации тактических комплексов, исходя из типичности, функциональной составляющей и приоритета решения поставленных тактических задач. На возможность и важность таких исследований неоднократно обращалось внимание в криминалистической литературе². Это не удивительно, поскольку, являясь целью тактического воздействия, тактическая задача определяет специфику выбираемых приемов и средств. Однако необходимо заметить, что данное направление представлено в литературе лишь отдельными классификационными системами, не всегда просматривается комплексный подход к их построению.

В зависимости от *типичности поставленной задачи* тактические комплексы можно разделить на типовые и специфические. Типовые комплексы активно разрабатываются в криминалистической науке³, как правило, применительно к специфике расследования отдельных видов преступлений («Поиск трупа, сокрытого преступником», «Установление лица, совершившего посягательство на имущество

¹ См.: Драпкин Л. Я. Указ. соч. - С. 140-141; Лагутин А. В. Тактические операции при расследовании преступлений // Криминалистика и судебная экспертиза. Вып. 20. - Киев, 1980. - С. 17; Образцов В. А. Указ. соч. - С. 81; Цветков С. И. Указ. соч. - С. 115.

² См.: Лагутин А. В. Указ. соч. - С. 17; Логинов Е. А. Указ. соч. - С. 11; Цветков С. И. Указ. соч. - С. 116.

³ См.: Драпкин Л. Я. Тактические операции - эффективные подсистемы процесса расследования // Следователь. Екатеринбург, 1995. № 1. - С. 7; Дулов А. В. Тактические операции. - С. 404-408; Маркс А. В. Указ. соч. - С. 11; Шиканов В. И. Указ. соч. - С. 147-149 и др.

граждан», «Розыск похищенного имущества», «Сбор первичной информации по делам о вымогательстве»¹).

Чаще всего применительно к типичным задачам расследования отдельных видов преступлений учеными-криминалистами разрабатываются различные тактические операции. Однако существует необходимость разработки и типовых тактических комбинаций, направленных на решение конкретных тактических задач в ходе одного или нескольких следственных или иных процессуальных действий с учетом специфики отдельного вида преступления (см. таблицу 6 в приложении 2).

Тактические комбинации могут быть разработаны применительно и к иным действиям следователя, направленным на достижение задач расследования (см. таблицу 7 в приложении 2).

Функциональная составляющая задачи, как основание деления, характеризует классификации тактических комбинаций и операций, встречающиеся в работах А. В. Дулова, А. В. Лагутина, В. А. Образцова, С. И. Цветкова, В. И. Шиканова². Из них наиболее полной представляется классификационная система, предложенная А. В. Дуловым. В качестве элементов такой системы им выделяются следующие классификационные группы:

- операции группы «сбор информации» (обеспечение системного сбора информации, относящейся к одному явлению, объекту; построение общей системы знаний об этом объекте, явлении);
- операции группы «фиксация» (установление факта непосредственного контакта лица с объектами, являющимися элементами структуры преступления);
- операции группы «поиск» (поиск отсутствующих источников криминалистической информации);
- комплексные операции (одновременное изъятие необходимых для расследования объектов, фиксация связи субъектов с совершением противоправных действий, поиск доказательств преступных действий).

¹ См.: Клименко Н. И. Структура тактических операций в типичных ситуациях расследования грабежей и разбойных нападений // Криминалистика и судебная экспертиза. - Киев, 1986. - С. 52; Логинов Е. А. Указ. соч. - С. 14-15; Решетников В. Я. Следственные ситуации и тактические операции по делам о завладении из жилища имуществом граждан. Автореферат дисс. ... канд. юрид. наук - Саратов, 1995. - С. 18; Шиканов В. И. Указ. соч. - С. 148, 151.

² См.: Дулов А. В. Тактические операции. - С. 401-410; Лагутин А. В. Указ. соч. - С. 17; Образцов В. А. Указ. соч. - С. 81; Цветков С. И. Указ. соч. - С. 116; Шиканов В. И. Указ. соч. - С. 148.

Классификация тактических комплексов *по приоритету решения стоящих задач расследования* в криминалистической литературе должным образом не представлена. На наш взгляд, по этому основанию можно выделять первоочередные и последующие тактические комплексы. Первоочередной комплекс представляет собой систему действий, направленную на быстрое обнаружение, изъятие, фиксацию и исследование информации, получаемой следователем в процессе расследования преступлений. В данном случае речь идет преимущественно о тактических операциях, в числе которых следует особо выделить неотложные операции как средства решения задачи по оперативному изменению сложившейся следственной ситуации в благоприятную сторону. Таковой является, например, комбинация «Атрибуция трупа», направленная на получение данных о личности погибшего, а также сведений о времени, месте и иных обстоятельствах смерти¹.

Тактические комплексы могут исследоваться в зависимости от субъектного состава их разработки и проведения. Так, если тактические комбинации чаще всего производятся единолично следователем, то субъектный состав тактических операций может быть иным. В частности, *по субъекту проведения* можно выделять операции, проводимые:

- следователем единолично;
- группой следователей (при их совместной работе по уголовному делу);
- следователем совместно с органом дознания;
- органом дознания без непосредственного участия следователя, но под его общим руководством.

Руководство тактической операцией со стороны следователя может выражаться:

- в определении круга следственных и оперативно-розыскных действий, составляющих тактическую операцию;
- в установлении исполнителей намеченных действий, сроков исполнения;
- в определении круга лиц, участвующих в операции;
- в возможности прекратить либо приостановить проведение тактической операции, вносить в нее изменения по ходу проведения;
- в обязательности своих решений для других участников.

Тактические комбинации и операции могут быть подготовлены следователем самостоятельно, а также с участием других следователей, представителей органа дознания, специалистов или со смешанным участием.

¹ Подробнее см.: Шиканов В. И. Указ. соч. - С. 151-153.

Проводимая в криминалистике классификация понятий применительно к различным действиям следователя направлена, прежде всего, на упорядочение и четкое распределение полученных знаний об основных элементах системы деятельности по раскрытию и расследованию преступлений, разработанных на их основе рекомендаций по разделам и подразделам науки, унификацию языка криминалистики и обеспечение единообразного применения научных терминов. Однако рассмотренные выше классификационные системы имеют и определенное практическое значение, которое проявляется в:

- создании научной информационной основы деятельности по раскрытию и расследованию преступлений;
- раскрытию сущности и видах действий, проводимых в процессе расследования преступлений;
- обеспечении единообразного понимания и применения научных терминов в практике раскрытия и расследования преступлений;
- раскрытию зависимостей проведения тех или иных действий в процессе расследования от сложившейся следственной ситуации и поставленных тактических задач;
- раскрытию роли следователя (с криминалистической точки зрения) в проведении следственных и иных действий в процессе расследования.

Представляется, что знание сущности и видов различного рода действий, проводимых в ходе расследования преступлений, составляет необходимый элемент профессиональных познаний следователя. Системное представление процесса расследования в целом, средств его осуществления позволит практику лучше сориентироваться во множестве разработанных криминалистической наукой рекомендаций, выбрать наиболее оптимальную рекомендацию применительно к обстановке расследования преступления, упростить процесс принятия тактических решений и планирования расследования. В этой связи, систематизация тактических средств расследования выступает важным компонентом тактико-криминалистического обеспечения раскрытия и расследования преступлений, представляющего собой сложную организационно-функциональную систему, направленную на формирование и поддержание на уровне, отвечающем потребностям практики, постоянной готовности работников правоохранительных органов к систематическому использованию в практической деятельности тактического арсенала средств борьбы с преступностью¹.

¹ См.: Сокол В. Ю. Тактико-криминалистическое обеспечение раскрытия и расследования преступлений. Автореферат дисс. ... канд. юрид. наук. - Краснодар, 1998. - С. 11.

Важное практическое значение систематизации следственных действий, тактических приемов, комбинаций и операций проявляется также в возможности их алгоритмизации и программирования.

Алгоритмизация и программирование проведения следственных и иных процессуальных действий представляет собой разработку систем тактических приемов и их комбинаций применительно к типичным ситуациям проведения следственных и иных процессуальных действий. Вопросы разработки таких систем неоднократно затрагивались в криминалистической литературе, посвященной проблемам криминалистической тактики, хотя их научного определения в течение длительного времени предложено не было. В этой связи особо следует отметить точку зрения В. Ю. Шепитько, предложившего наиболее удачное, на наш взгляд, определение такой системы как упорядоченной совокупности (комплекса) взаимосвязанных и взаимообусловленных приемов, обладающих целевой направленностью и избирательностью в процессе ее реализации¹.

Доводы, которые высказываются в криминалистической литературе в обоснование подобной систематизации, различны. Назовем основные из них:

1. Создание подобных систем направлено на повышение эффективности деятельности по достижению процессуальных целей проводимого действия.
2. Способность одного и того же тактического приема выполнять различные функции.
3. Возможность использовать те системы тактических приемов и комбинаций, которые разработаны применительно к сложившейся ситуации.
4. Возможность изменения разработанной системы с учетом конкретных задач расследования.

В криминалистической литературе отражена и критика излишней алгоритмизации процесса расследования. В частности, было высказано мнение, согласно которому такой алгоритм содержит следующие недостатки:

- 1) сложности практического использования (алгоритм содержит значительный объем информации, требует соблюдения определенной последовательности действий);
- 2) самый общий характер предлагаемых действий, рассчитанных «на все случаи жизни»;
- 3) неконкретность отдельных тактических предписаний².

¹ См.: Шепитько В. Ю. Указ. соч. - С. 67-68.

² См., например, Самыгин Л. Д., Форкер А. Опыт создания алгоритмов расследования преступлений // Криминалистика социалистических стран. / Под ред. В. Я. Колдина. - М., 1986. - С. 219-223.

И все же разработка систем тактических действий применительно к типичной следственной ситуации представляется нам оправданной и полезной как с научной, так и практической точки зрения. Отметим, что проведенный нами опрос следователей и дознавателей показал, что большинство из них (67%) считают полезным и эффективным использование разработанных в криминалистике систем действий следователя применительно к типовым следственным ситуациям. Действительно, применение таких систем в процессе расследования выступает одним из средств повышения эффективности различных направлений деятельности следователя. Например, типовые криминалистические алгоритмы представляют собой формализованное выражение обобщенного опыта решения типовых задач расследования и во многих случаях могут применяться без каких-либо изменений¹.

Хотелось бы также отметить и определенную потребность практики в разработке систем действий следователя применительно к существенно изменившимся в современных условиях направлениям деятельности по раскрытию и расследованию преступлений. Например, проведенное исследование показало, что сотрудники следствия и дознания обладают недостаточными профессиональными знаниями в области использования средств массовой информации для решения задач расследования. Во многом это объясняется именно недостаточной разработкой в криминалистике системы тактических приемов осуществления этой деятельности в современных условиях².

Не следует забывать и об эвристической роли разрабатываемых в криминалистической науке типовых систем действий следователя. В частности, как справедливо отметил А. С. Шаталов³, эвристические методы позволяют следователю адаптировать имеющиеся типовые программы и криминалистические алгоритмы к индивидуальным условиям расследования, комбинировать их в различных сочетаниях и получать от применения положительный эффект, преобразовывать существующие и создавать новые системы действий применительно к конкретно существующей обстановке расследования.

Подводя итог сказанному, отметим, что знание сущности, структуры и видов следственных действий, тактических приемов, комбинаций и операций, типовых алгоритмов и программ деятельности по раскрытию и расследованию преступления выступает необходимым и важным элементом профессиональной подготовки современного следователя.

¹ См.: Шаталов А. С. Криминалистические алгоритмы и программы. - М., 2000. - С. 149.

² См.: Головин А. Ю., Дубоносов Е. С. Использование средств массовой информации в раскрытии и расследовании преступлений. - Тула, 2001.

³ См.: Шаталов А. С. Указ. соч. - С. 151.

§ 3. Систематика следственных ситуаций

Проблемы следственной ситуации разрабатываются в криминалистической науке достаточно длительное время. Период с конца 50-х годов до второй половины 70-х годов XX столетия можно охарактеризовать как ранний (исходный) период формирования теории следственной ситуации. В криминалистической литературе этого периода (А. Н. Васильев, В. К. Гавло, А. Н. Колесниченко, В. Е. Корноухов, А. Р. Ратинов, ранние работы по данной проблематике Р. С. Белкина, И. Ф. Герасимова, Л. Я. Драпкина, И. М. Лузгина и некоторых других ученых) закладываются основы ситуационного подхода к расследованию, формируется терминология, даются первые определения следственных ситуаций, раскрывается их структура и предлагаются первые классификации. В первых работах, посвященных следственной ситуации, это явление определяется либо как совокупность фактических данных по делу, либо как некая обстановка, в которой осуществляется расследование¹.

На сегодняшний день можно говорить о сформированности учения о следственной ситуации как частной криминалистической теории. В то же время, анализ современной научной литературы позволяет отметить несколько проблемных моментов, сопутствующих развитию этого учения.

Прежде всего, хотелось бы отметить неоднозначную позицию ученых-криминалистов о структурной принадлежности понятия «следственная ситуация». Так, по мнению ряда авторов следственная ситуация должна изучаться в рамках методики расследования отдельных видов преступлений². Иную точку зрения высказал Р. С. Белкин, отметив, что «... представления о компонентах следственной ситуации, о факторах, влияющих на ее формирование, в общем виде не связаны с видами или родами преступлений, имеют общее значение для них, что характерно именно для тактических категорий»³.

В криминалистической литературе последних лет также получил отражение взгляд на учение о следственной ситуации как об элементе

¹ Подробнее о развитии научных представлений о следственной ситуации см.: Белкин Р. С. Курс советской криминалистики. В 3 т. Т. 3. - М., 1979. - С. 66-73.

² См.: Селиванов Н. А. Советская криминалистика. Система понятий. - М., 1982. - С. 132; Гавло В. К. Проблемы теории и практики криминалистической методики расследования преступлений. Дисс. ... докт. юрид. наук. - М., 1983. - С. 30; Хлюпин Н. И. Следственные ситуации и методика расследования преступлений// Актуальные проблемы раскрытия преступлений. - М., 1985. - С. 88.

³ Белкин Р. С. Перспективы исследования проблемы следственной ситуации. - С. 4.

более крупной научной теории-учении о криминалистических ситуациях, или криминалистической ситуалогии¹. Действительно, теоретические знания о следственной ситуации долгое время развивались лишь в двух разделах криминалистики (криминалистической тактике и методике расследования отдельных видов преступлений). Однако разработанный на сегодняшний день комплекс научных положений о ситуационном подходе к расследованию приобрел общенаучное криминалистическое значение и вряд ли может быть структурно отнесен в один из этих двух разделов. Как справедливо отметил Н. П. Яблоков, уже сложилась тенденция использования ситуационного подхода для решения самых разнообразных задач криминалистической техники (особенно работы со следами), тактики (в процессе принятия тактического решения, выбора комплекса тактических приемов проведения следственного действия) и методики расследования (для выбора наиболее эффективных методов)². В этой связи представляется более правильным рассмотрение учения о следственной ситуации как элемента общей теории криминалистики.

Отметим также, что в криминалистической литературе встречаются мнения о неудачности термина «следственная ситуация». Так, И. А. Копылов отмечает, что такой термин «... допускает возможность двойственного толкования: ситуация, складывающаяся в процессе следствия, и ситуация, в которой оказывается следователь. Правильнее было бы именовать ситуацию криминалистической»³. Однако из объяснений автора не совсем понятно, чем отличаются «ситуация, складывающаяся в процессе следствия», и «ситуация, в которой оказывается следователь». На наш взгляд, и в том, и в другом случае речь идет о ситуациях расследования.

Термин «криминалистическая ситуация» используется и некоторыми другими учеными-криминалистами (В. А. Образцов, А. Ф. Облаков). В частности, В. А. Образцов отмечает, что «под криминалистической ситуацией понимается совокупность сложившихся на определенный момент практического следоведения обстоятельств, которые должны учитываться при разработке и реализации программы дальнейшего поиска и познания»⁴. Термин «следственная ситуация» В. А. Образцов не использует.

¹ См.: Волчецкая Т. С. Криминалистическая ситуалогия. Дисс. ... докт. юрид. наук. - М., 1997; Яблоков Н. П. Криминалистика. - М., 2000. - С. 22.

² См.: Яблоков Н. П. Указ. соч. - С. 22.

³ См.: Копылов И. А. Следственная ситуация и тактическое решение. - Волгоград, 1988. - С. 3.

⁴ Образцов В. А. Криминалистика. Курс лекций. - М., 1996. - С. 114.

На наш взгляд, введение термина «криминалистическая ситуация» в язык современной криминалистики возможно, однако требуется четкое разграничение этого понятия с понятием следственной ситуации. Отметим, что терминологическое изменение либо отказ от использования термина «следственная ситуация» нецелесообразны, поскольку понятие криминалистической ситуации носит по отношению к понятию следственной ситуации более широкий характер и охватывает также экспертно-криминалистические, а иногда и оперативно-розыскные ситуации, которые могут складываться в ходе раскрытия и расследования преступления. Кроме того, в научной литературе последних лет достаточно обоснована необходимость изучения в рамках криминалистической науки криминальных ситуаций, определяемых как фактические положения, возникающие в процессе совершения преступлений и их отражения вовне в виде следов последствий¹.

Еще одним проблемным моментом учения о следственной ситуации выступает неоднозначная трактовка рассматриваемого понятия. В криминалистической литературе предпринята попытка в целом свести суть имеющихся по этому вопросу современных разногласий к тому, как соотносится следственная ситуация с процессом расследования: находится как бы «внутри» его либо носит по отношению к нему преимущественно внешний характер². Однако для производства системных исследований важно точное установление существенных признаков, которыми характеризуется понятие. Поэтому представляется необходимым более широкое рассмотрение определений следственной ситуации, предлагаемых учеными-криминалистами.

Так, по мнению одних авторов, следственная ситуация представляет собой объективно повторяемое положение в процессе расследования, обусловленное фактическими данными³. Другие авторы придерживаются взгляда, согласно которому данное понятие определяется как совокупность фактических данных, система значимой информации, отражающая существенные черты события на том или

¹ См.: Волчецкая Т. С. Указ. соч. - С. 107; Яблоков Н. П. Указ. соч. - С. 21.

² См.: Волчецкая Т. С. Указ. соч. - С. 134.

³ См.: Корноухов В. Е. Расследование как процесс и его закономерности // Проблемы доказательственной деятельности по уголовным делам. - Красноярск, 1985. - С. 32; Колесниченко А. Н. Следственная ситуация: спорные вопросы понятия и возможное решение проблемы // Криминалистические проблемы пространственно-временных факторов в методике расследования преступлений. - Иркутск, 1983. - С. 33.

ином этапе расследования преступления¹. Согласно третьей позиции, следственная ситуация определяется как динамическая информационная система, отражающая с различной степенью адекватности многообразные логико-познавательные связи между установленными и еще неизвестными обстоятельствами, имеющими значение для дела, тактико-психологические отношения участников (сторон) уголовного судопроизводства, а также организационно-управленческую структуру и уровень внутренней упорядоченности².

Широкое распространение в криминалистической науке получил подход к определению следственной ситуации, согласно которому данное понятие в целом определяется как состояние процесса (обстановка, положение) расследования, совокупность условий, в которых в данный момент осуществляется расследование преступления³.

В литературе можно встретить и иные точки зрения, высказываемые отдельными учеными-криминалистами. Так, согласно позиции А. П. Онучина, следственная ситуация - это обстановка при расследовании, которая характеризуется информационной неопределенностью связи фактических данных с установленным событием и наличи-

---

¹ См.: Гавлю В. К. Проблемы теории и практики криминалистической методики расследования преступлений. Дисс. ... докт. юрид. наук - М., 1983. - С. 30; Селиванов Н. А. Советская криминалистика. Система понятий. - М., 1982. - С. 132; Старостин В. Е., Яровенко В. В. О понятии следственной ситуации // 27 съезд КПСС и вопросы совершенствования правовых мер борьбы с преступностью. - Омск, 1987. - С. 120; Беджашев В. И. Следственные ситуации и типовые версии в методике расследования преступлений // Следственная ситуация: сборник научных трудов. - М., 1985. - С. 58; Филиппов А. Г., Целнщев А. Я. Узловые проблемы методики расследования преступлений // Советское государство и право. 1982. № 8. - С. 74-75.

² См.: Драпкин Л. Я. Общая характеристика следственных ситуаций // Следственная ситуация: сборник научных трудов. - М., 1985. - С. 13; Выдрина Н. В. Исходные следственные ситуации по фактам самоубийств // Криминалистические методы расследования преступлений. Вып. 2. - Тюмень, 1995. - С. 45.

³ См.: Балугина Т. С. Следственные ситуации и планирование расследования // Следственная ситуация: сборник научных трудов. - М., 1985. - С. 54; Дубровина А. Н. Криминалистическая характеристика преступлений и следственная ситуация: понятие, виды, значение для раскрытия и расследования преступлений // Лекции по криминалистике. - М., 1992. - С. 107; Копылов И. А. Следственная ситуация и тактическое решение. Автореферат дисс. ... канд. юрид. наук. - М., 1984. - С. 9; Лавров В. П. Исходные следственные ситуации как объект кафедрального научного исследования // Исходные следственные ситуации и криминалистические методы их разрешения. - М., 1991. - С. 6; Лифшиц Е. М., Белкин Р. С. Тактика следственных действий. - М., 1997. - С. 19; Образцов В. А., Танасевич В. Г. Понятие и криминалистическое значение следственной ситуации // Советское государство и право, 1979. № 8. - С. 113-114; Яблоков Н. П. Криминалистика. - М., 2000. - С. 23; и др.

ем актуальной потребности устранения такого состояния¹. По мнению О. Я. Баева, следственная ситуация представляет собой модель (т.е. наиболее значимые и типичные характеристики) обстановки расследования, определяющей характер необходимых действий следователя на том или ином этапе расследования конкретного преступления². Можно отметить и точку зрения В. К. Лисиченко и О. В. Батюка, согласно которой научным понятием следственной ситуации должно являться понятие типичной ситуации³. Выделим и еще одну, на наш взгляд несостоятельную, точку зрения Д. А. Турчина, согласно которой следственная ситуация определяется как «одномоментная криминалистическая характеристика преступления на определенном этапе ее развития»⁴.

Существует также мнение, что следственную ситуацию нужно рассматривать в широком (как совокупность условий, оказывающих влияние на процесс расследования) и в узком (как характеристику информационных данных, которыми располагает следствие) смыслах⁵.

Многообразие различных подходов к определению следственной ситуации в некоторой степени оправдывается сложным характером исследуемого явления, а также широкой лексической трактовкой значения слова «ситуация», которое понимается в Словаре русского языка как «совокупность обстоятельств, положение, обстановка»⁶.

Проведение системных изысканий в рамках учения о следственной ситуации, на наш взгляд, наиболее целесообразно проводить с позиций ее определения как обстановки (совокупности условий), в которой на определенный момент осуществляется деятельность следователя по раскрытию и расследованию преступлений. Проводимые в последние годы в криминалистической науке исследования ситуалогического характера убедительно доказывают, что криминалистичес-

¹ См.: Онучин А. П. Проблемы расследования дорожно-транспортных преступлений с учетом ситуационных факторов. - Свердловск, 1987.

² См.: Баев О. Я. Основы криминалистики. - М., 2001. - С. 232.

³ См.: Лисиченко В. К., Батюк О. В. Следственная ситуация и ее значение в криминалистике и следственной практике // Криминалистика и судебная экспертиза. Вып. 36. - Киев, 1988. - С. 5.

⁴ Турчин Д. А. О разработке теории следственной ситуации // Следственная ситуация. - М., 1985. - С. 28.

⁵ См.: Бахин В. П. Следственная ситуация и тактическое решение. В кн.: Специализированный курс криминалистики (для слушателей вузов МВД СССР, обучающихся на базе среднего специального юридического образования). / Отв. ред. М. В. Салтевский. Киев, 1987. - С. 197; Комиссаров В. И. Теоретические проблемы следственной тактики. - Саратов, 1987. - С. 97-98.

⁶ Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. - М., 1994.

кие ситуации и в семантическом, и в гносеологическом, и в прикладном аспекте представляют собой обстановку, положение, создавшееся в результате стечения каких-либо обстоятельств¹. При этом круг таких обстоятельств довольно широк и не исчерпывается лишь обстоятельствами информационного порядка. Помимо их в структуре следственной ситуации можно выделить психологические, правовые, тактические, организационно-технические и даже кадровые обстоятельства.

Вряд ли можно определять следственную ситуацию как определенного рода модель. Ситуационный подход к расследованию проявляется, прежде всего, в обусловленности действий следователя сложившейся обстановкой по делу. Это обстоятельство указывает на то, что следственная ситуация выступает объектом познания, оценки. В этой связи следует согласиться с мнением Т. С. Волчецкой, что в криминалистических исследованиях далеко не всеми авторами учитывается тот факт, что модель есть не само знание, а только средство для его получения². Такая модель призвана помочь следователю в оценке сложившейся ситуации по делу. В качестве разновидности таких моделей можно назвать определяемые в криминалистической науке типовые ситуации расследования.

Следователь и сам может разрабатывать модели ситуаций своей дальнейшей деятельности, прогнозируя, например, изменение обстановки расследования после проведения каких-либо действий. Однако такие модели носят опосредованный характер по отношению к процессу расследования и собственно следственными ситуациями не являются. В случае наступления спрогнозированной ситуации можно лишь констатировать совпадение реальной обстановки расследования с моделью, построенной следователем.

Отметим, что большинство из опрошенных нами следователей и дознавателей также понимают под следственной ситуацией сложившуюся на определенный момент времени обстановку, в которой осуществляется работа следователя по раскрытию и расследованию преступления - 71,5% от числа респондентов (как систему значимой информации о преступлении - 8,5%; оценку информационных, материальных и иных факторов расследования - 11,1%; информационную модель, отражающую различные условия расследования - 2,2%; затруднились ответить - 3%).

---

¹ См.: Волчецкая Т. С. Указ. соч. - С. 71.

² Там же. - С. 137.

Ситуационная природа криминалистической деятельности проявляется в оценке следователем сложившейся на конкретный момент времени обстановки расследования и определение на этой основе тактики расследования по делу. Недаром в криминалистической литературе отмечается, что «верная оценка следственных ситуаций и выбор на этой основе тактики расследования являются важнейшими условиями целенаправленности следствия, принятия научно обоснованных и оптимальных решений тактического, методического и технико-криминалистического характера»¹.

Правильный выбор тактики во многом зависит от грамотного определения вида сложившейся следственной ситуации. В этой связи можно говорить о важном значении практического использования разработанных наукой классификаций следственных ситуаций.

В свою очередь, правильное установление классификационной принадлежности сложившейся следственной ситуации тесно связано с анализом детерминирующих, формирующих следственную ситуацию условий (факторов, обстоятельств). Совокупность этих взаимосвязанных и взаимообуславливаемых условий можно рассматривать как систему следственной ситуации.

В качестве составляющих следственную ситуацию условий традиционно включаются факторы информационного, процессуального, тактического, психологического и организационно-технического характера.

В криминалистической литературе предлагается и иная, на наш взгляд, имеющая право на существования структура следственных ситуаций, в которой выделяются факторы объективного и субъективного характера². В частности, к субъективным факторам относятся:

- наличие и характер имеющейся в распоряжении следователя доказательственной и ориентирующей информации, что зависит от механизма расследуемого события и условий возникновения его следов в окружающей среде;

- наличие и устойчивость существования еще неиспользованных источников доказательственной информации и надежных каналов поступления ориентирующей информации;

- интенсивность процессов исчезновения доказательств и сила влияющих на эти процессы факторов;

¹ См.: Криминалистика социалистических стран./ Под ред. В. Я. Колдина. — М., 1986. — С. 165.

² См.: Шепитько В. Ю. Теоретические проблемы систематизации тактических приемов в криминалистике. — Харьков, 1995. — С. 71.

- наличие в данный момент в распоряжении следователя, органа дознания необходимых сил, средств, времени и возможность их оптимального использования.

В числе субъективных факторов выделяются:

- психологическое состояние лиц, проходящих по расследуемому делу;

- психологическое состояние следователя, уровень его знаний и умений, практический опыт;

- противодействие установлению истины со стороны преступника и его связей, иных участников расследования;

- наличие или отсутствие конфликта между участниками расследования;

- последствия ошибочных (в тактическом плане) действий следователя, оперативного работника, эксперта, прокурора;

- последствия разглашения тайны следствия.

Поддерживая предложенную В. Ю. Шепитько структуру детерминирующих следственную ситуацию факторов, мы будем опираться на нее в процессе дальнейших классификационных исследованиях следственных ситуаций.

Одну из первых научно-значимых классификаций следственных ситуаций предложил А. Р. Ратинов. Он выделил ситуации конфликтные и бесконфликтные. По мнению А. Р. Ратина, основными признаками бесконфликтной ситуации были полное или частичное совпадение интересов участников уголовного процесса, отсутствие между ними противоречий в целях, к достижению которых направлены их усилия на данном этапе расследования. Случаи, когда между участниками процесса складываются отношения соперничества и противодействия, были определены автором как конфликтные ситуации¹.

Предложенная А. Р. Ратиновым классификация не только прижилась в криминалистической науке, но доказала в последующем свою большую научную и практическую значимость.

В 1975 году свои классификации следственных ситуаций представили И. Ф. Герасимов и Л. Я. Драпкин.

Деление следственных ситуаций, предложенное И. Ф. Герасимовым, исходило из их информационной характеристики (неполноты информации об обстоятельствах преступления). По этому основанию автор выделил ситуации:

¹ См.: Ратинов А. Р. Судебная психология для следователей. - М., 1967. - С. 157.

- характеризующиеся отсутствием или существенной неполнотой сведений о лице, совершившем преступление;

- осложненные существенной неполнотой данных о способе преступления или других обстоятельствах преступного события;

- для которых характерна неполнота сведений о лице, совершившем преступление, и о самом преступном событии¹.

Эта классификация не получила широкого признания и в более современных работах практически не встречается, хотя некоторые общие черты с ней имеют деления типичных следственных ситуаций в научных разработках методик расследования отдельных видов преступлений.

Деление, предложенное Л. Я. Драпкиным, в общем виде можно охарактеризовать как первоначальную классификацию следственных ситуаций на простые и сложные, с последующим делением каждого из элементов по различным основаниям на подвиды, подподвиды и т. д.²

На тот момент классификация Л. Я. Драпкина, несомненно, была нова и интересна, прежде всего тем, что определяла, по сути дела, новые направления исследований следственных ситуаций. В то же время, сама система содержала ряд недостатков, заключающихся в нарушении логических и системных принципов классификации, за что ее автор неоднократно критиковался в криминалистической литературе. К сожалению, существенных изменений в свою классификацию Л. Я. Драпкин не внес и неоднократно повторял ее в последующих работах, на которых мы остановимся ниже.

Л. Я. Драпкин упомянул и еще одну классификацию следственных ситуаций на исходные, промежуточные и конечные³. Идея подобного деления была высказана и другими учеными-криминалистами. В частности, И. М. Лузгин писал: «для любой ситуации, в том числе и следственной, характерны временные эпизодические связи между предметами и явлениями материального мира.... Ситуации могут меняться, переплетаться, исчезать и вновь возникать под воздействием некоторой совокупности факторов, в том числе поведения людей»⁴.

К классификации следственных ситуаций на исходные, промежуточные и конечные в последующие годы обращалось немало ученых.

¹ Цит. по работе: Белкин Р. С. Курс советской криминалистики. Т. 3. - С. 74.

² См.: Драпкин Л. Я. Понятие и классификация следственных ситуаций // Научные труды Свердловского юридического института. Вып. 41. - Свердловск, 1975. - С. 43.

³ См.: Драпкин Л. Я. Указоч. - С. 43.

⁴ См.: Лузгин И. М. Развитие методики расследования отдельных видов преступлений // Правоведение, 1977. № 2. - С. 64.

Основная дискуссия развернулась по вопросам определения отдельных элементов этой системы, в особенности исходных ситуаций.

В 1970 году Р. С. Белкин отметил возможность типизации следственных ситуаций и ее значение для построения частных криминалистических методик¹. Построенная по этому признаку классификационная система (деление следственных ситуаций на типовые и специфические) и ее характеристика за прошедшие годы практически не изменились.

Пик активных классификационных исследований следственных ситуаций пришелся на середину 80-х годов прошлого столетия, когда в целом ряде научных работ было отмечено, что разработка классификаций является одним из целесообразных и приоритетных направлений изучения следственных ситуаций². За прошедшие годы в литературе было предложено много классификационных систем данного понятия. К сожалению, результаты этих классификационных исследований не всегда однозначны, поскольку объектом классификации у различных ученых являются, по сути дела, совершенно разные явления объективной действительности, в зависимости от подхода автора к определению сущности следственной ситуации.

Особого внимания заслуживает классификационная система следственных ситуаций, построенная *в зависимости от их уровня*. Так, Н. П. Яблоков высказал мнение, что следственные ситуации, «... возникающие в рамках конкретных следственных действий и тактических операций, характеризуют сложившиеся локальные обстановки главным образом с тактических позиций. Должным образом оцененное своеобразие их содержания прежде всего обуславливает выбор наилучшей тактики одного или нескольких следственных действий с целью решения стоящих перед ними задач и обеспечиваеих принятие необходимых процессуальных решений. Подобные ситуации, в основном тактической направленности, обычно не зависят от вида, рода или разновидности преступлений. Их целесообразнее всего именовать ситуациями следственных действий или тактических операций. Следственные ситуации, определяющие внешнюю и внутреннюю обстановку какого-то момента, фрагмента (этапа) расследования в це-

¹ См.: Белкин Р. С. Ленинская теория отражения и методологические проблемы советской криминалистики. - М., 1970.

² См.: Белкин Р. С. Перспективы исследования проблемы следственной ситуации // Следственная ситуация: сборник научных трудов. - М, 1985. - С. 4; Турчин Д. А. О разработке теории следственной ситуации // Тот же сборник - С. 27; Ключков В. В. Проблемы теории следственной ситуации // Тот же сборник. - С. 74.

лом значительно шире предыдущих по своей фактической базе и по роли, которую они играют в расследовании»¹. Точку зрения о возможности выделений следственных ситуаций различного уровня высказывали также Т. С. Балугина, Т. С. Волчецкая, А. Ф. Облаков².

Классификация следственных ситуаций по их уровню должна рассматриваться, на наш взгляд, как базовая для дальнейших классификационных исследований этого понятия. Ее элементами являются общие ситуации (ситуации расследования в целом) и частные ситуации, которые в свою очередь можно подразделить на ситуации, складывающиеся в ходе проведения тактических операций или конкретных следственных действий.

Отметим, что необходимость разработки такой классификации и определения ее как базовой понятийной системы подтверждают и иные классификационные построения следственных ситуаций. Так, например, общепризнанным делением следственных ситуаций выступает их классификация на благоприятные и неблагоприятные. В качестве основания такого деления чаще всего называется *отношение к возможности достижения цели расследования*. Как видим, в данном случае объектом классификации выступают, прежде всего, общие ситуации (ситуации расследования в целом).

Широко распространенной классификацией следственных ситуаций выступает их деление на конфликтные и бесконфликтные. Такая классификация характерна для следственных ситуаций, складывающихся, прежде всего, в ходе конкретных следственных действий, в зависимости от отношений между его участниками. Конфликтная ситуация, складывающаяся, например, между следователем и обвиняемым в ходе допроса, еще не означает, что и все расследование в целом будет носить конфликтный характер.

Классификация следственных ситуаций в зависимости от их уровня имеет и практическое значение, ориентируя следователя на необходимость периодической оценки обстановки расследования не только в целом, но и применительно к проводимым следственным действиям и тактическим операциям.

Ранее мы уже упоминали деление следственных ситуаций *по времени возникновения* - на исходные (начальные), промежуточные

¹ Яблоков Н. П. Криминалистическая методика расследования. - М, 1985. - С. 88.

² См.: Балугина Т. С. Указ. соч. - С. 56; Волчецкая Т. С. Указ. соч. - С. 157; Облаков А. Ф. Криминалистическая характеристика преступлений и криминалистические ситуации. - Хабаровск, 1985. - С. 71.

и конечные. Отметим, что данная классификация, на наш взгляд, характеризует ситуации расследования в целом (общие следственные ситуации).

Определение исходной следственной ситуации в криминалистической литературе носит дискуссионный характер. Так, по мнению В. П. Лаврова, исходная следственная ситуация может быть ограничена периодом от момента поступления сообщения о преступлении в правоохранительные органы до завершения неотложных следственных действий, задержания подозреваемого, появления обоснованной версии о личности преступника или иного обстоятельства, знаменующего собой резкое изменение исходной ситуации¹.

В. К. Гавло определяет это понятие как ситуацию, складывающуюся в момент возбуждения уголовного дела, отличая от нее проверочную ситуацию, складывающуюся до возбуждения уголовного дела². Схожую позицию высказал Н. Г. Шурухнов³. Аналогичное определение использует и Н. В. Выдрина, заменяя термин «проверочная» на «доследственная»⁴. Термин «доследственная» использует также В. С. Зеленецкий, понимая под такого рода ситуацией предварительную проверку поступившего сообщения о преступлении⁵.

Ч. 1 ст. 156 УПК РФ гласит, что предварительное расследование начинается с момента возбуждения уголовного дела, о чем следователь, дознаватель выносит соответствующее постановление, которое должно быть согласовано с прокурором. Казалось бы, исходный момент возникновения следственной ситуации логичнее было бы связать с моментом возбуждения уголовного дела. Однако деятельность следователя начинается раньше - с момента поступления заявления или сообщения о преступлении. Уже до возбуждения уголовного дела может быть произведен осмотр места происшествия, а после вынесения следователем постановления о возбуждении уголовного дела, но до получения согласия прокурора на это - и иные следственные действия. В этой связи, на наш взгляд, не следует рассматривать обстановку, возникшую на стадии возбуждения уголовного дела, и следственную ситу-

¹ См.: Лавров В. П. Указ. соч. - С. 6.

² См.: Гавло В. К. Теоретические проблемы и практика применения методики расследования отдельных видов преступлений. - Томск, 1985. - С. 241.

³ См.: Шурухнов Н. Г. Классификации следственных ситуаций. В кн.: Криминалистика (актуальные проблемы). - М., 1988. - С. 98.

⁴ См.: Выдрина Н. В. Указ. соч. - С. 45.

⁵ См.: Зеленецкий В. С. Доследственные ситуации в советском уголовном процессе // Следственная ситуация. - М., 1985. - С. 30.

225
ацию как различ
ванию преступлен
нительные органы
вательно, обстановка
информации о престу
сечении преступления
мотр места происшеств
ции, хотя бы уголовное де

Итак, исходную след
динамично изменяемую от
тельность следователя по рас
складывающуюся с момента п
ган заявления или сообщения о
начальных (в т. ч. неотложных) следственных и иных процессуальных
действий, тактических операций.

Промежуточные следственные ситуации складываются в процес
се проверки и уточнения данных, полученных в ходе проведения пер
воначальных (в т. ч. неотложных) следственных действий, получения
новых доказательств вины подозреваемых (обвиняемых) в соверше
нии преступления, проверки иных версий, выдвинутых по делу.

Конечные следственные ситуации складываются на момент, когда
виновные в совершении преступления изобличены полностью, установ
лены все эпизоды их преступной деятельности. В отличие от динамич
ных исходных ситуаций конечные следственные ситуации characterи
зуются относительной стабильностью и определенностью в развитии.

В литературе неоднозначно решается вопрос о возможности
классификационного деления следственных ситуаций на проблемные
и беспроблемные. Ученые-криминалисты, приводящие данную клас
сификацию либо указывающие на возможность выделения проблем
ных ситуаций, определяют последние как ситуации, несущие в себе
противоречия между знанием и незнанием, известным и неизвестным,
а также случаи, когда искомое не дано и непосредственно в исходных
данных не содержится, когда отсутствует заранее определенная про
цедура решения, поиска¹. В то же время определение беспроблемной
ситуации не дается.

я. Деятельность по раскрытию и расследо
тся с момента поступления в правоохрани
или сообщения о преступлении и, следо
осуществляется проверка поступившей
принимаются экстренные меры по пре
ению преступников, производится ос
ит все признаки следственной ситуа
эджбуждено не было.

ситуацию можно определить как
у, в которой осуществляется дея
и расследованию преступления,
ения в правоохранительный ор
Окончания проведения перво

¹См.: Образцов В. А. Криминалистика. Курс лекций. - М., 1996. - С. 118; Антипов В. П. Пла
нирование расследования в проблемных ситуациях // Вопросы борьбы с преступностью.
Вып. 34. - М., 1981. - С. 74; Седова Т. А. Следственные ситуации и их значение при прове
дении экспертизы // Следственная ситуация: сборник научных трудов. - М., 1985. - С. 51.

Данная позиция встретила возражения в криминалистической литературе. Так, И. М. Лузгин писал: «Как показывают кафедральное исследование и следственная практика, нет и не может быть непроблемных следственных ситуаций, каждая следственная ситуация содержит одну или несколько проблем»¹. Аналогичную позицию заняли и ряд других авторов².

Классификация следственных ситуаций на проблемные и беспроблемные нам также представляется недостаточно обоснованной. На это указывает: во-первых, отсутствие в криминалистической литературе точной формулировки беспроблемной ситуации, что не позволяет проанализировать составляющие это понятие признаки и, как следствие, определить его объем; во-вторых, спорный характер определения проблемной ситуации, совпадение признаков данного понятия с признаками понятия неблагоприятной следственной ситуации.

В криминалистической литературе можно встретить классификацию следственных ситуаций на простые и сложные. Так, В. Н. Левков провел такое деление в зависимости от комплекса имеющихся доказательств. Простую ситуацию он определил как информационные условия, в которых следователь может построить однозначную модель преступления. Сложная ситуация, по его мнению, - это ситуация, при которой в условиях ограниченного числа доказательств строится несколько вероятностных моделей. Как нам представляется, такой подход не совсем верен. Во-первых, отсутствие доказательственной информации является не единственным признаком сложной ситуации, и в этой связи использованное классификационное основание выбрано неудачно. Во-вторых, не следует проводить различие простой и сложной ситуации по количеству выдвинутых предположений. Версия еще не истина, она должна проверяться в ходе расследования по делу. Даже в очевидной следственной ситуации, согласуясь с принципом объективности и полноты расследования, необходимо выдвижение ряда различных предположений об обстоятельствах происшедшего события.

---

¹ Лузгин И. М. Методика изучения, оценки и разрешения исходных следственных ситуаций // Исходные следственные ситуации и криминалистические методы их разрешения. - М., 1991. - С. 24.

² См.: Балугина Т. С. Указ. соч. - С. 55; Волчецкая Т. С. Указ. соч. - С. 159.

³ См.: Левков В. Н. Ситуационная обусловленность следственных версий // Криминалистика и судебная экспертиза. Вып. 34. - Киев, 1987. - С. 45.

Весьма спорно и определение сложности сложившейся следственной ситуации по видам проводимых процессуальных действий, как это предлагают В. К. Лисиченко и О. В. Батюк¹.

На наш взгляд, более приемлемым для построения рассматриваемой классификационной системы будет являться такое основание, как *степень влияния ситуации на принятие решения*. Простую ситуацию можно охарактеризовать как обстановку расследования, в которой не затруднено принятие следователем решения по делу и существует возможность предвидеть его последствия. Сложная ситуация - противоположность простой. В качестве признаков такой ситуации можно выделить:

- затрудненность однозначной оценки в силу различных факторов;
- недостаточная определенность относительно дальнейшего развития следственной ситуации.

В криминалистической литературе применительно к рассматриваемой классификации также иногда выделяются ситуации тупиковые. Так, по мнению Н. П. Яблокова, тупиковая ситуация представляет собой такое сложившееся фактическое положение, которое само по себе диктует необходимость решения возникших в связи с этим проблем, а следователь не может найти пути их решения².

Рассматривая классификационный аппарат следственных ситуаций, нельзя не отметить своеобразную позицию, занятую Н. А. Бурнашевым. Предложенные им классификации следственных ситуаций (всего 11 различных оснований) весьма дискуссионны³. В качестве примера можно привести классификацию по объему функционирования на глобальные (общие и типичные) и локальные (конкретные, специфические, атипичные) либо по динамической характеристике на пульсирующие и сглаженные. Кроме того, спорный характер использованных оснований и терминологического определения выделенных классификационных элементов, а также отсутствие научного объяснения большинства классификационных построений значительно затрудняет понимание позиции автора.

---

¹ См.: Лисиченко В. К., Батюк О. В. Взаимосвязь следственных ситуаций с тактикой производства следственных действий // Криминалистика и судебная экспертиза. Вып. 40. - Киев, 1990. - С. 25.

² См.: Яблоков Н. П. Криминалистика. - М., 2000. - С. 24.

³ См.: Бурнашев Н. А. Следственные ситуации в методике расследования преступлений // Проблемы интенсификации деятельности по расследованию преступлений. - Свердловск, 1985. - С. 21.

Ряд своеобразных классификаций следственных ситуаций предложил и А. В. Маркс. Так, в зависимости от характеристик информационной составляющей им выделены ситуации, складывающиеся на основе информации: прямой непосредственной; прямой опосредованной; косвенной¹. Однако, как представляется, информационный компонент следственной ситуации чаще всего составляет комплекс информации как прямой, так и косвенной, непосредственной и опосредованной, что не отражается данной классификационной системой. Кроме того, непонятно, какая информация ложится в основу следственной ситуации, учитывая, что компонентами информационного характера, как указывается в специальной литературе, являются: осведомленность следователя об обстоятельствах преступления, возможных доказательствах, возможностях их обнаружения и экспертного исследования, местах сокрытия искомого, намерениях противодействующих следствию лиц и др.; осведомленность противостоящих следователю и иных проходящих по делу лиц о степени информированности следователя и свидетелей, об обнаруженных и необнаруженных доказательствах, о намерениях следователя и др.; последствия разглашения следственной тайны².

С этих же позиций можно рассматривать другую предложенную А. В. Марксом классификацию ситуаций в зависимости от информированности участников процесса (ситуации с информационным преимуществом: следователя, подозреваемого)³, в которой, во-первых, опять же неясен характер информации, которой располагают следователь и подозреваемый; во-вторых, из классификации необоснованно исключены другие участники процесса (например, обвиняемый, потерпевший); в-третьих, если речь идет об информации о происшедшем событии, следователь никогда не будет знать больше об обстоятельствах преступления, чем лицо, совершившее это деяние.

Дискуссионна и предложенная А. В. Марксом классификация следственных ситуаций в зависимости от круга лиц, участвующих в информационной системе следствия, на: ситуации с широким субъектным составом, ситуации с узким субъектным составом¹, поскольку широта и узость круга лиц - понятия довольно относительные.

¹ См.: Маркс А. В. Типовые системы действий следователя, связанных с задержанием. Автореферат дисс. ... канд. юрид. наук - М., 1992. - С. 9.

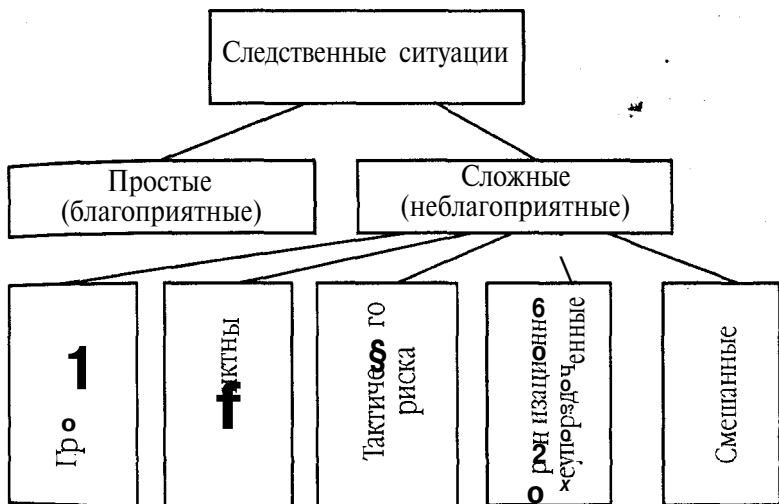
² См.: Белкин Р. С. Следственная ситуация и тактическая комбинация // Криминалистическое обеспечение деятельности криминальной милиции и органов предварительного расследования. / Под ред. Т. В. Аверьяновой, Р. С. Белкина. - М., 1997. - С. 72.

³ См.: Маркс А. В. Указ. соч. - С. 9.

Некоторые авторы нетрадиционно подходят к построению классификационных систем следственных ситуаций, используя при этом логические правила деления объема понятия, а иные критерии.

Так, в 1987 году Л. Я. Драпкин предложил развернутую классификацию следственных ситуаций (во многом повторившую классификацию автора 1975 года. - А. Г.). Автор высказал мнение о том, что такое деление должно быть произведено с использованием нескольких классификационных оснований одновременно. При этом допускается возможность отнесения объекта одновременно к нескольким классификационным группам². Предложенная им классификационная система выглядит следующим образом:

При этом каждый элемент, в свою очередь, может быть подразделен на исходные, промежуточные и конечные³.

На наш взгляд, у классификационной системы Л. Я. Драпкина есть слабые стороны. Во-первых, не следует отождествлять сложные ситуации и неблагоприятные ситуации, поскольку они имеют различные понятийные признаки. Так, например, в целом благоприятная ситуа-

¹ См.: Маркс А. В. Указ. соч. - С. 9.

² См.: Драпкин Л. Я. Основы теории следственных ситуаций. - Свердловск, 1987. - С. 23-24.

³ См.: Драпкин Л. Я. Указ. соч. - С. 25.

ция по отношению к возможности достижения целей расследования может быть сложной в выборе наиболее целесообразного порядка проведения следственных действий. Во-вторых, несоблюдение логических правил построения классификационных систем повлекло за собой отсутствие в предложенной классификации очевидно существующих классификационных групп (например, бесконфликтные следственные ситуации), что негативно отражается на реализации ее функций (информирование, прогнозирование, ретрогнозирование). В-третьих, в системе Л. Я. Драпкина не получила отражения имеющая важное практическое значение классификация следственных ситуаций по их уровню.

Не бесспорной представляется и классификация следственных ситуаций, предложенная Т. С. Волчецкой и построенная одновременно в зависимости от количества, характера и содержания формирующих ситуацию факторов. В рамках этого деления автором выделяются:

- ситуации познавательного типа;
- ситуации организационно-управленческого типа;
- конфликтные ситуации;
- ситуации тактического риска¹.

Так же, как и классификационная система Л. Я. Драпкина, классификация Т. С. Волчецкой построена сразу по нескольким основаниям, результатом чего явилось пересечение полученных классификационных элементов друг с другом. Встает, например, вопрос: почему ситуация тактического риска не может носить конфликтный или познавательный характер?

В криминалистической литературе в качестве самостоятельного вида следственных ситуаций иногда называется обстановка, служащая предпосылкой применения научно-технических средств в расследовании, получившая название технико-криминалистической ситуации². Однако, на наш взгляд, рассматривать такую ситуацию как классификационный вид следственных ситуаций вряд ли возможно, поскольку это повлекло бы за собой необходимость указания и иных ее видов (например, тактико-криминалистической ситуации), что представляется не совсем обоснованным. Как справедливо отметил Е. П. Ищенко, взаимосвязь криминалистической техники и тактики должна рассматриваться не как соотношение соподчиненных элементов целого, а как интеграция положений криминалистики³. Именно поэтому знания о

¹ См.: Волчецкая Т. С. Указ. соч. - С. 160.

² См., например, Снетков В. А. Элементы технико-криминалистической ситуации осмотра места происшествия // Следственная ситуация. - М, 1985. - С. 16.

³ См.: Ищенко Е. П. Тактический прием и место научно-технических средств в его структуре // Теоретические проблемы криминалистической тактики. - Свердловск, 1981. - С. 49.

следственной ситуации интегрируются в криминалистическую технику, определяя новые направления научных исследований. Их результаты, в свою очередь, обрабатываются и используются в разработке тактико-криминалистических рекомендаций по расследованию преступлений. Определенные ситуативные предпосылки применения в ходе проведения следственных действий, тактических операций тех или иных научно-технических средств и методов - это лишь один из факторов, оказывающих влияние на формирование частных следственных ситуаций.

Особое научное и практическое значение имеет системный анализ такой разновидности сложных следственных ситуаций, как ситуаций, требующих рискованных действий следователя (ситуаций тактического риска).

Понятие риска известно давно. Еще В. И. Даль в своем словаре русского языка определял его как действие наудачу¹. Рискованные действия составляют неотъемлемую часть многих видов человеческой деятельности. Не является исключением и расследование преступлений.

Термин «тактический риск» был введен в криминалистическую науку Р. С. Белкиным, впервые определившим его как ситуацию, возможно, грозящую провалом замысла следователя при проведении следственного действия². Более современное определение тактического риска Р. С. Белкина звучит как «возможность возникновения отрицательных последствий при реализации тактического решения»³. Необходимо отметить, что в качестве основного признака тактического риска возможность наступления негативных последствий действий следователя отмечают в своих определениях В. Е. Богинский, В. П. Гмырко, Л. Я. Драпкин, И. Б. Зинкевич, Ю. И. Ильченко, В. С. Комарков, Ю. Ю. Осипов, В. Ю. Шепитько⁴.

¹ См.: Даль В. Толковый словарь живого русского языка. В 4 т. Т. 4. - М., 1995. - С. 96.

² См.: Криминалистика. - М., 1974. - С. 366.

³ См.: Белкин Р. С. Курс криминалистики. В 3-х т. Т. 3. - М., 1997. - С. 191.

⁴ См.: Богинский В. Е. Рефлексивное управление при допросе. - Харьков, 1983. - С. 24; Драпкин Л. Я. Основы теории следственных ситуаций. - Свердловск, 1987. - С. 130; Зинкевич И. Б., Гмырко В. П. Некоторые проблемы тактического риска при расследовании тяжких преступлений // Вопросы криминалистики и судебной экспертизы по делам о тяжких преступлениях. - Караганда, 1982. - С. 15; Ильченко Ю. И. Риск как составляющая следственной деятельности // Преподавание юридической психологии и ее практическое применение в свете решений 27 съезда КПСС. Ч. 1. - Тарту, 1986. - С. 131; Комарков В. С. Психологические основы очной ставки. - Харьков, 1975. - С. 23; Шепитько В. Ю. Теоретические проблемы систематизации тактических приемов в криминалистике. - Харьков, 1995. - С. 91.

Особую позицию занял Г. А. Зорин. На его взгляд, тактический риск является не самостоятельным понятием, а подвидом криминалистического риска и распространяется на отдельное следственное действие или тактическую операцию. Криминалистический риск же определяется как «действие или бездействие по поводу расследуемого преступления, направленное на цель, отягощенную объективной вероятностью недостижения, субъективированное определенным лицом, предполагающим альтернативный результат»¹. Помимо тактического риска, этим автором выделяется риск стратегический, распространяющийся на длительный период следственной деятельности, на значительную сумму следственных действий или расследование в целом. На наш взгляд, ситуация стратегического риска, существующая длительный период времени и характеризующая обстановку расследования в целом, вряд ли возможна. Например, если риск присутствует в ходе проведения одного следственного действия, но полностью отсутствует в ходе производства другого - как должна оцениваться общая ситуация расследования? Думается, что ситуация тактического риска может присутствовать только на уровне проведения отдельных действий следователя или их комплексов.

Системные исследования тактического риска неразрывно связаны с уточнением характеризующих его признаков. В качестве таковых можно выделить:

- опасность наступления негативных последствий;
- рискующий субъект,
- виды рискованных действий;
- факторы, влияющие на формирование ситуации риска;
- степень риска;
- обоснованность риска.

Опасность наступления негативных последствий рискованных действий. В практике расследования зачастую принимаются тактически оправданные решения, не гарантирующие, однако, стопроцентный успех. Р. С. Белкин справедливо отмечает, что «тактический риск является закономерным компонентом расследования. Сама специфика расследования делает принятие решений в условиях тактического риска типичным явлением»².

¹ Зорин Г. А. Проблемы применения специальных логико-психологических методов при подготовке и проведении следственных действий. Автореферат ДИСС. ... ДОКТ. юрид. наук - М., 1991. - С. 32; Он же. Криминалистический риск: природа и методы оценки. Учебное пособие. - Минск, 1990. - С. 7-8.

² Белкин Р. С. Курс криминалистики. Т. 3. - С. 192.

Содержательную сторону тактического риска составляет объективная вероятность недостижения намеченного результата, появления иных неблагоприятных последствий для раскрытия и расследования преступления. Подчеркнем, что наступление негативного результата рискованных действий возможно, но не обязательно.

Рискующий субъект. В литературе вопрос о субъекте тактического риска решается неоднозначно. Р. С. Белкин, Л. Я. Драпкин и Ю. Ю. Осипов определяют в качестве субъекта тактического риска лицо, производящее расследование¹. Более широкое определение riskующего субъекта предложил Г. А. Зорин, включив в него также таких участников уголовного процесса, как: обвиняемый, подозреваемый, потерпевший, защитник, гражданский истец и гражданский ответчик, и субъектов процессуальных действий, которые привлекаются для оказания содействия в достижении задач уголовного судопроизводства (понятые, свидетели, эксперт, специалист, переводчик). Однако впоследствии Г. А. Зорин отмечает, что эти лица, вступая в коммуникативные связи, вынуждают идти на риск именно следователя², т.е., на наш взгляд, собственно субъекта риска. Кроме того, немаловажную роль играет и элемент ответственности за проводимые в ситуации тактического риска действия, да и за все расследование в целом, которую в любом случае несет следователь. Эти обстоятельства обуславливают наше согласие с позицией Р. С. Белкина, Л. Я. Драпкина и Ю. Ю. Осипова.

Рискованные действия. На наш взгляд, такими действиями могут быть в принципе любые законные действия следователя, совершаемые в ходе раскрытия и расследования преступления. Очевидно и обоснованно отнесение к таковым следственных и ряда иных процессуаль-

¹ См.: Белкин Р. С. Следственная ситуация и тактические комбинации // Криминалистическое обеспечение деятельности криминальной милиции и органов предварительного расследования. / Под ред. Т. В. Аверьяновой, Р. С. Белкина. М., 1997. - С. 77; Драпкин Л. Я. Указ. соч. - С. 133; Осипов Ю. Ю. Деятельность следователя в условиях тактического риска. Автореферат ДИСС. ... канд. юрид. наук - М., 1992. - С. 7.

² См.: Зорин Е. А. Проблемы применения специальных логико-психологических методов при подготовке и проведении следственных действий. — С. 33.

Противоречиво и определение субъекта криминального риска, предложенное Г. А. Зориным в работе «Криминалистическая характеристика транснациональных преступных групп» (в соавторстве с О. В. Танкевичем. - Гродно, 1997. - С. 54). Под ним понимаются «лица, принимающие и реализующие решения с элементами риска, влияющие на процесс и результаты расследования преступления». Очевидно, что решения, влияющие на процесс и результаты расследования, принимает прежде всего следователь, что, однако, не характеризует его действия как криминальные.

ных действий, тактических приемов и их комбинаций, а также тактических операций. Однако необходимо отметить, что не каждое процессуальное действие может выступать объектом тактического риска, а только то, которое прямо или опосредованно влияет на процесс сбора доказательств или иной криминалистически значимой информации по делу.

Г. А. Зорин предлагает рассматривать в качестве рискованных действий уголовно-правовую квалификацию содеянного¹. Эта позиция представляется нам спорной, поскольку возможными неблагоприятными последствиями такого риска явится неточное либо приблизительное установление соответствия фактических признаков совершенного деяния и признаков состава преступления, предусмотренного уголовно-правовой нормой, что противоречит научному определению квалификации преступления².

Дискуссионным представляется и мнение Г. А. Зорина, согласно которому действия, состоящие в нарушении уголовно-процессуальных норм, также могут быть тактически рискованными. Эти действия имеют иную природу. Учитывая их незаконный характер, необходимо отметить, что отрицательным результатом такого нарушения является возможность непризнания в последующем полученных фактических данных в качестве доказательств. Негативный же результат действий, проводимых в условиях тактического риска, - это, прежде всего, возможное неполучение доказательственной либо иной значимой для расследования информации, а также появление иных обстоятельств, затрудняющих работу по делу.

Представляется необходимым отнести к действиям, которые могут проводиться в ситуации тактического риска, ряд организационных действий, влияющих на результат проведения следственного действия (к примеру, определение круга участвующих в следственном действии лиц, подготовка технических средств и т. д.).

Зависимость ситуации тактического риска от ряда факторов выражается в объективной неизбежности проведения тех или иных рискованных действий. Можно выделить два фактора, определяющих такую неизбежность: процессуальный и непроцессуальный.

¹ См.: Зорин Г. А. Проблемы применения специальных логико-психологических методов при подготовке и проведении следственных действий. - С. 33.

² См.: Кудрявцев В. Н. Теоретические основы квалификации преступлений. - М, 1963. - С. 8; Никулин С. И. Понятие особенной части уголовного права, ее значение и система // Уголовное право России. Особенная часть./ Под ред. А. И. Рарога. - М, 1996. - С. 10.

Процессуальный фактор представляет собой определенную законом необходимость принятия решения по делу и осуществления соответствующих действий (например, избрать меру пресечения «заключение под стражу» подозреваемому по истечении срока задержания или освободить задержанного, избрав в качестве меры пресечения подписку о невыезде и надлежащем поведении (а не содержание под стражей)).

Непроцессуальный фактор можно определить как возможную потерю доказательственной или иной криминалистически значимой информации в случае отказа от проведения того или иного действия или его несвоевременности, а также неудачи проведенных рискованных действий.

Можно согласиться с мнением Ю. Ю. Осипова, выделившего в качестве основных детерминирующих тактический риск непроцессуальных факторов (условий): фактор дефицита времени; диагностический фактор, который в совокупности своих элементов характеризует событие преступления и личность преступника, а также личность следователя; фактор психологического противоборства участников расследования¹.

Кроме того, добавим, что существенное влияние на формирование ситуации тактического риска по делу оказывают допущенные при расследовании тактические ошибки, а также осуществленное или осуществляющееся противодействие расследованию.

Все перечисленные обстоятельства, детерминирующие ситуацию тактического риска, находятся в сложной взаимосвязи между собой. Лишь их комплексный анализ позволит правильно оценить обстановку расследования по делу и принять решение о возможности производства рискованных действий. Между тем проведенный нами опрос следователей и дознавателей показал, что только 41,9% респондентов согласуют рискованные действия со сложившейся следственной ситуацией. Более трети опрошенных (35,2%) полагают, что следователь может осуществлять рискованные действия, когда сочтет их необходимыми, т.е. ставят «во главу угла» субъективное мнение и желание лица, производящего расследование. Действительно, решение о проведении тех или иных действий принимает следователь, однако оно должно обязательно исходить из сложившейся обстановки по делу. А почти треть респондентов, считающих, что следователь может проводить рискованные действия, когда сочтет их необходимыми, понимают под тактическим риском действия «на авось». Такое понимание

¹ См.: Осипов Ю. Ю. Указ. соч. - С. 14.

тактического риска неверно, а проведение действий наудачу, без оценки степени и оправданности риска тактически ошибочно.

Результаты опроса показывают, что многие опрошенные следователи и дознаватели (17%) придерживаются мнения, согласно которому в ходе расследования ни в коем случае не должны проводиться рискованные действия. Однако всегда отказываться от проведения рискованных действий в ходе расследования не совсем правильно. В криминалистической литературе справедливо отмечается, что уход следователя от обоснованного риска не только ведет к негативным последствиям, но и попросту аморален¹.

Степень риска. Слово «степень» трактуется словарем русского языка как «мера, сравнительная величина чего-нибудь²». Степень тактического риска - это количественный показатель, определяющий, насколько возможны негативные последствия рискованного действия. Она, видимо, поддается определению: при этом надо помнить, что, оценивая степень риска, необходимо учитывать не только объективные факторы (например, дефицит времени), но и обстоятельства субъективного характера (недостаточный профессионализм следователя; боязнь потерпевшего как следствие воздействия на него преступника давать правдивые показания и т. д.).

Определение *обоснованности риска* представляет собой необходимое сравнение вероятных практических выгод и возможных негативных, как близких, так и отдаленных последствий проводимых действий. Обоснованным риск будет только в том случае, когда вероятные выгоды значительно превышают возможные негативные последствия. В противном случае риск будет необоснованным и вряд ли может носить тактический характер. Это обстоятельство имеет важное практическое значение, выражающееся в необходимости оценки каждого действия, проводимого в ситуации риска, с позиций его обоснованности.

Нам представляется наиболее правильным определять ситуацию тактического риска как формируемую под воздействием ряда процессуальных и непроцессуальных факторов частную следственную ситуацию, содержащую опасность возможного наступления негативных последствий действий следователя (отказа от действий), а именно - неполучения либо несвоевременного получения интересующей органы расследования доказательственной или иной криминалистически

¹ См.: Драпкин Л. Я. Указ. соч. - С. 132; Ойгензихт Б. А. Воля и риск // Правоведение. 1984, № 2. - С. 45.

² Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Указ. соч. - С. 755.

значимой информации либо создания иных неблагоприятных для расследования условий.

Однако можно и необходимо проводить и дальнейшие классификационные исследования тактического риска. По степени вероятности наступления негативных последствий тактический риск подразделяется на значительный (негативные последствия могут иметь место с большой степенью вероятности) и незначительный (негативные последствия маловероятны). Практически такая классификация используется при выборе следователем в ситуации тактического риска того или иного действия из числа возможных.

Представляется возможным классифицировать тактический риск на ожидаемый и неожиданный. Такое деление связано с прогнозированием возможности формирования ситуации тактического риска. Ожидаемый риск более благоприятен для минимизации возможных негативных последствий, так как дает следователю время подготовиться к проведению рискованных действий. Значительно усложняет процесс расследования обстановка тактического риска, возникающая неожиданно для следователя. Такая ситуация принуждает его принимать быстрые решения, не всегда предоставляет возможность просчитать все варианты.

Логически выдержанный классификационный аппарат следственных ситуаций традиционно играет важное значение в разработке различных направлений криминалистической тактики.

Окружающая нас действительность разнообразна в своих внешних проявлениях. Окружающая обстановка, в свою очередь, порождает многообразие приемов, методов и средств действий человека. Каждой жизненной ситуации обязательно соответствует вариант деятельности, направленной на достижение практического результата. Закономерная повторяемость ситуаций позволяет обобщить, типизировать их, разработать на основе такого обобщения наиболее оптимальный и эффективный вариант поведения человека в соответствующей обстановке. Точно так же на основе типизации ситуаций, складывающихся в ходе расследования преступлений, формируются тактические и технические правила деятельности следователя.

С выявлением признаков типовых ситуаций, в которых осуществляется расследование преступлений различных видов, простор для системного анализа значительно увеличивается. В этой связи необходимо отметить важную роль систем следственных ситуаций в разработке частных криминалистических методик.

Итак, на наш взгляд, классификационная система следственных ситуаций может быть представлена следующим образом:

1. Базовым делением следственных ситуаций выступает их классификация на общие (ситуации расследования в целом) и частные (ситуации, складывающиеся в ходе проведения тактических операций и конкретных следственных и иных процессуальных действий).

2. Общие следственные ситуации могут рассматриваться в зависимости от времени возникновения (исходные, промежуточные, конечные), возможности достижения целей расследования (благоприятные и неблагоприятные), по степени влияния на принятие решений по делу (простые и сложные), по типовому характеру (типовые и специфические).

3. Частные следственные ситуации могут подразделяться в зависимости от характера действий следователя (на ситуации, складывающиеся в ходе проведения тактических операций, и ситуации конкретных следственных и иных процессуальных действий (например, ситуация задержания или явки с повинной)), по характеру отношений между участниками расследования (конфликтные и бесконфликтные), в зависимости от наличия объективной необходимости проведения рискованных действий (ситуации, требующие проведения следователем рискованных действий, и, соответственно, не требующие таких действий), по степени влияния на принятие решений (простые и сложные), по типовому характеру (типовые и специфические).

Классификационный аппарат следственных ситуаций имеет и существенное практическое значение. Умение грамотно оценить сложившуюся обстановку по делу, выбрать правильное решение - неотъемлемая часть профессионализма следователя. Сделать это без знания сущности и видов следственной ситуации невозможно. Эти знания являются необходимым элементом тактического потенциала следователя (работника органа дознания)¹.

Использование классификационных систем следственных ситуаций в практической деятельности обуславливает комплексный системный подход к изучению обстановки, в которой на определенный момент осуществляется расследование или проводятся отдельные следственные или иные процессуальные действия, тактические операции. В этой связи следует в целом положительно оценить предложенную

¹ Подробнее о тактическом потенциале следователя см.: Сокол В. Ю. Тактико-криминалистическое обеспечение раскрытия и расследования преступлений. Дисс. ... канд. юрид. наук - Краснодар, 1998.

ния С. И. Цветкова и Т. С. Волчецкой о разработке классификаторов следственных ситуаций, призванных облегчить принятие тактического решения¹. Такие классификаторы представляют собой определенные компьютерные системы, в рамках которых на основе описания в формализованных терминах сложившейся ситуации по делу можно получить совет наиболее целесообразном тактическом решении, а в перспективе и круге версий, которые можно выдвинуть по делу, следственных действиях, тактических приемах и иных мероприятиях по их проверке.

Существенную помощь в изучении следователем сложившейся следственной ситуации окажет комплексный системный анализ обстановки, в которой осуществляется расследование преступления, в том числе с использованием различных классификационных систем.

Соотношение сложившейся обстановки по делу с признаками различных видов следственных ситуаций позволит установить круг характеризующих ее условий, определить основные направления криминалистической деятельности. Определение и оценка конкретной следственной ситуации могут осуществляться в несколько этапов.

На первом этапе происходит предварительный анализ сложившейся обстановки расследования. При этом определяется уровень ситуации, требующей оценки, и время ее возникновения.

На втором этапе происходит определение круга и характера условий (факторов), оказывающих влияние на формирование следственной ситуации. При этом должны быть установлены информационные, процессуальные, тактические, организационные, психологические факторы, причем как объективного, так и субъективного характера. Также определяются особенности влияния каждого из выделенных факторов на следственную ситуацию (позитивное или негативное).

На третьем этапе делается вывод о характере конкретной общей или частной ситуации расследования. Так, например, частная ситуация допроса подозреваемого, если последний признает факт своего участия в преступлении, дает полные и правдивые показания, готов сотрудничать с органами расследования, может быть охарактеризована как бесконфликтная, типовая, простая, не требующая проведения рискованных действий. Иной характер имеет ситуация допроса подозреваемого, дающего ложные показания. Такая ситуация будет кон-

¹См.: Волчецкая Т. С. Указ. соч. - С. 283-288; Цветков С. И. Криминалистическая теория тактических решений. Автореферат ДИСС. ... докт. юрид. наук - М, 1992. - С. 18-19.

фликтной, сложной и в то же время типовой, что позволяет следовательно обратиться к научным рекомендациям по проведению допроса в такой обстановке.

На этом же этапе предварительно определяются основные направления и меры по изменению условий, негативно воздействующих на обстановку расследования, и максимально эффективному использованию позитивных факторов. Эти предварительно определенные направления и меры послужат основой для постановки следователем тактических задач и принятия тактических решений по делу.

Подводя итог сказанному, хотелось бы отметить, что криминалистическая систематика еще не исчерпала всех возможностей исследования следственных ситуаций. В числе тенденций развития систематики следственных ситуаций можно выделить дальнейшее совершенствование классификационного аппарата этого понятия, расширение системных исследований факторов и условий, влияющих на формирование обстановки расследования, разработку системных средств и методов оценки конкретных следственных ситуаций. Системы следственных ситуаций играют важную роль в научных исследованиях других элементов криминалистической деятельности (тактических задач и решений, криминалистических версий, тактических приемов, комбинаций и операций и т. д.) и выступают неотъемлемой частью понятийной системы криминалистики.

§4. Системы тактических задач и тактических решений как аналитико-мыслительных элементов деятельности по раскрытию и расследованию преступлений

Как в любой сфере человеческой деятельности, в процессе расследования преступлений необходимо принимать множество различных решений. Одним из их видов выступают тактические решения.

Системные исследования в рамках учения о тактических решениях неразрывно связаны с определением основных признаков этого понятия. В то же время можно констатировать, что в понимании тактических решений нет однообразия.

Р. С. Белкин считает, что тактическое решение - это выбор цели тактического воздействия на следственную ситуацию в целом и отдельные ее компоненты, на ход и результаты процесса расследования и его элементы и определение методов, приемов и средств достижения этой цели. При этом тактическое воздействие определяется им как

«всякое правомерное воздействие на тот или иной объект, осуществляемое с помощью тактических приемов или на основе тактики использования иных криминалистических средств и методов как собственно криминалистических, так и обязанных своим происхождением смежным областям знания»¹. Сходным образом понимают это понятие В. П. Бахин, В. Я. Колдин, И. М. Лузгин, С. И. Цветков и некоторые другие ученые².

Несколько иной смысл вкладывают в тактическое решение А. В. Дулов и Ю. И. Новик, определяя его как мысленную модель предстоящего действия, сформировавшуюся в сознании следователя³. Такое определение требует некоторого уточнения.

На наш взгляд, определение тактического решения как модели предстоящего действия не раскрывает полностью содержание этого понятия. Одним из основных признаков криминалистической модели является опосредованное познание ее оригинала⁴. Это не цель принятия тактического решения, которое направлено на выбор необходимого, наиболее рационального и эффективного в данной следственной ситуации действия (группы действий), а также места и времени его проведения (например, принятие решения о неотложном обыске), определения круга участников и иных сопутствующих его проведению факторов. Хотя, отметим, что, просчитывая возможные результаты проведения выбранных действий, следователь может прибегнуть и

¹ Белкин Р. С. Криминалистическая энциклопедия. - М., 1997. - С. 222.

² См.: Бахин В. П. Следственная ситуация и тактическое решение, их оценка и использование в раскрытии и расследовании преступлений // Криминалистика. / Под ред. Р. С. Белкина, В. П. Лаврова, И. М. Лузгина. В 2 т. Т. 2. - М., 1988. - С. 29; Лузгин И. М. Моделирование при расследовании преступлений. - М., 1981. - С. 92; Колдин В. Я. Общие положения криминалистической тактики // Криминалистика. / Отв. ред. Н. П. Яблоков. - М., 1995. - С. 364; Цветков С. И. Криминалистическая теория тактических решений. Автореферат дисс. докт. юрид. наук. - М., 1992; Шостак Г. С. Тактическое решение и его значение в работе следователя // Теория и практика криминалистики и судебной экспертизы. Саратов, 1978. - С. 43-44.

³ Дулов А. В., Новик Ю. И. Понятие и структура тактического решения, принимаемого следователем при производстве следственного действия // Теоретические проблемы криминалистической тактики. - Свердловск, 1981. - С. 47; Новик Ю. И. Научные основы принятия тактических решений при производстве следственных действий. Автореферат дисс.... канд. юрид. наук. - Минск, 1976. - С. 6.

Аналогичное понятие тактического решения дается в главе «Общие положения криминалистической (следственной) тактики» учебного пособия: Криминалистика. / Под ред. А. В. Дулова. - Минск, 1996. - С. 264.

⁴ См.: Лузгин И. М. К вопросу о теории криминалистического моделирования // Актуальные проблемы советской криминалистики. - М., 1980. - С. 50.

к их моделированию, и к моделированию следственной ситуации, которая может сложиться после реализации принятого решения.

Кроме того, несмотря на то, что процесс принятия решения (постановка задачи и выбор способа ее решения) происходит в основном мысленно, при принятии ряда процессуальных решений, носящих тактический характер, требуется соблюдение установленной уголовно-процессуальным законом формы, т.е. закрепление принятого решения ввне, без которого оно не будет иметь юридической силы (поручение органу дознания, постановление о производстве обыска и др.). Кроме того, принятое тактическое решение может получить отражение и в других материалах дела (например, в письменном плане расследования). Иными словами, заключительный этап принятия решения может выходить за рамки мыслительной деятельности.

Свою точку зрения на сущность тактического решения также высказал И. А. Копылов, определив его как «... вывод о необходимости изменения следственной ситуации наиболее соответствующими сложившейся обстановке средствами криминалистической тактики в целях обеспечения быстрого и полного раскрытия и расследования преступлений»¹. Думается, такое определение больше подходит не к тактическому решению, а к тактической задаче, а если быть еще более точным, то к одному из ее видов².

С учетом сказанного, тактическое решение может быть определено как основанный на результатах оценки сложившейся следственной ситуации вывод следователя о характере стоящей перед ним тактической задачи и основных приемах, способах и средствах ее решения.

Понятие тактической задачи занимает ключевое место в определении тактического решения. Проблемы, связанные с определением сущности криминалистических задач, разновидностью которых являются тактические задачи, достаточно долго обсуждаются в криминалистической науке. Тем не менее следует признать и то, что пока еще осталось некоторое количество научных вопросов, толкуемых учеными-криминалистами неоднозначно.

Прежде всего хотелось бы отметить, что до сих пор отсутствует общепризнанное определение тактической задачи. Можно выделять два основных подхода к определению такой задачи. Так, Н. Л. Гранат, применительно к деятельности следователя, определяет задачу как

¹ См.: Копылов И. А. Следственная ситуация и принятие тактических решений. Автореферат ДИСС ... канд. юрид. наук - М., 1984. - С. 12.

² См. далее классификацию тактических задач, построенную по их содержанию.

принятую следователем объективную ситуацию, включающую цель и УСЛОВИЯ, в которых он в силу своего должностного положения, обязан действовать, чтобы достичь цели¹. Как ситуацию определил задачу и Н. С. Полевой, уточняя, однако, что она носит криминально-правовой характер². Такое понимание тактической задачи, на наш взгляд, не совсем точно отражает сущность исследуемого явления.

Иную точку зрения изложил Л. Д. Самыгин, отметив, что ситуация - не сама задача, а лишь обстоятельство, которое определяет ее. Для определения тактической задачи, по мнению этого автора, следует исходить из субъективного фактора, «поскольку в одной и той же ситуации разные люди принимают различные решения и ставят перед собой различные задачи»³. р. с. Белкин высказал схожую позицию, отметив, что сбор и обработка информации о следственной ситуации приводят к выбору цели, на достижение которой будет направлено тактическое решение. Выбор цели позволяет принять собственно решение, т.е. выработать приемы и средства решения задачи⁴.

Такой подход к определению тактической задачи представляется наиболее правильным. В словаре русского языка С. И. Ожегова слово «задача» трактуется как «то, что требует исполнения, разрешения»⁵. В философском понимании задача «как закон определяет способ и характер ...действий»⁶.

В то же время необходимо отметить, что в криминалистической литературе предприняты попытки разграничить понятия «цель» и «задача». Так, по мнению В. Е. Корноухова, задачу необходимо рассматривать как исходную информацию плюс то, что требуется установить⁷. На наш взгляд, попытка представить тактическую задачу как конгломерат исходной информации и собственно цели действий, только напрасно усложнит это понятие. И получение исходной информации, и постановка тактической задачи представляют собой самостоятельные этапы процесса принятия тактического решения, который в общем виде можно представить следующим образом:

¹ См.: Гранат Н. Л. Характеристика следственных задач и психологические механизмы их решения. Автореферат дисс. ... канд. юрид. наук - М., 1973. - С. 6.

² См.: Полевой Н. С. Криминалистическая кибернетика. - М., 1989. - С. 174-175.

³ См.: Самыгин Л. Д. Расследование преступлений как система деятельности. - М., 1989. - С. 41.

⁴ См.: Белкин Р. С. Очерки криминалистической тактики. - Волгоград, 1993. - С. 90.

⁵ Ожегов С. И. Словарь русского языка. - М., 1986. - С. 181.

⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Полное собр. сочинений. Т. 23. - С. 101.

⁷ См.: Корноухов В. Е. Расследование как процесс и его закономерности // Проблемы Доказательственной деятельности по уголовным делам. - Красноярск, 1985. - С. 32.

И. Анализ сложившейся на момент принятия решения следственной ситуации > II. Постановка тактической задачи > III. Выбор приемов и средств решения поставленной задачи > IV. Анализ и оценка возможных результатов принимаемого решения > V. Облечение принятого решения в установленную законом форму и (или) его отражение в планах расследования.

Отметим, что последний этап процесса принятия тактического решения присутствует не всегда (см. схему 20 в приложении 1).

Итак, в основе постановки тактической задачи лежат результаты анализа сложившейся обстановки расследования. Причем необходимо изучить не только ее информационную сторону, как предлагается в криминалистической литературе (Т. С. Волчецкая, В. Е. Корноухов, С. И. Цветков), но и иные детерминирующие обстоятельства психологического, процессуального и даже организационного характера. Тактическая задача может состоять не только в получении важной для расследования информации, но и в создании условий ее получения.

Итак, тактическую задачу можно определить как обусловленную ситуационным фактором необходимость использования сложившихся или создания благоприятных для дальнейшего расследования условий криминалистической деятельности путем оказания тактического правомерного воздействия на тот или иной объект.

Изучение систем тактических задач целесообразно проводить с классификационных позиций. Такое исследование позволит:

- определить критерии формирования систем;
- установить иерархию тактических задач;
- проследить связь тактических задач с различными видами тактических решений.

В криминалистической литературе представлена точка зрения, согласно которой к классификациям криминалистических задач нужно переходить, не предлагая строгих формулировок понятия задачи¹. Такая позиция представляется спорной, поскольку, точно не установив отраженные в понятии существенные признаки объектов, невозможно провести их классификацию.

Анализ классификационного аппарата тактических задач следует начать с их весьма распространенного деления на простые и

¹ См.: Грановский Г. Л. Эвристические методы в производстве судебных экспертиз. - М., 1975.-С.3.

сложные¹. Основанием этой классификационной системы является *информационная определенность задачи*, т.е. знание о способе (алгоритме) ее решения. Простую тактическую задачу можно определить как задачу, постановка которой осуществлялась в условиях простой типовой следственной ситуации. Сложную тактическую задачу характеризуют следующие признаки:

- ее постановка в условиях сложной типовой либо специфической следственной ситуации;
- отсутствие однозначного способа решения;
- наличие разнородных факторов, не позволяющих в полной мере предвидеть последствия принятого решения.

Этому делению тактических задач соответствует классификация тактических решений на состоящие в решении тактической задачи: простой; сложной.

Отметим, что в криминалистической литературе уделено немало внимания разработке алгоритмов, методик решения тактических задач, в том числе и применительно к расследованию отдельных видов преступлений. В основу их разработки ложатся результаты типизации следственных ситуаций, в том числе применительно к различным видам преступлений, и сформированные на их основе системы задач расследования, которые можно обозначить как типовые.

Для тактических задач характерна и другая часто встречаемая классификация - *по их функциональной направленности* (виду деятельности, для которого характерны данные задачи)². В качестве элементов такой классификации можно выделить:

1. *Розыскные задачи*. Такие задачи можно определить как установление местонахождения объектов, имеющих значение для расследования уголовного дела. Объектами розыска, и в этом солидарны практически все ученые, занимавшиеся проблемами розыскной деятельности (Р. С. Белкин, А. А. Закатов, А. Н. Колесниченко, Е. Ф. Конова-

¹ См.: Белкин Р. С. Очерки криминалистической тактики. - С. 91; Гранат Н. Л. Указ. соч. - С. 6-7; Лузгин И. М. Криминалистические задачи и их место в оценке исходных следственных ситуаций // Актуальные вопросы использования достижений науки и техники в расследовании преступлений органами внутренних дел. - М., 1990. - С. 66; Ратинов А. Р. Судебная психология для следователей. - М., 1967. - С. 170.

² См.: Колдин В. Я. Общие положения криминалистической тактики // Криминалистика. / Отв. ред Н. П. Яблоков. - М., 1995. - С. 364; Лузгин И. М. Указ. соч. - С. 65; Полевой Н. С. Указ. соч. - С. 187; Поташник Д. П. Криминалистическая тактика. - М., 1998. - С. 48; Самыгин Л. Д. Указ. соч. - С. 42.

лов и др.¹), могут выступать только те объекты, которые известны следователю (установлены следователем).

Объекты розыска имеют и еще один признак, раскрытый Р. С. Белкиным, а именно их нахождение вне пределов досягаемости следователя и суда, когда доказывание и процессуальная процедура требуют реального (физического и психического) взаимодействия с ними и если их местонахождение в настоящий момент неизвестно.

В круг объектов розыска традиционно включаются:

- люди - подозреваемые; обвиняемые; осужденные, бежавшие из мест лишения свободы или с предписанного места жительства; потерпевшие; свидетели; лица, пропавшие без вести, если есть основания полагать, что они стали жертвой преступления;

- трупы и их части;

- животные (как предмет преступного посягательства или орудие преступления) и их трупы;

- вещественные доказательства (в том числе орудия преступления);

- транспортные средства (как предмет преступного посягательства или орудие преступления);

- имущество и иные ценности (похищенные, нажитые иным преступным путем, подлежащие конфискации или изъятию в возмещение причиненного ущерба);

- личные и иные документы, не являющиеся вещественными доказательствами.

Для каждого объекта розыска характерен свой набор индивидуализирующих признаков.

Однако, и в этом следует согласиться с Е. Ф. Коноваловым, подобный перечень объектов розыска нельзя считать исчерпывающим. Объектами розыска могут быть и любые иные объекты, но при условии, если они уже установлены и имеют значение для расследования преступления².

2. *Исследовательские задачи.* Эти задачи отражают необходимость исследования различных объектов с целью получения, восприятия и уяснения отраженной в них информации.

3. *Организационно-управленческие задачи.* Такой тип задач является вспомогательным по отношению к розыскным и исследователь-

¹ См.: Белкин Р. С. Курс криминалистики. В 3 т. Т. 2. М, 1997. - С.210-213; Закатов А. А. Криминалистическое учение о розыске. - Волгоград, 1988. - С. 6; Колесниченко А. Н. Розыск. - М., 1963. - С. 352.

² См.: Коновалов Е. Ф. Розыскная деятельность следователя. - М, 1973. - С. 5.

ским и может быть определен как создание благоприятных условий их решения (см. схему 21 в приложении 1).

Тактические решения могут приниматься как по каждой тактической задаче, так и носить комплексный характер.

Система тактических задач может быть проанализирована с позиции субъекта их постановки¹. По этому основанию тактические задачи могут быть разделены на: сформулированные следователем на основе изучения материалов дела; возникшие при содействии специалистов; выработанные коллективно членами следственно-оперативной группы. От этого деления во многом производна классификация тактических решений в зависимости от круга лиц, участвующих в процессе их принятия, хотя следует помнить, что круг лиц, участвовавших в постановке задачи и выборе способа ее решения, может не совпадать.

Весьма важной представляется классификация тактических задач, построенная по уровню их решения. В криминалистической литературе выделяют, как правило, два ее элемента: промежуточные и основные (конечные) задачи². В то же время, необходимо отметить, что в отдельных научных трудах критерий «уровень» используется для построения иной классификации.

Так, в учебном пособии под редакцией А. В. Дулова предлагается разделить задачи по уровню конечного результата на общие, типичные и нетрадиционные. В качестве основного признака, характеризующего общие и типичные задачи, указывается использование для их решения алгоритмизированных методов (при этом признаки, отличающие общие задачи от типичных, не приводятся), соответственно нетрадиционных задач - эвристических подходов. Не совсем понятна фраза, целью которой, по всей видимости, является обоснование этой системы: «Конкретность тактической задачи дает возможность непрерывно контролировать путь продвижения к ее решению, в любой момент четко представлять степень ее решения и эффективность избранных и реализованных для этой цели тактических средств»³. К какому из элементов системы был отнесен признак конкретности, не совсем ясно. Если к общим или типичным задачам, то это не соответствует действительности. Если конкретностью характеризуется нетрадиционная задача, то возможность четкого представления степени ее

¹ В основе такого деления лежит классификация криминалистических задач, предложенная И. М. Лузгиным. (См.: Лузгин И. М. Указ. соч. - С. 66)

² См.: Полевой Н. С. Указ. соч. - С. 187.

³ См.: Криминалистика. / Под ред. А. В. Дулова. - Минск, 1996. - С. 263. К сожалению, оформление этого учебного пособия не позволяет установить автора рассматриваемой классификации.

решения и эффективности избранных для этой цели тактических средств сомнительна. На наш взгляд, когда говорится об уровне решения тактической задачи, то подразумевается, прежде всего, объективно обуславливаемая последовательность их решения. Иными словами, не решив промежуточной задачи, нельзя подойти к решению основной задачи.

Важной классификацией тактических задач представляется их деление *по приоритету решения* - на первоочередные и последующие. Такое деление имеет качественное отличие от предыдущей классификации. Отказ от решения либо несвоевременное решение первоочередных задач не влечет за собой невозможность решения последующих задач, однако может повлечь иные неблагоприятные последствия. Как справедливо отметил И. М. Лузгин, решение первоочередных задач направлено на быстрое обнаружение, фиксацию, предварительное исследование доказательств и чаще всего связано с первоначальным этапом расследования¹. Однако необходимо добавить, что первоочередные задачи могут возникать не только на первоначальном, но и на последующих этапах расследования (например, задержание обвиняемого, совершившего побег из-под стражи).

Итак, первоочередные решения - это решения, необходимость приоритетного принятия которых обуславливается временным фактором. Как справедливо отметил В. П. Лавров, время «накладывает свой отпечаток на содержание конкретных задач расследования, на тактику отдельных следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий; на использование специальных познаний; на сохранность вещественных доказательств и даже на саму возможность привлечения к ответственности за совершенное деяние»².

Весьма важной, на наш взгляд, является классификация тактических задач - *по их содержанию*. Под содержанием тактической задачи мы понимаем различные обстоятельства, которые должны быть разрешены, изменены или использованы в ходе проведения действий, имеющих тактический характер. По этому основанию все тактические задачи можно разделить на определяющие необходимость:

- изменения сложившейся следственной ситуации по делу;
- использования сложившейся следственной ситуации по делу.

¹ См.: Лузгин И. М. Указ. соч. - С. 67.

² Лавров В. П. Криминалистическая теория временных отношений // Криминалистика. История, общая и частные теории. / Под. ред. Р. С. Белкина, В. Г. Коломацкого, И. М. Лузгина. - М., 1995. - С. 204.

Такая система тактических задач в полном объеме корреспондирует с предложенным Р. С. Белкиным делением тактических решений на: — преследующие цель изменения ситуации в благоприятную для расследования сторону;

- направленные на максимально эффективное использование следственной ситуации неблагоприятного характера;
- использующие благоприятную ситуацию¹.

Системный подход к изучению тактических задач - важный аспект теории тактических решений. Причем, необходимо отметить, что системы тактических задач тесно связаны как с классификациями тактических решений, так и с классификационными построениями приемов и способов тактического воздействия на следственную ситуацию (тактическими приемами и комбинациями).

Заметим также, что в основу классификаций тактических решений могут быть положены не только системы тактических задач, но и иной критерий. Таким критерием, на наш взгляд, выступают способы решения поставленных задач. Данный критерий позволяет производить деление тактических решений по следующим основаниям:

- необходимость процессуального закрепления;
- обязательность исполнения;
- субъекты, которым адресовано решение;
- сроки исполнения.

В криминалистической литературе рассматривается ряд классификационных систем тактических решений, которые можно охарактеризовать как связанные со способом достижения поставленной задачи.

Прежде всего необходимо отметить деление тактических задач на процессуальные и непроцессуальные. Вопрос о возможности существования такой классификационной системы решается в научной литературе неоднозначно. Классификация имеет как сторонников², так и противников. Причем, ученые, отрицающие возможность существования такого деления, либо просто указывают, что тактические решения не являются правовыми³, либо приводят признаки, их различающие*.

¹ См.: Белкин Р. С. Перспективы исследования проблемы следственной ситуации // Следственная ситуация. - М, 1985. - С. 5.

² См.: Бахин В. П. Указ. соч. - С. 29; Белкин Р. С. Указ. соч. - С. 160; Новик Ю. И. Указ. соч. - с. 7; Эксархопуло А. А. Основы криминалистической теории. - Санкт-Петербург, 1992. - с. 108.

³ См.: Лупинская П. А. Решения в уголовном процессе // Курс советского уголовного процесса. Общая часть. / Под. ред. А. Д. Бойкова и И. И. Карпеца. - М, 1989. - С. 466.

⁴ См.: Цветков С. И. Указ. соч. - С. 100.

Так, например, по мнению С. И. Цветаева, «в отличие от процессуального, тактическое решение может:

- не облекаться в форму процессуального документа;
- сочетаться с процессуальным решением, облакаемым в форму постановления;
- приниматься до возбуждения уголовного дела, по приостановленным уголовным делам, по нескольким уголовным делам, в том числе находящимся в производстве различных следователей;
- приниматься не только на основе доказательственной информации, но и с использованием данных, полученных оперативным путем;
- разрабатываться с участием оперативных работников, руководителей органов внутренних дел, но без вмешательства в процессуальную деятельность следователя;
- предусматривать не только проведение следственных действий, но и организационно-технических мероприятий, а также дачу поручений органам дознания по установлению тех или иных обстоятельств в результате оперативно-розыскных мероприятий;
- являться результатом коллективной работы взаимодействующих работников различных служб органов внутренних дел, работников других правоохранительных органов»¹.

Приведенный С. И. Цветковым комплекс признаков действительно отличает процессуальное решение от непроцессуального, однако не убеждает в том, что процессуальное решение не может носить тактического характера. Представляется, что раскрытые С. И. Цветковым признаки, характеризуют не все тактические решения в целом, а лишь их отдельный подвид - непроцессуальные тактические решения.

Конечно, не во всех случаях процессуальные решения имеют тактический характер, а только в тех, когда решается вопрос о выборе наиболее целесообразных, рациональных и эффективных приемов, средств и методов достижения поставленной задачи. Думается, к числу процессуальных решений, которые могут одновременно носить тактический характер, можно отнести решения: о возбуждении уголовного дела²; о проведении следственных действий; о привлечении лица в качестве обвиняемого; об избрании меры пресечения; о назначении экспертизы.

Помимо рассмотренной, в литературе предложен и ряд других классификаций тактических решений, представляющихся целесообразными и обоснованными:

¹ Цветков С. И. Указ. соч. - С. 100-101.

² В данном случае тактический характер будет иметь своевременность принятия решения о возбуждении уголовного дела.

1. *По обязательности исполнения*: императивные (обязательные) и рекомендательные¹.

2. *По субъектам, принимающим тактическое решение*: решения следователя, оперативного работника, прокурора, руководителя следственного подразделения.

3. *По субъектам, которым адресовано решение*: принимаемые для собственного исполнения; адресованные другим участникам расследования.

4. *По объему*:

- о применении тех или иных приемов и средств при производстве отдельного следственного действия;

- состоящие в выборе из нескольких возможных такого следственного действия, проведение которого на данный момент расследования признается оптимальным для достижения конкретной цели;

- о последовательности проведения комплекса следственных действий на определенном этапе расследования;

- о направлении расследования в целом.

5. *В зависимости от сроков исполнения*: оперативные (решения, принимаемые к исполнению сразу после принятия); текущие (исполняемые в ходе определенного времени); перспективные (исполняемые в будущем при наличии определенных обстоятельств)².

А. А. Эксархопуло предложено и еще одно деление тактических решений - *в зависимости от возможности предвидеть последствия их принятия*. В качестве элементов такой классификационной системы им выделяются:

- решения, принимаемые в условиях определенности, т.е. когда заранее известно, что каждое из альтернативных решений обязательно приводит к одному определенному результату;

- решения, принимаемые в условиях риска;

- решения, принимаемые в условиях неопределенности, т.е. когда круг возможных последствий принятия того или иного решения заранее неизвестен или известен не в полном объеме³.

Представляется, что А. А. Эксархопуло справедливо включил в рассматриваемую классификацию решения, принимаемые в условиях определенности и в условиях риска. Однако признание решений, принимаемых в условиях неопределенности, тактическими, на наш взгляд,

¹ См.: Белкин Р. С. Курс криминалистики. Т. 3. - С. 160.

² См.: Эксархопуло А. А. Указ. соч. - С. 111.

³ Там же. - С.112.

не совсем оправданно. Действие, решение о проведении которого принимается в условиях неопределенности, есть не что иное, как воплощение метода проб и ошибок, о недопустимости применения которого в рамках следственной и судебной деятельности уже неоднократно указывалось в криминалистической литературе¹.

Научное значение приведенных выше систем тактических задач и решений проявляется:

- в систематизации криминалистических знаний о процессе принятия тактического решения;
- в обогащении языка криминалистической науки новыми понятиями и терминами, определении их иерархии и основных признаков;
- в раскрытии сущности основных элементов процесса принятия тактического решения с различных сторон и в их взаимосвязи.

При практическом использовании различные системы тактических задач и решений носят преимущественно информационно-справочный характер. В криминалистической литературе такие системы иногда рассматриваются как элемент программирования расследования следователем² или даже как разновидность программ криминалистической деятельности³.

В частности, высказав мнение о возможности рассмотрения систем типовых задач и решений в качестве программ расследования, Г. А. Густов назвал три группы таких программ:

1. Краткие программы, как логически упорядоченные системы типовых задач, излагаемых применительно к определенным объектам познания (ориентирующих на то, что надо выяснить при расследовании определенного вида преступлений, изучении определенного обстоятельства, проведении определенного следственного действия и т. д.).

2. Развернутые программы, представляющие собой системы не только типовых задач расследования, но и их типовых решений, рекомендуемых в отношении определенных объектов познания.

3. Программы, отражающие возможные результаты действий следователя, в которых наряду с задачами и решениями содержится так-

¹ См.: Белкин Р. С. Курс криминалистики. Т. 3. - С. 176; Дулов А. В. Основы психологического анализа на предварительном следствии. - М., 1973. - С. 53.

² См.: Шаталов А. С. Криминалистические алгоритмы и программы. - М., 2000. - С. 160.

³ См.: Густов Г. А. Проблемы программирования расследования преступлений// Проблемы программирования, организации и информационного обеспечения предварительного следствия. - Уфа, 1989. - С. 19.

же перечень возможных результатов действий следователя, а также
версий по оценке этих результатов и рекомендаций!.

Точка зрения Г. А. Густова, несомненно, имеет определенный науч-
ный интерес, проявляющийся в раскрытии связей между системами
типовых задач расследования, тактических решений и последствий их
реализации. В то же время, отождествление систем тактических задач
решений с криминалистическими программами, на наш взгляд, но-
сит дискуссионный характер.

Криминалистическая программа (программа расследования) в
криминалистической литературе определяется в узком и широком
смыслах. В узком смысле это понятие включает в свое содержание
только перечень типичных необходимых действий (следственных
действий, оперативно-розыскных мероприятий и пр.) в зависимости
от вида преступления и с учетом следственных ситуаций¹. В широком
понимании определение программы расследования включает в себя
не только операциональную часть (систему различных действий), но
и информационную часть, представляющую собой систему необходи-
мых научных рекомендаций по реализации программы в ходе практи-
ческой деятельности следователя³.

Широкий подход к пониманию программ расследования пред-
ставляется более обоснованным. При этом информационная состав-
ляющая программы обычно включает в себя не только рекомендации
по ее применению, но и указание на типовую тактическую задачу
(комплекс задач), для решения которой и предназначен алгоритмизи-
рованный комплекс действий. Однако отраженная в программе рас-
следования система типовых задач расследования не подменяет собой
ее операциональную часть. Иными словами, система задач не является
системой последовательных действий (операций), так же как и такти-
ческое решение не должно отождествляться со средствами его реали-
зации. В этой связи отождествлять программу расследования и сис-
тему тактических задач вряд ли возможно. Более правильно, по всей
видимости, говорить о системе таких задач как об основе алгоритми-
зации и программирования расследования, так как алгоритмы или

¹ См.: Густов Г. А. Проблемы программирования расследования преступлений // Про-
блемы программирования, организации и информационного обеспечения предвари-
тельного следствия. - Уфа, 1989. - С. 19-23.

² См.: Белкин Р. С. Криминалистическая энциклопедия. - М., 1997. - С. 176.

³ См.: Драпкин Л. Я. Ситуационный подход в криминалистике и программирование
расследования // Проблемы программирования, организации и информационного
обеспечения предварительного следствия. - Уфа, 1989. - С. 31.

программы, разрабатываемые безотносительно к типовым задачам расследования, не будут иметь практическую значимость, поскольку информационно не определены ситуации их применения.

Отметим, что процесс использования разработанных в криминалистической науке алгоритмов и программ расследования тесно связан с установлением характера тактической задачи, которая должна быть сформулирована и решена, в том числе ее оценкой с классификационных позиций¹.

Итак, в процессе постановки тактической задачи следователь должен определить:

- какой приоритет решения у поставленной задачи (первоочередная или последующая);
- какой уровень поставленной задачи (основная или промежуточная), ее функциональная направленность (розыскная, исследовательская, организационно-управленческая);
- типовой или специфический характер носит поставленная задача, известен ли следователю алгоритм ее решения (простая или сложная).

Определение приоритета задач расследования предполагает установление временной последовательности их решения. При этом на первоочередность принятия решения указывают:

- возможность потери доказательственной и иной криминалистически значимой информации в случае промедления (как при собирании, так и при исследовании доказательств);
- необходимость создания благоприятных условий для дальнейшего решения более общей задачи или иных тактических задач.

В качестве подвида решений первоочередных задач можно назвать быстрые решения, процесс принятия которых под воздействием объективных обстоятельств должен укладываться в максимально короткое время.

Определяя уровень решения поставленных задач, следователь устанавливает, какая из тактических задач является основной, а какие - промежуточными. Установление уровня задачи целесообразно дополнить определением ее функционального назначения (розыскная, исследовательская или организационно-управленческая).

¹ Г. Л. Грановский обоснованно выделил определение классификационной принадлежности криминалистической задачи и разделение ее на подзадачи как один из элементов процесса ее решения (См.: Грановский Г. Л. Понятие и основные положения общей теории решения криминалистических задач // Современное состояние и перспективы развития традиционных методов криминалистической экспертизы. - М, 1987. - С. 8).

Например, в процессе расследования неправомерного доступа к компьютерной информации, сопряженного с ее незаконным копированием, одной из задач расследования выступает обнаружение похищенной информации. Установление факта нахождения такой информации на компьютерном оборудовании, находящемся по месту его жительства лица, подозреваемого в совершении преступления, явится важным доказательством его причастности к совершению данного деяния. Таким образом, принятие следователем решения о производстве обыска будет обусловлено поставленной задачей розыскного характера. В свою очередь, достижение поставленной основной розыскной задачи вряд ли возможно без решения ряда промежуточных исследовательских и организационно-управленческих задач. При этом исследовательский характер будут носить задачи по собиранию и изучению информации о:

- личности подозреваемого (в особенности его профессиональных качествах - как программиста, специалиста в области компьютерных технологий);

- компьютерном оборудовании и программном обеспечении, которые он имеет или использует;

- месте обыска;
- признаках разыскиваемой компьютерной информации¹;
- способах сокрытия компьютерной информации, которые мог осуществить подозреваемый, и т. д.

Организационно-управленческими в приведенном примере будут задачи, указывающие на необходимость:

- создания следственно-оперативной группы с обязательным участием специалиста в области компьютерной техники и технологий;
- обеспечение следственно-оперативной группы необходимыми научно-техническими (в том числе компьютерными) средствами;

- разработки необходимых поисковых компьютерных программ;
- проведения блокирующих технических мероприятий (например, телефонной сети и иных коммуникаций, по которым может быть передана искомая информация);

- привлечения к участию в проведении обыска понятых, обладающих познаниями в области компьютерной техники и технологий, и пр.

Отметим, что в приведенном примере решение об обыске должно носить комплексный характер, так как следователь, принимая такое

¹ Подробнее о розыскных признаках компьютерной информации см.: Головин А. Ю., Толстухина Т. В. Компьютерная информация как объект розыска // Тезисы докладов Всероссийской научно-практической конференции «Российское законодательство и юридические науки в современных условиях: состояние, проблемы, перспективы». Тула, 2000.

решение, должен определить средства решения не только основной но и промежуточных тактических задач.

Определение следователем поставленной им задачи как простой и имеющей типовой характер ориентирует его на активное использование научных программ поддержки принятия решения, разработанных в криминалистике алгоритмов и программ расследования и рекомендаций по их применению.

Определив поставленную задачу как сложную, специфическую следователь предполагает отсутствие научного алгоритма ее решения, ориентирует себя на творческий характер его принятия, более активное использование в процессе принятия тактического решения собственного опыта или помощи более опытных коллег, оперативных работников специалистов. Отметим, что при этом получает реализацию на практике не только информационная, но и коммуникативная функция классификационных систем тактических задач и решений, иницилирующая в ходе принятия решения общение следователя с другими участниками раскрытия и расследования преступления. Такое общение может представлять собой как совместную мыслительную деятельность, так и обмен требующейся для принятия решения информацией. Полезность совместного принятия тактического решения очевидна. В ходе обмена необходимыми для принятия решения данными следователь может восполнить информационные пробелы за счет сведений, полученных оперативно-розыскным путем, в ходе процессуальной деятельности другого следователя, а также путем использования специальных познаний. Немалую роль сыграют и советы более опытных коллег.

Кроме того, классификационная система тактических задач «простые-сложные» имеет и еще один практический выход, выражающийся в возможности расчленения сложной задачи на ряд простых, решение которых известно.

Системы тактических задач и решений также могут использоваться следователем:

- при планировании расследования или отдельных действий, тактических операций;
- для уяснения сущности и содержания принимаемых решений, субъектов, сроков, последовательности их исполнения, а также определения полноты принятого решения;
- при оценке последствий принимаемых решений;
- установления необходимости принятия дополнительных решений

Аналогичным образом классификационные системы могут использоваться и исполнителем, которому адресовано тактическое решение-

Заслуживают внимания и вопросы использования рассмотренных систем в дальнейшей научной разработке компьютерного обеспечения процесса принятия тактических решений, тем более что компьютерные технологии развиваются стремительными темпами и предоставляют все более широкие информационные и коммуникационные возможности, а их использование в процессе раскрытия и расследования преступлений приобретает все более массовый характер.

§5. Систематика криминалистических версий

Одной из частных теорий, изучаемых криминалистикой, является теория криминалистической версии. Проблемам криминалистической версии уделялось достаточно широкое внимание со стороны ученых-криминалистов. Однако некоторые аспекты учения о криминалистической версии до сих пор остаются дискуссионными, в частности, отдельные аспекты классификационного аппарата этого учения.

Принимая во внимание, что построение классификационной системы и ее анализ должны начинаться с определения сущности классифицируемого объекта (установление и уяснение признаков делимого понятия), нам представляется необходимым определить наиболее существенные признаки криминалистической версии.

Определение криминалистической версии является наиболее устоявшимся из всех тактико-криминалистических понятий. В большинстве криминалистических научных трудов версия определяется как обоснованное предположение компетентного лица относительно обстоятельств, имеющих значение для расследования уголовного дела, служащее цели установления объективной истины¹.

¹ См.: Александров Г. Н. Некоторые вопросы теории криминалистической версии // Вопросы криминалистики. - М., 1962, № 3. С. -15; Арцишевский Г. В. Выдвижение и проверка следственных версий. - М., 1978. - С. 13; Баев О. Я. Криминалистическая тактика и уголовно-процессуальный закон. - Воронеж, 1977. - С. 49; Белкин Р. С. Очерки криминалистической тактики. - С. 35; Васильев А. Н. Следственная тактика. - М., 1976. - С. 55; Величкин С. А. Криминалистическое учение о версии // Криминалистика. / Под ред. Т. А. Седовой, А. А. Эксархопуло. - СПб, 1995. - С. 46; Герасимов И. Ф., Драпкин Л. Я. Учение о криминалистической версии// Криминалистика./ Под ред. И. Ф. Герасимова, Л. Я. Драпкина. - М., 1994. - С. 58; Лузгин И. М. Учение о криминалистической версии // Криминалистика. История, общая и частные теории. / Под ред. Р. С. Белкина, В. Г. Коломацкого, И. М. Лузгина. - М., 1995. - С. 175; Медведев С. И. Негативные обстоятельства и их использование в раскрытии преступлений. - Волгоград, 1973. - С. 23-24. Пантелеев И. Ф. Криминалистические версии// Криминалистика. /Под ред. И. Ф. Пантелеева, Н. А. Селиванова. - М., 1993. - С. 70; Пешак Я. Следственные версии. - М, 1976. - С. 130; Селиванов Н. А. Советская криминалистика: система понятий. - М, 1982. - С. 107; Сергеев Л. А., Соя-Серко Л. А., Якубович Н. А. Планирование расследования. - М, 1975. - С. 20; Юридическая энциклопедия./ Под ред. М. Ю. Тихомирова. - М, 1998. - С. 219; Яблоков Н. П. Криминалистические версии// Основы планово-организационного обеспечения криминалистической деятельности// Криминалистика./ Отв. ред. Н. П. Яблоков. - М, 1995 и др.

Особое мнение было высказано А. М. Лариным, который дал следующее определение криминалистической версии: «...Строящаяся в целях установления объективной истины по делу интегральная идея, образ, несущий функции модели исследуемых обстоятельств, созданный воображением (фантазией), содержащий предположительную оценку наличных данных, служащий объяснением этих данных и выраженный в форме гипотезы»¹. Такой подход к пониманию сущности криминалистической версии неоднократно критиковался в литературе. Добавим также, что предложенная А. М. Лариным дефиниция отличается чрезвычайной сложностью, как в понимании, так и в проведении с таким пониманием различных логических операций, в том числе и классификации.

С учетом сказанного, представляется возможным выделить следующие основополагающие признаки криминалистической версии: во-первых, это предположение; во-вторых, это логически построенное предположение; в-третьих, это предположение, обоснованное фактическими данными; в-четвертых, предположение должно быть направлено на объяснение явлений (фактов, обстоятельств), связанных с преступлением или его отсутствием; в-пятых, это предположение компетентного лица - т.е. лица, имеющего полномочия для осуществления действий, так или иначе направленных на проверку или подтверждение выдвинутой версии. Эти признаки характерны для любого вида криминалистической версии.

Классификационные исследования криминалистических версий² ведутся с середины 50-х до второй половины 60-х годов XX столетия. Первые научные работы, в которых затрагиваются криминалистические версии, это преимущественно статьи, тезисы выступлений, либо труды по вопросам доказывания, планирования расследования. Пионерами в этой области были Г. Н. Александров, А. Н. Васильев, А. И. Винберг, А. Н. Колесниченко, О. В. Никренц, Г. М. Миньковский, В. И. Тербилов, А. А. Пионтковский, А. А. Старченко, М. С. Строгович, Н. А. Якубович и некоторые другие ученые.

Версии рассматривались в учебниках «Советская криминалистика» под редакцией С. П. Митричева и Н. В. Терзиева (М., 1958), «Криминалистика» под редакцией С. А. Голунского (М., 1959).

¹ Ларин А. М. От следственной версии к истине. - М., 1976. - С. 29.

² В первых работах, посвященных проблеме, версии именовались преимущественно следственными.

³ Думается, первым определением криминалистической версии была дефиниция М. С. Строговича, предложенная еще в 1946 году. Под ней понималось «одно из нескольких отличных друг от друга объяснений одного и того же события». (см.: Строгович М. С. Уголовный процесс. - М., 1946. - С. 290).

В первых работах по рассматриваемой проблематике внимание преимущественно уделяется сущности криминалистической версии, теоретическим вопросам ее построения и проверки. Появляются и первые деления.

Так, уже в 1955 году А. А. Пионтковский пишет о классификации версий на наиболее вероятные и менее вероятные¹.

Данное деление версий упомянул в 1956 году и американский криминалист О. Хара². Он рекомендовал отбирать для проверки те версии, которые кажутся наиболее вероятными, а затем после их проверки выбрать наилучшую версию и до окончательного придерживаться именно ее, за что подвергся справедливой критике со стороны д. Н. Васильева³.

По сути дела, по степени вероятности разделил версии и А. А. Старченко, используя, впрочем, иную терминологию (более убедительные и менее убедительные)⁴.

Классификация версий по степени вероятности неоднократно упоминалась в более современных научных трудах (например, в цикле работ И. М. Лузгина, посвященных проблемам криминалистических версий 1968-1995 гг.). Данная классификация представляется интересной и имеет практическое значение. Однако, используя ее в практической деятельности, лицо, производящее расследование, должно знать, что не следует увлекаться проверкой только наиболее вероятной версии, игнорируя при этом выдвижение и проверку иных предположений, даже, на первый взгляд, менее вероятных.

В 1955 году В. И. Теребилов пишет о подтверждаемых (полностью и частично) и отвернутых версиях. И те, и другие, по мнению автора, имеют положительное значение для процесса познания истины⁵. Практически из тех же посылок исходил А. Р. Ратинов, классифицировавший версии на истинные и ложные⁶. Однако в более поздних работах подобное деление не встречается. Думается, это связано с тем, что У такой классификации нет практического выхода. Определение истинности версии возможно только по результатам ее проверки. Меж-

¹ См.: Пионтковский А. А. К вопросу о теоретических основах советской криминалистики // Советская криминалистика на службе следствия. Вып. 6. - М., 1955. - С. 30.

² Цит. по: Васильев А. Н. Основы следственной тактики. - М., 1960. - С. 20.

³ См.: Васильев А. Н. Указ. соч. - С. 20.

⁴ См.: Старченко А. А. Гипотеза. Судебная версия. - М., 1962. - С. 35-36.

⁵ См.: Теребилов В. И. К вопросу о следственных версиях и планировании расследования // Советская криминалистика на службе следствия. - М., 1955. - С. 107.

⁶ См.: Ратинов А. Р. Судебная психология для следователей. - М., 1967. - С. 149.

ду тем, подтвердившаяся версия уже не станет носить предположительного характера, а будет представлять собой истинное знание.

В 1956 году в работе А. И. Винберга, Г. М. Миньковского и Р. Д. Рахунова «Косвенные доказательства» был затронут вопрос о соотношении общих и частных версий в расследовании, хотя основание такого деления авторами не было приведено¹. Однако уже в 1957 году А. Р. Шляхов называет такой классификационный признак - объем версии.

В том же году в работе А. Н. Васильева, Г. Н. Мудьюгина и Н. А. Якубович «Планирование расследования преступления» версии предлагается делить по признаку юридической значимости на три класса:

- а) общие версии - предположения о предмете доказывания в целом;
- б) версии об отдельных юридических признаках преступления (объекте, объективной стороны, субъекте, субъективной стороне и др.);
- в) частные версии - о доказательственных фактах².

Рассматриваемую классификацию криминалистических версий подверг критике Г. Н. Александров. По его мнению, «...в основу классификации содержания версий должны быть положены не элементы состава преступления, не так называемые «частные» или «предварительные» версии, но те главные вопросы, от решения которых прежде всего зависит раскрытие преступления», т.е. автор по сути дела отрицал существование частных версий. В то же время, Г. Н. Александров сделал примечание, из которого вытекает, что подчеркиванием «главных вопросов» он не хочет недооценивать «мелочей», которые встречаются при расследовании и которые могут оказаться в дальнейшем главными вопросами³. Не о частных версиях ли здесь шла речь?

Несмотря на критику Г. Н. Александрова, деление криминалистических версий на общие и частные прижилось в криминалистической науке и на протяжении длительного времени вызывало интерес ученых, являлось объектом научных дискуссий.

В частности, спорным вопросом классификации криминалистических версий *по объему объясняемых фактов (по содержанию)* остается число составляющих ее элементов.

¹ См.: Винберг А. И., Миньковский Г. М., Рахунов Р. Д. Косвенные доказательства. - М., 1956. - С. 89.

² См.: Васильев А. Н., Мудьюгин Г. Н., Якубович Н. А. Планирование расследования преступления. - М., 1957. - С. 39-40.

³ См.: Александров Г. Н. Некоторые вопросы теории криминалистической версии // Вопросы криминалистики. - М., 1962, № 3. С. 15.

Сторонники двучленной классификации считают, что по данному Основанию версии можно разделить на общие (выдвигаемые в отношении исследуемого относительно других, более частных обстоятельств дела)¹.

Ученые, придерживающиеся второго взгляда, считают, что, помимо указанных, в данную классификацию должна включаться третья группа - версии, предположительно объясняющие отдельные элементы состава преступления. При этом частные версии определяются как предположения, относящиеся к отдельным мелким деталям расследуемого события и обстоятельствам, сопутствующим преступлению².

В литературе встречаются точки зрения, допускающие существование обеих ПОЗИЦИЙ.

Как представляется, разрешение этой застарелой дилеммы должно строиться на логическом анализе структуры классификации. Используемое классификационное основание (объем объясняемых версий фактов) достаточно точно определяет понятие общей версии, объясняющей сущность и содержание всего события в целом. Логично предполагать, что вторым элементом классификации будет являться версия, объясняющая более узкий круг обстоятельств. При этом, исходя из использованного классификационного основания, совершенно не существенно, на какие именно обстоятельства направлено такое предположение. Таким образом, логически верной будет являться двучленная структура рассматриваемой классификации.

Данная классификация играет положительную роль в уяснении сущности криминалистической версии. Утверждение о существовании версий с различным объемом позволяет не ограничиваться в расследовании выдвижением предположений относительно всего исследуе-

¹ См.: Белкин Р. С. Криминалистика. Краткая энциклопедия. - С. 13; Возгрин И. А. Формирование и выдвижение следователем первых версий // Проблемы криминалистической тактики. Вып. 16. - Омск, 1973. - С. 87; Величин С. А. Указ. соч. - С. 47; Лузгин И. М. Учение о криминалистической версии. - С. 178; Пешак Я. Указ. соч. - С. 128 и др.

² См.: Арцишевский Г. В. К вопросу о следственных версиях // Вопросы борьбы с преступностью. Вып. 24. - М, 1976. - С. 150; Колесниченко А. Н, Матусовский Г. А. О системе версий и методике их построения // Криминалистика и судебная экспертиза. Вып. 7. - Киев, 1970. - С. 11; Селиванов Н. А. Указ. соч. - С. 108 и др. С. А. Шейфер предложил классифицировать версии на общие, частные и детальные. Однако под частными он понимает версии, объясняющие отдельные элементы состава преступления, а под детальными - предположения о более мелких деталях расследуемого события, что позволяет его рассматривать как представителя данного подхода (См.: Шейфер С. А. Сущность и способы собирания доказательств в советском уголовном процессе. - М, 1972. - С. 31.)

³ См.: Яблоков Н. П. Указ. соч. - С. 103.

мого события в целом, а направлять его на выяснение и проверку более мелких, иногда, на первый взгляд, незначительных обстоятельств. Более того, выдвижение общей версии, особенно по делам о неочевидных преступлениях, не всегда возможно сразу, и в таких случаях особую роль играют частные версии, результаты проверки которых (одной или нескольких) могут явиться обоснованием выдвижения общей версии. Связь между этими элементами данной классификационной системы проявляется также и в том, что на основе общей версии можно выдвинуть ряд частных, что, однако, далеко не всегда позволяет рассматривать их совокупность как общую версию. Кроме того, эта классификация предполагает существование множества как общих, так и частных версий, которые могут быть выдвинуты при расследовании.

Проведенный опрос следователей и дознавателей показал, что на практике знают и используют классификацию криминалистических версий по объему объясняемых фактов. Так, подавляющее большинство опрошенных (92,3%) выдвигают в ходе расследования при планировании по делу как общие, так и частные версии (4,1% выдвигают только общие версии, 2,2 - только частные, 1,4% - затруднились ответить).

В криминалистической литературе предлагается ряд классификационных делений криминалистических версий, которые, на наш взгляд, со всем основанием можно охарактеризовать как отдельные виды частных версий. Так, Н. А. Селиванов классифицирует криминалистические версии по общему характеру ближайших целей, достижению которых они должны способствовать, на установительные и розыскные. При этом под установительными версиями понимаются предположения, предназначенные для установления определенных фактов с целью выяснения картины преступления и доказывания по делу, а под розыскными - предназначенные для поиска тех или иных объектов¹.

А. М. Ларин использует термин «розыскная версия» в классификационной системе, построенной им по иному основанию (по характеру предположения), вторым элементом которой он называет версии существования. При этом классификационные элементы имеют те же признаки, что и в классификации Н. А. Селиванова².

Необходимо также отметить точку зрения И. Ф. Герасимова и Л. Я. Драпкина, которые, не приводя основания деления, классифици-

¹ См.: Селиванов Н. А. Указ. соч. - С. 108.

² См.: Ларин А. М. Указ. соч. - С. 54.

руют криминалистические версии на поисковые и исследовательские. Поисковые версии они определяют как предположения, направленные на поиск источников информации, что, на наш взгляд, позволяет рассматривать мнение этих ученых как один из взглядов на классификационную систему именно частных версий, учитывая, что исследовательские версии, по мнению авторов, это предположения, направленные на исследование выявленной информации¹.

Анализ приведенных позиций позволяет установить существенный, на наш взгляд, недостаток построенных классификационных систем: противопоставление розыскных версий как отдельного направления предположения всем остальным криминалистическим версиям. Отсюда вытекает несоразмерность построенных классификаций, необходимость их дополнения. Кроме того, предлагаемые Н. А. Селивановым и А. М. Лариным классификационные признаки носят слишком общий характер и не определяют в должной мере специфику деления.

Как классификации частных версий можно охарактеризовать и классификационные системы, построенные в зависимости от направления предварительной оценки фактических данных (предложена А. М. Лариным) и по отношению к формуле обвинения (предложена И. М. Лузгиным)². И в том, и в другом случае основанием классификации выступает направленность версии на те или иные частные обстоятельства, подлежащие установлению в процессе расследования (в первом случае на относимость и допустимость доказательств, во втором - на виновность или невиновность лица в совершении преступления).

На наш взгляд, ни одна из рассмотренных классификационных систем не охватывает все виды не только криминалистических версий в целом, но и их отдельной разновидности - частных версий. Это обстоятельство указывает на необходимость построения системно обоснованной и полной классификации частных версий. В качестве классификационного основания может использоваться *характер конкретных обстоятельств, предположительно объясняемых частной версией*. По этому признаку предлагаем выделять следующие классификационные элементы:

1. *Версии о характере отдельных обстоятельств происшедшего события, а также обстоятельств, препятствующих нормальному ходу расследования по делу*. К этой классификационной группе относятся предположения о способе совершения или сокрытия преступ-

¹ См.: Герасимов И. Ф., Драпкина Л. Я. Указ. соч. - С. 62.

² См.: Ларин А. М. Указ. соч. - С. 47; Лузгин И. М. Указ. соч. - С. 179.

ления, его месте, времени, орудиях, использованных при совершении преступного деяния и т. д.

Не следует отождествлять рассматриваемые частные версии с общими версиями, рассмотренными выше, поскольку, во-первых, между ними есть большое отличие: признаки, определяемые основанием деления. Для общей версии, как элемента классификации, построенной по объему предположения, характерно предположительное объяснение происшедшего события в целом, как гармоничное сочетание всех или основных его обстоятельств и фактических данных, их подтверждающих. Рассматриваемые версии направлены на предположительное объяснение только отдельных обстоятельств происшедшего события.

Кроме того, предположительного объяснения требуют не только событие преступления в целом или отдельные его обстоятельства. Очевидно, что версия может быть направлена и на действия, связанные с противодействием расследованию по делу (например, версия о воздействии со стороны преступника на свидетеля или иных участников расследования, поскольку ее подтверждение требует немедленного принятия процессуальных и тактических мер по предотвращению и преодолению негативных последствий таких действий).

2. Версии о существовании доказательственной информации по делу. Под версией о существовании доказательств мы понимаем обоснованное фактическими данными предположение о том, что в природе наличествуют источники информации, которая может быть использована в процессе доказывания по делу. К числу таких версий, например, можно отнести предположения о неустановленных по делу свидетелях, о существовании материальных объектов, могущих служить доказательствами по делу, о существовании следов преступления и преступника на определенном участке местности или предмете и пр.

3. Версии о признаках лица (лиц), совершившего или совершающего преступление. Частная версия, относящаяся к этой классификационной группе, например, может быть предположением о специфических признаках внешности, навыках, привычках, профессии, должностном положении и иных особенностях и свойствах личности.

4. Версии о виновности лица в совершении определенного деяния. Именно версии о виновности лица в зависимости от формулы обвинения делятся на обвинительные и оправдательные. Под обвинительными версиями, на наш взгляд, следует понимать обоснованное предположение о совершении расследуемого деяния конкретным лицом. Оправдательной может называться только та версия, которая выдвигает

ется при наличии обвинительного предположения в отношении конкретного лица и представляет собой предположительное суждение о совершении деяния другим, не находящимся с ним в преступной связи человеком, по сути дела контрверсию к обвинительному предположению.

5. *Версии о мотиве и цели деяния.* Версия о мотиве тех или иных действий представляет собой предположительное суждение об обстоятельствах, возможно, побудивших лицо совершить преступное деяние.

Под версией о цели деяния мы понимаем предположительное суждение о том, к чему стремился преступник, что он пытался достичь своими действиями. По большинству дел выдвижение версий о мотиве и цели преступления обязательно, поскольку их проверка и подтверждение позволят значительно продвинуться в расследовании преступления. Так, например, ярко выраженную целевую направленность имеют «казачьи» убийства, более 75% которых совершается из корыстных мотивов¹.

6. *Версии о причинах и условиях совершения преступления.* Данную группу составляют предположительные суждения об обстоятельствах, способствовавших совершению преступного деяния.

7. *Розыскные версии.* Эту классификационную группу составляют предположения о местонахождении установленных лиц, предметов и иных объектов, имеющих значение для дела, признаки которых достаточно (для объявления розыска) известны лицу, производящему расследование.

Однако необходимо отметить, что с указанным выше определением розыскной версии согласилось всего лишь 6,3% опрошенных нами следователей и дознавателей. Большинство респондентов (46,7%) считают, что розыскная версия - это версия о местонахождении любых объектов, имеющих значение для дела. Представляется, что такое понимание розыскной версии не совсем правильно. Следователь не может объявить в розыск объект, если сведения, позволяющие индивидуализировать этот объект, ему неизвестны. Другими словами, термины «поиск» и «розыск» не идентичны по своему содержанию.

Неверно и понимание версии, как предположения только о лице, находящемся в розыске (так думают 9,6% опрошенных), поскольку круг объектов розыска, как уже отмечалось ранее, намного шире.

Более чем треть опрошенных сотрудников следствия и дознания (36,7% от числа опрошенных) считают, что розыскная версия - это

¹ Подробнее см.: Бородулин А. И. Убийства по найму. - М, 1997. - С. 33-39.

версия, выдвигаемая оперативным работником. Это объясняется тем, что ответившие таким образом респонденты не видят различия в терминах «розыскная версия» и «оперативно-розыскная версия», обозначающих различные понятия. Представляется, что субъектом выдвижения розыскной версии, несомненно, может и должен быть как следователь, так и оперативный работник.

Научная и практическая роль рассмотренной классификации проявляется, на наш взгляд, в том, что она выявляет и позволяет наглядно показать все многообразие частных версий по делу, а также логическую последовательность их выдвижения (см. схему 22 в приложении 1).

Длительное время в криминалистической литературе подвергается анализу классификация криминалистических версий, построении *по субъекту их выдвижения*. Существование этой классификационной системы на протяжении длительного времени сопровождается научной дискуссией о ее структуре. Так, по мнению одних авторов, все криминалистические версии по этому основанию разделяются на следственные, оперативно-розыскные, экспертные, судебные¹. Согласно другой точке зрения, в эту классификационную систему, помимо указанных, должны включаться следующие элементы: версии свидетеля, потерпевшего, обвиняемого, подозреваемого, защитника и других участников уголовного процесса². Существует также мнение, согласно которому субъектом выдвижения и проверки версии может быть только следователь, поэтому нет необходимости в классификации версий по такому основанию³.

Проведенный опрос сотрудников органов следствия и дознания показал, что среди следователей и дознавателей также нет единого мнения по вопросу о субъекте выдвижения криминалистической версии. Так, 70,7% опрошенных считают, что выдвигать версии по делу может следователь (лицо, производящее дознание)⁴, 32,6 - указывают

¹ См.: Белкин Р. С. Очерки криминалистической тактики. Волгоград, 1993. - С. 35; Максудов И. Х. Следственные версии и организация планирования и расследования // Криминалистика./Под ред. И. Ф. Крылова. - М., 1976. - С. 289; Лузгин И. М. Следственные версии и планирование расследования // Криминалистика./ Под ред. Р. С. Белкина, Г. Г. Зуйкова. - М., 1968. - С. 234. (Аналогичная позиция отражена и во всех последующих работах И. М. Лузгина, посвященных проблемам учения о криминалистической версии); Герасимов И. Ф., Драпкин Л. Я. Указ. соч. - С. 59 и др.

² См.: Величкин С. А. Указ. соч. - С. 46; Ларин А. М. Указ. соч. - С. 58; Сергеев Л. А., Соколов Л. А., Якубович Н. А. Указ. соч. - С. 26 и др.

³ См.: Арцишевский Г. В. Указ. соч. - С. 20.

⁴ Опрашиваемый мог назвать несколько субъектов выдвижения криминалистических версий.

также прокурора, 17% - эксперта, 16,7 - специалиста, 8,5 - судью, 8,1 - свидетеля, потерпевшего, 2,6 - защитника, 5,6 - подозреваемого, обвиняемого. По мнению 29,3% респондентов, субъектом выдвижения версии может быть любое лицо, причастное к расследованию.

Нам представляется, что формирование единого подхода к определению субъектов выдвижения криминалистической версии на сегодняшний день в определенной степени должно учитывать положения нового уголовно-процессуального законодательства. Анализ этих положений приводит к выводу о необходимости выделения двух различных по субъектному составу групп версий:

- версии, выдвигаемые в ходе судебного производства по уголовным делам;
- версии, выдвигаемые в ходе досудебного производства по уголовным делам.

Версии, выдвигаемые в ходе судебного производства, можно определить как основанные на имеющихся доказательствах по делу предположения участников судебного разбирательства об обстоятельствах происшедшего события, их доказанности, существовании обстоятельств, смягчающих наказание, оправдывающих подсудимого и т. д. В числе субъектов выдвижения таких версий можно назвать обвинителя, подсудимого, защитника, потерпевшего, гражданского истца и гражданского ответчика. Выдвигаемые названными участниками судебного разбирательства версии подтверждаются или опровергаются представленными ими и исследованными в судебном заседании доказательствами по делу.

Новизна этой сферы выдвижения и проверки криминалистических версий требует проведения специальных научных исследований. В этой связи дальнейшая систематика криминалистических версий будет производиться нами на основе версий, выдвигаемых в ходе досудебного производства, как имеющих наибольшее научное и практическое значение.

Версии, выдвигаемые в ходе досудебного производства по уголовным делам, представляют собой основанные на фактических данных предположения лиц, уполномоченных на собирание, исследование и использование доказательственной и иной значимой для расследования информации, связанной с событием преступления или его отсутствием, а также иными обстоятельствами, складывающимися в ходе Расследования по делу.

- К числу субъектов выдвижения этой группы версий следует отнести:
- следователя (дознателя);
  - оперативного работника;
  - прокурора;
  - начальника следственного отдела;
  - эксперта¹.

Иногда в криминалистической литературе при делении версий на следственные, оперативно-розыскные, экспертные, судебные указывается такое классификационное основание, как вид деятельности, в процессе которой они выдвигаются². На наш взгляд, его использование нецелесообразно, поскольку: во-первых, указание на характер деятельности вытекает из обозначения субъекта, выдвигающего версию (например, версия эксперта может быть выдвинута только в ходе экспертной деятельности); во-вторых, большие сомнения вызывает отнесение к числу криминалистических версий, выдвинутых и проверяемых оперативным работником только в процессе оперативно-розыскной деятельности своими непроцессуальными средствами и методами, которые при неопределении не доводятся до лица, осуществляющего расследование по делу. Часть 2 статьи 11 Федерального закона РФ «Об оперативно-розыскной деятельности» гласит: «Результаты оперативно-розыскной деятельности могут служить поводом и основанием для возбуждения уголовного дела, представляться в орган дознания, следователю или в суд, в производстве которого находится уголовное дело, а также использоваться в доказывании по уголовным делам в соответствии с положениями уголовно-процессуального законодательства Российской Федерации, регламентирующими собирание, проверку и оценку доказательств»³.

¹ Существование экспертных версий и возможность их отнесения к числу криминалистических версий были убедительно доказаны в научной литературе (См.: Белкин Р. С. Курс криминалистики. - В 3 т. Т. 2. - М., 1997. - С. 389; Майлис Н. П. Роль экспертной гипотезы при решении диагностических задач // Новые разработки и дискуссионные проблемы теории и практики судебной экспертизы. - М., 1986. - С. 3; Шляхов А. Р. Структура экспертного исследования и гносеологическая характеристика выводов эксперта-криминалиста // Труды ВНИИСЭ. Вып. 4. - М., 1972. - С. 22 и др.).

² См.: Пантелеев И. Ф. Указ. соч. - С. 70; Салтевский М. В. Учение о криминалистической версии и планировании // Специализированный курс криминалистики (для слушателей вузов МВД СССР, обучающихся на базе среднего специального юридического образования). / Отв. ред. М. В. Салтевский. - Киев, 1987. - С. 214.

С. А. Величкин и Н. И. Порубов объединяют эти два классификационных основания в одно. (См.: Величкин С. А. Указ. соч. - С. 46; Андреев И. С., Грамович Г. И., Порубов Н. И. Криминалистика. - Минск, 1997. - С. 109)

³ См.: Федеральный закон Российской Федерации «Об оперативно-розыскной деятельности» // Российская газета, № 160.

В этой связи представляется, что версии, получившие подтверждение в ходе оперативно-розыскных мероприятий, требуют проверки и процессуальным путем. Следует согласиться с мнением ученых, согласно которому непроцессуальная информация, разновидностью которой является оперативно-розыскная, играет вспомогательную роль для лица, производящего расследование!.

Классификация криминалистических версий по субъекту их выдвижения позволяет, во-первых, изучать их видовые особенности; во-вторых, разрабатывать на основе такого изучения тактику их проверки в ходе досудебного производства по уголовным делам или судебного разбирательства.

Практическая ценность этой классификации выражается в том, что, во-первых, она ставит всех субъектов выдвижения версий в равные условия: версия одного не исключает проверку возможных предположений, даже противоположных, со стороны другого; во-вторых, выполняет коммуникативную функцию, обеспечивая участие различных субъектов деятельности по раскрытию и расследованию преступления в определении ее основных направлений.

Широко распространенной является классификация криминалистических версий *по степени их определенности*. Большинство ученых-криминалистов, занимающихся проблемами криминалистической версии, придерживаются точки зрения, согласно которой по этому основанию можно построить следующую классификационную систему:

- типовые версии (в некоторых редакциях - типичные);
- конкретные версии (в некоторых редакциях - специфические)².

Для типовой версии характерны два признака: во-первых, такие версии являются предположениями, основанными на научном обобщении следственной, судебной или экспертной практики, и, во-вторых, они неразрывно связаны с типичной следственной ситуацией.

¹ См.: Бедняков Д. И. Непроцессуальная информация и расследование преступлений. - М., 1991. - С. 67; Белкин Р. С. Оперативная информация и ее роль в расследовании // Криминалистическое обеспечение деятельности криминальной милиции и органов предварительного расследования. / Под. ред. Т. В. Аверьяновой, Р. С. Белкина. - М., 1997. - С. 152.

² См.: Цикл работ И. М. Лузина по проблемам учения о криминалистической версии (1968-1995 гг.); Белкин Р. С. Криминалистическая энциклопедия. - М., 1997 - С. 31; Герасимов И. Ф., Драпкин Л. Я. Учение о криминалистической версии. - С. 59; Дубровин С. Б. Криминалистическая версия и планирование расследования преступлений // Курс лекций по криминалистике. Вып. 5. - М., 1997. - С. 18; Яблоков Н. П. Криминалистические версии и основы плано-организационного обеспечения криминалистической деятельности. - С. 104 и др.

Основными признаками конкретной версии являются ее индивидуальность и неповторимость, поскольку они выдвигаются в связи с совершением определенного (конкретного) преступления. В то же время такие предположения находятся в определенных связях с типовыми версиями. Н. П. Яблоков, используя данное обстоятельство как классификационный признак, разделил все конкретные версии на те, у которых преобладают:

- признаки какой-то типовой версии;
- индивидуальные, нехарактерные для типовой версии признаки¹.

Заслуживает анализа особая позиция А. М. Ларина, разделившего по степени определенности все криминалистические версии на конкретные и поисковые. При этом под конкретными версиями он понимает чувственно-наглядные воображаемые образы объектов (событий, действий, предметов), имеющих значение для дела. Поисковые версии определяются им как «проблематические представления о сфере и путях поиска объектов в момент, когда о самих этих объектах следователь в состоянии сказать, что это что-то такое, что может оказаться важным для дела, если, конечно, оно существует»².

Классификационная система, предложенная А. М. Лариным, оригинальна, однако отличается от остальных тем, что, во-первых, неясно, каким образом в данной классификации отражается классификационный признак (степень определенности); во-вторых, классификационные элементы определяются не как обоснованные предположения, а как определенного рода чувственные представления, что противоречит сущности криминалистической версии, даже в понимании самого А. М. Ларина.

Практическая значимость классификации криминалистических версий, построенной по степени их определенности, выражается в том, что эта классификационная система обуславливает возможность обращения к типовым версиям в случае недостатка исходных данных для выдвижения конкретных предположений и, следовательно, определения общих направлений расследования. Как отметил А. Н. Колесниченко, «типичная версия, как результат обобщения практики, приобретает характер следственной версии по конкретному делу, когда следователь считает, что в данной ситуации она возможна и ее следует проверять»³.

¹ См.: Яблоков Н. П. Указ. соч. - С. 104.

² Ларин А. М. От следственной версии к истине. - С. 50-51.

³ Колесниченко А. Н. Общие положения методики расследования отдельных видов преступлений (текст лекций). - Харьков, 1976. - С. 21-22.

Данная классификационная система лишней раз подтверждает, что при всей своей неповторимости и специфичности каждое отдельное преступление характеризуется рядом общих закономерностей его подготовки, совершения и сокрытия.

Проведенный опрос сотрудников органов следствия и дознания показал, что 81,9% следователей и дознавателей в ходе расследования по делу пользуются системами типовых версий, разработанных криминалистической наукой. Среди причин, по которым системы типовых версий не используются в расследовании, сотрудники следствия и дознания отмечали незнание таковых («не знаю», «ПС ознакомлен», «не располагаю», «не имею»), а в отдельных случаях отмечали, что процесс расследования носит творческий характер. Последнее утверждение справедливо, однако, на наш взгляд, не умаляет значения разработанных наукой систем типовых версий. Наоборот, рассматриваемая классификация указывает на то, что криминалистика не ограничивает следователя стандартными предположениями, предоставляет ему творческую свободу, избирательность и целеустремленность поиска истины. Кроме того, как справедливо отмечается в криминалистической литературе, нельзя абсолютизировать типичные версии, в каждом конкретном случае их необходимо использовать осторожно, поскольку наряду с типичными могут иметь место и атипичные случаи¹.

В криминалистической литературе часто встречается и другое классификационное деление криминалистических версий: *по степени сложности внутренней структуры*. Эта классификационная система СУЩЕСТВЕННЫХ споров среди ученых-криминалистов не вызывает. По указанному основанию все версии подразделяются на:

- простые - версии, направленные на объяснение единственного интересующего факта, обстоятельства;
- сложные (в некоторых редакциях - комплексные) - версии, направленные на объяснение группы фактов.

Данная классификация имеет как теоретико-познавательное, так и практическое значение, выражающееся в рациональной организации работы по делу и достаточно полно раскрытое в работах Л. Я. Драпкина и Н. А. Селиванова².

¹ См.: Быховский И. Е. Программирование расследования: возможности и перспективы // Актуальные проблемы советской криминалистики. - М, 1980. - С. 63; Филиппов А. Г., Ялышев С. А. Указ. соч. - С. 71.

² См.: Драпкин Л. Я. Построение и проверка следственных версий. Автореферат дисс. ... канд. юрид. наук - М, 1972. - С. 20; Селиванов Н. А. Указ. соч. - С. 109.

Можно отметить и ряд других классификаций криминалистических версий, представленных в литературе. Так, Н. П. Яблоков и И. М. Лузгин предлагают классифицировать версии по *времени построения* на: первоначальные и последующие (первичные и вторичные)¹. Данная классификация, как справедливо отмечают авторы, указывает на необходимость оценивать каждую версию с учетом содержания предыдущей и результатов ее проверки.

Проблемной представляется предлагаемая в литературе классификация версий по *временной направленности* на ретросказательные и предсказательные². На наш взгляд, эта классификационная система неполна. Говоря о прошедшем и будущем, упускается еще один временной этап - настоящее, т.е. то, что существует, происходит в данный момент. Так, А. М. Ларин приводит следующие примеры ретросказательных и предсказательных версий: «похищенное после кражи, вероятно, находилось в доме подозреваемого»; «похищенное, вероятно, будет находиться завтра в доме подозреваемого»³. Очевидно, что можно выдвинуть и версию о событиях и действиях, происходящих в настоящий момент времени, например: «похищенное, вероятно, сейчас находится в доме подозреваемого». Такие версии выдвигаются и в практической деятельности по расследованию преступлений. Так, при расследовании мошенничества в крупных размерах, совершенного в г. Мценске Орловской области, следователь, основываясь на материалах дела, выдвинул версию о том, что скрывающийся от следствия подозреваемый Егоров может находиться у своих родственников в соседней области, и дал поручение по проверке этого предположения органу дознания. В результате Егоров был задержан⁴.

Обоснованной представляется классификация криминалистических версий по *характеру взаимосвязи друг с другом*. По этому основанию версии делятся на взаимоисключающие (альтернативные), т.е. такие предположения, которые при подтверждении исключают иные версии, и параллельные - версии, которые при подтверждении не исключают друг друга⁵. В этой связи вряд ли можно согласиться с мне-

¹ См.: Яблоков Н. П. Указ. соч. - С. 104; Лузгин И. М. Учение о криминалистической версии - С. 179.

² См.: Герасимов И. Ф., Драпкин Л. Я. Указ. соч. - С. 62; Ларин А. М. Указ. соч. - С. 54-57; Сергеев Л. А., Соя-Серко Л. А., Якубович Н. А. Указ. соч. - С. 27.

³ Ларин А. М. Указ. соч. - С. 57.

⁴ Уголовное дело № 166774. Архив Мценского народного суда Орловской области.

⁵ См.: Возгрин И. А. Указ. соч. - С. 87-88; Ларин А. М. Работа следователя с доказательствами. - М., 1966. - С. 92-93.

нием некоторых авторов о том, что выдвигаемые версии по делу всегда должны носить взаимоисключающий характер¹.

Представляется возможным провести следующую классификацию криминалистических версий, выдвигаемых в ходе досудебного производства, в зависимости от состояния расследования по делу:

- версии, выдвигаемые в ходе активного предварительного следствия и дознания;

- версии, выдвигаемые по приостановленному уголовному делу.

Выдвижение версий второй группы возможно в случаях приостановления уголовного дела по частям 1 и 2 статьи 208 УПК РФ. Предположения, выдвигаемые по части 2 этой статьи носят, прежде всего, розыскной характер, так как они направлены на установление местонахождения скрывшегося обвиняемого. Приостановление уголовного дела в случае неустановления лица, подлежащего привлечению в качестве обвиняемого (ч. 1 ст. 208 УПК), обуславливает более широкий круг объектов, на которые может быть направлена версия.

Средства и методы проверки версий по приостановленным делам преимущественно носят непроцессуальный характер². Основой выдвижения такого рода предположений является анализ материалов приостановленного дела. Проводя такой анализ, следует обращать внимание на полноту и качество проверки версий, выдвигавшихся в ходе предварительного следствия, на фактические данные, дающие основание для выдвижения иных версий, не выдвигавшихся и не проверявшихся в ходе предварительного следствия.

Таковыми фактическими данными, например, могут быть наличие негативных обстоятельств, т.е. данных, противоречащих (до их логического разрешения) обычному объяснению факта в соответствии с определенной версией³, которые по различным причинам не были приняты во внимание или установлены в ходе предварительного следствия. Игнорирование имеющихся негативных обстоятельств или их неустановление ведет к тому, что при расследовании не выдвигаются версии об инсценировке преступления или выдвигаются версии о совершении преступлений лицами, не имеющими к ним никакого отношения или не существующими вообще. Значение анализа материалов

---

¹ См.: Ермолович Е. Ф., Ермолович М. В. Построение и проверка следственных версий. - Минск, 2000. - С. 37.

² Подробнее о действиях следователя по приостановленному уголовному делу см.: Лавров В. П. Особенности расследования преступлений прошлых лет. М., 1972 и его докторскую диссертацию (1980 г.).

³ См.: Медведев С. И. Указ. соч. - С. 44.

приостановленного дела существенно возрастает при работе по приостановленному делу следователя, ранее не проводившего по нему предварительное расследование, либо группы следователей.

Подтверждение такой версии в ходе работы по приостановленному делу служит, на наш взгляд, основанием для возобновления предварительного следствия и ее дальнейшей проверке процессуальным путем.

Нами уже затрагивалось прикладное значение отдельных классификационных систем криминалистических версий. В то же время можно выделить общие направления их использования.

Использование классификационных систем криминалистических версий в практике расследования носит, прежде всего, информационный характер. Оно представляет собой мыслительную деятельность следователя (лица, производящего дознание, эксперта), заключающуюся в понимании сущности криминалистической версии и ее видов и основанной на нем выработке совокупности предположений по конкретному расследуемому событию и планировании действий по их проверке. Эту деятельность можно представить в два этапа¹.

На первом этапе - этапе теоретического анализа - происходит ряд мыслительных операций (десимволизация, продуцирование, интерпретация и др.)², направленных на уяснение признаков классификационных элементов, их значения и возможности использования в конкретном случае.

С процессом построения версий связан второй этап использования классификационных систем. На данном этапе происходит наложение классификационной информации на имеющиеся фактические данные о расследуемом событии. Цель такого наложения - выдвижение необходимого множества предположительных объяснений происшедшего события, как одно из важнейших условий объективности расследования. При этом не следует ограничиваться использованием одной классификационной системы. Установление классификационной принадлежности версии помогает лицу, производящему расследование, правильно определять процессуальные и тактические действия по ее проверке, строить их на прочной логической основе. Так, например, следователю не следует пренебрегать проверкой версий, выдвинутых лицом, производившим неотложные следственные действия, экспертом

¹ В целом такая процедура использования классификаций характерна и для некоторых других действий следователя (постановка тактической задачи, принятие тактического решения, выбор тактических приемов и комбинаций, выявление тактических ошибок).

² Подробнее об таких операциях см.: Ракитов А. И. Дialeктика процесса понимания // Вопросы философии .1985, № 12. - С. 62-71.

либо другим следователем, проводившим расследование, если они не были опровергнуты установленными фактическими данными.

изложенное позволяет говорить о совокупности классификационных систем криминалистических версий как о наиболее развитом классификационном аппарате криминалистической тактики. К числу тенденций его дальнейшего развития можно отнести:

- систематизацию и упорядочение научных знаний, составляющих учение о криминалистической версии, именно на основе классификационных систем;

- проведение дальнейших классификационных исследований отдельных видов криминалистических версий (в особенности частных версий, а также версий, выделяемых по субъекту их выдвижения);

- обеспечение возможности машинной обработки классификационной информации о криминалистических версиях как в научных исследованиях, так и в практической деятельности по раскрытию и расследованию преступлений;

- дальнейшее изучение возможностей использования разработанных классификаций криминалистических версий в различных разделах криминалистики.

В заключение хотелось бы добавить, что только логически выдержанный классификационный аппарат криминалистических версий может органично входить неотъемлемой частью в теоретические основы криминалистической науки.

§6. Системный подход к изучению тактических ошибок в расследовании преступлений и формированию методики их выявления и устранения

Одним из существенных факторов, снижающих эффективность деятельности органов предварительного расследования и отрицательно влияющих на выполнение задач уголовного судопроизводства, являются недостатки, допускаемые следователем в ходе работы по делу. Их негативные последствия носят как сугубо юридический (прекращение, приостановление уголовного дела, судебные ошибки¹), так

¹ О влиянии ошибок, допущенных в ходе предварительного расследования, на ошибки, допускаемые в ходе судебного разбирательства, см.: Петрухин И. Л. Причины судебных ошибок // Советское государство и право, 1970. № 5. - С. 105-106; Бойков А. Д., Михайлова Т. А., Нажимов В. П. Выявление и устранение следственных ошибок при судебном рассмотрении уголовных дел // Методология и методика изучения следственных ошибок. - М., 1986. - С. 19-27.

и общесоциальный (подрыв авторитета правоохранительных органов) характер.

Недостатки, допускаемые в ходе проведения предварительного расследования, в литературе, как правило, называют следственными ошибками.

Анализ юридической литературы показывает, что об однозначном определении следственной ошибки говорить еще рано. Можно выделить несколько различных научных подходов к определению данного понятия.

Так, А. М. Михайлов, А. Б. Соловьев, С. А. Шейфер, М. Е. Токарева, В. А. Лазарева в своих совместных работах высказали точку зрения, что такая ошибка представляет собой действие либо бездействие, не соответствующее требованиям закона или научным рекомендациям¹. Немного позднее А. Б. Соловьев и С. А. Шейфер несколько изменили свою точку зрения, предложив определять следственную ошибку как «принятие, по мнению следователя, правильного решения по уголовному делу, когда незаконность и необоснованность в соответствующем процессуальном акте прокурором или судом»². Практически аналогичный взгляд на сущность следственной ошибки высказала Н. И. Клименко³.

Более современные определения А. Б. Соловьева и С. А. Шейфера, а также определение Н. И. Клименко, на наш взгляд, сужают круг действий следователя, в ходе которых может быть допущена ошибка, ограничивая рассматриваемое понятие лишь недостатками в уголовно-правовой квалификации совершенного деяния и применении уголовно-процессуальных норм.

Иное определение следственной ошибки предлагает О. Я. Баев, отмечая, прежде всего, ее процессуальный аспект. При этом под следственной ошибкой понимаются любые неправильные действия следователя, не носящие характера следственного произвола, направленные по его субъективному мнению на качественное расследование преступлений, но влекущие за собой как минимум одно из нарушений

¹ См.: Соловьев А., Шейфер С., Токарева М. Следственные ошибки // Социалистическая законность, 1987. № 12. - С. 46; Михайлов А. М., Шейфер С. А., Соловьев А. Б., Лазарева В. А. Изучение причин следственных ошибок и путей их устранения в стадии предварительного расследования // Методология и методика изучения следственных ошибок - М., 1986. С. 8.

² См.: Соловьев А. Б., Шейфер С. А. Характер, причины и способы устранения ошибок в стадии предварительного следствия. - М., 1988. С. 10.

³ См.: Клименко Н. И. Криминалистические знания в структуре профессиональной подготовки следователя. - Киев, 1990. - С. 60.

прав и законных интересов лиц, вовлеченных в любом качестве в орбиту расследования преступления¹. Несомненно, такие действия являются разновидностью следственных ошибок, однако, на наш взгляд, полностью не исчерпывают рассматриваемое понятие.

Не совсем верно сводить содержание следственной ошибки лишь к недостаткам тактического характера, как это предлагается Г. А. Зориным и В. И. Левонцом². В частности, Г. А. Зорин пишет: «Следственная ошибка - это недостижение следователем запланированного результата вследствие избрания неадекватных ситуаций форм деятельности при восприятии информации и ее переработке, оценке следственной ситуации и принятии решений, реализации принятых решений».

Определение следственной ошибки предложено также Ю. Н. Белозеровым и В. В. Рябоконом, по мнению которых это понятие следует рассматривать как утверждение, не соответствующее действительности, или меру, не приводящую к достижению поставленной цели, если искажение в познании или отклонение от цели допущены в результате добросовестного заблуждения³. К сожалению, предложенное определение характеризует ошибку в целом, не содержит четких критериев, отличающих следственную ошибку от любой иной.

В своей лексической трактовке ошибка - это неправильная мысль или неправильное действие, неточность, неправильность, заблуждение⁴. С точки зрения логики, ошибка представляет собой неправильное умозаключение, рассуждение, вызванное нарушением законов мышления⁵. По сути своей понятие следственной ошибки очень емкое и может затрагивать различные стороны деятельности следователя, осуществляемой в процессе предварительного расследования. Это может быть выполнение действий или принятие решений, не соответствующих требованиям закона или научным рекомендациям, либо невыполнение необходимого действия или непринятие процессуального решения. Определение круга действий, в ходе которых может быть допущена следственная ошибка, явится важным шагом к уточнению ее дефиниции.

¹ См.: Баев О. Я. Тактика следственных действий. - Воронеж, 1995. - С. 6.

² См.: Зорин Г. А. Криминалистическая эвристика. Т. 2. - Гродно, 1994. - С. 98; Левонец В. И. Криминалистическая методология преодоления латентных ошибок Дисс. ...канд. юрид. наук - Гродно, 1995 - С. 13.

³ См.: Белозеров Ю. Н., Рябоконь В. В. Производство следственных действий. - М., 1990. - С. 10; Рябоконь В. В. Следственные ошибки и пути их устранения. - М., 1997. - С. 10.

⁴ См.: Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. - М., 1995. - С. 367.

⁵ См.: Кондаков Н. И. Логический словарь-справочник. - М., 1975. - С. 313, 426-427.

Одна из наиболее известных систем следственных ошибок была предложена в 1974 году Ю. В. Корневым. Автор выделил четыре группы следственных ошибок:

- 1) ошибки в доказывании, связанные с неполнотой расследования;
- 2) ошибки в оценке доказательств;
- 3) неправильное применение уголовного закона;
- 4) нарушение процессуального закона и ошибки в тактике расследования.

Именно эта систематизация лежит в основе ряда исследований проблем следственных ошибок, проводимых в юридической науке. В то же время, эта система по-видимому нуждается в уточнении.

В частности, представляется, что нет необходимости в специальном выделении таких видов следственных ошибок, как «ошибки в доказывании, связанные с неполнотой расследования», и «ошибки в оценке доказательств».

Часть 2 ст. 21 УПК РФ обязывает принять прокурора, следователя, орган дознания, дознавателя все предусмотренные законом меры по установлению события преступления, изобличению лица или лиц, виновных в совершении преступления. Думается, можно сделать вывод, что несоблюдение этой нормы, прежде всего, будет выражаться в:

- нарушении, несоблюдении должностными лицами конституционных и уголовно-процессуальных норм при расследовании преступления;
- отказе от производства действий, необходимых для полного и объективного расследования по делу;
- несоблюдении, игнорировании тактических рекомендаций, приведшем к неполноте, односторонности в расследовании.

Таким образом, неполнота, необъективность расследования, ошибки в оценке доказательственной информации являются следствием либо нарушений уголовно-процессуального законодательства, либо просчетов тактического характера.

Итак, на наш взгляд, система следственных ошибок в расследовании должна быть представлена следующим образом:

- ошибки в уголовно-правовой квалификации деяния;
- ошибки в применении конституционных и уголовно-процессуальных норм в процессе расследования;
- ошибки тактического характера.

¹ См.: Корневский Ю. В. Судебная практика и совершенствование предварительного следствия. - М., 1974. - С. 23.

Между всеми перечисленными видами следственных ошибок существует тесная связь. Так, Ю. В. Кореневский справедливо отметил, что деление следственных ошибок носит условный характер, «ибо в действительности такие, например, недостатки, как нарушение процессуальных норм, неполнота следствия, неправильная квалификация преступления и т. п., тесно связаны между собой и друг друга обуславливают»¹.

Взаимозависимость различных следственных ошибок носит довольно сложный характер. Например, неправильная квалификация деяния может явиться следствием неустановления важных для полного и объективного расследования обстоятельств. И, наоборот, в свою очередь, диспозиция статьи уголовного закона обуславливает круг признаков, которые должны быть выяснены в ходе расследования по делу. Как справедливо отмечается в юридической литературе, правовая оценка деяния и предшествующая ей познавательная деятельность взаимосвязаны, обуславливают друг друга².

Еще одним обязательным признаком следственной ошибки выступает ее негативный для расследования характер. Любая ошибка влечет за собой определенные отрицательные последствия или хотя бы угрозу их наступления. Негативные последствия допущенной в ходе расследования преступления ошибки могут проявляться как на тактическом (в ходе проведения отдельных следственных действий, на определенном этапе расследования), так и стратегическом (например, при выдвижении версий и планировании расследования, составлении обвинительного заключения) уровнях.

Характер негативных последствий (угроза их наступления) определяет существенность или несущественность допущенной ошибки и имеет оценочную природу.

Исходя из изложенного, представляется наиболее точным определение следственных ошибок как допускаемых в ходе предварительного расследования недостатков в применении уголовного, уголовно-процессуального закона, подзаконных нормативных актов, а также неверное принятие тактических решений и (или) их реализация, приведших к любым негативным для расследования последствиям или угрозе их наступления.

Следственные ошибки и их система изучаются в рамках нескольких юридических наук: уголовного права, уголовного процесса и кри-

¹ См.: Кореневский Ю. В. Указ. соч. - С. 23.

² См.: Характер, причины и способы устранения ошибок в стадии предварительного следствия. - М., 1990. - С. 9.

миналистики. При этом объектом изучения в криминалистической науке выступают, прежде всего, ошибки и недостатки в расследовании, имеющие тактический характер.

Опрос сотрудников следствия и дознания показывает, что 12,2% следователей и дознавателей затрудняются дать определение тактической ошибки, 14,8 - понимают ее как неправильную квалификацию деяния, а 5,6% ведут речь о неумышленном нарушении уголовно-процессуальных норм, что позволяет сделать вывод о том, что почти треть (32,6%) следователей и дознавателей не понимают сущности тактической ошибки. 9,3 % опрошенных ошибочным с тактической точки зрения посчитали осуществление действий в противоречии с научными рекомендациями, что является не единственным признаком рассматриваемого понятия.

Представляется, что в основу определения тактической ошибки должен быть положен следующий признак: связь между действиями следователя, приведшими к негативному результату, и сложившейся следственной ситуацией по делу. Заметим, что 57,8% опрошенных следователей и дознавателей согласились, что действия лиц, проводящих расследование, без учета или в противоречии со сформировавшейся обстановкой по делу тактически неправильны. Действия, которые носят ошибочный характер с точки зрения тактики, на наш взгляд, могут быть допущены: в ходе выдвижения версий и планирования расследования; при выборе и проведении следственных действий, тактических приемов и комбинаций, а также иных действий, тактически важных для расследования по делу.

Ю. Н. Белозеров и В. В. Рябоконт выделяют в самостоятельную группу следственных ошибок недостатки, носящие организационный характер¹. На наш взгляд, в этом нет необходимости. Организационные действия (например, выбор места, времени проведения следственного действия, определение круга его участников и т. д.) оказывают непосредственное влияние на эффективность, рациональность проведения расследования и, очевидно, носят тактический характер.

Тактически ошибочными могут признаваться действия, выбор или проведение которых осуществлялись:

- без учета сложившейся следственной ситуации;
- при неправильной либо неполной оценке следственной ситуации;
- без учета перспектив ее развития.

¹ См.: Белозеров Ю. П., Рябоконт В. В. Указ. соч. - С. 10.

Справедливо утверждение ученых, согласно которому ошибочным может являться не только действие, но и бездействие¹. Тактически неверным будет отказ от действий, проведение которых обусловливается следственной ситуацией.

Необходимо отметить, что признание действия следователя, противоречащего научным рекомендациям, ошибочным возможно только в типовой следственной ситуации.

Наиболее сложным представляется решение вопроса об оценке действий, совершаемых в условиях риска. На наш взгляд, ошибкой могут признаваться лишь те действия, которые проводятся в условиях необоснованного риска, а также отказ от рискованных, но рациональных и обоснованных действий.

Итак, на наш взгляд, тактическая ошибка - это выбор и (или) проведение действий в рамках расследования преступления, не согласующиеся со сложившейся следственной ситуацией или без учета перспектив ее развития (а в типовой ситуации - и в противоречии с научными рекомендациями), либо отказ от необходимых действий в конкретной следственной ситуации.

Отметим, что подобные ошибки довольно часто допускаются в ходе расследования уголовных дел. Так, проведенное исследование выявило недостатки тактического характера в расследовании 84% изученных уголовных дел².

Классификацию тактических ошибок можно проводить по различным основаниям. Так, по связи с моментом принятия тактического решения тактические ошибки можно подразделить на: допущенные при принятии тактического решения и совершенные в ходе его исполнения³.

Ошибки, совершенные *при принятии тактического решения*, могут выражаться в:

- неточном формулировании тактической задачи;
- выборе методов, приемов и средств тактического воздействия на сложившуюся следственную ситуацию, не соответствующих поставленной задаче;
- отказе от принятия необходимого решения.

¹ См.: Михайлов А. М., Шейфер С. А., Соловьев А. Б., Лазарева В. А. Указ. соч. - С. 9.

² В материалах уголовных дел выявлялись и анализировались тактические ошибки, допущенные при проведении таких следственных действий, как осмотр места происшествия, задержание, обыск, допрос, а также совершенные в ходе взаимодействия следователя с органом дознания. Всего с этой целью было изучено 200 уголовных дел.

³ См.: схему 24 в приложении 1.

К числу ошибок, допускаемых при исполнении тактического решения, относятся:

- несвоевременное исполнения принятого решения;
- отказ от исполнения принятого решения, не согласующийся со следственной ситуацией по делу;
- недобросовестное, некачественное исполнение принятого решения.

Ю. Н. Белозеров и В. В. Рябоконт предложили классифицировать ошибки по этапам проведения следственного действия, т.е. отнести их к подготовке, проведению и оценке хода и результатов следственного действия¹. С. В. Дегтярев считает, что ошибки могут быть допущены не только в ходе следственных действий, но и обеспечивающих их мероприятий². На наш взгляд, эти классификационные системы не отражают иные действия, в ходе которых может быть совершена ошибка. Можно выделять тактические ошибки, допущенные при:

- определении основных направлений расследования;
- проведении тактической комбинации;
- проведении отдельных следственных действий;
- проведении иных действий, имеющих тактико-криминалистическое значение (к ним прежде всего относятся действия по организации взаимодействия следователя с органом дознания, использованию специальных познаний в расследовании преступления, а также помощи общественности).

Основанием такой классификации выступает *степень значимости (уровень) действий*, в ходе которых была допущена ошибка.

Высший уровень тактической ошибки, как справедливо отметил С. И. Цветков, связан с сужением актуальных тактических задач, влекущим за собой стратегические ошибки при выборе целей деятельности³, а также при выдвижении и проверки версий, планировании расследования (выдвижение не всех возможных версий, проверка не всех версий либо их неполная проверка, беспланиовость проверки и пр.).

¹ См.: Белозеров Ю. К, Рябоконт В. В. Указ. соч. - С. 10.

² См.: Дегтярев С. В. Ошибки расследования и тактика их устранения // Криминалистика: расследование преступлений в сфере экономики. / Под ред. В. Д Гравовского, А. Ф. Лукина. - Н. Новгород, 1995. - С. 329.

³ См.: Цветков С. И. Тактические ошибки следователя - обозначение проблемы // Тезисы Всероссийских криминалистических чтений, посвященных 100-летию со дня рождения профессора А. Н. Васильева. - М., 2002. - С. 120.

Кроме того, тактические ошибки могут быть допущены на уровне:

- принятия решения о проведении тактической операции и его выполнения;
- принятия решения о проведении отдельных следственных и некоторых иных процессуальных действий и его выполнения;
- принятия решения о проведении отдельных тактических приемов и их комбинаций в ходе производимого следственного действия.

Классификация тактических ошибок *проводится по характеру негативных последствий, которые повлекло их совершение*. Рассматривая это деление, необходимо отметить позицию Н. И. Клименко, подразделившей ошибки на несущественные и существенные. В качестве основного признака существенных ошибок указывается их влияние на принятие законного решения по делу¹. Соглашаясь со структурой предложенной классификации и учитывая, что Н. И. Клименко классифицировала следственные ошибки в целом, хотелось бы уточнить понятия существенной и несущественной тактической ошибки. Представляется, что в основу определения существенности либо несущественности совершенной тактической ошибки должна быть положена возможность решения поставленных тактических задач по делу. Несущественная тактическая ошибка не оказывает серьезного воздействия на их дальнейшее решение, в то время как ошибка существенная значительно затрудняет либо делает его невозможным, ставит ряд новых, непредвиденных ранее задач, требующих принятия мер тактико-криминалистического характера.

В качестве классификационного основания может выступать *этап расследования, на котором была допущена тактическая ошибка*. Представляется возможным разделить тактические ошибки на допущенные на первоначальном и на последующем этапах расследования. Ошибки, совершенные на первоначальном этапе, характеризуются достаточным запасом времени на их исправление. В то же время ошибочность первоначальных действий может направить в сторону все расследование по делу, а в некоторых случаях и повлиять на отказ в возбуждении уголовного дела (например, неустановление в ходе осмотра места происшествия негативных обстоятельств, указывающих на то, что произошедшее событие имело признаки преступления).

Необходимо рассмотреть и еще одно деление тактических ошибок: *по степени их распространенности*. В соответствии с предложенным основанием тактические ошибки классифицируются на малораспространенные и распространенные.

¹ См.: Клименко Н. И. Указ. соч. - С. 61.

Эта система, в соответствии с делением всех классификаций на естественные и искусственные, относится ко второму виду (классификационный признак не постоянен, поскольку распространенность какого-либо вида ошибок может меняться со временем либо под воздействием иных условий), однако ее использование имеет определенное положительное значение. Выявление распространенных ошибок позволяет своевременно проводить изучение их сущности, причин, принимать меры к их профилактике. Так, к числу распространенных ошибок, по результатам эмпирического исследования, можно отнести: непривлечение к участию в осмотре места происшествия необходимых специалистов (45,5% изученных уголовных дел); непроведение личного обыска при задержании либо неоформление его результатов (37%); непроведение либо несвоевременное проведение обыска или неотражение его результатов в материалах дела (37%); неиспользование при необходимости дополнительных средств фиксации показаний в ходе допроса (24,5%); непроведение осмотра места происшествия (24%); незакрепление должным образом результатов задержания (22%); неиспользование необходимых технических средств при осмотре места происшествия (20%); проведение допросов под углом зрения одной версии (20%); недостаточное использование учетов органов внутренних дел (15%).

В зависимости от возможности типизации ошибок можно выделять типичные и специфические тактические ошибки. На типичность ошибок, на наш взгляд, указывает, в частности, сходство неправильных действий следователя в аналогичных следственных ситуациях. Так, в ходе эмпирического исследования нами было изучено 50 уголовных дел об убийствах, причем особое внимание уделялось проведенным в ходе расследования осмотрам места происшествия. Проведенное исследование выявило большое число недостатков, допускаемых в ходе проведения этого следственного действия. Так, в 20% случаев в осмотре места происшествия вообще не принимали участие специалисты. В 16% случаев к проведению этого следственного действия не был привлечен специалист в области судебной медицины, в 18% - специалист-криминалист, в 52% - кинолог со служебно-розыскной собакой (причем только в трех уголовных делах отражены результаты применения розыскной собаки на месте происшествия). Изложенное позволяет сделать вывод, что более чем в 50% случаев расследование убийств осуществляется без создания следственно-оперативной группы либо следственно-оперативной группой, не укомплектованной необходимыми специалистами.

В 18% случаев при осмотре места происшествия по изученным делам об убийствах не применялась фотосъемка (видеосъемка применялась только в одном случае). Отметим крайне небрежное оформление большинства протоколов осмотра и прилагаемых к ним фототаблиц. В отдельных случаях дело доходит до абсурда. Так, в материалах одного из дел (по факту убийства гр. Раер) к протоколу осмотра места происшествия приложена фототаблица, в которой содержатся фотографии с похорон убитой¹. В 8% исследованных дел по убийствам не проведен или несвоевременно проведен повторный осмотр места происшествия, а в 8% - осмотр места происшествия вообще не проводился. Обо всех перечисленных тактических ошибках можно говорить как о типичных для расследования этой категории уголовных дел, что в достаточной степени подтверждает практическую значимость предложенной классификации.

Классификацию тактических ошибок можно проводить *по субъекту, их совершившему*. Представляется, что субъектами совершения тактической ошибки выступают субъекты деятельности по раскрытию и расследованию преступлений: следователь (дознатель), сотрудники органа дознания, проводившие неотложные следственные действия по делу либо выполнявшие поручение следователя, прокурор, а также начальник следственного отдела.

Важное значение для нашего исследования приобретает рассмотрение вопроса о внутренней (субъективной) стороне тактической ошибки. Это во многом позволит уяснить вопрос об отношении лица, производящего расследование, к недостаткам в своей работе.

Внешняя сторона действия, деятельности порождается и регулируется внутренней стороной, в то же время сама внутренняя сторона возникает на основе внешней, через нее реализуется и направляется. Как заметил выдающийся русский физиолог и философ И. М. Сеченов, «все сознательные движения, называемые обыкновенно произвольными, суть в строгом смысле отраженные...», «...первая причина всякого человеческого действия лежит вне его»².

Следует иметь также в виду, что отдельное рассмотрение субъективной стороны любого действия возможно лишь в теоретическом плане, ибо никогда не следует забывать о единстве внешнего и внутреннего. «Деятельность и сознание - не два в разные стороны обра-

¹ Уголовное дело № 282001795. Архив Тульского областного суда.

² См.: Сеченов И. М. Избранные философские и психологические произведения. - М., 1947. - С. 148, 174.

щенных аспекта, они образуют органическое целое - не тождество, но единство»¹.

Анализ субъективной природы действий человека в целом, и действий лица, производящего расследование в частности, позволит:

а) уяснить, почему человек ставит определенные цели своей деятельности, а также почему цель не всегда совпадает с объективным результатом действий;

б) определить степень предвидения человеком результатов своих действий. Ученые-криминологи доказали, что предвидение человеком результата своего поступка носит вероятный характер, так как каков бы ни был опыт человека, учитывая многозначность действия причинных связей в природе и обществе, он не может однозначно предвидеть ход событий, но может более или менее точно предвидеть различные варианты².

в) решить проблему ответственности лица в правовом и нравственном аспекте;

г) проследить влияние внешней среды на определенные поступки и намерения человека.

К вопросу о субъективной стороне следственной ошибки ученые-правоведы обращались неоднократно.

По мнению ряда ученых (А. Р. Белкин, И. Л. Петрухин, А. Б. Соловьев, С. А. Шейфер, О. Я. Баев, Ю. Н. Белозеров), следственные ошибки являются результатом добросовестного заблуждения следователя. В частности, А. Р. Белкин пишет, что ни умыслу, ни самонадеянности при этом нет места, если речь идет действительно об ошибке, а не о сознательно неверных решениях, действиях и т. п.³

В. И. Левонец считает, что ошибка может быть совершена умышленно, по самонадеянности или в «состоянии или вследствие интеллектуального аффекта»⁴.

Своеобразную позицию по рассматриваемому вопросу высказал В. В. Рябokonь. Им была высказана позиция, что следственная ошибка и брак в расследовании - самостоятельные понятия. При этом основным признаком, их различающим, выступала субъективная сторона действий.

Ошибка добросовестного, но неопытного следователя, по мнению В. В. Рябokonя, влечет за собой некачественность познания об-

¹ См.: Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии. - М., 1946. - С. 14.

² См.: например, Кудрявцев В. Н. Причинность в криминологии. - М., 1968. - С. 119-120.

³ См.: Белкин А. Р. Теория доказывания. - М., 1999. - С. 283.

⁴ См.: Левонец В. И. Указ. соч. - С. 25.

стоятельств совершенного преступления, но ни сама ошибка, ни ее результат, ни личные свойства данного следователя не могут служить предметом морального осуждения. Некачественность познания, возникающая в результате ошибки, служит выражением объективных недостатков в расследовании конкретного дела, характеризует уровень развития личных свойств данного следователя, но ни в коем случае не указывает на наличие в его действиях вины.

В браке, как считает В. В. Рябоконт, как и в последствиях ошибки, выражен результат неадекватного отражения следователем каких-либо обстоятельств совершенного преступления, т.е. он также содержит в себе некоторую некачественность познания. Однако в этом случае некачественность возникает по вине следователя, который в относительно несложной или типичной для его практики ситуации мог бы и должен был избежать неадекватного отражения обстоятельств совершенного преступления, если бы более тщательно подготовил и провел следственное действие¹.

Сразу оговоримся, что не видим необходимости в выделении понятия «брак в расследовании». В то же время детально проанализировав указанную позицию, мы пришли к выводу, что субъективная сторона следственной ошибки только добросовестным заблуждением лица, производящего расследование, не ограничивается.

Как нам представляется, в некоторых случаях в качестве следственной ошибки могут выступать и преднамеренные действия следователя (например, отступление от тактических рекомендаций), но только совершенные по самонадеянности. В то же время, любые умышленно допущенные недостатки в расследовании либо нарушения закона, на наш взгляд, следственными ошибками признаваться не могут.

Самонадеянное отношение следователя к выполнению своей работы проявляется в игнорировании тактических рекомендаций, разработанных криминалистической наукой. Например, следователь, получив к концу рабочего дня информацию о месте, где находится разыскиваемое похищенное имущество, не желая тратить свое личное время, рассчитывая, что за ночь ничего не произойдет, игнорируя необходимость немедленного проведения обыска, откладывает его производство на утро. Однако утренний обыск результатов не дает, так как ночью преступники вывезли имущество в неизвестном направлении. Налицо пример ошибочной самонадеянности следователя.

¹ См.: Рябоконт В. В. Следственные ошибки и пути их устранения. - М., 1997. - С. 7-8.

Нельзя рассматривать действие следователя как ошибку, если оно выражается в самонадеянном несоблюдении требований уголовно-процессуального закона. Так, весьма распространенным на практике является нарушение, когда следователь, получая объяснения с потерпевшего или свидетелей, оформляет его протоколом допроса до вынесения постановления о возбуждении уголовного дела. По мнению следователей, этим они рационализируют свою работу, исключая необходимость повторного допроса лиц, чьи объяснения были получены ранее (хотя и понимают негативный характер своих действий). В таком протоколе допроса не проставляется дата и время (впоследствии следователь вписывает их, исходя из даты вынесения постановления о возбуждении уголовного дела). Если результатом предварительной проверки явилось вынесение следователем постановления об отказе в возбуждении уголовного дела, то в таком протоколе слово «допрос» заменяется на слово «объяснение» (вклеивается или дописывается от руки).

В приведенном примере имеет место не ошибка, а уголовно-процессуальное нарушение. Как справедливо отмечается в юридической литературе, наличие вины субъекта расследования является обязательным признаком уголовно-процессуального нарушения и одновременно признаком, отличающим нарушение от ошибки¹.

Добросовестное заблуждение лица, производящего расследование, будет иметь место в тех случаях, когда он считает проводимые в ходе расследования действия правильными и уверен, что они направлены на качественное расследование уголовного дела. В некоторых случаях причинами такой ошибки выступают независимые от следователя обстоятельства (например, ошибочное заключение эксперта о том, что нож, изъятый у подозреваемого, не является холодным оружием, и основанное на нем решение следователя о прекращении уголовного дела). Однако гораздо чаще причиной ошибки являются его профессиональные качества и личностные свойства.

Итак, подводя итог сказанному, представляется возможным определить субъективную сторону тактической ошибки как психическое отношение лица к недостатку, влияющему на эффективность, рациональность, экономичность расследования, допущенному вследствие добросовестного заблуждения или по самонадеянности лица, произ-

¹ См.: Ширванов А. А., Камнева Е. В., Корчаго Е. В. Нарушения и ошибки в уголовном процессе России. Деликтоспособность субъекта нарушения // Современные проблемы законодательства России, юридических наук и правоохранительной деятельности. Вып. 3. — Тула, 2001. — С. 215.

водящего расследование. В качестве основных причин большого количества ошибок тактического характера в расследовании преступлений необходимо отметить низкий уровень криминалистических знаний следователей и дознавателей, их слабую профессиональную подготовку.

Правильная оценка субъективной стороны допущенной следственной ошибки поможет правильно определить ее конкретные причины и найти наиболее эффективные способы ее устранения и профилактики подобных недостатков в будущем.

Методы выявления и устранения допущенных недостатков тактического характера зависят, прежде всего, от вида допущенной ошибки, а также характера действий, в процессе которых она была совершена.

Р. С. Белкин, проанализировав общую теорию решения задач, ввел в криминалистику ряд методических операций по решению стоящих задач, в частности, методы преобразований, выделения признаков и аналогии¹. Эти методы могут быть положены в основу системного анализа материалов уголовного дела с целью выявления и устранения допущенных недостатков в тактике расследования.

Применение метода выделения признаков предполагает возможность ознакомления с различными видами ошибок, установление принадлежности допущенной ошибки к той или иной известной науке форме, формулировку конкретных задач по ее устранению.

Использование метода аналогии позволит установить сходство между имеющейся ошибкой и ошибкой, мероприятия по устранению которой известны, что является составной частью применения метода аналогии.

В случае, если существуют сложности, связанные с решением задачи по выявлению и устранению тактической ошибки, может быть использован метод преобразований - задача по устранению тактической ошибки преобразуется в другую более известную и простую задачу, решение которой облегчает решение исходной.

Работа по выявлению тактических ошибок может быть осуществлена как самим следователем, так и начальником следственного отдела или другими более опытными следователями, прокурором. Приветствуется совместное изучение материалов уголовного дела.

Наиболее важным представляется анализ таких материалов расследования, как

¹ См.: Белкин Р. С. Курс криминалистики. В 3 т. Т. 3. - М., 1997. - С. 177-178.

- общий план расследования по делу;
- постановления о производстве и протоколы следственных действий;
- иные процессуальные документы, отражающие решения следователя, имеющие тактический характер.

В процессе изучения плана расследования по делу следует обращать внимание на:

- соблюдение криминалистических рекомендаций по планированию расследования;
- полноту выдвижения версий и их обоснованность;
- соответствие запланированных следственных действий и иных мероприятий выдвинутым версиям;
- отражение в плане всех следственных действий и иных мероприятий, необходимых для полной и качественной проверки каждой версии;
- четкое указание в плане исполнителей запланированных действий и срока, отведенного на исполнение;
- своевременность производства запланированных действий.

Проведенное эмпирическое исследование материалов приостановленных уголовных дел показало, что общие планы расследования по нераскрытым преступлениям часто содержат версии самого общего характера. Запланированные мероприятия носят шаблонный характер. Исполнители и сроки не указываются или указываются неконкретно. Все это можно охарактеризовать не иначе как тактические ошибки.

В случае выявления недостатков в выдвижении версий и планировании расследования они должны быть немедленно устранены, а пробелы в расследовании восполнены.

Анализ материалов следственных действий, произведенных в процессе расследования, с целью выявления и устранения тактических ошибок, на наш взгляд, следует осуществлять по этапам их проведения: подготовительному, рабочему и заключительному (этапу фиксации).

Качественность подготовки к проведению следственного действия может определяться по следующим критериям:

- временному;
- субъектному;
- организационному.

Временной критерий указывает на своевременность проведения следственного действия.

По субъектному критерию оценивается состав следственно-оперативной группы, выезжавшей на производство осмотра места происшествия, в особенности участие в ее работе необходимых специалистов.

Анализируя произведенное следственное действие с позиций его организации, необходимо обращать внимание, прежде всего, на плановость его производства, обеспеченность участников следственного действия необходимыми научно-техническими средствами. Ту информацию, которую невозможно извлечь из протокола следственного действия, целесообразно получить у лица, производившего данный осмотр или участвовавшего в нем.

Рабочий этап производства следственного действия анализируется с позиций его полноты и системности. При этом особое внимание следует уделять соблюдению тактических рекомендаций по проведению различных групп следственных действий.

В частности, анализируя следственные действия, направленные на получение показаний об обстоятельствах расследуемого события (допрос свидетеля, потерпевшего, подозреваемого, обвиняемого, эксперта, очная ставка), могут быть выявлены тактические ошибки:

- связанные с правильным определением предмета и последовательности допроса;
- заключающиеся в неиспользовании либо неумелом использовании следователем в процессе следственного действия доказательств, имеющихся по делу;
- представляющие собой случаи исследования важных обстоятельств по делу лишь под углом зрения одной версии;
- выражающиеся в недостаточном использовании в ходе допроса дополнительных средств фиксации показаний;
- состоящие в отказе от допроса участника расследования (в том числе дополнительного или повторного), необходимость проведения которого обусловлена следственной ситуацией, либо от проведения очной ставки между участниками расследования, в показаниях которых имеются существенные противоречия.

В процессе изучения материалов производства следственных действий, направленных на обнаружение, фиксацию, изъятие и исследование материальных следов преступления (осмотр, освидетельствование, обыск, выемка, задержание, следственный эксперимент, получение образцов для сравнительного исследования, назначение экспертизы), могут быть выявлены ошибки, связанные с

- неправильным определением границ и направлений следственного действия;

- неправильным выбором способа следственного действия;
- неполнотой, поверхностным исследованием обстановки проведения следственного действия или отдельных следов, вещественных доказательств (в частности, могут быть не выявлены различные вещественные доказательства, негативные обстоятельства, тайники и пр.);
- несоответствием условий эксперимента воспроизводимому событию, низким качеством опытных действий, несоблюдением требования о многократном проведении опытов;
- недостаточным использованием технических средств фиксации доказательственной информации;
- отказом от привлечения к участию в производстве следственного действия необходимых специалистов;
- отказом от назначения необходимых экспертиз, привлечением к производству экспертиз недостаточно компетентных лиц, постановкой вопросов перед экспертом, получением и направлением на экспертизу образцов для сравнительного исследования;
- отказом от производства дополнительного или повторного следственного действия;
- недостаточным использованием доказательственной информации, полученной при производстве следственного действия, в процессе дальнейшего расследования по делу.

В процессе анализа протоколов следственных действий, направленных на получение доказательственной информации комплексного характера, отражаемой как в показаниях различных лиц, так и исследованиях материальных следов преступления (предъявление для опознания, проверка и уточнение показаний на месте), ошибки могут быть связаны с:

- предоставлением опознающему лицу возможности визуального или иного восприятия опознаваемого лица или иного объекта до производства следственного действия;
- неправильным подбором лиц (статистов) или объектов, предъявляемых для опознания;
- одновременным предъявлением для опознания нескольких лиц или иных объектов, причастных к совершению преступления;
- поверхностным выяснением в процессе предъявления для опознания признаков, по которым опознающий узнал определенное лицо или объект, а также обстоятельств, при которых опознающий ранее воспринимал их, носило поверхностный характер;
- непринятием мер по предупреждению воздействия на опознающего со стороны преступника или третьих лиц;

- производством проверки и уточнения показаний на месте без достаточных оснований;
- ограничением самостоятельности лица, чьи показания проверяются, в процессе следственного действия;
- недостаточным использованием средств фиксации следственных действий;
- отказом от проведения необходимых следственных действий.

Анализируя заключительный этап производства следственного действия, особое внимание следует обращать на полноту и качество протоколирования, изъятия доказательственной информации, применения технических средств для фиксации результатов следственного действия, составления дополнительных документов (планов, схем, рисунков, фототаблиц).

Системный анализ результатов проведенного следственного действия позволит лицу, производящему расследование, принять решение по устранению допущенных ошибок. В частности, если к производству следственного действия не были привлечены необходимые специалисты, необходимо провести его повторно с их участием. Если вещественное доказательство было осмотрено поверхностно либо в протоколе не была отражена вся необходимая информация о нем, можно поставить на разрешение судебной экспертизы вопросы, восполняющие информационный пробел.

В процессе анализа иных материалов дела также могут быть выявлены и устранены тактические ошибки, допущенные при взаимодействии следователя с органами дознания (например, неконкретность поручений о проведении оперативно-розыскных мероприятий), использовании помощи общественности в процессе расследования (например, неумелое использование помощи СМИ, приведшее к разглашению сведений о ходе расследования и его участниках), в ходе розыскной работы по делу (например, недостаточное использование криминалистических и оперативно-справочных учетов).

Для более системного анализа материалов дела на предмет выявления тактических ошибок, допущенных в ходе расследования, могут быть разработаны специальные анкеты.

При анализе материалов уголовного дела особо следует отмечать факты несоблюдения криминалистических рекомендаций в ходе расследования преступления. Их выявление требует обязательного принятия к лицу, производившему расследование, мер по профилактике подобных нарушений в будущем и повышения профессиональной грамотности сотрудника.

Тактическая комбинация
«Осмотр средств компьютерной техники»

Последовательность проведения	Тактические приемы
1	обеспечить участие в производстве осмотра специалистов в области компьютерной техники и технологий
2	обеспечить участие понятых, обладающих познаниями в области компьютерной техники и технологий
3	подготовить необходимые компьютерные и иные технические средства, расходные материалы, необходимые для проведения этого следственного действия
4	определить технические характеристики ЭВМ, характер находящегося на ней программного обеспечения, возможное местонахождение интересующей следствие компьютерной информации, возможно, примененные способы ее защиты, установить пароли и коды доступа к компьютеру
5	<i>обеспечить</i> информационную безопасность следственного действия (исключить утечку информации о ходе следственного действия, обнаруженных следах, характера похищенной информации и пр.)
6	в ходе осмотра исключить доступ кого-либо из присутствующих лиц, кроме специалиста в области компьютерной техники и технологий к осматриваемому компьютерному оборудованию (включать или ~~выключать, совершать любые иные манипуляции~~)
7	внимательно изучить осматриваемую ЭВМ, определить, имеются ли устройства защиты информации, характер дополнительного оборудования, которое ранее было подключено к компьютеру (сканеры, принтеры, модемы, стримеры и пр.), была ли ЭВМ ранее включена в локальную компьютерную сеть
8	определить характер программ, работающих на ЭВМ после ее включения. Если оказывается запущенной программа по уничтожению компьютерной информации, ее работу немедленно прервать
9	изучить характер находящегося на компьютере программного обеспечения, исследовать файловую структуру и содержание отдельных файлов
10	если возможно скопировать обнаруженную компьютерную информацию на заранее подготовленные технические носители, распечатать обнаруженную информацию на бумагу
11	детально зафиксировать ход следственного действия путем фото-, видеосъемки отразить его в протоколе осмотра

Таблица 7

Тактическая комбинация
«Использование СМИ в расследовании преступления»

Последовательность проведения	Тактические приемы
1	Выбрать форму и вид СМИ с учетом охвата аудитория, тиража, направленности теле-, радиопрограммы или печатного издания, периодичности выхода, формы собственности и пр.
2	Подготовить материалы для распространения обращения к населению с просьбой оказать помощь в раскрытии преступления
3	Организовать прием ответной информации от населения (указание адресов, контактных телефонов, инструктаж сотрудников правоохранительных органов, к которым может поступить ответная информация, обеспечения технических возможностей приема информации)
4	Установить относимость полученной информации к расследуемому событию и запланировать мероприятия по ее проверке

Серия «Современная криминалистика»

А. Ю. Гловин

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКАЯ СИСТЕМАТИКА

Лицензия на издательскую деятельность
ИД № 04165 от 02 марта 2001 г.

Подписано в печать 18.09.2002 г. Формат 60х88/16.
Бумага офсетная. Гарнитура Garamond.
Тираж 1000 экз.
Заказ № 983

Издательство «ЛексЭст»
125047, г. Москва, а/я 17, тел. (095) 281-26-06.

ISBN 5-901638-16-6

9 785901 638163

Отпечатано в типографии АДИ «Бизнес-Карта»
129329, г. Москва, Игарский пр., 2
Тел.: 186-27-38